

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(122)

Выходит 4 раз в год. Год издания 20-й

Июль–декабрь 2016

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
Лев ГУДКОВ. Кризис понимания «реальности»	29
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Галина МОНУСОВА. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе	52
Лариса КОСОВА. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры	72
Екатерина СЛОБОДЕНЮК. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России	82
Ольга КАРАЕВА. Реформа здравоохранения в оценках врачей и пациентов: социологический анализ институциональных изменений 2012–2016 гг.	93
Анастасия НЕДЯЛКОВА. Социальное предпринимательство в современной России: как сочетать создание социальной пользы и обеспечение финансовой устойчивости?	109
Алексей ЛЕВИНСОН. Неформальные структуры в местах принудительного содержания	130
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ	
Денис ВОЛКОВ. Динамика антиамериканских настроений в постсоветской России и основные характеристики антиамериканизма на сегодняшний день	141
Карина ПИПИЯ. Эхо европейского миграционного кризиса: «чужие» беженцы и «свои» мигранты в представлениях россиян в 2015–2016 гг.	160
Евгения ЛЁЗИНА. Украинская люстрация два года спустя	170
Леонид АШКИНАЗИ, Татьяна КУЛЕШОВА. Ценность жизни: как это измерять	181
Вадим КВАЧЕВ, Заур КОКОЕВ, Камила ГРАЧЕВА, Иван ДИВИЛЬКОВСКИЙ. Московское протестное движение 2015–2016 гг.: социологическое исследование	190
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	
Карина ПИПИЯ. Национальная гордость и ксенофобские предубеждения. Интервью с Александром Верховским	199
Авторы номера	207
ИНФОРМАЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ	208
SUMMARY	232
Список статей, опубликованных в журнале в 2016 г.	238

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
О.Н. Крендясова
Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(122)

Quarterly

July–December 2016

Analytic Centre

Yury Levada

(Levada-Centre)

The Interdisciplinary

Academic Centre for

Social Sciences

(InterCentre)

Members of
the Editorial Council

Abel Aganbegian

Anatoly Vishnevsky

Leokadia Drobizheva

Teodor Shanin

Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov

(Editor-in-Chief)

Alexei Grazhdankin

Ludmila Khakhulina

(Deputy Editor-in-Chief)

Marina Krasilnikova

Natalia Zorkaya

(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3

GENERAL PROBLEMS OF PUBLIC OPINION RESEARCH IN RUSSIA

A Crisis of Understanding “Reality” (by Lev Gudkov) 29

SOCIAL PROCESSES IN RUSSIA

Objective and Subjective Social Mobility Across Countries
(by Galina Monusova) 52

What Kind of Society We Live in? Analysis of Factors Determining
Mass Choice in Case of Social Structures Perception
(by Larisa Kosova) 72

Factors of Absolute and Subjective Poverty in Modern Russia
(by Ekaterina Slobodenyk) 82

Healthcare Reform in the Assessments of Doctors and Patients:
the Sociological Analysis of Institutional Changes of 2012–2016
(by Olga Karaeva) 93

Social Entrepreneurship in Russia: How Is It Possible to Combine
the Creation of Social Value and Ensuring of Financial Stability
(by Anastasia Nedyalkova) 109

Informal Structures in Russian Places of Detention
(by Alexey Levinson) 130

PUBLIC OPINION, POLITICS AND IDEOLOGY

The Dynamic of anti-American Sentiment in Post-Soviet Russia
and the Main Characteristics of Current anti-Americanism
(by Denis Volkov) 141

The Echo of the European Migrant Crisis: «Foreign» Refugees
and «Own» Migrants in the Public Opinion Perception in the Period
of 2015 – 2016 (by Karina Pipiia) 160

The Ukrainian Lustration Two Years After (by Jane Lezina) 170

The Value of Life: How To Measure (by Leonid Ashkinazi,
Tatyana Kuleshova) 181

Moscow Protest Movement of 2015–2016: A Sociological Survey
(by Vadim Kvachev, Zaur Kokoev, Kamila Gracheva, Ivan Divilkovsky) 190

FIRST PERSON

National Pride and Xenophobic Prejudice. An Interview
with Alexander Verkhovsky (by Karina Pipiia) 199

Authors of the issue 207

INFORMATION: SURVEYS FINDINGS 208

SUMMARY 232

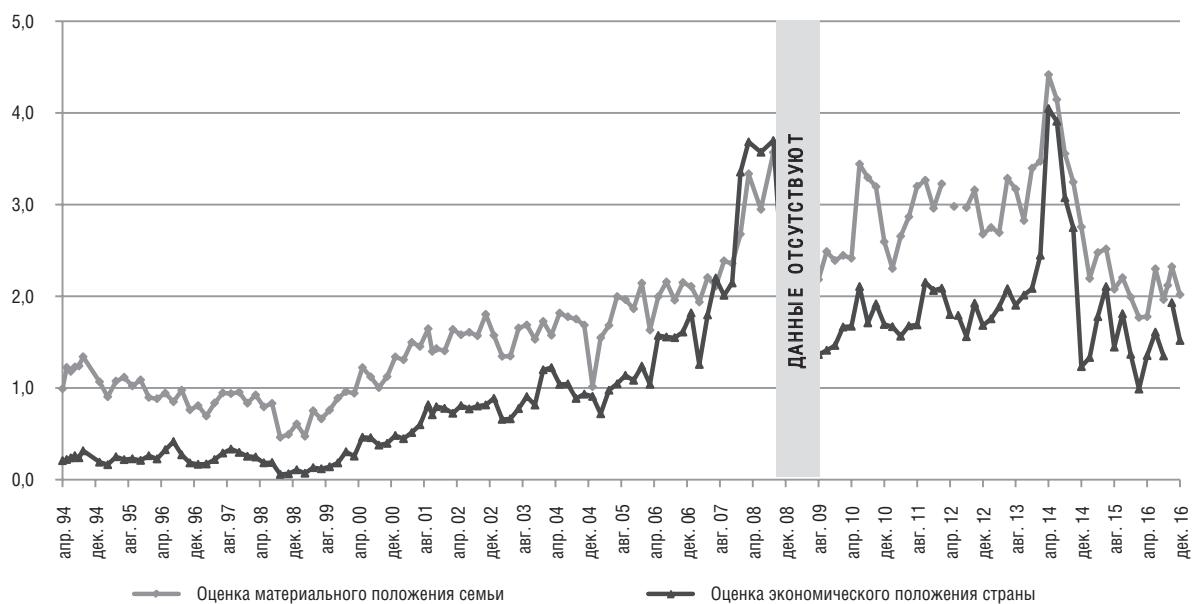
LIST OF PUBLICATIONS. 2016 238

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?»

«Как бы Вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок – «хорошее» и «среднее» к отрицательным – «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

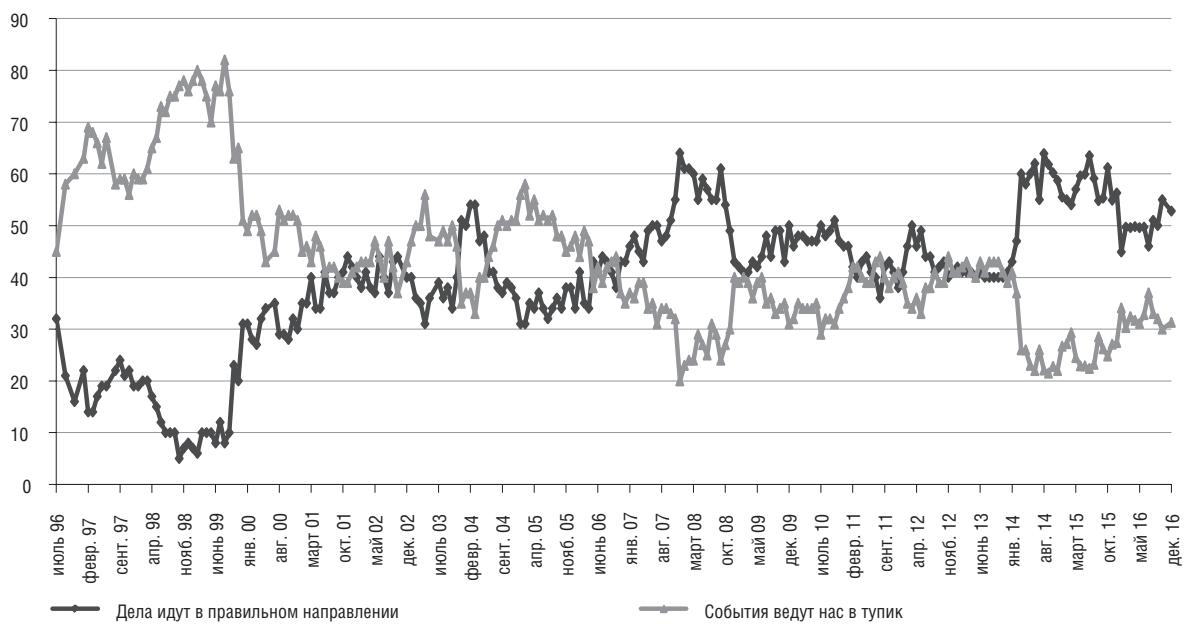

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

После присоединения Крыма к России в марте 2014 года показатели резко поднялись, достигнув к июню максимума за весь период наблюдений (1994–2014 гг.), однако уже в августе начали снижаться, переходя в стремительное падение в ноябре и декабре. В первом квартале 2016 года оценки экономического положения семьи и страны в целом стабилизировались на уровне 2000-х годов (до кризиса 2008 г.).

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

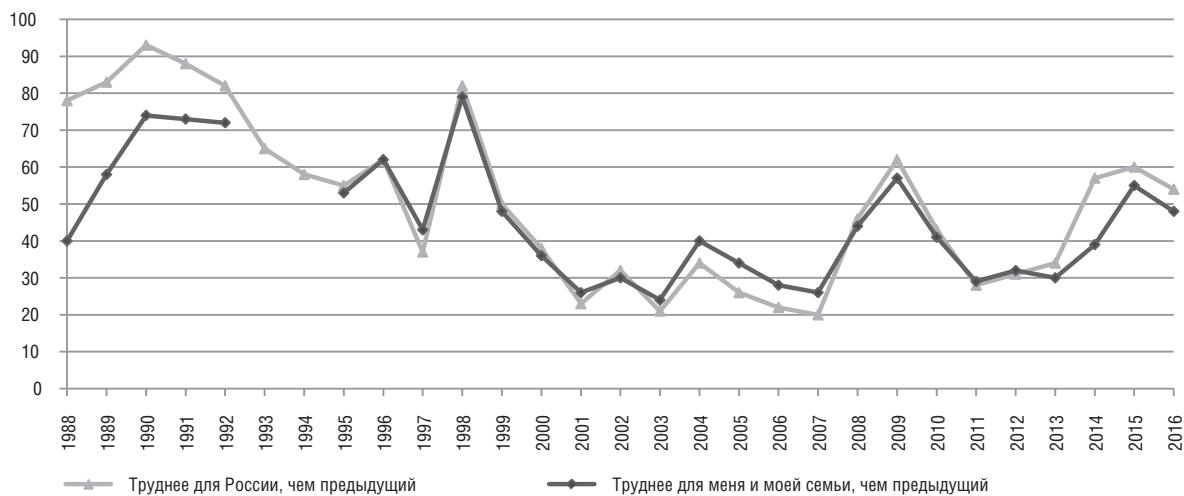

N=1600

После возвращения В. Путина на пост президента и стерилизации политического пространства общественное мнение в России утратило определенность представлений о характере развития страны. С началом событий на Украине, присоединения Крыма к России и развертывания пропагандистской антиукраинской и антизападной кампании в СМИ доля одобряющих «дела в стране» быстро возросла до уровня предкризисного лета 2008 года (момента, когда экономическое благосостояние и перспективы казались радужными, а война с Грузией обеспечила патриотическую мобилизацию и поддержку политики В. Путина). Критические настроения резко ослабли. Весь период мобилизации 2014–2015 гг. позитивные оценки («правильный курс развития страны») держались с некоторыми колебаниями на отметке 60%. Но к концу 2015 г., когда экономический кризис стал ощущаться особенно остро, стало заметным снижение коллективной эйфории. В 2016 году оценки стабилизировались, несмотря на общее снижение доходов населения, что можно рассматривать как определенную адаптацию к кризису.

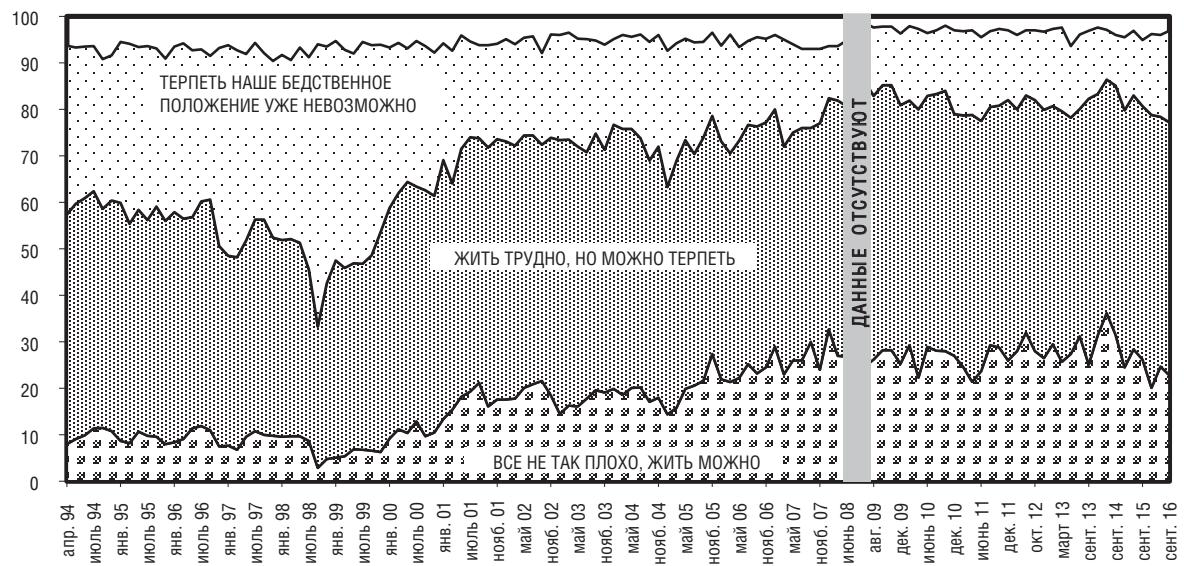
Б. Оценки уходящего года для страны и семьи

«2016 год подходит к концу. Каким он оказался для России по сравнению с предыдущим, 2015 годом: труднее, легче или таким же, как предыдущий?»; «Каким 2016 год оказался для Вас, для Вашей семьи по сравнению с предыдущим, 2015 годом: труднее, легче или таким же, как предыдущий?». (На графике приводится только одна из позиций)

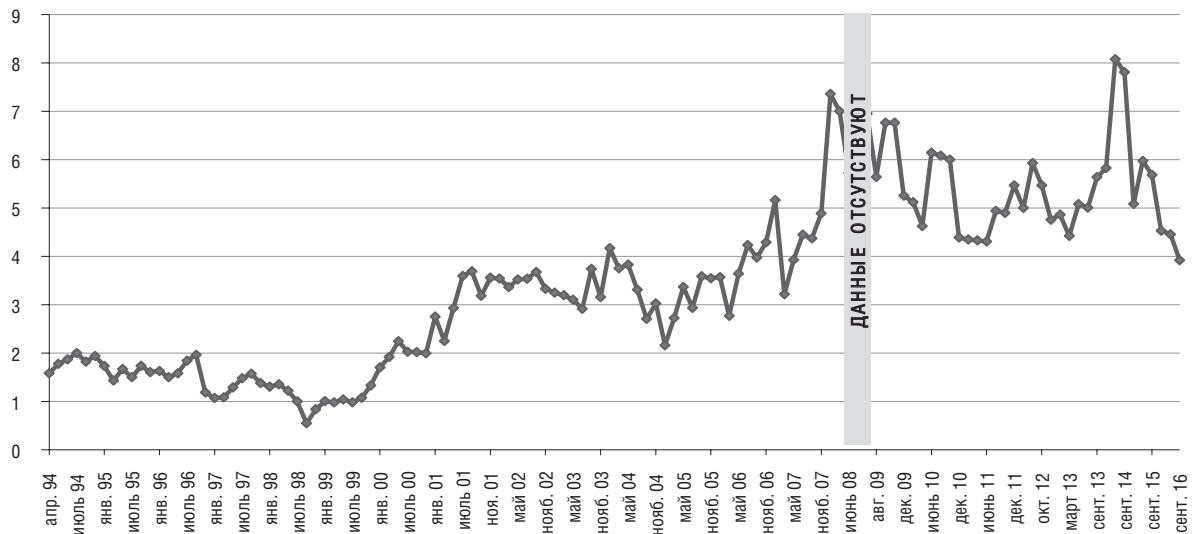
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «живь можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» [затруднившиеся с ответом не учитываются]

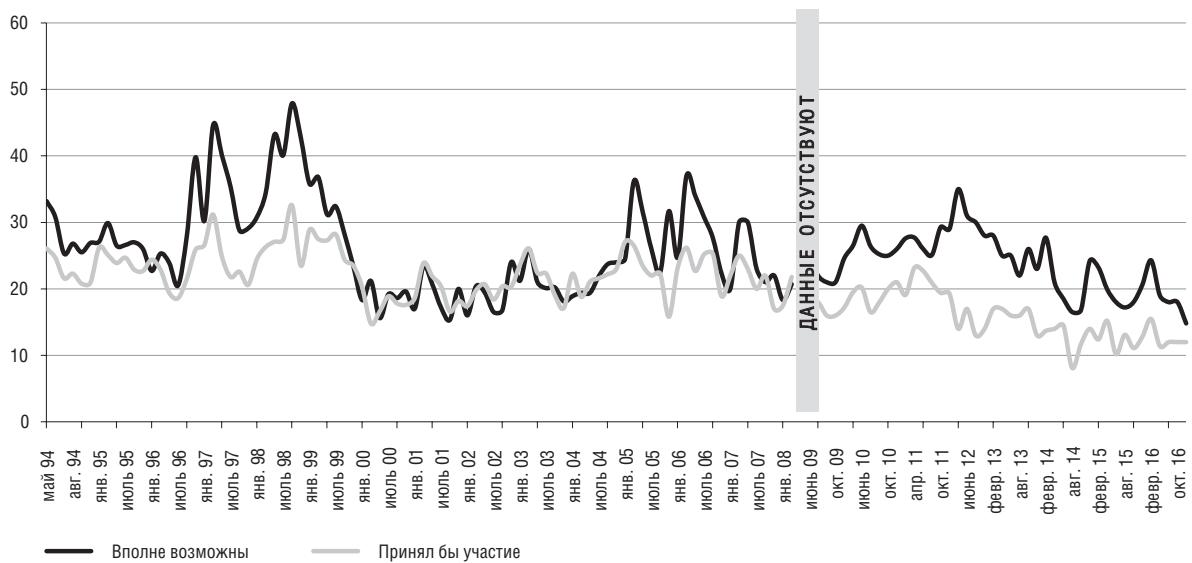

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

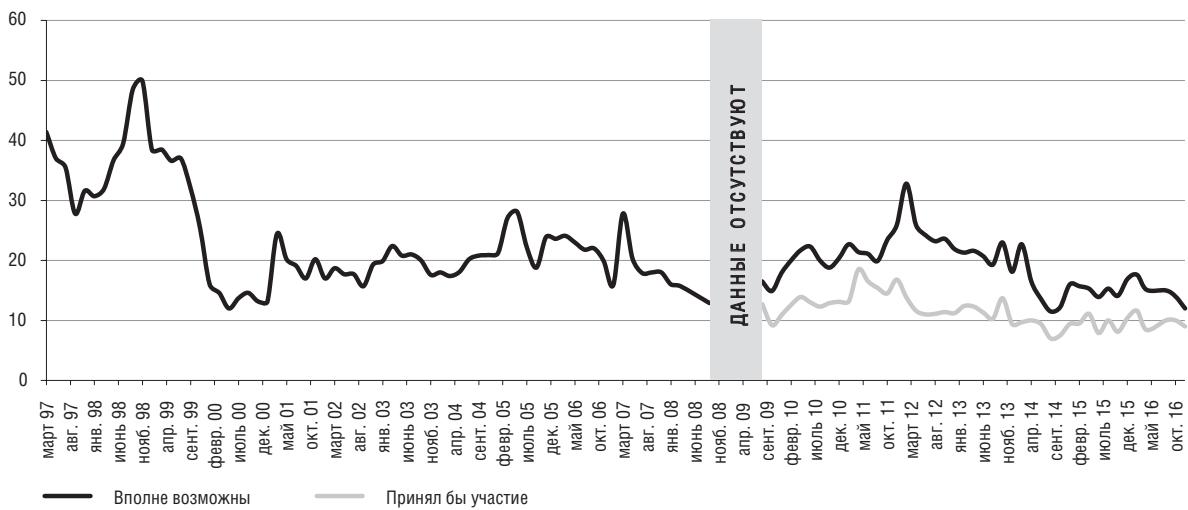

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

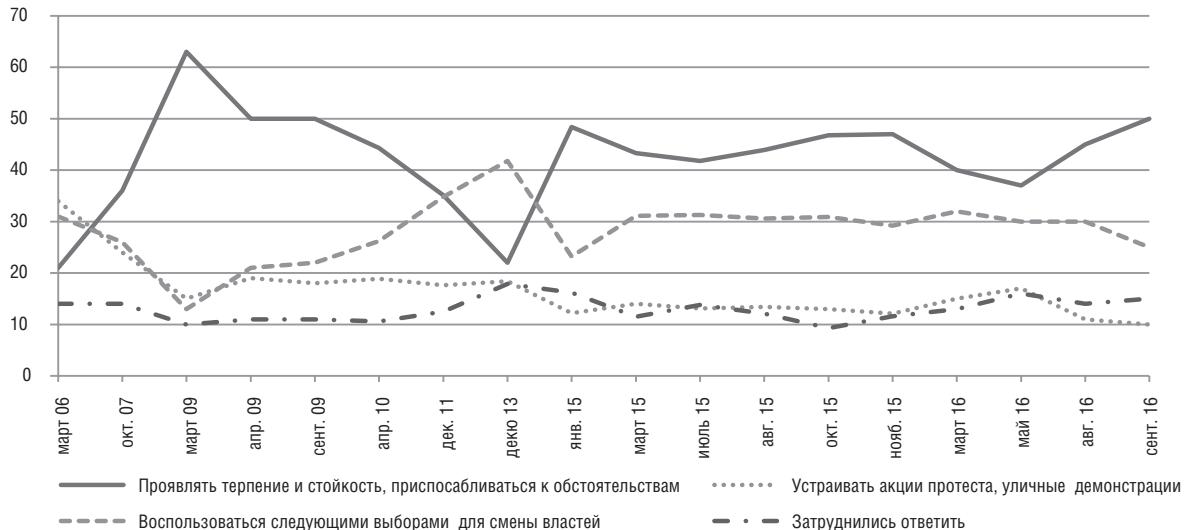
«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе/сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?*; «Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

В 1997–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Оценки вероятности социальных протестов и показатели готовности участия в них после президентских выборов 2012 г. пошли на спад. Наступление экономического кризиса оказывает сдерживающее воздействие на протестные настроения и выражения массового недовольства, как это бывает в первой фазе кризиса. Но добавка «терпения», полученная на волне массового энтузиазма и патриотической гордости после присоединения Крыма, близка к исчерпанию (рис. 3Б). Снижение показателей экономического оптимизма сопровождается – с некоторым запозданием – снижением «запаса прочности». Население после длительного периода «потребительского бума» и паники в ноябре–декабре 2015 года возвращается к прежним моделям «пассивной адаптации», к установке на необходимость «терпения». Хроническое массовое недовольство тем, что происходит в экономике и общественной жизни, сопровождается отказом от действий, направленных на изменения социально-политической системы.

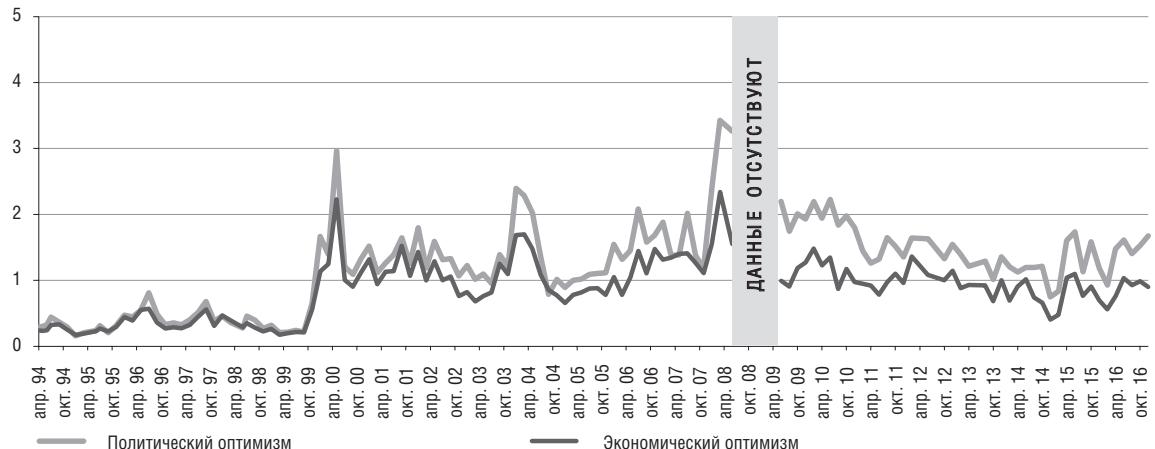
В. «Как, по Вашему мнению, следует относиться к проблемам, с которыми люди сталкиваются в современной России?» (в % от числа опрошенных)

5. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

(отношение положительных оценок – «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным – «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

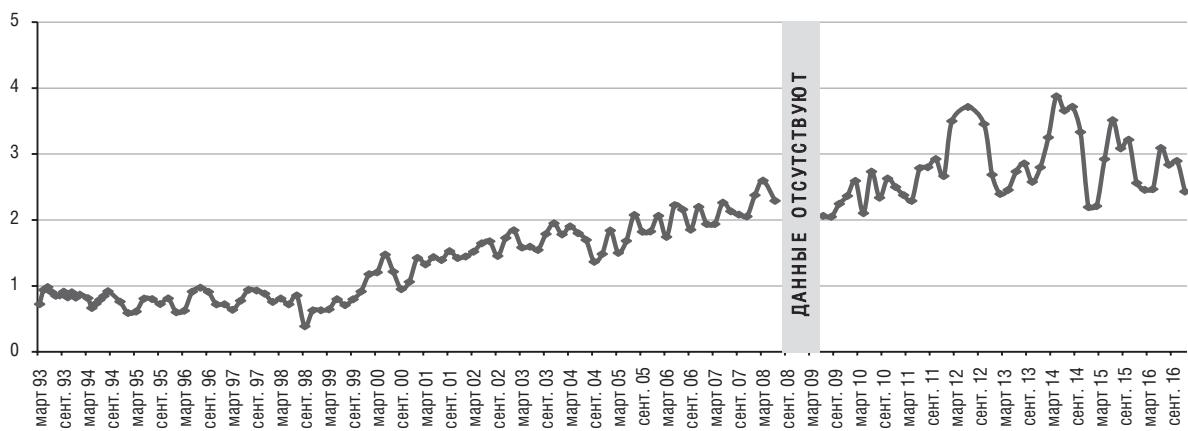

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

К концу 2016 года наметились слабые признаки расхождения политических установок и экономических ожиданий.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

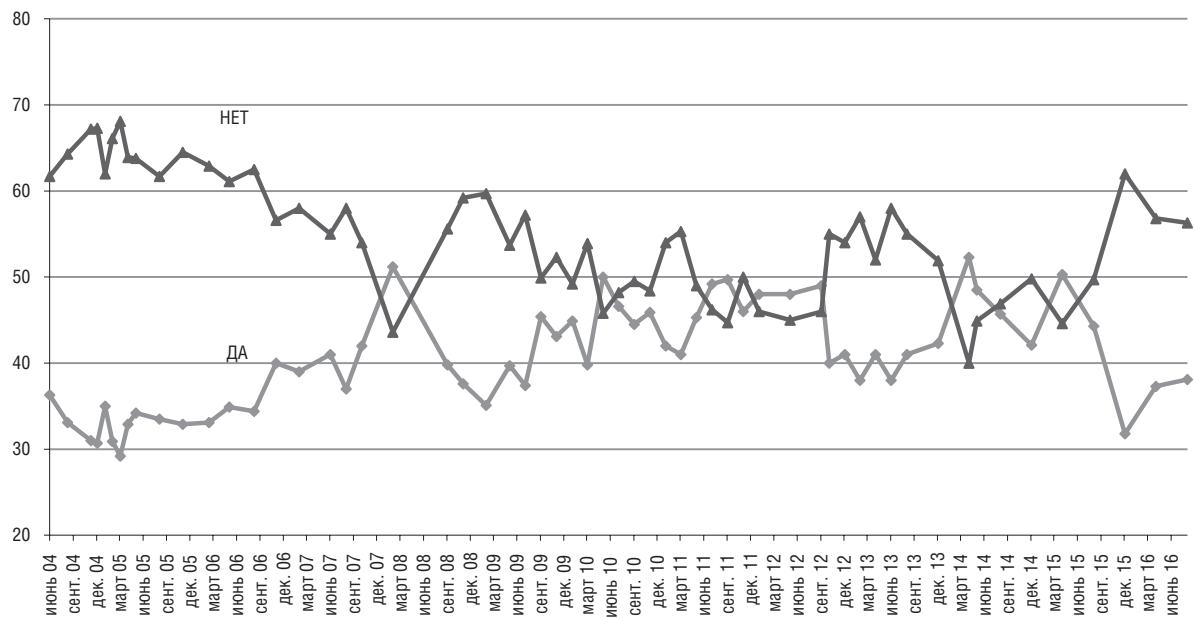

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Массовые протесты, реакция руководства России на украинские события, действие агрессивной пропаганды, санкции, инфляция, обвал рубля и ожидание экономического кризиса в условиях мобилизации и возбужденного состояния общества сопровождались ростом неопределенности будущего, общей неуверенностью и тревогой, резкой сменой настроений и быстрым переходом от переживания коллективной гордости и силы к страху перед большой войной. Сама по себе эта неопределенность положения вещей ведет к переносу ответственности «за себя» на национального «лидера» и сохранению доверия президенту (табл. 9).

7. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

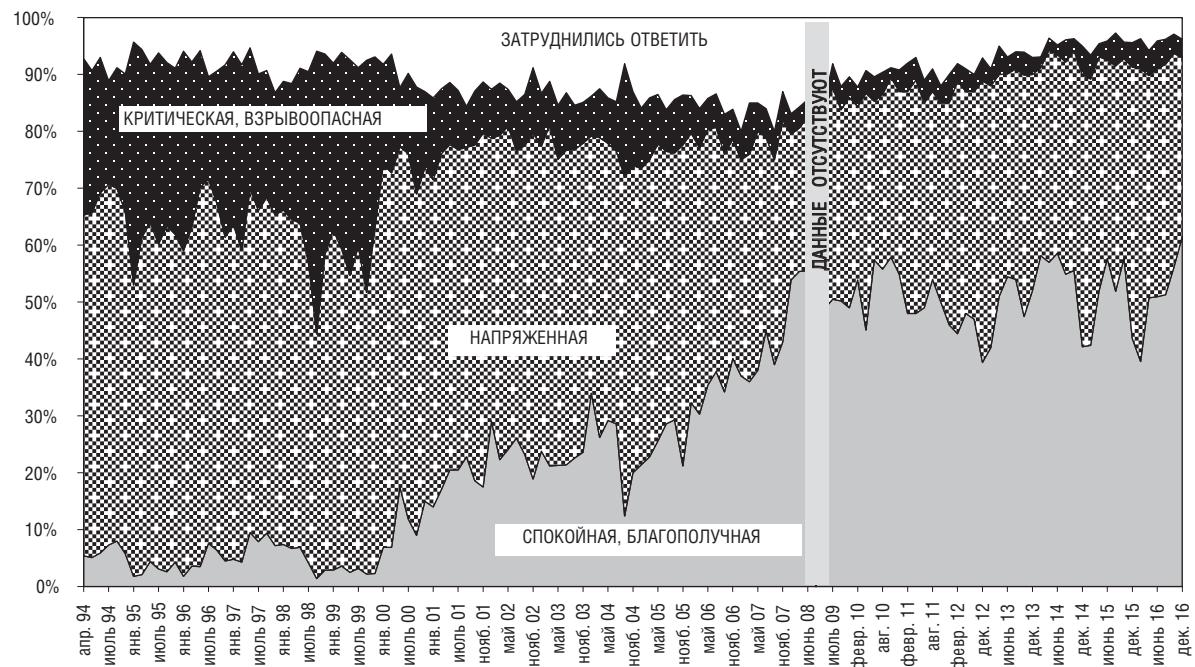
Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

N=1600

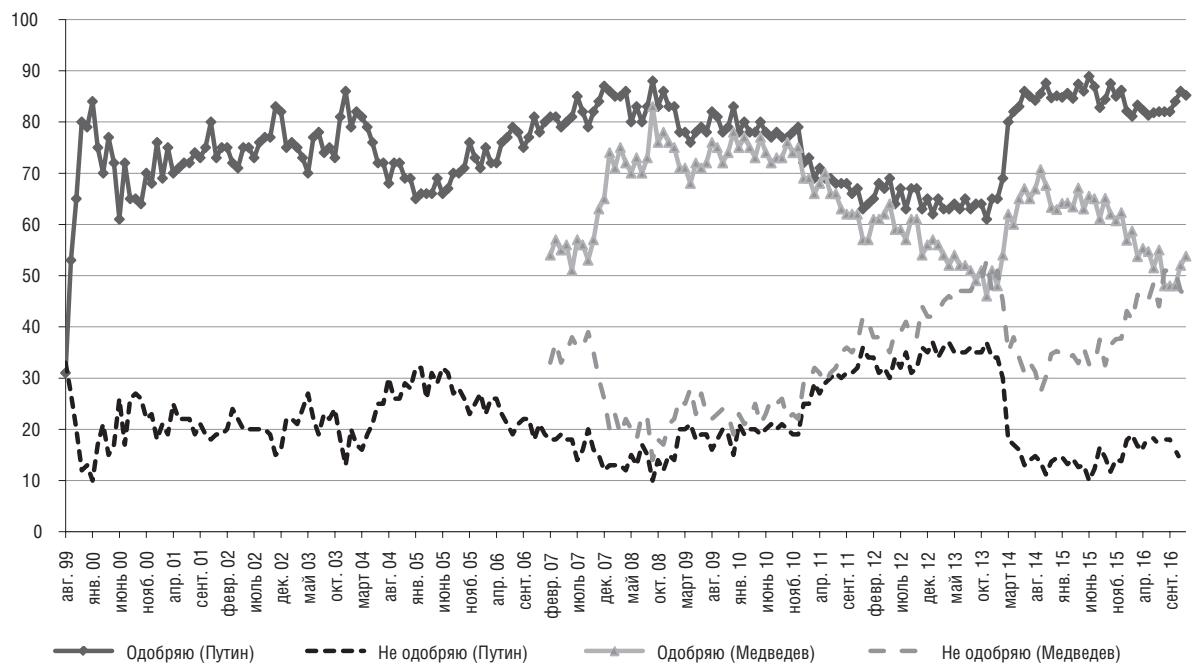
8. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

9. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ «Одобряете ли Вы деятельность Владимира Путина?»; «Одобряете ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

N=1600.

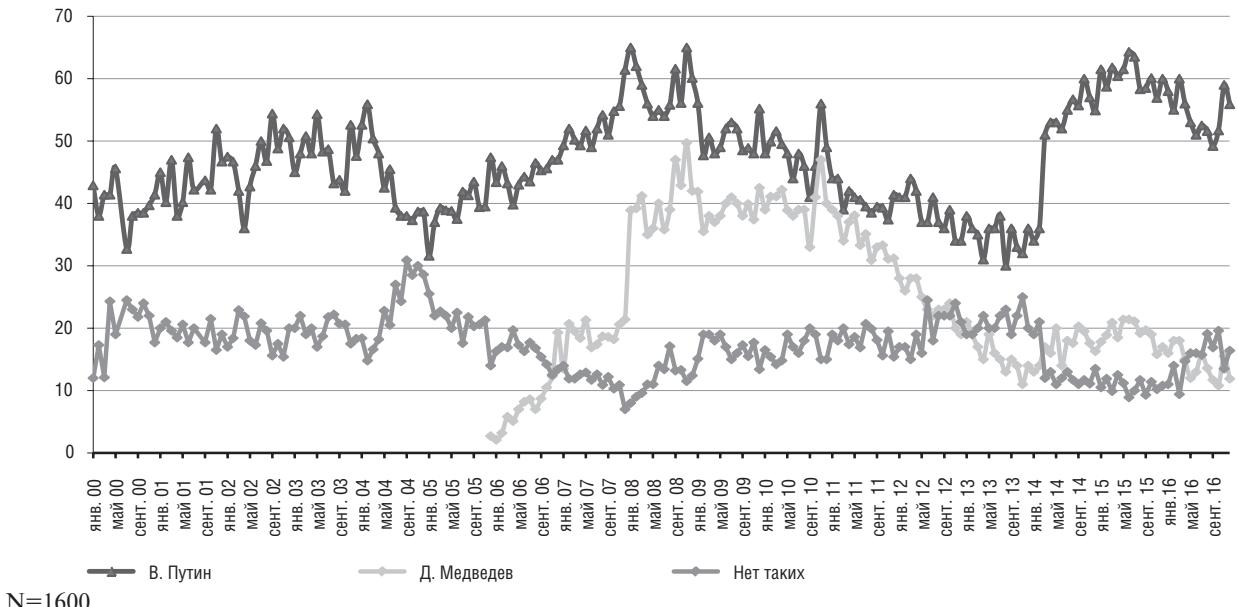
10. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

**А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете
(в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политиков, собравших от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса)**

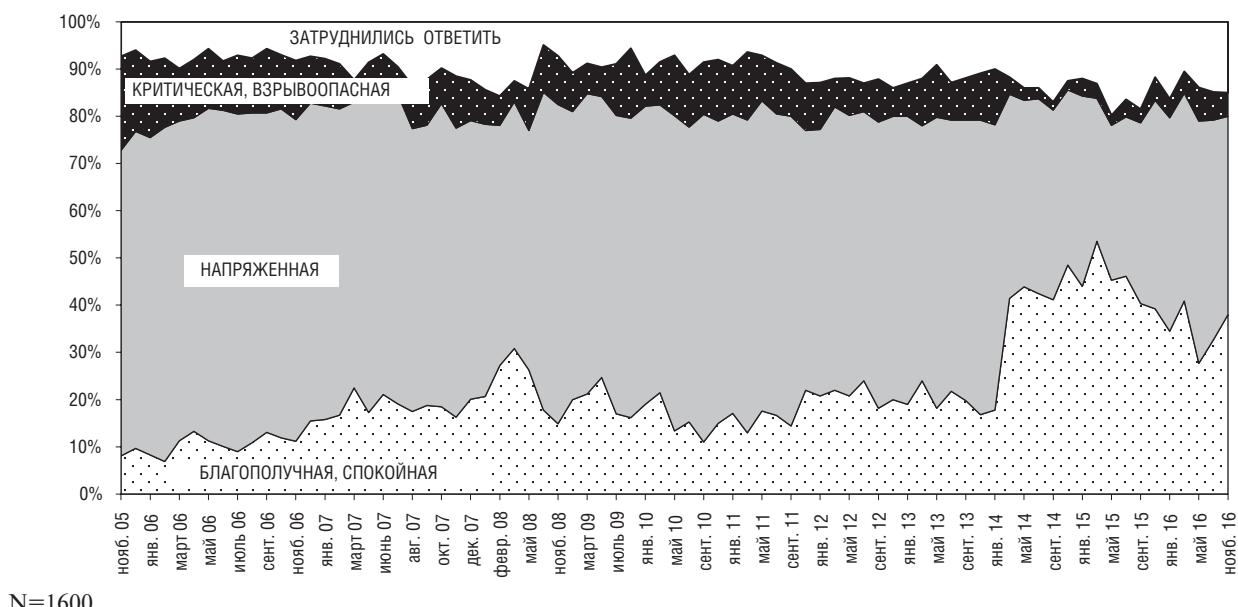
Вариант ответа	2009												2016												
	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII						
Железняк Сергей	-	-	-	-	-	-	-	2	1	3	1	2	2	2	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	
Жириновский Владимир	11	10	14	10	9	11	14	11	12	12	12	12	12	13	15	12	14	12	16	13					
Захарова Мария Зюганов Геннадий	-	-	-	-	-	-	-	1	1	3	2	1	2	1	1	1	3	3	3	3					
Иванов Сергей Кадыров Рамзан	6	6	3	2	1	2	4	4	3	5	3	2	3	2	2	1	2	2	1	2	2	2	2	2	
Кудрин Алексей Лавров Сергей	3	3	2	3	3	2	2	3	2	2	2	1	2	1	3	1	2	3	2						
Лукашенко Александр Матвиенко Валентина	4	2	2	1	2	4	4	3	3	4	3	4	2	3	2	2	2	3	2	2	2	3	3	3	
Медведев Дмитрий Миронов Сергей	6	3	8	3	4	5	6	5	4	4	4	3	4	4	4	3	3	4	4	3	3	4	3	3	
Нарышкин Сергей Патриарх Кирилл Песков Дмитрий	-	-	-	-	-	-	2	1	1	2	2	1	2	1	1	1	2	2	1	1	1	2	3	5	4
Прохоров Михаил Путин Владимир	-	-	-	1	5	5	2	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Рогозин Дмитрий Собянин Сергей	2	2	1	1	2	2	3	3	4	3	3	2	1	1	1	2	1	2	2	2	2	2	2	2	2
Тулеев Аман Хакамада Ирина	4	4	5	2	4	2	2	3	4	3	2	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	2	1
Шойгу Сергей Нет таких	16	15	21	11	18	22	29	26	26	29	26	26	24	24	24	19	24	27	23						
Не интересуюсь политиками, политикой	15	16	21	18	18	13	13	26	14	9	10	16	16	19	17	20	14	16							
Затрудняюсь ответить	13	17	15	16	22	14	10	11	12	11	15	11	14	13	12	16	13	11	12						
	6	6	5	7	4	6	4	2	6	6	6	5	5	5	5	6	6	5							

N=1600, - вариант не был назван.

Б. Доверие к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса: «Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете»)

11. ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ Как Вы оценили бы сейчас обстановку на Северном Кавказе?

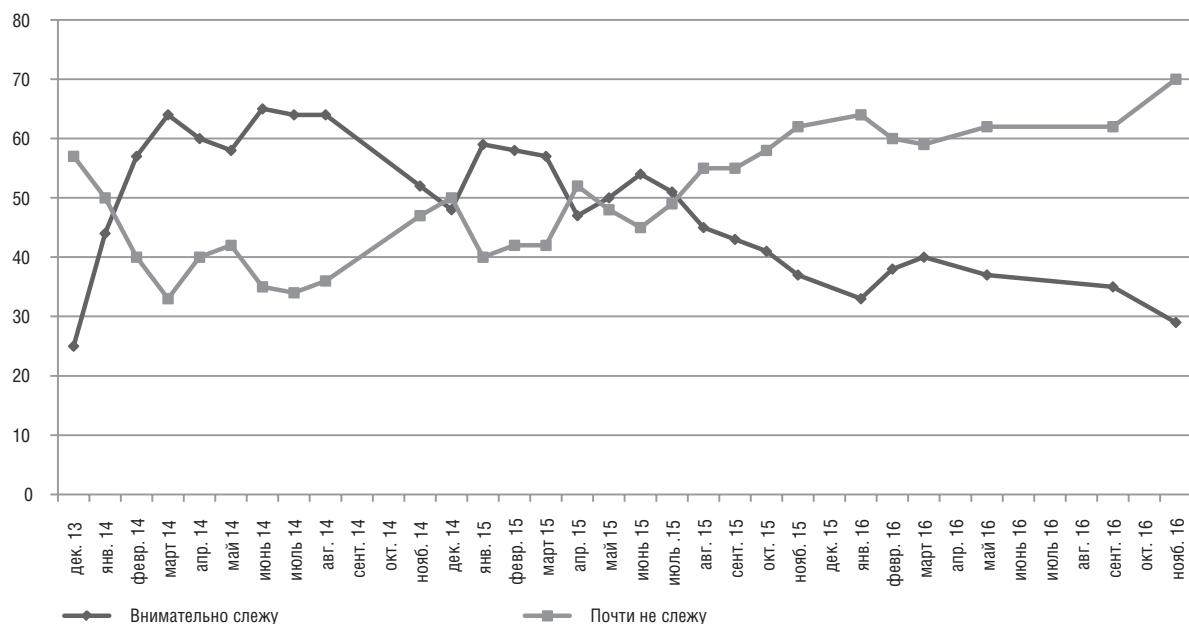

N=1600.

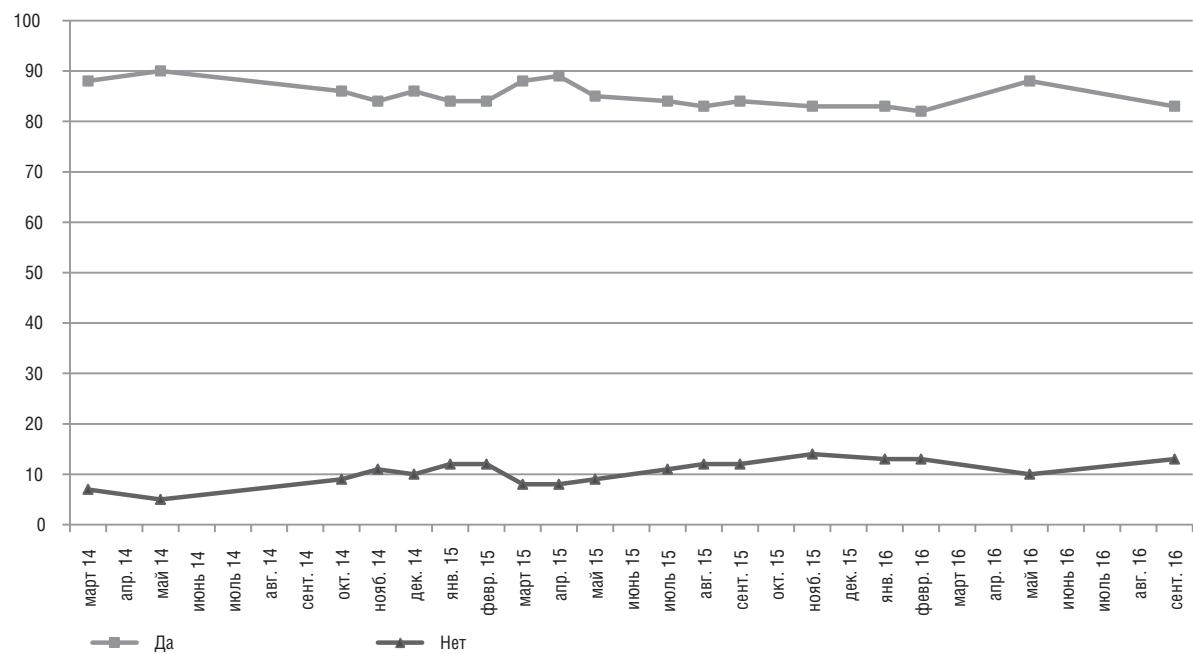
Общий рост поддержки власти и «социального оптимизма» сказался и на оценках положения дел на Северном Кавказе — с мая 2014 года опросы показывают высокую долю людей, считающих что на Северном Кавказе все сравнительно благополучно. Даже с учетом колебаний в 2016 гг. этот показатель все равно выше тех значений, которые фиксировались до присоединения Крыма и войны в Донбассе. Это обстоятельство указывает на переключение общественного мнения на другие проблемы, ослабление интереса к положению дел на Северном Кавказе и косвенную поддержку режима Кадырова, обеспечивающего «порядок» в Чечне.

12. РОССИЯ И УКРАИНА

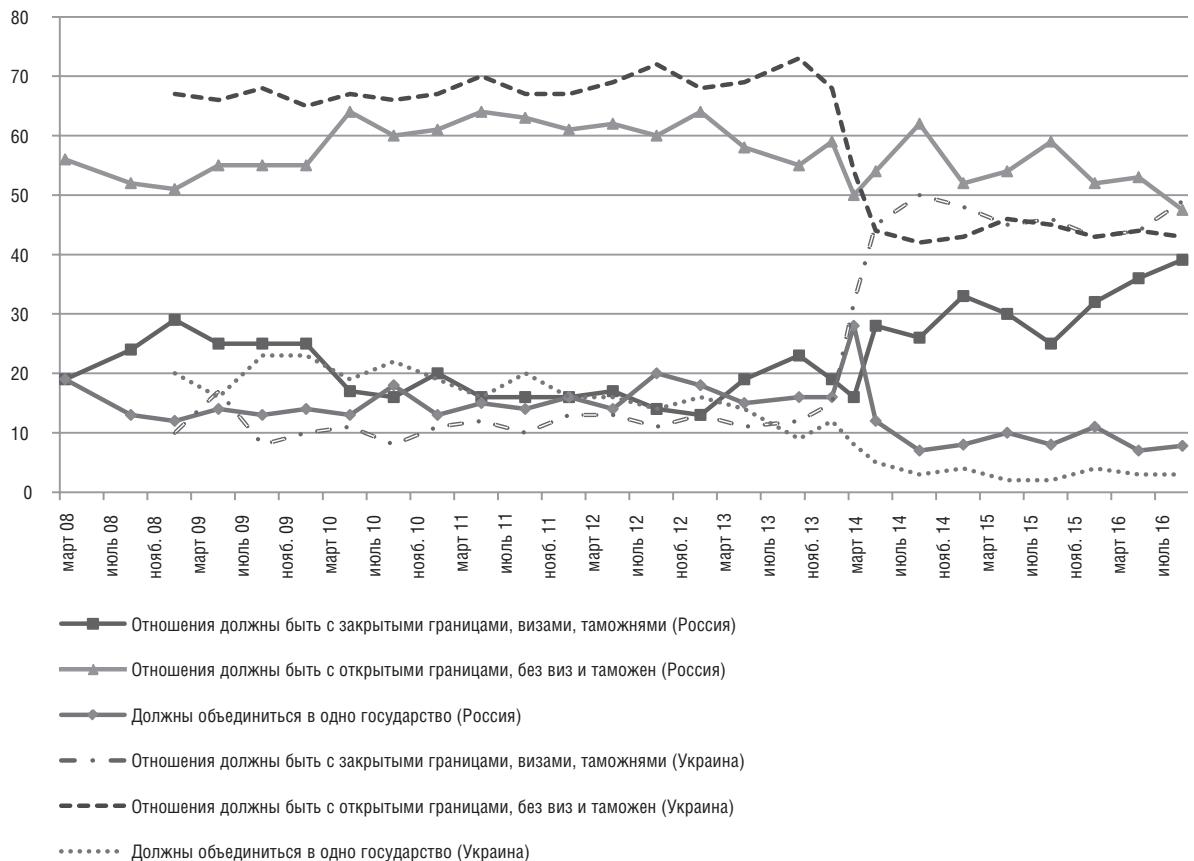
А. «Следите ли Вы за последними событиями в Украине?» Мнение россиян – данные Левада-Центра (отношение положительных оценок – «очень внимательно» и «довольно внимательно» к отрицательным – «без особого внимания» и «совершенно не слежу», затруднившиеся с ответом не учитывались)

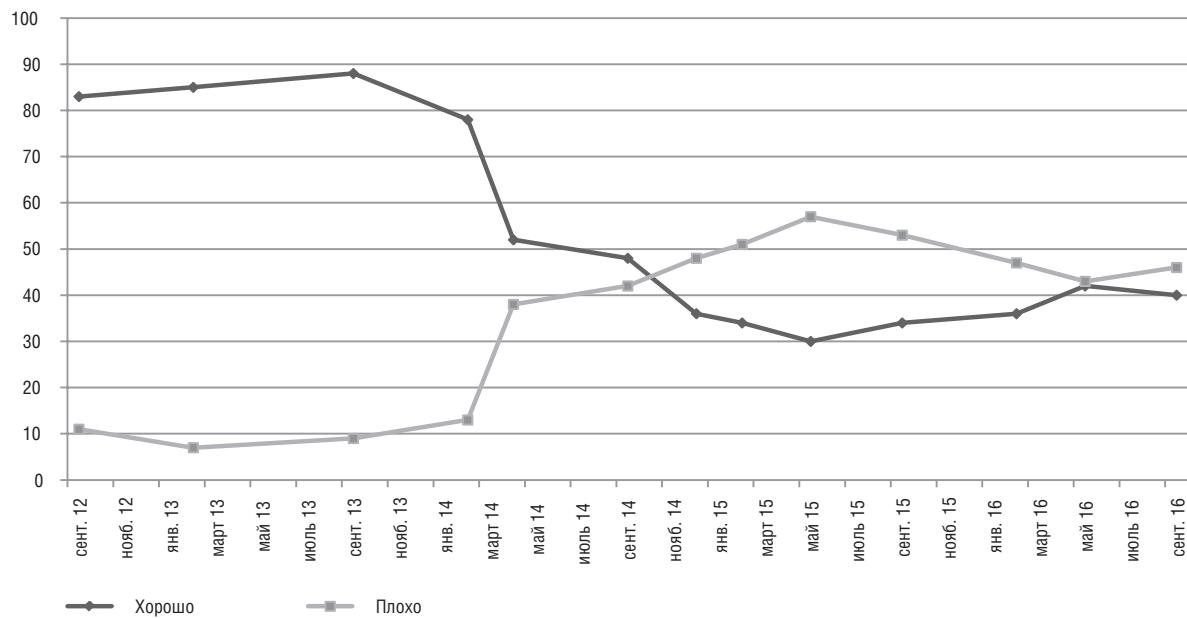
Б. «Поддерживаете ли Вы присоединение Крыма к России?» Мнение россиян – данные Левада-Центра (отношение положительных оценок – «определенко да» и «скорее да» к отрицательным – «скорее нет» и «определенко нет»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

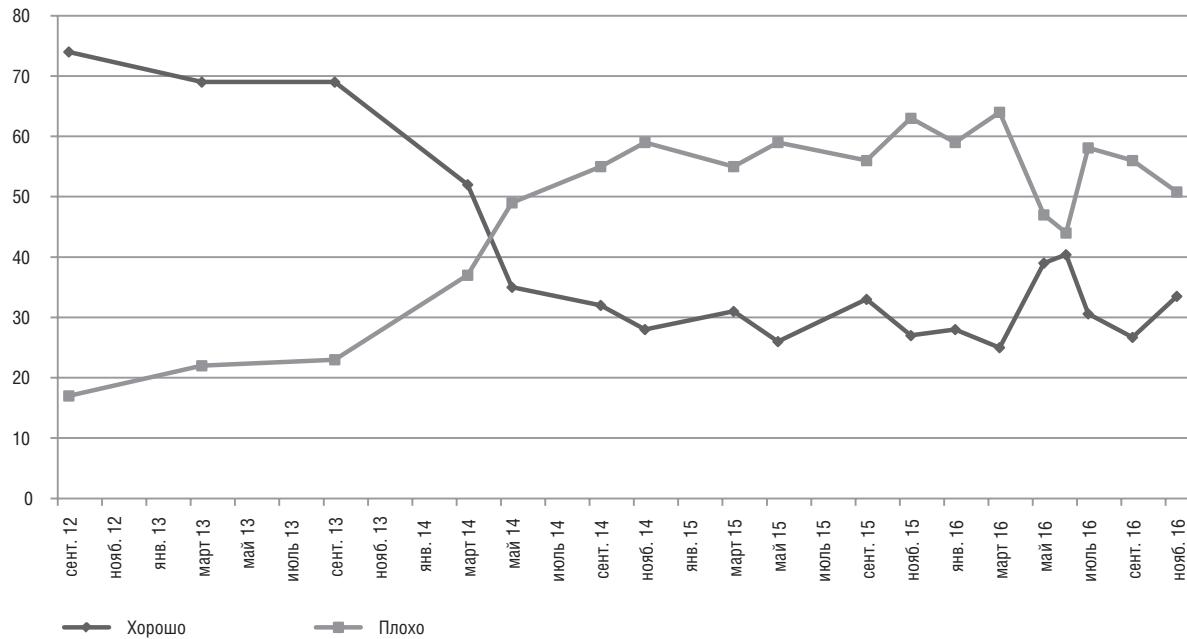
В. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной Вы бы скорее согласились?»

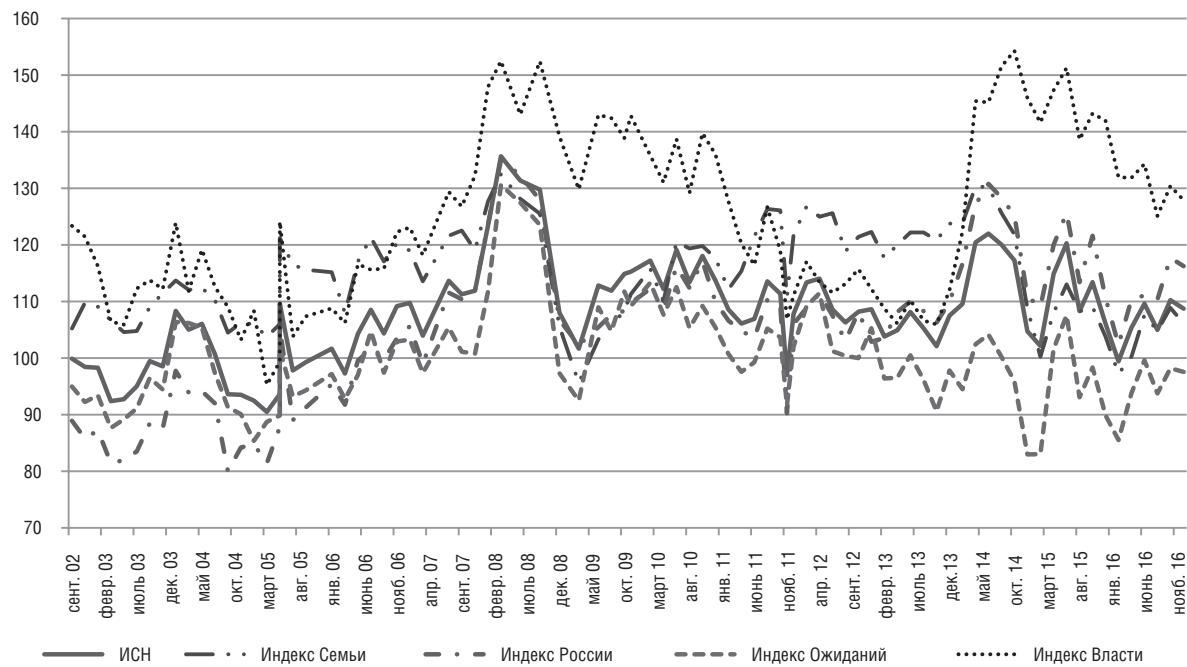
Г. «Как Вы в целом относитесь сейчас к России?» Мнение жителей Украины – данные КМИС (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо», затруднившиеся с ответом не учитывались)

Д. «Как Вы в целом относитесь сейчас к Украине?» Мнение россиян – данные Левада-Центра (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

13. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

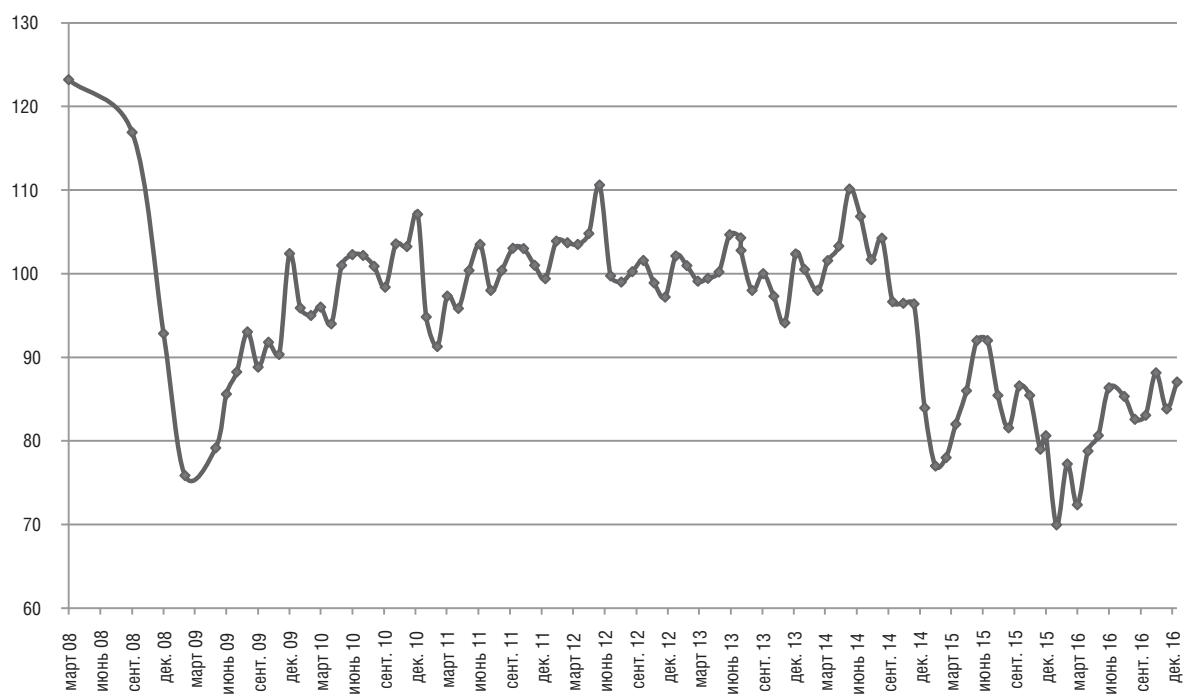

Всю вторую половину 2016 г. сводный индекс социальных настроений жителей России оставался на уровне около 110 пунктов, что отражает незначительное преобладание позитивных оценок ситуации. Так же как и в канун прошлого года, в нынешнем году не было роста оптимизма даже в предпраздничный период, столь характерного для новогодних праздников в прежние годы. В стране продолжается процесс консервации сложных социально-экономических условий, приводящих к снижению жизненного уровня и социальных притязаний массовых слоев населения.

За неизменным уровнем сводного индикатора социальных настроений скрываются разнонаправленные процессы. Во второй половине 2016 г. продолжалось медленное ухудшение мнений населения по поводу руководства страны и его возможностей вывести страну из кризиса – индекс оценки действий властей (президента и правительства) снизился со 134 пунктов в июне до 128 в декабре. Это снижение было компенсировано незначительным ростом оценок положения дел в стране (с 111 до 116 пунктов за тот же период). Однако мнения людей по поводу собственного уровня и качества жизни не улучшались, то есть улучшение оценок относительно развития страны в целом носит, скорее всего, характер надежды на существование неких внешних источников позитивных перемен. При этом в целом ожидания на будущее остаются самой негативной составляющей сводных социальных настроений – баланс положительных и отрицательных ожиданий изменений в экономике и политике, в личном положении колеблется около нуля.

Текущая динамика индикаторов социальных настроений не позволяет надеяться на улучшение общественных настроений в ближайшие месяцы, но и не предвещает кризисного развития ситуации.

14. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

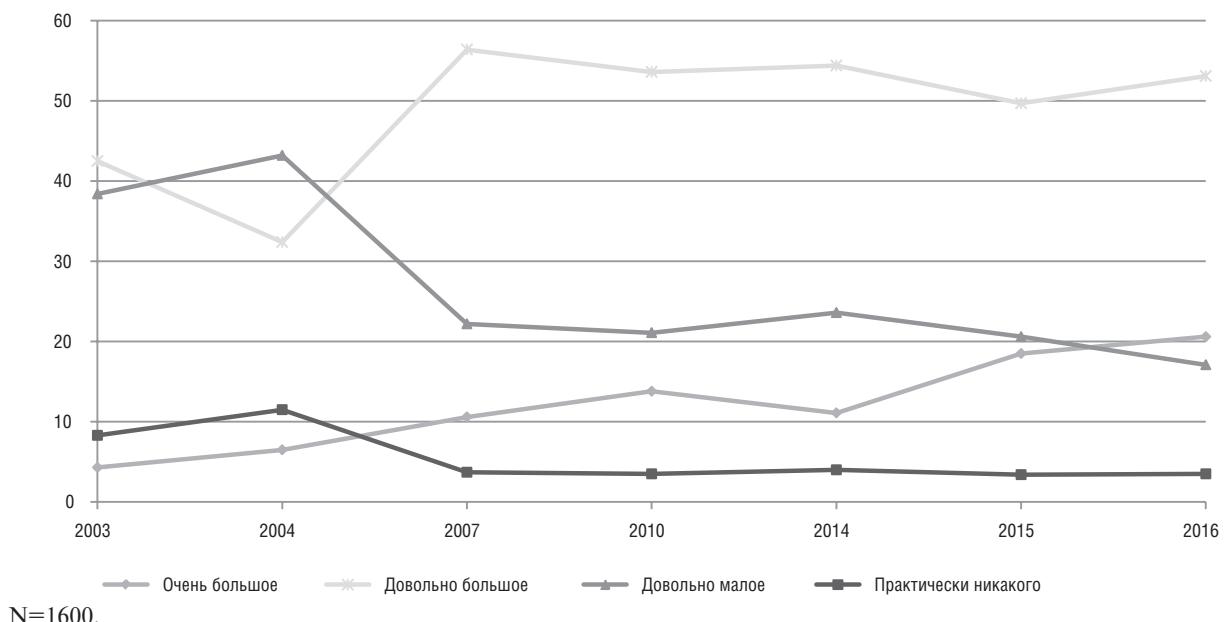

Потребительские настроения в предновогодний период улучшились незначительно. Практически второй год не происходит сезонного предпраздничного роста субъективных показателей активности потребительского спроса. Рост ИПН в декабре лишь компенсировал его снижение месяцем ранее, а максимум показателя в 2016 году пришелся на октябрь.

В целом положительная динамика потребительских настроений на протяжении 2016 года обеспечивалась преимущественно за счет слабого роста оценок изменений материального положения (текущих и перспективных). Такие положительные перемены субъективных индикаторов динамики уровня жизни связаны в первую очередь с постепенным привыканием людей к медленно, но непрерывно снижающимся реальным денежным доходам, что выражается в формировании новых, более скромных нормативных представлений о желаемом доходе. Однако до сих пор такие положительные изменения в субъективных оценках материального положения не приводят к улучшению представлений населения о ситуации на потребительском рынке. После значительных колебаний на протяжении года индекс целесообразности совершения крупных покупок к концу 2016 г. вернулся на уровень декабря 2015 г.

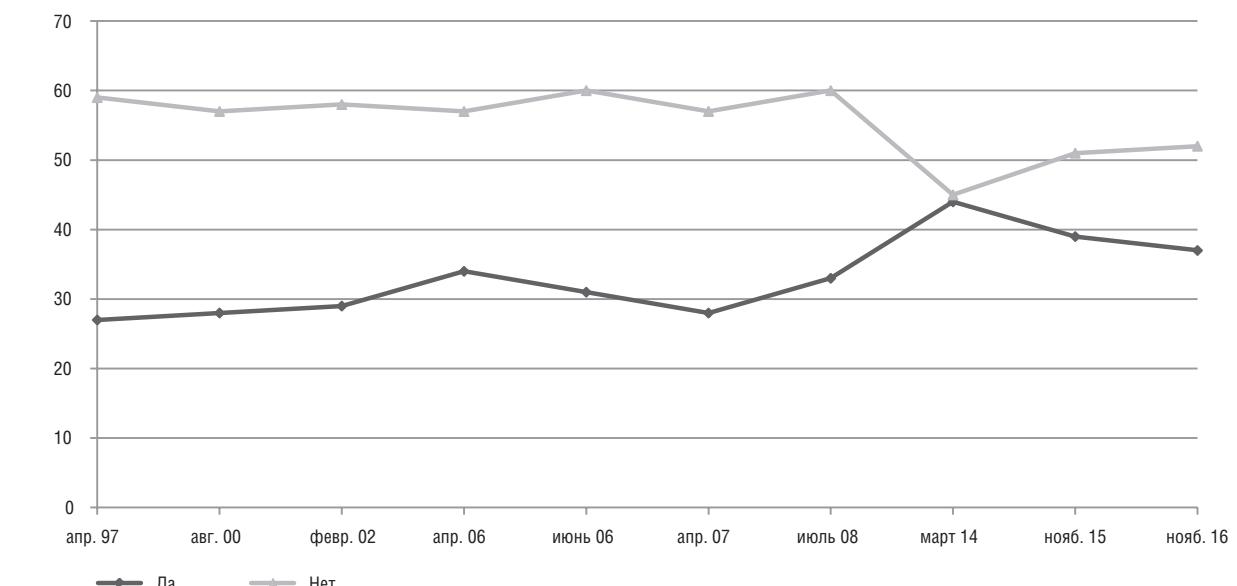
15. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. «Как Вы считаете, какое влияние имеет сейчас Россия в международных делах?»

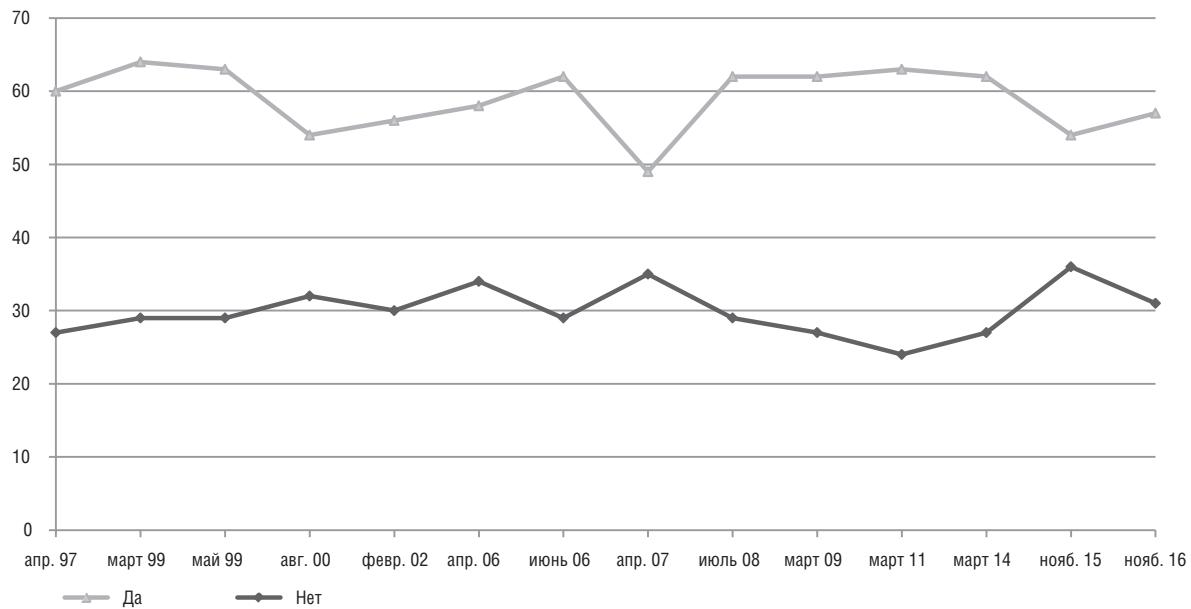
N=1600.

Б. «Как Вы считаете, есть ли основания у стран Запада, входящих в блок НАТО, опасаться России?» (отношение положительных оценок – «определенно да» и «скорее да» к отрицательным – «скорее нет» и «определенно нет»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

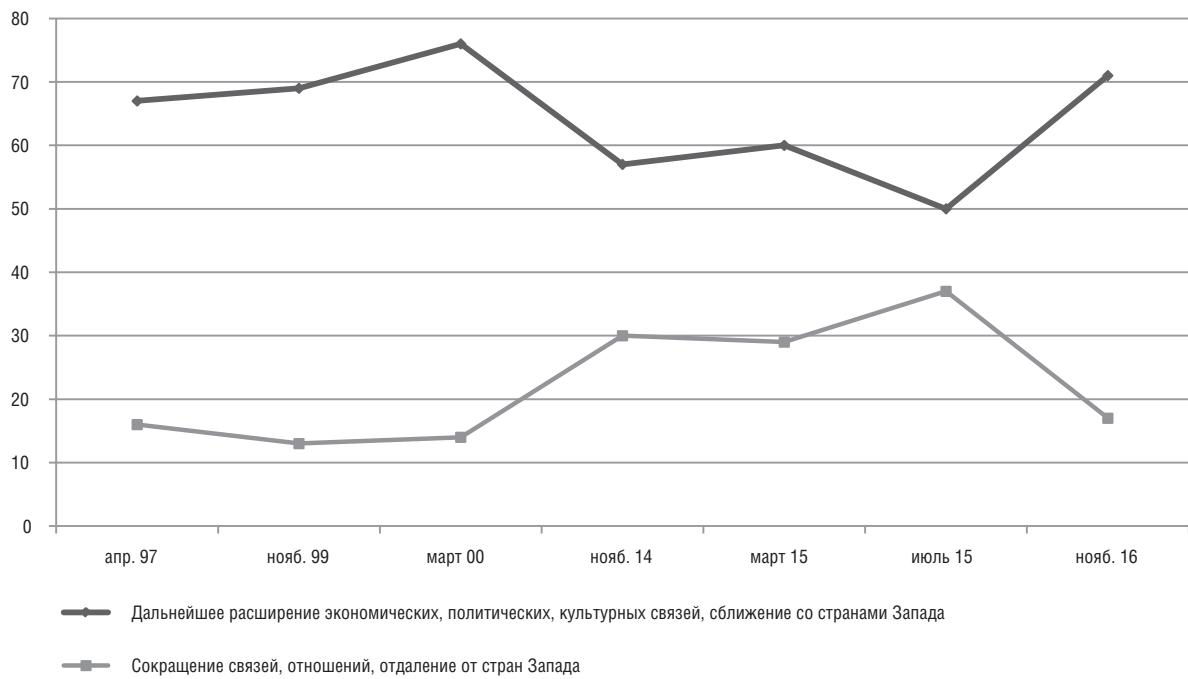
N=1600.

В. «Как Вы считаете, есть ли основания у России опасаться стран Запада, входящих в блок НАТО?» (отношение положительных оценок – «определенно да» и «скорее да» к отрицательным – «скорее нет» и «определенно нет»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600

Г. «Какого рода политику властей по отношению к странам Запада Вы бы скорее всего поддержали?» (затруднившиеся с ответом не учитывались)

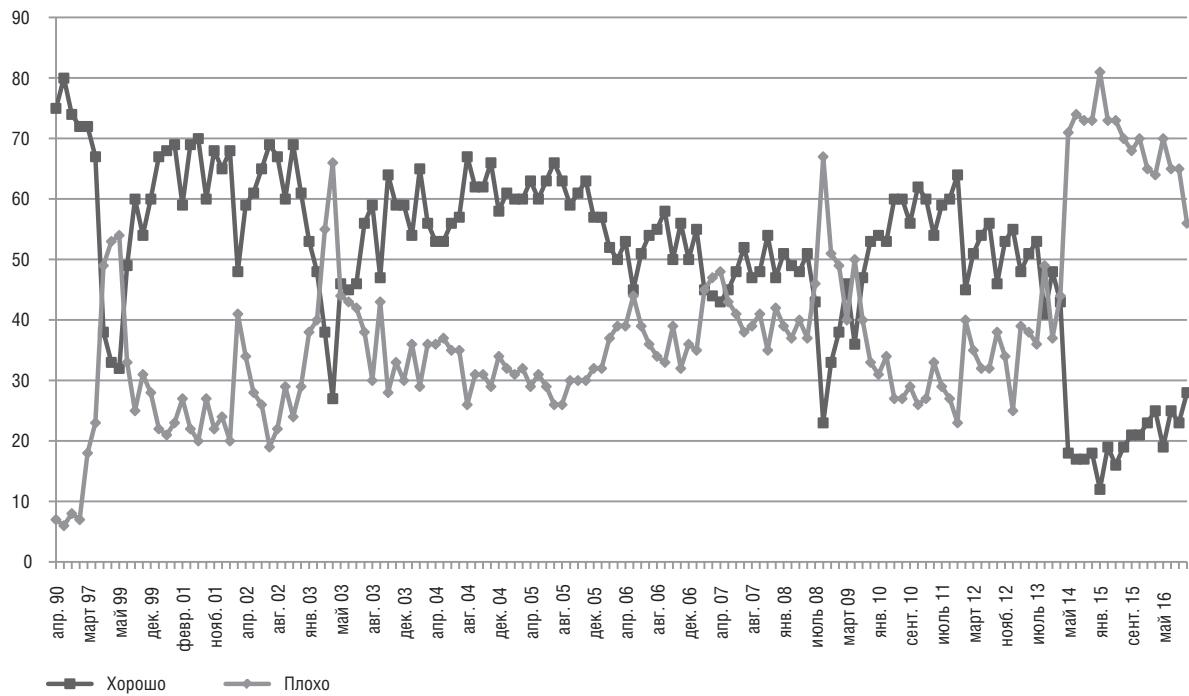
N=1600

Д. Отношение к США и Евросоюзу
«Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»;
«Как Вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?»
 (разница положительных и отрицательных оценок по данным «закрытых» вопросов)

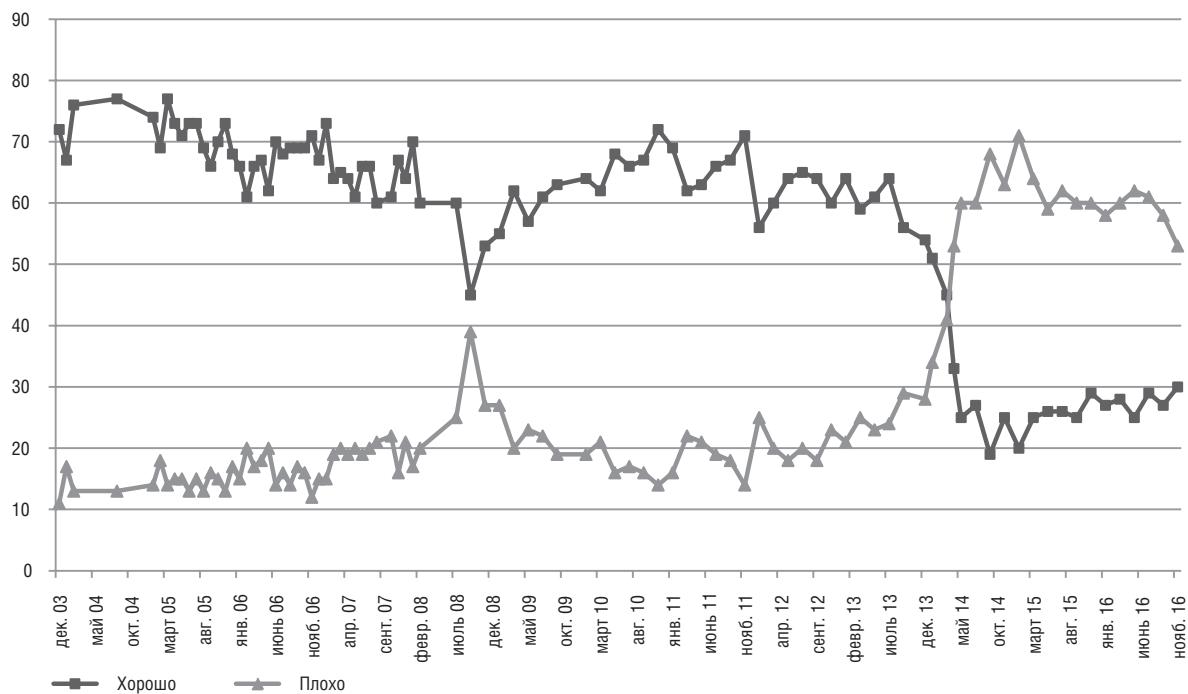
N=1600

Е. «Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»
 (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным –
 «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600

Ж. «Как Вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо», затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600

3. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6
Япония	4	6	5	5	5	5	4	4	4	2	5
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2
Чехия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2
Украина	17	10	11	3	20	21	13	16	1	1	2
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2
Нет таких/ Затруднились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25

N=1600

И. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6
ЮАР	-	-	1	1	1	2	1	1	1	1	5
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4
Египет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	<1	3
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3
Финляндия	1	1	<1	1	<1	1	1	1	1	2	3
Австралия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2
Азербайджан	5	4	4	2	3	5	2	3	2	1	2
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2
Израиль	3	4	3	3	2	3	3	3	2	2	2
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2
Молдавия	6	9	3	1	2	3	2	1	1	<1	2
Румыния	2	2	2	3	3	3	1	2	2	3	2
Саудовская Аравия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2
Швеция	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15

N=1600

Негативные установки по отношению к внешнему миру выражены заметно сильнее, они более значимы для поддержания коллективного консенсуса и национальной идентичности, чем позитивные установки. Так, в 2016 г. негативные установки, превышающие 15%, отмечены по отношению к 9 странам, позитивные (превышающие 15%) – по отношению лишь к 4 странам. Работает механизм «негативной идентификации». То же самое наблюдается и в отношении к собственной власти (см. ниже, раздел 16)

16. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

А. «Назовите, пожалуйста, качества, по Вашему мнению, характеризующие нынешнюю власть?» (множественный выбор; ответы ранжированы по последнему замеру)

	1998 Март	2001 Январь	2005 Ноябрь	2008 Август	2012 Ноябрь	2015 Март	2016 Ноябрь
Криминальная, коррумпированная	63	50	62	30	52	41	31
Бюрократичная	22	24	39	26	30	32	26
Законная	12	10	9	21	8	16	23
Далекая от народа, чужая	41	34	42	19	32	27	23
Сильная, прочная	2	4	7	16	10	18	19
«Своя», привычная	3	2	4	6	4	5	11
Авторитетная, уважаемая	2	4	7	17	6	14	11
Паразитическая	18	12	15	5	11	12	11
Непоследовательная	32	25	29	9	12	12	10
Недальновидная	28	17	25	8	12	14	9
Эффективная, компетентная	3	3	6	12	6	9	9
Непрофессиональная, безграмотная	13	7	12	5	8	9	8
Образованная, интеллигентная	6	12	13	19	11	14	8
Келейная, закрытая	8	7	8	5	7	9	8
Слабая, беспомощная	31	21	20	5	10	8	8
Компетентная	3	6	9	13	6	10	7
Честная, открытая	3	3	3	9	4	7	7
Прагматичная	4	5	6	7	5	9	7
Справедливая	3	3	3	7	4	6	6
Ограниченнная, неумная	12	4	8	2	6	5	5
Близкая народу, людям	2	3	5	9	5	5	4
Незаконная	13	10	16	5	9	7	4
Другое	1	—	—	2	2	3	1
Затруднились ответить	9	11	8	13	14	13	9

N=1600

Б. «Какое из следующих высказываний о руководстве страны ближе всего к Вашей точке зрения?»

	1998 Июль	2007 Декабрь	2014 Май	2015 Май	2016 Ноябрь
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	45	60	54	55	58
Руководство – это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	29	26	25	26	27
Наши органы власти – народные, у них те же интересы, что и у нас с вами	15	8	11	9	10
Затруднились ответить	11	6	11	10	6

N=1600

В. «Что, на Ваш взгляд, более важно для людей, которые сейчас стоят у власти в России: процветание страны или сохранение и укрепление собственной власти?»

	2002 Октябрь	2006 Февраль	2006 Ноябрь	2010 Март	2012 Январь	2012 Август	2013 Апрель	2014 Апрель	2015 Июнь	2016 Ноябрь
Процветание страны	31	16	27	27	28	30	26	35	30	30
Сохранение и укрепление собственной власти	59	72	60	60	59	58	62	52	58	59
Затруднились ответить	9	12	14	14	14	12	12	13	12	11

N=1600

17. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ

«Как Вы считаете, какие статьи государственного бюджета России должны финансироваться в первую очередь?» (множественный выбор, ответы ранжированы)

	2000 Сентябрь	2016 Октябрь
Здравоохранение и физическая культура	56	63
Социальная политика (пенсии, пособия)	47	57
Сельское хозяйство и рыболовство	50	51
Образование	51	49
Промышленность, энергетика, строительство	51	47
Армия, национальная оборона	39	36
Транспорт, дорожное хозяйство, связь и информатика	20	24
Научные исследования и содействие научно-техническому прогрессу	13	21
Охрана окружающей среды и природных ресурсов, картография, геодезия	22	19
Финансовая помощь бюджетам других уровней (регионам)	9	17
Культура, искусство, кинематография	17	16
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий	19	16
Исследования в космосе	3	11
Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности государства	26	11
Развитие конкурентной среды, рыночных отношений	6	8
Продвижение национальных интересов России за рубежом	4	7
Пополнение государственных запасов и резервов	8	7
Судебная система	13	5
Утилизация и ликвидация вооружений	2	5
Обслуживание государственного долга (выплата долгов и процентов по ним)	4	4
Государственные средства массовой информации (телевидение, радио, газеты, интернет-сайты)	3	4
Государственное управление и местное самоуправление	10	3
Другое	1	3
Затруднились ответить	3	3

N=1600

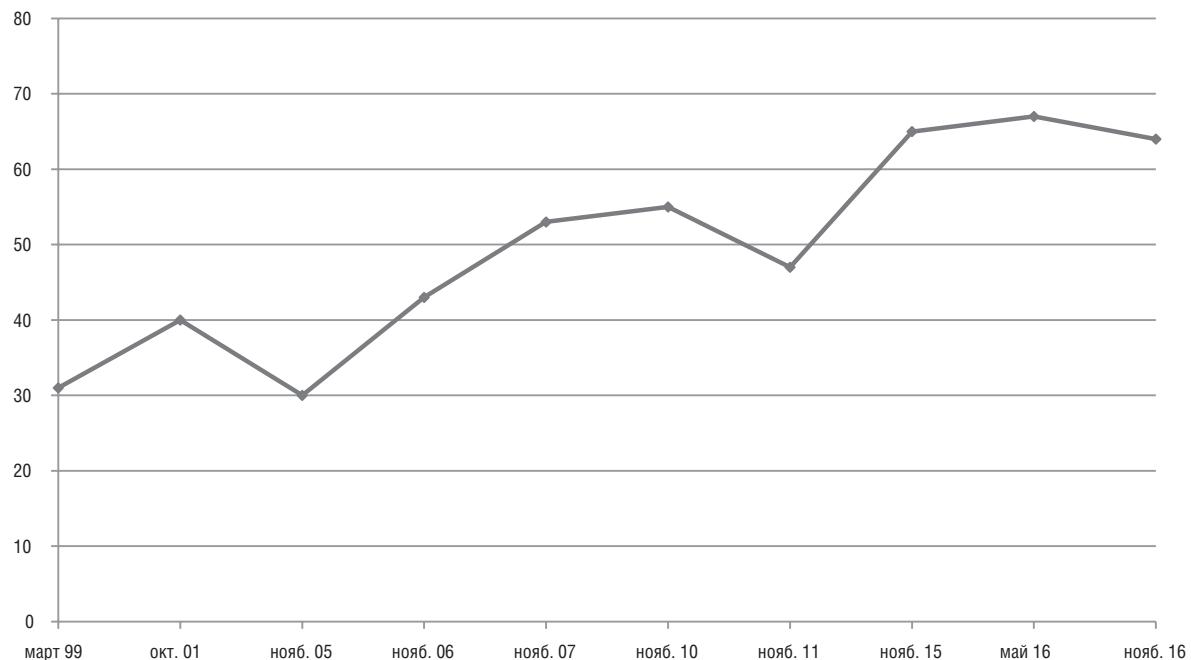
18. ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ

А. «Что, по Вашему мнению, входит в понятие “Великая держава”?» (множественный выбор; ответы ранжированы по последнему замеру)

	1999 Март	2008 Июль	2012 Сентябрь	2014 Ноябрь	2015 Ноябрь	2016 Ноябрь
Высокое благосостояние граждан	63	66	61	60	64	64
Экономический и промышленный потенциал страны	64	57	55	60	58	58
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	30	37	44	44	51	50
Великая культура, наука, искусство	31	31	27	23	25	23
Уважение других стран и авторитет в мире	35	24	19	19	20	18
Богатые природные ресурсы	14	19	21	20	18	17
Свободы и гражданские права	15	16	17	13	15	11
Героическое прошлое	7	10	10	13	9	10
Масштабы страны, просторы	4	8	10	16	9	10
Численность населения	2	5	5	6	5	5
Другое	1	1	1	1	1	<1
Затруднились ответить	4	2	2	2	1	1

N=1600

Б. «Как Вы думаете, является ли Россия сегодня великой державой?»
(сумма положительных оценок – «определенно да» и «скорее да»)

N=1600

В. «Государством какого типа Вы хотели бы видеть Россию в будущем?» (ответы ранжированы)

	1998 Декабрь	2002 Сентябрь	2008 Октябрь	2013 Апрель	2014 Март	2014 Апрель	2015 Ноябрь	2016 Ноябрь
Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	29	33	34	33	37	29	31	33
Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29	27	29	26	22	29	27	33
Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	13	14	19	19	18	21	24	16
Социалистическим государством с коммунистической идеологией	17	20	10	12	17	13	10	11
Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 года	3	3	3	3	2	4	3	3
Затруднились ответить	9	3	5	7	5	6	5	4

N=1600

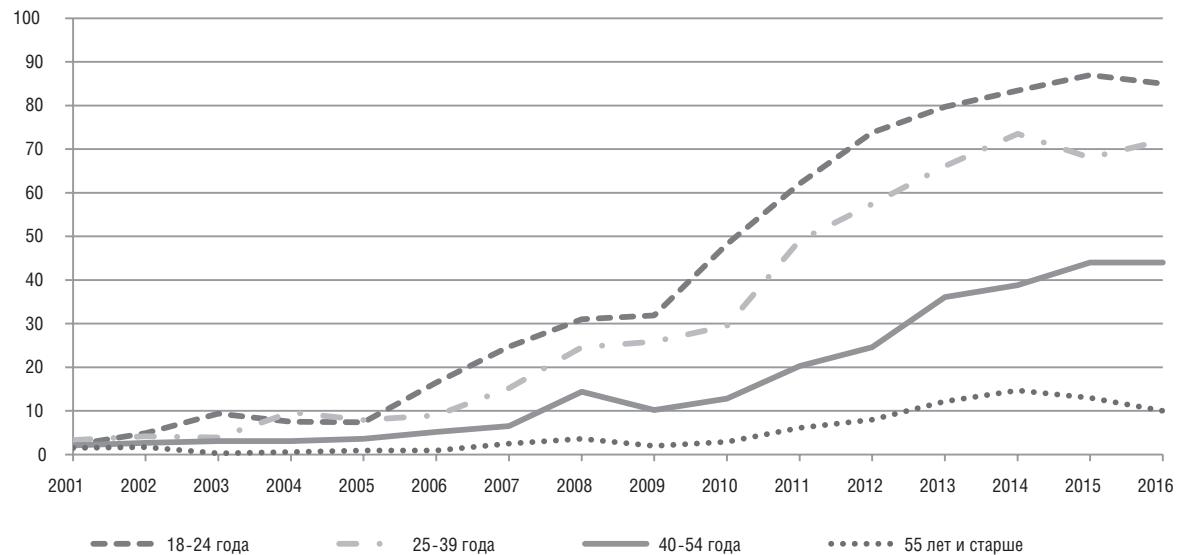
Г. «Когда Вы слышите об «Особом российском пути», что прежде всего приходит Вам на ум?» (множественный выбор)

	2008 Январь	2011 Январь	2012 Январь	2013 Март	2014 Март	2015 Ноябрь	2016 Ноябрь
Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни»	34	39	42	30	31	20	29
Учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	18	19	20	15	19	15	15
Несоответствие ценностей и традиций России и Запада	22	16	18	19	23	20	11
Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозы нападения	9	5	11	8	11	12	9
Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	7	8	7	5	6	8	7
Преобладание интересов власти над интересами населения	7	9	7	7	4	5	6
Не знаю, в чем собственно выражается «особый путь», ничего не приходит на ум	16	15	16	17	15	22	19
Ничего не слышал об этом	11	11	8	11	13	14	14
Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	9	6	8	7	6	6	8
Затруднились ответить	9	7	6	8	7	5	7

N=1600

19. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

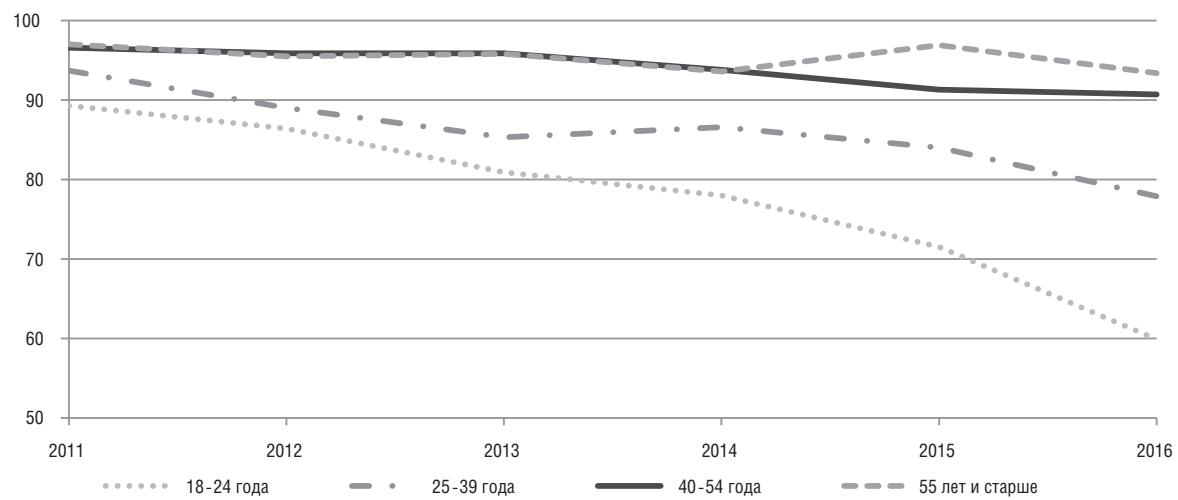
А. «Как часто Вы в среднем выходите в интернет?» (с 2015 года объединены варианты ответа «несколько раз в день» и «примерно 1 раз в день»)

N=1600

Стремительный рост использования россиянами интернета привел к усилению возрастных различий в моделях потребления информации. Проявлению этих различий сначала способствовала материальная недоступность новых технологий для значительной части российского общества. По мере роста доступности стационарного и мобильного интернета появился другой фактор – разница в интересе к освоению информационных технологий среди потребителей разных возрастных групп.

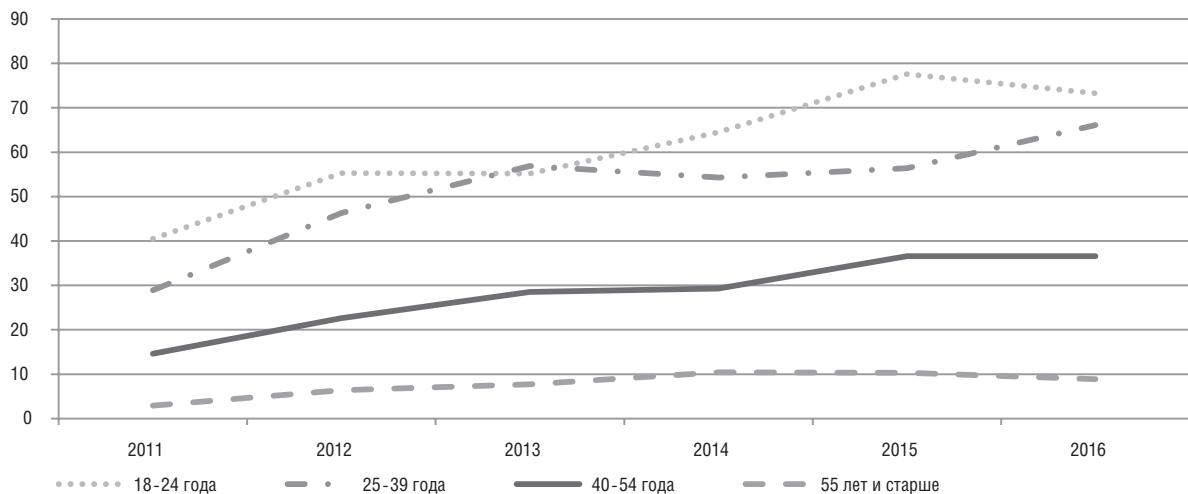
Б. «Откуда Вы в основном узнаете новости о том, что происходит в нашей стране?» Телевидение (%)

N=1600

Молодые россияне стали меньше использовать телевизор в качестве источника новостей. Эта тенденция проявилась за последние пять лет: с 2011 по 2016 год. Чем моложе россияне, тем реже они используют телевидение как средство получения информации. Стоит отметить, что молодые россияне меньше интересуются новостями об обществе в целом, а потому усиление «политизации» на ТВ-программах за последние несколько лет могло лишь усилить отток молодой аудитории.

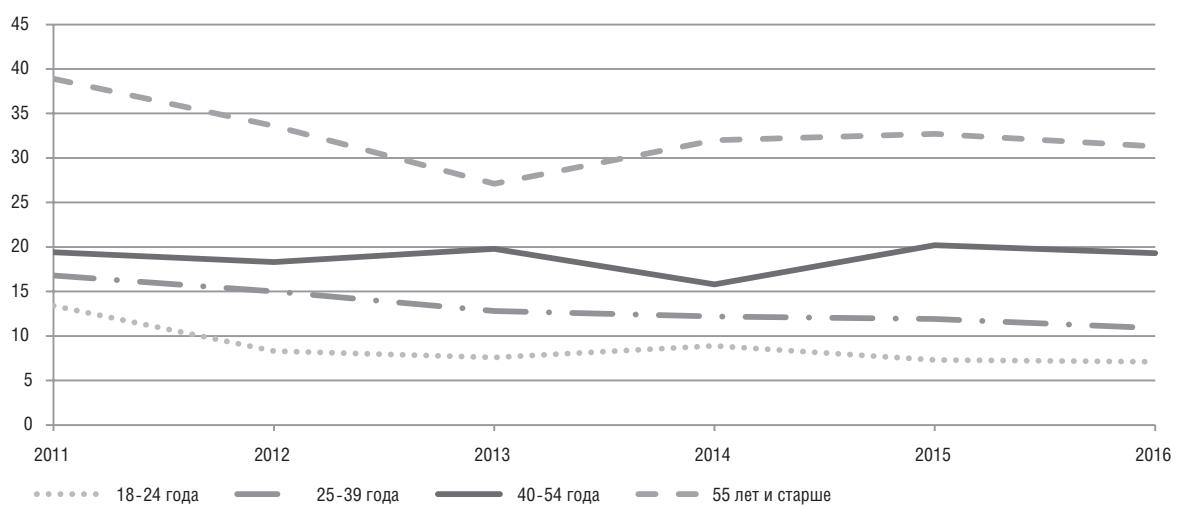
В. «Откуда Вы в основном узнаете новости о том, что происходит в нашей стране?» Интернет (%)

N=1600

Россияне молодого и среднего возраста все больше получают информацию из интернет-СМИ и социальных сетей. Информация из источников в интернете в целом пользуется меньшим доверием, чем телевизионные новости. По данным опроса в октябре 2016 года, 37% россиян доверяют интернет-источникам, а телевидению доверяют 56%. Однако в кругу самых молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет интернет-новости (51%) заслуживают такого же доверия, как и телевизионные новости (55%).

Г. «Откуда Вы в основном узнаете новости о том, что происходит в нашей стране?» Пресса и радио (%)

N=1600

Россияне старшего возраста консервативны и предпочитают «традиционные» СМИ, прежде всего телевидение. Однако и другие классические каналы получения информации (пресса и радио) чаще всего используются именно в старших возрастных группах. Начиная с 2013 года, опросы показывают стабилизацию доли классических СМИ после снижения в предыдущие годы, которое было особенно заметно на показателях потребления печатной прессы.

Усиление значения интернета и цифровых ТВ указывает на подавление способностей к рационализации и более глубокой аналитической проработке поступающей социальной информации, снижение общего интеллектуального потенциала населения, усиление некритического восприятия становящейся все более суггестивной пропаганды (распространение клипового сознания).

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Лев Гудков

Кризис понимания «реальности»

События и их «дереализация»: дискуссии о результатах выборов 2016 года

Поражение партий внесистемной оппозиции в сентябре 2016 г. лишь очень немногих политиков-демократов и близких к ним публицистов заставило задуматься о состоянии российского общества. Преувеличивать глубину этой задумчивости не стоит, поскольку так или иначе наши демократы в массе своей сумеют обойти обидные для них факты и удержаться от неприятных выводов. Тем не менее какие-то признаки замешательства начинают пропступать в дискуссиях, ведущихся в этой среде. Противоречащие друг другу призывы «надо идти на выборы» («безответственно самим отказываться от возможности политического участия») и «не следует принимать участие в этих выборах» (ибо в ситуации полного контроля над электоральной машиной и манипулирования избирателями участие в них будет означать лишь легитимацию и оправдание путинского режима), отражали состояние общей дезориентированности и растерянности либералов после Крыма.

Социологические опросы Левада-Центра свидетельствовали о весьма незначительной доле российского населения, готового поддержать либералов на предстоящих думских выборах. Оппоненты путинского режима не надеялись на значительный успех своих партий и массовую поддержку населения. Расчет был исключительно pragматическим: получить хотя бы минимальное представительство в Думе и региональных законодательных собраниях и тем самым удержаться в том пространстве мнимой политики, которое действу-

ющий режим оставляет для них¹. Поэтому шок после выборов вызван не тем, что «ЕР», собрав – официально – 54% голосов, получила конституционное большинство в Думе², а тем, что «потенциально демократический» избиратель, несмотря на все уговоры сходить на выборы и проголосовать, остался дома³. И вовсе не из тех соображений, которые выдвигали про-

¹ Оправдания для подобного участия в выборах могут приводиться самые разные – от возможности малых дел и помощи конкретным группам населения или отдельным людям до обретения опыта участия в электоральных кампаниях и подготовки к реальным выборам когда-нибудь в будущем, когда режим начнет разваливаться сам собой. В любом случае ни новые идеи, ни принципы не были в этот раз стержнем программных выступлений оппозиции.

² Получение единоросами абсолютного большинства в ГД означает, что нынешний режим полностью готов к изменению Конституции и отмене тех статей, которые должны были гарантировать необратимость демократического развития страны, недопустимость восстановления тоталитаризма в России. Прежде всего это касается двух вещей: запрещения установления единой государственной идеологии (условия необходимого, но недостаточного для развития демократии) и утверждения приоритетности международного права по отношению к российскому законодательству. После этого будут пересмотрены и другие важнейшие положения конституционного порядка переходного периода, касающиеся усиления правового иммунитета действующей власти. Понятно, что значимость положений Основного закона страны по мере укрепления путинизма год от года слабеет, что после принятия целого ряда репрессивных законов (в 2012–2016 гг.) они к настоящему времени носят исключительно декларативный характер, поскольку правоприменительная практика за 25 лет далеко ушла от этих исходных принципов. И тем не менее статус закона прямого действия пока еще имел некоторое сдерживающее значение в качестве пусть и символического, но барьера против перерождения нынешнего государственного строя в тоталитарный порядок.

³ Как и 20 лет назад, лидеры демократов должны были бороться не с идеологическими противниками, а с апатией сторонников. Об этом см.: Левада Ю. Человек политический: сцена и роли переходного периода. В кн.: Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: МШПИ, 2000. С. 98.

тивники участия в выборах. А это означает, что их избиратели – прозападно ориентированные противники авторитаризма и сторонники институциональных реформ в стране – руководствуются какими-то иными представлениями, нежели те, которые полагают или приписывают им лидеры мнений, выступающие от имени части населения, которая недовольна режимом Путина¹.

И дело здесь не в частных разногласиях этих групп с руководством внесистемных партий, а в неадекватности моделей реальности, значимых для тех и других.

Последовавшие после выборов вялые межпартийные разборки, обличения «партии дивана», разговоры об апатии городского класса, об усталости общества, разборы электоральной статистики по регионам, подсчеты доли фальсификаций, сетования на скучность предвыборных средств, на пропаганду, давление администрации и т.п. серьезно воспринимать в этой ситуации не приходится². Не утешает проигравших даже то, что «ЕР», «партия власти», раз за разом получает все меньшее число голосов, если смотреть на абсолютные цифры: в 2007 г. за нее проголосовало 44,7 млн избирателей (при официальной явке 64%), в 2011 г. – 32,4 млн (при явке 60%), в 2016 г. – 28,5 млн человек (при явке 47,9%; без Крыма – 27,7 млн избирателей). Другими словами, за 10 лет доля избирателей, проголосовавших за «ЕР», сократилась на 40%, откатившись к началу 2000-х: на выборах 2003 г. «ЕР» собрала 22,8 млн голосов (37,6% при явке 55,7%). Общее число имеющих право голоса за это время составляло 109–110 млн человек. Доля «статистически аномального голосования», по расчетам С. Шпилькина, в 2016 г. достигала 11% от численности потенциальных избирателей (12 млн

¹ Разумеется, не все недовольные режимом Путина могут быть причислены к сторонникам демократии, правового государства, к либералам. Среди настроенных антипутински можно найти и коммунистов (= пенсионеров), и националистов, и людей с совершенно смазанными или электическими политическими и идеологическими установками.

² См., например, характерные пассажи и объяснения проигравших: «Сергей Жаворонков: Первый фактор – это официальная пропаганда и официальная лживая социология, которая била людей несколько лет по башке и объясняла, что рейтинг Путина 86%, что все решено, ходить nowhere не надо. Но, кстати, официальные итоги выборов, где со всеми Чечнями «Единая Россия» набрала только 54% голосов, показывают, что сказки про 86% были ложными. И второе ... «диванная партия» и совершенно вредительская деятельность, которую на протяжении последних полугода вел Алексей Навальный и его соратники. Они последовательно «мочили» «Яблоко» и ПАРНАС». URL: <http://www.svoboda.org/a/28002477.html> от 20.10.2016.

голосов), или четверть от проголосовавших по данным ЦИК³.

Политологи (я не имею в виду здесь кремлевских апологетов и телекомментаторов) считают данные о статистических отклонениях показателями фальсификаций (подлогами протоколов избирательных комиссий, вбросами и т.п. махинациями). Соответственно, и результаты опросов общественного мнения, фиксирующие электоральные или политические установки населения, объявляются в лучшем случае неадекватными, в худшем – такими же фальсификациями, как и официальные результаты выборов.

Нам, сотрудникам Левада-Центра, опиравшимся на данные наших социологических опросов, подобные оценки масштабов фальсификаций представляются завышенными. Как мы полагаем, их авторы резко сужают диапазон социологических объяснений мотивации электорального поведения, оставляя в качестве приемлемого лишь полярные варианты («за» и «против» действующей власти). Они не учитывают спектр других возможных мотивов участия в выборах – от состояния административной покорности населения (или страха перед последствиями отказа) до потребности в коллективной идентификации, предлагаемой режимом атомизированному и дезориентированному населению, весьма значимой для социально фрустрированного человека, от принудительной лояльности до неполитической «поддержки и одобрения» власти, и не только на «особых территориях» (Кавказ, Кемерово и другие регионы), но и в социальных средах с «нормальным» типом электорального поведения. Отсутствие мотивов для демонстративно альтернативного по отношению к власти политического поведения нельзя отождествлять с подлогом, как это принято в среде критиков электоральных практик путинского режима. Не ставя под сомнение сами факты фальсификаций на голосовании, я тем не менее не считаю, что у нас есть основания рассматривать показатели «аномального голосования» исключ-

³ В 1993 г. явка составила 54,8%, в 1995-м – 64,76%, в 1999-м – 61,85%. Подробнее о легитимности выборов см.: Кынев А. Два раза в год // Ведомости. № 228 (4217) от 5.12.2016. С. 6. Интересно, что взвешивание «по Шпилькину» массива данных полученного в ноябре опроса «Курьер», проведенного по нашей стандартной технологии (попытка введения поправочных коэффициентов на фальсификацию, предложенных С. Шпилькиным на семинаре в Левада-Центре), дает либо полное отсутствие изменений в распределении мнений, либо минимальные смещения в ответах респондентов на «политические» вопросы анкеты (на 1–2 п.), которые трудно интерпретировать, поскольку они ниже величины статистически допустимых колебаний.

чительно только как результат манипуляций местных администраций, аппарата «ЕР» и избирательных комиссий. Это слишком простое объяснение для массового поведения в условиях реставрации или имитации тоталитарных практик. Факты махинаций и вбросов документированы в той степени, которая достаточна для того, чтобы вызвать обоснованные подозрения в легитимности самих выборов, но недостаточна, чтобы охватить все возможные варианты объяснений статистических девиаций и массового конформизма.

Более адекватным, с моей точки зрения, был бы анализ сочетания разных мотивов и факторов, определяющих поведение массового избирателя. Можно, например, исходя из имеющихся материалов социологических опросов, выделить такой перечень оснований для «правильного» голосования:

а) выражение заинтересованной поддержки власти¹;

б) «галочники», механически или «бесмысленно» ставящие отметку в избирательном списке против фамилий людей, которые им неинтересны, о которых они ничего не знают и не хотят знать, то есть незаинтересованное, индифферентное, «ритуальное» голосование за тех, кто на слуху или кто отмечен властями как «серьезный человек», солидный кандидат; здесь важно лишь приобщение к некому коллективному действу, участие в событии, в котором проигрывается сама семантика коллективности, вне зависимости от того, что стоит за этой формой коллективности; у значительной части населения отсутствует осознание самого смысла выборов (принципиально важного мотива участия в демократическом процессе, принятия ответственности за сделанный выбор);

в) превращение процедуры голосования в обязательный для всех церемониал аккламации безальтернативной власти и решений местной администрации, шантаж и принуждение населения к демонстрации лояльности, «добровольное» и привычное для советских людей изъявление символической лояльности государственной власти;

г) поведение по принципу «меньшего зла» (отсутствие возможности выбора между кандидатами – по схеме «они все на одно лицо», хрен редьки не слаше);

д) протестное голосование (против конкретного кандидата или партии);

¹ В данном контексте не приходится разбирать то, каковы эти интересы или характер заинтересованности, формы или типы зависимости от власти, каковы расчеты голосующих за власть.

е) «выравнивающие» итоговые показатели вбросы и переписывание протоколов членами комиссий.

Можно сюда добавить еще какие-то мотивы или интересы, но это уже не принципиально.

Но, даже если принять эти оценки фальсификаций (в среднем, как полагают критики официальной электоральной статистики, 18–20% подлога) за истину, то все равно остаются три четверти или две трети избирателей, проголосовавших «не так, как следовало бы», с точки зрения демократов, то есть тех, чье поведение остается без внимания и объяснения, поскольку их мотивы как бы очевидны и не требуют специальной интерпретации (дескать, «они голосуют за действующий порядок», «за Путина»). Все дело именно в этой «как бы очевидности», не прошедшей необходимого концептуального анализа и понимания².

Поэтому для меня в данном случае важен не столько вопрос о фальсификациях и их масштабах, сколько сам аргумент подлога, играющий решающую роль универсального объяснения политического поведения (как власти, так и поданных), причем не только в ситуациях выборов, но и во всех других контекстах, связанных с отношениями господства. Легкость обращения к нему означает, что он лежит на поверхности массового сознания, что он всегда под рукой. Тем самым постулируется наличие общего конвенционального согласия относительно *всебиности обмана*, который никого не обманывает, а именно это (безусловные, наследуемые и воспроизводимые от поколения к поколению правила социального поведения в обществе, правила игры) образует базовое представление о человеческой природе и о метафизике социального порядка.

Дело не в итогах голосования на этих выборах. Сам по себе негативный результат должен был бы указать сторонникам либерализации режима и возвращения к политике построения демократического и правового общества на существование более масштабной проблемы, которую они долгое время отказывались признавать (и продолжают отказываться): инерции

² Уже вопросы: почему? что стоит за этим? – открывают достаточно широкие проблемные зоны понимания и отсутствие удовлетворительного концептуального или теоретического объяснения. Никакого серьезного анализа (социологического, психологического, психоаналитического, культурологического или какого-то другого) фасцинации репрессивного режима или конвенционального принятия институционального насилия, массового оппортунизма в России после 1991 г. не было. И этим интеллектуальная ситуация здесь отличается от положения в других странах – двух Германий, Италии, в меньшей степени Венгрии, Румынии или Чехии, прошедших через тоталитаризм.

массивных структур тоталитарного сознания, жизни в условиях мобилизационного общества и опыта приспособления населения к репрессивному государству. Отказываются по вполне понятным причинам: признание этого означает, что мотивы политической деятельности лидеров внесистемной оппозиции не связаны с конечным результатом, что, либо эта деятельность носит самоценный характер (поддержание собственной, внутригрупповой – «квазипартийной» – идентичности, самоуважения вопреки всему), либо с непроявляемыми или скрываемыми интересами и гратификациями, которые компенсируют само участие в игре без надежды на победу. Другими словами, либералы представляют главным образом самих себя. Даже подспудное, редко проговариваемое подозрение в наличии подобных мотивов сильнейшим образом вредит образу оппозиции. Однако именно такого рода интересы участия в политической деятельности и выборах вытаскивают на свет кремлевская пропаганда с целью дискредитации демократов. Причем она не столько придумывает эти объяснения (политиканство оппозиционных лидеров, самореклама, упор на критике власти, а не на возможности практически что-то делать или хотя бы предложить какую-то «конструктивную программу» действий), сколько лишь артикулирует те рессантиментные мнения об оппозиции, которые уже сложились в самом населении, раздраженном своей ущербностью и хроническим чувством беспомощности, заложничества, зависимости от власти и проецирующем свои фрустрации на лидеров оппозиции. (Лучшей иллюстрацией этого может служить массовое отношение к Г. Явлинскому, выдвигающему себя в президенты.)

Без подобного «психоанализа» массового подсознания, выявления значимости этих как бы второстепенных или якобы самоочевидных обстоятельств (компонентов массовой идентичности, привычных конвенций и норм поведения, идущих из советского прошлого) смысл событий 2014–2015 гг., оказавшихся поворотными в новейшей истории страны, остается не просто закрытым для понимания, но и последовательно вытесняемым из сферы рациональных дискуссий¹.

¹ Прежде всего это относится к радикальному изменению отношения к политике Путина в среде, условно называемой «верхним слоем российского среднего класса», где антипутинские настроения после Крыма сменились на столь же выраженное ее одобрение. Можно рассуждать о компенсаторном эффекте демонстрации национального возрождения или восстановления Россией утраченного было статуса Великой державы, чрезвычайно важном для бенефициариев потреби-

Сведение всякого объяснения к подлогам и манипуляциям (из чего проистекает и распространенное недоверие к социологии, указывающей другие параметры фальсификаций и, следовательно, настаивающей на более дифференцированном подходе к массовому поведению, показывающей гораздо более высокий уровень одобрения власти – рейтинги популярности, влиятельности и т.п.) логически предполагает совершенно другую *базовую* посылку рассуждений в этой среде, ставшую основанием для критиков социологии уже безотносительно к выборам: «в действительности» у населения другие установки, мнения, интересы, но не могущие быть выраженными в настоящих условиях или искажаемые принятыми формами презентации реальности – социологическими опросами общественного мнения, официальными СМИ и т.п.

Подобная презумпция скрытой или непроявленной реальности, опирающаяся не на эмпирические аргументы, а лишь на собственное чувство уверенности и непосредственный опыт говорящих, представляет собой самообоснование авторитетной позиции, но в негативной форме. Основа этой «интуиции» (как и любой другой) – не размышления отдельных людей, а воспроизведение общего мнения окружающих, социальной среды говорящих. Никаких фактических аргументов эти отрицатели представить не в состоянии, хотя при необходимости в таких ситуациях используются косвенные примеры и доказательства. Но именно поэтому такого рода установки российской ангажированной публики² указывают на гораздо более глубокие структуры представлений, конституирующие сознание образованных людей. Можно видеть в этом инерцию претензий на авторитет и самосознание советской интеллигенции, наделяющей себя монопольным правом говорить о реальности, обращаясь к власти от имени народа, и к народу – от имени держателей специального знания, культуры и просвещения.

тельского бума, мысленно тем самым уравнявших себя с гражданами других «нормальных стран» («мы уже живем, как вы, так чего же вы нас так презираете»), или выдвинуть какие-то другие варианты объяснения, но пока удовлетворительной интерпретации наблюдаемых перемен в массовом сознании нет.

² В массе населения подобных сомнений нет и по причине полного равнодушия к средствам альтернативной в сравнении с официозом презентации реальности, и из-за отсутствия потребности участия в политике, интереса к ней, вообще – к деятельности гражданского общества, которая воспринимается как борьба за власть. От прежнего, перестроичного, интереса к политике осталась лишь некоторая озабоченность тем, будет ли власть выполнять свои социальные обещания, и если да, то в какой степени.

Другими словами, за этим стоит все тот же русский треугольник отношений «власть – интеллигенция – народ», характерный для недифференцированного социума (патrimonиальной бюрократии империи или тоталитаризма в его поздней советской стадии). То, в какой степени такого рода представления могут рассматриваться как «архаика» и традиционализм русской культуры образованных классов, а в какой являются адаптивным новообразованием интеллигенции в условиях рецидива тоталитаризма, здесь обсуждаться не будет. Для меня здесь важно лишь одно следствие: разговоры о фальсификациях на выборах оказываются не просто универсальным приемом для объяснения политических процессов в России, но и средством вытеснения альтернативных способов их понимания, в том числе и социологического, о чем речь пойдет ниже. Подобная «дереализация» действительности (как настоящего, так и прошлого) в конечном счете оказывается гораздо более важным явлением, чем все электоральные неудачи оппозиции.

«Действительность» массовой мобилизации или поддержки авторитарного лидера

Феномен массовой консолидации в 2014 г. населения с властью после присоединения Крыма к России, патриотическая эйфория, воинственное словесное антизападничество и резкий рост антиукраинских настроений стали полной неожиданностью для российских либералов и им сочувствующих. «Неожиданность» в данном случае означает не просто «внезапность» проявления непредвиденного или непредсказуемого и потому «случайного» фактора, а радикальное или катастрофическое изменение или даже распад картины реальности. Рассыпание смысловых (интерпретационных) рамок реальности произошло под действием сил, природа и характер которых либеральной публике остаются совершенно не понятыми, неизвестными, поскольку это никогда не принималось во внимание и не формулировалось как проблема.

Несовпадение представлений, преобладавших у прозападно ориентированных демократов или либералов до аннексии Крыма, о том, как должны были бы развиваться события в ходе и после массовых протестов 2010–2012 гг., с тем, что последовало за ними в действительности, не стало в этой среде поводом к более глубокому анализу социальных процессов или к пересмотру своих взглядов. Не стало по двум причинам: первая – не было интеллектуальных

средств для *понимания* этих явлений, то есть для анализа сложности оснований и связей, определяющих подобное поведение населения; вторая – упорное *нежелание* понимать, поскольку такое понимание предполагало или даже требовало релятивизации собственных взглядов и идеологических позиций. Вторая причина для нашей темы более значима, поскольку она коренится в особенностях наследуемой после краха советской системы культуры, что предопределяет большую длительность последствий.

Ождалось, что правящий режим, столкнувшийся с бесспорными свидетельствами фальсификаций на выборах, неэффективностью государственного управления, фактами тотальной коррупции, казнокрадства и произвола на всех уровнях власти и во всех сферах государственного правления без исключения – от прокуратуры, следственного комитета, полиции, армии до ведомств здравоохранения или космической промышленности, диссертационного пластика чиновников, сращения правоохранительных органов с организованной преступностью – и многим прочим, должен будет а) утратить свою легитимность и, следовательно, б) ослабить и общественную поддержку.

Экспектации такого рода лежат в основе популистской программы А. Навального, поддержанной в 2011–2013 гг. значительной частью городского населения (до 40–45%). Более того, как показывают материалы опросов общественного мнения, абсолютное большинство населения России считало и считает, что приводимые прессой или в интернете факты казнокрадства, колоссальных хищений лицами из высшего руководства страны, явных нарушений Конституции, подлогов квалификационных документов, угроз или насилия по отношению к критикам и оппонентам, прямой лжи в публичном пространстве и пр. суть принципиальные характеристики нынешней российской политической системы¹. Но ответов на вопрос, как может быть при этом «очищена от негодяев» сама сфера государственного управ-

¹ Скандалы, связанные с обнаружением огромных сумм у сотрудников СК, губернаторов и других лиц из высшего руководства, аресты высокопоставленных чиновников и т.п. воспринимаются именно как «проявления всеобщего разложения и коррумпированности власти» (например, так думали 64% опрошенных в ноябре 2016 г.), мнение о том, что это «единичные случаи, нетипичные явления для высшего руководства страны», разделяют лишь 27%. Это становится понятным, если учесть, что в год поступают примерно 750–800 сообщений о подобных событиях, тиражируемых всеми информационными каналами в стране. Это образует хронический негативный фон для восприятия внутренних событий в стране – растущего социального неравенства, инфляции, сокращения доходов населения и т.п.

ления или заменено само руководство страны и при этом обязательно *мирным и законным* образом, у людей нет, более того, сама возможность их поиска представляется весьма туманной. Для значительной части населения любые изменения в структуре государственной власти представляются нежелательными по ряду причин (из-за опасения перемен, государственно-патерналистских иллюзий, представлений, что лучше уж насытившиеся паразиты, чем новые и голодные, но также позитивной идентификацией именно с такой властью, какая она есть, и т.п.)¹.

По логике вещей ответы на вопрос об «очищении» должны были бы вытекать из первых посылок («как это было бы при демократическом устройстве государства»), но ответов не было. Воображение на этом месте тут же останавливалось.

Характерная радикальность констатации положения дел («полное разложение государства») сочетается с полным отсутствием мнений о том, что должно следовать за признаниями такого рода. Такой диссонанс лишь на первый взгляд кажется противоречием, недопустимым с позиций «здравого смысла»². И не он блокирует возможность рефлексии и дальнейшей умственной работы. Паралич наступает из-за осознания того, что дело здесь не сводится к простой замене «отдельных», «негодных», функционеров другими «порядочными», а в самой безальтернативности действующей системы российского государства, поскольку и «новые и честные» должны быть взятыми из состава того же кадрового запаса, подготовленного властями (номенклатуры администрации президента)³. С одной стороны, общественное мнение отдает отчет себе в том, что проблема в вертикальной

¹ На вопрос, надо ли отправить в отставку правительство сейчас (после скандала с Улюкаевым), только 33% согласились с подобным предложением, 51% были против и 15% затруднились с ответом.

² Немного больше социального воображения и аналитических способностей у ангажированной публики позволили бы ей понять, что разные члены этого «противоречия» играют разную функциональную роль в поддержании принудительного консенсуса в массовом сознании: один комплекс представлений предназначен для самоидентификации этой группы (не связанный с реальными обстоятельствами существования), другой – для практического поведения в повседневной действительности деспотического государства.

³ Решение подобных проблем российское население в массе своей видит лишь в ужесточении наказаний коррупционеров и чиновников, злоупотребляющих своим положением. Насилие и жестокость здесь лишь воспроизводят репрессивный характер самого государства по отношению к населению. Это не изменение структуры институтов и организаций неразделенной власти, а лишь мифологизированное представление о природе власти – переворачивание вектора насилия (надежда на справедливого царя или спасителя).

системе государственной власти, подбирающей людей специфического толка, лояльности и квалификации в соответствии с интересами самосохранения власти, а значит – устранения внешнего контроля над собой. В идеале, как полагают люди, желательна была бы другая система («демократия»), которая должна быть ориентирована на задачи обеспечения общественного благосостояния или развития общества, а не защиты интересов силовиков и олигархических финансово-промышленных группировок, близких к президенту, или бюрократии, и характеризовалась бы другой степенью ответственности власти перед населением (смены начальников, периодически проводимой в ходе выборов). Именно с этими установками люди выходили на митинги и демонстрации протеста. Но из этих смутных ожиданий и претензий, частично артикулированных в ходе массовых демонстраций протеста, не осуществилось ничего. Власти самым наглым образом (по другому и не скажешь) пренебрегают обвинениями в свой адрес, не затрудняя себя даже отрицанием приводимых фактов и аргументов, как это показывают совсем недавние дела об освобождении Е. Васильевой или материалы ФБК о сомнительном происхождении собственности у семейства министра обороны С. Шойгу, связи семьи генпрокурора Ю. Чайки с организованной преступностью, диссертационного плагиата спикера парламента С. Нарышкина или зам. председателя Верховного суда О. Свириденко и десятков других функционеров. Аресты высокопоставленных чиновников разного уровня идут еженедельно, но их обсуждение (прежде всего выявление причин, природы внезапного обогащения и избирательного привлечения к ответственности) в публичной сфере оказывается крайне ограниченным или невозможным, наказуемым (как показывает пример Левада-Центра, включенного в реестр «иностранных агентов»). Цензура цензурой, но сами эти факты, разумеется, откладываются в массовом сознании, хотя и не становятся предметом систематической проработки. Речь не о размере хищений или рутине присвоений чужой интеллектуальной собственности, а в стойких, хотя и не очень определенных, генерализованных подозрениях, широко распространенных в обществе, относительно систематического характера нарушения законов РФ и общепринятой морали всеми, кто имеет власть любого рода, начиная с высших лиц в государстве и кончая низовым уровнем администрации или полицейского.

Например, показательны здесь данные ноябрьского опроса Левада-Центра (N=1600): следят внимательно за громким делом А. Улюкаева¹ лишь 30% опрошенных (что явно мало, поскольку само событие некоторое время было в топ-новостях и освещалось всеми федеральными каналами ТВ, интернетом, прессой; среди них преобладали пожилые люди, более образованные, но провинциалы – максимум приходится на малые города; в Москве эти показатели ниже среднего; среди молодежи следят за этим делом всего 10%); еще 48% «что-то слышали», а 22% ничего не знали об этом. Доминанта массовых установок – именно эти 48%, относительное большинство населения, индифферентная масса аполитичных, дистанцирующихся от политики людей, являющихся базой или несущей конструкцией путинского режима. На вопрос, бросает ли арест ministra, выступающего в образе руководителя экономического блока прежних либералов и реформаторов, занимающих важнейшее место в правительстве, тень лично на президента, определяющего политику в стране и состав высшей лиги, и на премьер-министра, ответы были: на Путина – «да» 38% (51% – нет), на Медведева – «да» 47%, «нет» – 40%. Но то, как осмысляется это событие, какие смыслы приписываются ему, показывает полную размытость и неопределенность массовых мнений: 36% опрошенных по инерции видят в этом начало «серезной борьбы с коррупцией» (а это то впечатление, которое хотело бы создавать о себе высшее руководство страны), «наступление силовиков на экономический блок в правительстве» – 21%, «борьба за передел сфер влияния между высокопоставленными чиновниками» – 30%, и 13% затрудняются ответить. Другими словами, ни одна из версий не является сколько-нибудь авторитетной. А это значит, что в том поле коллективных представлений нет сколько-нибудь авторитетных инстанций, могущих конфигурировать массовое восприятие, ни одна группа или даже институт, включая и государственные СМИ, не пользуется преимущественным доверием населения по отношению к этим проблемам.

Во всех указанных выше случаях действующий режим ясно давал понять общественности, что он будет отвечать на подобные обвинения и возмущенные протесты политикой массированных угроз, репрессивными законами,

¹ Я не берусь судить о его виновности или невиновности, речь в данном случае идет только об общественном резонансе, вызванном арестом ministra, чего до сих пор еще не было в постсоветской практике.

дискредитацией отдельных участников протестного движения, подавлением независимых СМИ и НКО². Достаточно объявить эти обвинения «заказными», направленными на подрыв «конституционного строя», государственности, чтобы, по крайней мере, формально нейтрализовать их апеллятивно-моральный потенциал и поставить их в один ряд с враждебными действиями «пятой колонны» и «иностранных агентов»³.

Приписываемые им таким образом целевая направленность (инструментализм) и меркантилизм позволяют снимать их ценностную значимость, что дает повод «обществу», «публике» освободиться от обязательств реагировать на вопиющий характер приводимых фактов. Вместо ценностно-рациональной позиции (веры в некие блага, идеалы, ценности альтруизма и «общественного блага») утверждается универсализм всеобщего нигилизма, исходящий из самого примитивного представления о голом в культурном отношении человеке – остаточном представлении человека распределительного,

² Примерно так высказался руководитель СК А. Бастрыкин, недовольный публикациями журналиста «Новой газеты», увезя его в лес и объясняя ему, кто он и что его ждет: «Тебя убьют [я убью], а я буду расследовать это дело». И не нужно долго убеждать людей, что подобные угрозы не пустые слова: убиты С. Магнитский, А. Политковская, Б. Немцов, осуждены А. Навальный и его брат, посаженный за него, идут показательные процессы по «Болотному делу», осуждены краснодарские экологи, пытавшиеся обратить внимание общественности на злоупотребления губернатора А. Ткачева, и т.д., не говоря уже о «профилактической» работе Минюста или Роскомнадзора, ФСБ в отношении организаций «иностранных агентов» или вообще «нежелательных организаций». Этот ряд примеров может долго продолжаться, так как речь идет о систематическом подавлении любых протестных голосов против режима.

³ Отсюда участившиеся заявления депутатов ГД о том, что критика коррупции – это способ разрушения российского государства, одна из тактик «цветных революций» по дестабилизации социального положения в России. «Борьба российских властей с «пятой колонной» Запада, с «иностранными агентами» полностью оправдана, считают 40% опрошенных россиян (ноябрь 2016), 35% затруднились ответить на соответствующий вопрос, и лишь 25% видят в этом стремление власти «защитить себя от критики со стороны общества», полагая, что «в стране нет никакой пятой колонны». Лидеры оппозиционных партий и координационных комитетов протестного движения не смогли добиться согласия в стратегии и тактике дальнейших действий и утонули в склоках и выяснении отношений между собой, утратив доверие и поддержку значительной части недовольных положением вещей в России. Власть воспользовалась этими разногласиями (отчасти ею же спровоцированными) для дискредитации оппозиции, заявляя, что это не политики, озабоченные нуждами и проблемами простых людей, а всего лишь – политики, демагоги, рвущиеся к власти, использующие обычных людей как средство для достижения своих целей (скрытый смысл этой риторики заключался в том, что «они – такие же, как мы», а потому – какой резон менять одних демагогов и жуликов, нас на других). Проекция массовых представлений о власти на оппозицию придает этим заявлениям убедительность.

дефицитарного режима, населения советского барака, завистливого, хронически обделенного и недоверчивого, ждущего любых неприятностей от окружающих – от кражи и бытового насилия до доносов и ареста. И, что в данном плане самое важное, это представление устанавливает консенсусное согласие относительно «подлинного» или «настоящего» видения человека. Здесь сходятся абсолютно все группы российского социума, от кремлевских до антипутинцев. Нигилистическое представление о человеке, в свою очередь, оказывается условием идеологии пластичности сознания, тотального манипулирования людьми (общественным мнением) и всемогущества пропаганды, поскольку при этом одновременно отрицается социальная сущность человека – «структуры общества», интернализированные индивидом в процессах социализации и повседневного взаимодействия. Это представление о «пустом человеке» (включая механизмы социального недоверия или цинизма, разрушающего позитивные значения доверия, веры, уверенности в Другом или Других) оказывается базой антропологии постсоветского общества.

Такого рода механизмы девальвации императивов гражданской солидарности определяют коллективное «подсознание» и образуют модус общественного равнодушия и неподвижности (псевдоапатии или «пассивности») населения. Общественное мнение сегодня погружается в пространство перед вопросом: где, откуда взять эти формы общественного контроля над правительством и бюрократией, предупреждающие возможность злоупотреблений? Революционное насилие как способ установления социальной справедливости и изменения системы господства решительно отвергается всеми группами населения¹, причем не только из рационального сознания его последствий, но и из-за страха «голого человека» перед иррациональностью действительности, неверием никому, включая и себе. «Голый человек» – это не просто человек вне ценностей (культуры), но и без функциональных связей с другими людьми в их разнообразии и самодостаточности. Поэтому «голый человек» мыслит в тотальных категориях (народ, тысячелетняя Россия, единая страна, апеллятивное коллективное «мы», а не коммуникативное «я» или такое же «мы»), оперируя неподвижными, неисторическими «целостностями», которые только и могут придать

¹ Что самым беззастенчивым образом эксплуатируется режимом, навязывающим обществу угрозу «цветных революций», инспирированных Западом.

ему некоторое значение. В этом его отличие от человека современного общества, для которого реальность представлена в виде наличных структур взаимодействий с другими – ролями, группами, институтами.

Сама по себе эта неопределенность, невозможность ответа на вопрос об изменениях (образах будущего) не может рассматриваться как естественная или природная характеристика постсоветского человека, как элемент культурной метафизики. Правильнее было бы видеть в этом процессуальный признак: симптом эрозии или, точнее, конец большой идеологической платформы – веры в демократический транзит или общего убеждения, что начатые при Горбачеве изменения так или иначе приведут страну к состоянию «нормальности», под которым понимается прежде всего некое подобие жизни «как на Западе». Именно данное обстоятельство объясняет то, что большая часть из россиян, симпатизировавших протестному движению и разделявших их лозунги и оценки ситуации, оказались к концу 2013 г. деморализованными и дезориентированными. Они утратили перспективу (представления о будущем страны) и не знают, что делать дальше. Фрустрации такого рода после присоединения Крыма к России дали компенсаторный эффект: возможность выплеснуть свое унижение (в превращенной форме антiazападного рессентимента) наполнила россиян гордостью за страну и самоуважением². Работает здесь более общий, важнейший механизм «негативной идентичности», в том числе зависимость от идеального Запада. Снижение притягательности и значимости «утопии современности» оборачивается повышением самооценки. Причем здесь важно принять во внимание «тотальность» или целостность взаимосвязанных проекций – воображаемого Запада и самих «нас», которые вытесняют или не допускают альтернативного сознания сложности социальной системы: многообразия социальных групп, функционально связанных между собой, а значит – идеи социального взаимодействия, множественности субъектов действия, понимания возникающей при этом ответственности актора (индивидуального или группового, институционального), рациональной оценки имеющихся в его распоряжении ресурсов и т.п.

² Реакции такого рода имеют много общего с инфантилизмом и подростковой девиантностью, например с демонстративным вандализмом уличного поведения. Это – не просто самоудовлетворение от нарушения принятых норм, праздник непослушания, это символическое утверждение себя, своего присутствия в глазах сверхзначимого Другого – воображаемого «Запада», США и т.п.

Сам по себе феномен патриотической эйфории 2014 г. свидетельствовал о выходе на поверхность советских (и даже досоветских имперских) стереотипов — символов «Великой державы» (или морока «Великой России»). Однако актуализация подобных установок означала радикальную массовизацию или гомогенизацию социальной структуры российского общества, обнажение ее примитивности или уплощенности¹. Одно только это обстоятельство уже должно было бы означать полную ничтожность упомянутых на формирующемся «средний класс» как социальную основу модернизации и европеизации страны. Но подобную одномерность следует рассматривать так же, и как симптоматику идеологической стерильности общества: она говорит о том, что никакой содержательной основы (идей, групповых ценностей, интересов, мотивирующих их поведение) для выделения слоя, страта, который можно было бы признать самодостаточным, мы здесь не обнаруживаем. Говорить о воспроизводящейся самоидентичности социальных групп, относимых в соответствии с социологической теорией к «среднему классу», нет оснований: нет признаков автономности и устойчивой самоорганизации, групповой солидарности, готовности к репрезентации и отстаиванию своих групповых интересов и т.п., всего того, что характеризует интенсивные процессы социальной морфологии и развития модернизирующихся стран.

Абсолютное большинство населения примкнуло к антиукраинской и антизападной кампании действующего режима по мотивам, которые нельзя однозначно охарактеризовать: здесь соединяются *прагматический оппортунизм* («необходимость» приспосабливаться к наличному социальному порядку, включая пассивную готовность «терпеть», то есть принимать навязанные режимом правила поведения, демонстративной лояльности и самоцензуры) с *компенсаторным национализмом* и реанимацией *имперского превосходства* над другими.

Эту внутреннюю коллизию можно выразить иначе: *идеологические интересы* социальных групп или слоев², ориентированных на

¹ Нельзя привести более сильные аргументы в защиту обоснованных сомнений в наличии среднего класса в России критики официозной идеологии времен президентства Медведева. Этот «средний класс», который российские социологи и экономисты вместе с кремлевской пропагандой объявили основой стабильности действующего режима, оказался начисто лишенным чувства собственного достоинства или способности к рождению идей и ценностей, которые могли бы свидетельствовать об автономности или самодостаточности этой группы.

² Правильнее было бы сказать «социального множества», учитывая аморфность и социальную рыхлость этих групп.

развитие страны, то есть на западные модели, руководствующихся идеями демократического транзита, а значит — видящих, осмысляющих происходящее в парадигме перестроющей трансформации социалистического общества, вступили в противоречие с «реальностью», то есть с «практическими» или материальными интересами адаптации к сложившемуся и действующему социальному порядку формирующейся деспотии, «мафиозного государства», «плутократического» или «персоналистического» режима, определяющего рамки повседневного существования³. За нормативностью «фактического» положения вещей скрывается признание силы и интересов правящего режима, одержимого заботой самосохранения, удержания власти в своих руках, а значит — подавления критиков и оппонентов, с одной стороны, и коллективного оппортунизма общества или населения, с другой. Этот момент важно подчеркнуть: речь идет не о разных мнениях и взглядах разных людей, а о разных мнениях или взглядах одних и тех же людей.

Недоверие к социологии

В этом неявном столкновении взгляды либералов, не подкрепленные практическими интересами, готовностью к их отстаиванию и реализации, следует рассматривать как иллюзии самодовольной «интеллигенции» (вне зависимости от того, кем в социально-профессиональном плане оказывались причисляемые к ней субъекты — экспертами, предпринимателями, журналистами, менеджерами и т.п.). Самодовольство либералов проистекает из ложного чувства своей особости, рожденного средним звеном бюрократии еще в советское время из претензий на автономию и более высокий статус (благодаря образованию и ценностям «убеждений»). Но реакция «продвинутого» слоя на шокирующую действительность 2012–2014 гг. была разочаровывающе «массо-видной», повторяющей привычные формы поведения населения в целом: редукция сложности, сведение сложных по своей сути явлений

³ В научной среде отсутствует согласованное или общепринятое понятие путинского режима. Ни одно из циркулирующих в литературе понятий посткоммунистических режимов (такие определения, как авторитарный, гибридный, персоналистический, плутократический и др.) не является сколько-нибудь удовлетворяющим для описания возникших после краха коммунизма систем господства. Такое положение само по себе оказывается теоретической проблемой, для решения которой пока не предложено сколько-нибудь пригодных средств. О сложности концептуализации подобных режимов более подробно см.: Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: НЛО, 2016. С. 6–20.

и процессов к простейшим формам объяснения для защиты своих взглядов, самоизоляция, вытеснение («дереализация») всего, что «неприятно» и подрывает коллективную идентичность¹.

Недоверие к социологии («не верю я в эти 86%») стало такой же формулой, как и «крымнаш». Нельзя сказать, что для недоверия нет оснований: деятельность основных прокремлевских служб опросов общественного мнения и ряда других организаций, сотрудничающих с государственными ведомствами, подчинена задачам пропаганды и оптимизации политических технологий, разрабатываемых управлением внутренней политики администрации президента, или интересам региональных властей. Проблемы, волнующие и значимые для общества, здесь, если и затрагиваются, то лишь косвенным образом, а потому получают искаженное отражение. Это вполне очевидно, и публика не требует особых доказательств их объективности или неангажированности. На это указывает с достаточной ясностью как выбор тематики массовых опросов, так и формулировки диагностических вопросов, не говоря уже о выступлениях руководителей этих служб. Можно ли пользоваться их данными и доверять качеству получаемой ими информации? На этот вопрос однозначно ответить нельзя. Как бы я ни относился к работе этих служб, должен сказать, что в целом их результаты показывают достаточно устойчивые тренды и значимые колебания в массовых настроениях, которые при вполне оправданном критическом отношении к этим обслуживающим власть организациям могут приниматься в рассмотрение заинтересованными аналитиками (если только последнее в состоянии интерпретировать подобные материалы). Умение отделять ценностную или идеологическую ангажированность польстера от содержательности полученного материала, то есть критически оценивать *способы получения* эмпирических данных, выявляя предметное содержание результатов опросов, это *социальная способность*, обусловленная развитостью публичной сферы, навыков ведения дискуссии и анализа. Проблема, на мой взгляд, заключается именно в этом: в ограниченности ресурсов социальной рефлексии и возможностей ин-

¹ То, что доступно читателям немецкой газеты, недоступно пониманию наших «профессионалов»: «Чем маргинальнее в политическом плане та или иная позиция, тем с большей аллергией она относится к фактам» (Alard von Kiilitz: «Wo es keine gemeinsame Faktenlage gibt, wird nur noch über Wirklichkeitsbilder gestritten. Nicht mehr über Handlungsoptionen. Die Lüge lähmt die Politik // Die Zeit, 25.08.2016. S. 48 (заголовок статьи – «Где нет общего основания фактов, там все еще спорят об образах действительности. Но не о вариантах действия. Ложь парализует политику»).

терпретации анализа процессов в российском обществе. Отдельный индивид (не социолог, не специалист, не профессионал), разумеется, не в состоянии проделывать такие процедуры проверки. Удостоверять качество полученной работы может только само профессиональное сообщество (рамки которого выходят за границы национального государства – в противном случае мы получаем очередную лысенковщину), а достоверность работы самого профессионального сообщества зависит уже от его авторитета в образованной среде – академических кругах от колоннаучной публики, репутация которых складывается на протяжении длительного времени. В нашем случае, российская социологическая общественность молчит и не вмешивается в эти словопрения по разным причинам – из-за оппортунизма, своей государственной принадлежности (и в силу этого неизвестности и неавторитетности для широкой публики).

Последний скандал с мстительным увольнением с государственной службы свежеиспеченных академиков яснее ясного говорит о ничтожности авторитета Академии наук и отсутствии у нее хоть какой-то автономии. Нельзя сказать, что она этого не заслужила. Так или иначе, мы выходим на проблему функции социального знания в обществах разного типа, социальных предпосылках производства знания и структуре общества как априорного условия его значимости. Другими словами, это проблема социальной эпистемологии и общественного контекста отношения к знанию и социальных характеристик его востребованности.

«Недоверие» оказывается условием поддержания социально-групповой идентичности в ситуациях, когда других интеллектуальных средств понимания происходящего нет или они явно недостаточны. Иначе говоря, это не только специфическая форма утраты доверия к средствам познания и интерпретации (конструирования) действительности или проявление характерного для посттоталитарной массы опыта нейтрализации идеологических акций и кампаний власти, но и доминантный для тоталитарных и посттоталитарных обществ механизм негативной идентификации, принципиально важный для понимания их антропологии и культуры².

² Интересно, что позиция либеральных политиков в данном отношении полностью совпадает с самыми массовыми установками к СМИ и другим источникам информации. Так, заявление В. Милова на семинаре («Русский национализм и его политическое измерение» 21.01.2016) в «Мемориале» дословно совпадает с высказыванием респондентки о СМИ на фокус-группе, проводимой в Левада-Центре: «Я доверяю только тем данным, которые совпадают с моим мнением».

Проблема «утраты доверия» части либеральной общественности к социологии как инструменту описания, понимания и интерпретации социальной действительности интересна и в общем смысле, как предмет изучения (как характеристика ущербной, неразвитой или неполнценной социальности). Но она очень важна и для нас самих, для сотрудников Левада-Центра, поскольку здесь затрагиваются отношения с имплицитным адресатом производимого нами социального знания, с «генерализованным Другим», а значит – с теми, от кого исходит социальное признание смысла и ценности научных разработок. Разумеется, процесс познания имеет смысл и чистое вознаграждение в себе самом, но это далеко не всегда (и не для всех) может быть главной составляющей мотивации исследовательской деятельности. Практическая роль знания (включая престиж, социальный статус ученого, осознание важности просвещения, а также обеспечение потребительского спроса на социальную информацию) является условием институционализации социальной науки и устойчивости ее функционирования в среде конкретного общества.

До 2009 г. (до выборов в том году) серьезных проблем в отношении к качеству производимого социологами знания в нашей практике не возникало. Редкие эксцессы недовольства отдельных категорий политически ангажированной публики: коммунистов, жириновцев или яблочников, были вызваны раздражением фактами снижения поддержки их партии у избирателей. Но начиная с 2011 г. принципиальное недоверие к данным социологов стало широко распространенным мнением среди демократов, особенно после выборов 2012 и 2014 гг.¹ До этого «социология» была важнейшим средством подтверждения мнений среди прозападной публики. Но здесь важно подчеркнуть один момент: под социологией эта публика (как и те, кто занят укреплением и защитой путинского режима) понимала и понимает исключительно лишь форму опросов общественного мнения относительно политических или, еще точнее, избирательных установок населения, средство их диагностики и описания («...у нас была со-

¹ И одновременно начался очередной момент прессинга на «Леваду»: в 2013 г. прошло несколько комплексных проверок деятельности центра, задачей которых был поиск доказательств заказного характера исследований, взаимосвязи зарубежного финансирования и манипулирования результатами опросов с политическими целями. Проверку осуществляли сотрудники прокуратуры, Минюста, МВД (отдел по борьбе с экстремизмом), налоговой службы. Нельзя не подчеркнуть для нашего анализа синхронность этих явлений – кризис доверия либералов и попытки государства уничтожить организацию.

циология», «...и мы перед выборами заказали социологию»). Подозрения или отрицание результатов касается только этих тематических зон; материалы таких же точно по методам получения информации исследований – экономического поведения, религиозных установок, литературной культуры, исторической памяти, стратификации, ксенофобии, отношений между врачами и пациентами, учителями и родителями школьников и т.п. – никогда и никем не ставились под сомнение, какой-либо идеологической или методической критики в этом отношении не появлялось. Но и какого-либо интереса публики они точно так же не вызывали (что по-своему примечательно и может служить средством диагностики образованного или культурного «общества»). Иначе говоря, причиной раздражения и неприятия ангажированной части публики (как либеральной, так и прокремлевской) стали данные, показывающие уровень массовой поддержки Путина или «Единой России», равно как и наше стремление раскрыть неоднозначность или природу этого отношения к власти.

Пик обвинений социологов пришелся именно на 2014 г., когда после присоединения Крыма рейтинг Путина, медленно падавший с 2009-го до января этого года, взлетел до 87% и более.

Приведу рассуждение Д. Травина, руководителя Центра исследований модернизации ЕУСПб, уважаемого мной политэконома, выступающего, как ему кажется, с позиции «здравого смысла», но воспроизводящего самые частые стереотипы российского дилетанта. Оно совсем недавно попалось мне на глаза и в контексте настоящего разбора заслуживает гораздо большего интереса, чем высказывания Г. Саратова или Г. Юдина, мнящих себя «профессиональными социологами». (Курсив везде мой. – Л.Г.). Травин делит все массовые опросы на три категории. «Во-первых, когда людей спрашивают о том, о чем они думают каждый день. Во-вторых, когда мнением респондентов интересуются по проблеме, о которой они обычно не думают, но которая требует их однозначного решения. И, наконец, в-третьих, когда задается вопрос о том, в чем народ плохо разбирается и что никаких конкретных решений от него не требует. <...> Получить представление о реальных предпочтениях общества довольно сложно, поскольку Путин или Навальный в массовом сознании сильно мифологизируются и наделяются свойствами, которых реально не имеют. Один образ героя формируется в массовом сознании,

когда СМИ его постоянно хвалят, но совсем другой — когда они рассказывают о его корысти, коррумпированности и человеческой непорядочности. Изменится картина в медиапространстве — и за пару месяцев кардинальным образом могут измениться оценки населения¹. Травин полагает, что «респонденту ведь не приходится реально выбирать курс и нести ответственность за свой выбор собственным кошельком. Поэтому он скажет о своих предпочтениях в самой общей форме. И запросто изменит ответ, как только получит иную постановку вопроса или новую информацию для ответа. Так что нынешняя поддержка населением путинского курса *свидетельствует скорее о качестве машины для промывания мозгов, а не о самих мозгах российских граждан*. Все привычные нам представления о сознании отечественного обывателя могут быстро перемениться в иных условиях. Путин сразу перестанет быть популярен, если его начнут не хвалить, а разоблачать с помощью телевидения» (неясно только, когда и почему Путина вдруг перестанут хвалить и начнут разоблачать, и еще больше — кто собственно? Отметим также характерную вневременность и безличность, или точнее — бессубъектность кондициональной модальности рассуждения: «как только, если...». — *Прим. Л.Г.*)². Эта социология говорит не о реальной жизни общества, а скорее о стремлении к идеалу. Реальный же настрой человека трудно «засечь» массовым опросом». «Если какой-нибудь профессор социологии посадит пару въедливых аспирантов покопаться в деталях реальной жизни российских граждан, мы получим о ней больше информации, чем от массовых опросов, при которых люди говорят не о своем повседневном существовании, а о ментальных конструкциях, создаваемых из страхов, желаний и фобий с поправкой на систему промывания мозгов». Итак, общий вывод: «В практической жизни все устроено совсем не так, как в головах» или «В действительности мы сильно искажаем наши представления об обществе в угоду моде на массовые опросы»³. «Итог их исследований скорее искажает реальную картину жизни, чем помогает понять нам существующее в обществе положение дел»⁴. Суммируя травинские аргументы: «в действительности все иначе, чем на самом деле». Такова точка зрения носителя

сознания «наивного реализма», не ведающего о каких-то там проблемах методологии знания, процедурах верификации или фальсификации фактических утверждений, даже не подозревающего о давних дискуссиях этого рода или логике смены научных парадигм, индукционизме, конвенционализме и т.п.⁵ — Неведение такого рода означает, что социальные науки в России не стали автономной институциональной сферой, конституированной методологической самокритикой — «институционализированными процедурами сомнения», а по-прежнему являются кустарной индустрией, мануфактурами прагматически затребованных сведений.

Первая версия (она сегодня наиболее распространенная) — социологи после смерти Ю. Левады «продались»: Левада-Центр «растлевает Золушку» (=демократических избирателей), заявлял в 2013 г. Г. Сатаров, сознательно задает не те вопросы, которые отражают реальные мнения людей. Опросная социология легитимирует путинский режим (Г. Юдин, «оппозиционные» журналисты и т.п.)⁶.

Вторая, несколько более сдержанная: у них неправильная выборка, ошибки в методике и организации проведения опросов, неправильно формулируются вопросы. Надо задавать такие вопросы, которые давали бы «нужный» или «правильный» ответ. Это стереотипная реакция недовольных полученными данными, причем она характерна как для кремлевских, так и для либеральных демагогов (того же Сатарова). В какой-то своей части эта позиция

⁵ Об этом см.: От рациональности сущего к субъективной рациональности. В книге: Гудков Л. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994. С. 277–350.

⁶ Примечательно, что такой же тип сознания и логика обоснования характерны и для представителей властных институтов: подобные сатаровским аргументы содержатся в доносе на Левада-Центр руководителя «Антимайдана», тогдашнего сенатора, а сейчас депутата ГД Д. Саблина, в «Акте проверки» деятельности Левада-Центра Минюстом, перешедшие полностью в текст постановлений судов, признавших Левада-Центр «организацией, выполняющей функции иностранного агента». Сочетание «получения денег от иностранных организаций» за выполненные исследовательские работы и «публикация результатов социологических опросов», содержащих нелестные для власти или депутатского корпуса мнения людей, заведомо толкуются как политическая деятельность, осуществляемая в интересах других стран и имеющая целью подрыв основ конституционного строя России. Это ничем не отличается от утверждений о купленных прокремлевских социологах. В обоих случаях — и в отношении демагогов к социологическим опросам, и в демагогии представителей правоохранительных органов (Минюста, прокуратуры), — пропускает одна мыслительная стратегия: опросы общественного мнения — это заведомое манипулирование другими, чисто инструментальное воздействие на других; это не условие прояснения структур взаимодействия в обществе, не само «общество» как таковое, а использование другого/других как ресурс собственного действия, реализации своих утилитарных интересов.

¹ Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб.: Норма, 2016. С. 308.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 311–312.

⁴ Там же. С. 307.

дополняется методической критикой массовых репрезентативных опросов, основывающейся на «нерелевантности» вопросов социологов для населения, озабоченного совсем другими проблемами, нежели те, что представлены в анкетах социологов (В. Воронков, Д. Рогозин). Данную позицию уже довольно давно представляют российские эпигоны западной гуманистической социологии читатели П. Бурдье, повторяющие их аргументы о неадекватности «количественной социологии», базирующейся на концепциях символического интеракционизма или структурного функционализма, действительности «жизненного мира» людей, культуре «повседневности» и т.п. Критика идеологии господства, лежащей в основе больших теорий академической социологии, в нашем случае воспроизводится в виде отрицания значимости массовых репрезентативных социологических опросов. Это довольно архаическая в эпистемологическом смысле позиция, требующая от социологии адекватного «отражения» полноты реальности. Она характерна в первую очередь для нового поколения претенциозных российских социологов, плохо образованных и не имеющих собственного ресурса — как концептуального, так и «человеческого» или материального — для серьезной исследовательской работы и лишь повторяющего некоторые зады этнometодологической критики в западной социологии 1970–1980-х гг. или остатки марксистской парадигмы¹.

Третья — социологические опросы в условиях авторитарного режима бессмысленны, потому что люди врут, неискренни в своих ответах, «боятся отвечать». Такая позиция стала встречаться все чаще в последнее время (политологи или скорее публицисты, западные наблюдатели). Она не более обоснована, чем другие версии неадекватности или вредности социологических опросов, но для критиков кажется более правдоподобной и убедительной².

¹ Гудков Л. Проблема повседневности и поиски альтернативной теории социологии. В кн.: ФРГ глазами западногерманской социологии. М., 1989. С. 296–329.

² «Когда рейтинг в 85% и более превратился в обыденность, немало близких нам людей стали объявлять, что они этого не приемлют. Часть обвиняли Левада-Центр в методических ошибках, часть — в том, что он продался, часть заявляли, что этот рейтинг — бессмыслица и его надо перестать измерять, часть — что его, по крайней мере, не надо публиковать. В Левада-Центре с пониманием относятся к таким реакциям. В них много горечи и боли, но они же — знак нежелания отказываться от ценностей и идеалов, с которыми эти люди выходили на многотысячные митинги в давнем и недавнем прошлом... Есть своя слабость в том, чтобы отказываться принимать эти реалии (знаем, нашу слабость видят в том, что мы их принимаем). Есть свое мужество в том, чтобы принять эти социальные импульсы за данность и не отво-

Наиболее яростная, обличительная демагогия такого рода исходит от «проигравших» в политических кампаниях прежних лет — бывших высокопоставленных чиновников или «аналитиков» при ельцинской администрации (прежней политической службы власти), вынужденных быть в оппозиции к действующему режиму и таким образом переквалифицировавшихся в демократов. Но они не авторы этих мнений, а лишь пользователи; они заимствуют в своих целях образцы тех желчных оценок социологии, которыми переполнен интернет. Подчеркну лишь один момент — подозрения в продажности социологов или заведомой ангажированности (подтасовки социологических данных) отнюдь не продукт интеллектуальной работы или мнения изошренной элиты, напротив, это рефлекс низовой культуры, цинического опыта тривиальности обмана в повседневной жизни, массовой убежденности во всеобщей и тотальной коррумпированности российского общества сверху донизу, или, иначе, низкий уровень институционального и межличностного доверия, характерный для тоталитарного и пост- тоталитарного социума. Никакой компетентности или обоснования упреков в «ошибках» социологии критикам не требуется, и чаще всего авторы подобных заявлений их не приводят.

Аргументация третьего типа кажется более сложной и веской: люди неискренни, потому что боятся говорить о своем отношении к власти или не хотят отвечать на те вопросы, которые для них незначимы и непонятны³. Стало быть,

рачиваться от них, так это положил Юрий Левада. Но свое мужество отчаяния есть и в том, чтобы пытаться сохранить свои устои хотя бы тем, что отказывать новым реалиям в реальности. Мы понимаем: для этих людей настоящее — ненастоящее. Это помогает им сохранить веру в то, что еще придет настоящее будущее — такое, как надо». Левинсон А. Заоблачный рейтинг как элемент массового сознания. Историческому фатализму есть на что опереться в отечественной истории // Ведомости. № 3838 от 26.05.2015. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/05/26/593616-zaoblachnii-reiting-kak-element-konstruktii-massovogo-soznniya>.

³ См., например, дискуссию «Можно ли верить/ доверять социологии?», состоявшуюся 15.09.2016 г. в Сахаровском центре, где подобные аргументы представляли Е. Шульман и Г. Юдин. URL: <http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=2722>. О проблеме «доверия/ недоверия» и их особенностях в СССР и РФ см.: Хоскинг Дж. Доверие. История. М.: РОССПЭН, 2016; Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // ВОМ. 2012. № 2. С. 8–47. Порождающее недоверие — это исторически определенное явление, результат или реакция на систематическую политику Кремля, разрывающую межгрупповые связи и коммуникации и подавляющую возможности рационализации текущего положения дел, прежде всего возможности открытого обсуждения политики. Институциональная система власти, имеющая в основе своей насилие (хотя бы в форме лжи или безальтернативной демагогии) порождает с неизбежностью структуры негативной идентичности как базиса общества, что, в свою очередь, компенсируется

проблема в «искренности» или «подлинности» фиксируемых мнений населения, в «правде», посыпке, что есть некоторый пласт реальности, который не фиксируется методами нынешней российской социологии (или вообще теми технологиями, на которых строятся массовые репрезентативные опросы¹). О наличии или масштабах распространения такого пласта *коллективных* мнений нет никаких методически операционализируемых, то есть контролируемых по способу своего получения, фиксации и проверки, свидетельств. Предположение, что, помимо конструкций смысловых взаимосвязей, получаемых в ходе социологических процедур (массовых опросов, групповых дискуссий, глубинных интервью и т.п.), есть еще какая-то реальность, представляет собой не что иное, как ценностное утверждение, постулирующее существование объектов (социальных образований), не имеющих методически принятых, то есть подтверждаемых эмпирически, способов проверки и фальсификации². Иными словами, статус этой реальности – метафизика (почти в традиционном значении этого слова). Источник подобных утверждений – внутреннее чувство, обыденный опыт, не знание, а интуиция самих критиков или несогласных с данными

символизмом имперского стиля, государственно-национальным величием. Большой стиль Великой державы здесь важен как условие освобождения индивида от ответственности за положение дел в тех сферах, которые монополизирует власть, принуждающая к коллективным идентичностям и символам. Одно не может существовать без другого.

¹ Некоторый шум об очередном провале социологов, на этот раз американских, поднялся после победы Трампа и был подхвачен с большим пылом в России (опять-таки здесь первыми отметились все те же авторы: Г. Юдин, Д. Рогозин, Е. Шульман), но потом так же быстро угас, когда после подсчета голосов выяснилось, что Х. Клинтон получила на 2,5 млн голосов больше, чем ее конкурент, и социологи дали в целом правильный прогноз.

² Корректность используемых методов организации массовых опросов, адекватность формулировок диагностических вопросов, гипотезы и т.п. вопросы, разумеется, могут и должны обсуждаться, качество получаемых данных подлежит систематической дисциплинарной критике и проверке. Валидность получаемых научных данных определяется только в рамках соответствующих теорий, которые задают характеристики того, что такое «факт», как он производится (то есть указания на генетические процедуры отбора и сопоставления имеющихся концепций), где проходят границы значимости эмпирических высказываний, доступность для релятивизации и т.п. О чем, видимо, критики социологии не подозревают. Поэтому в данном случае речь идет о более общих мотивах отторжения от социологического знания, которые не затрагивают план профессиональной экспертизы качества социологических опросов. Предшествующая фаза неприятия массовых опросов (в профессиональном плане столь же безграмотная, как и нынешняя) была связана с посыпкой, что количественные методы в социологии общественного мнения не «работают», что «подлинное знание» можно получить только путем качественных методов – в ходе глубинного неформализованного интервью, включенного наблюдения или в ходе групповых дискуссий.

ми социологов. Но, как известно, «интуиция» (если обойтись без экстрасенсов и колдунов) – это набор конвенциональных мнений и взглядов, принятых в определенной среде, поэтому не контролируемых, но обладающих особой «эвидентностью». В данном случае – в среде, где концентрация негативно относящихся к действующей российской власти людей значительно выше среднего по России (необязательно при этом открыто выступающих против путинского режима). Здесь «очевидность» подбираемых, удобных для психологического самоподтверждения фактов и нерефлексивных посылок задана самоощущением индивида, принадлежащего к этой социальной среде или социальному множеству³. Именно отсюда рождается тезис об «искренности» других респондентов. Другими словами – имеет место перенос своих догматических представлений «на неопределенно широкий круг лиц» (как выражается прокуратура в своем определении «НКО – иностранных агентов»), безапелляционное приписывание «обобщенным другим» своих взглядов и мотивов действия, своих общественно-политических установок и способностей к их артикуляции. Отрицать эти обстоятельства было столь же глупо, как и полагать, что есть «правильные» и неправильные социологические вопросы и ответы.

В этом смысле широко распространенное в среде нашей образованной публики убеждение, что есть «реальность», подтверждаемая практическим поведением, и есть «мифы», ментальные представления, не имеющие соответствия в повседневной жизни, следствие не просто заблуждения, а проявления интеллектуальной и социальной или культурной неразвитости нашего «образованного общества». Суть проблемы в том, что значит в функциональном плане предикат существования тех или иных объектов суждения, модальная связка «есть» между ними, какие социальные или символические конфигурации значений она соединяет и с какими последствиями и для кого. Почти сто лет назад У. Томас сформулировал свою знаменитую теорему («Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях»), социологически строго представившую то, что давно было известно внимательным наблюдателям человеческой жизни:

³ Здесь надо подчеркнуть, что не все те, кто недоволен путинским режимом, могут быть отнесены к «среднему классу», особый тип негативного отношения к действующей власти наблюдается, например, среди социально депримированных групп населения (пенсионеров, бедных, особенно в провинции, где сильнее распространены остаточные советские или государственно-патерналистские представления).

человек – существо, живущее в мире символов и знаков, которые он создает для взаимодействия с другими людьми и для самопонимания. Этот мир воображаемых или мнимых сущностей – не просто собрание иллюзий, фантомов, идеалов или воплощений страхов, зла, гипостазированных реакций отвращения, бесчестия, подлости, это средства регуляции социальных отношений в обществе, которым научаются, которые, в свою очередь, контролируются, изучаются, накапливаются, образуя историю обществ, оседают в архивах, библиотеках и других институтах, образующих ресурсы культуры, то есть потенциал «культивирования» человеческих множеств.

Поэтому потребность «не доверяющих социологии» в альтернативной реальности, подкрепляющей их представления, их интересы и надежды, неизбежно выводит их за рамки структурированной научной деятельности, самого института науки (не просто организованного сомнения, верифицируемого познания в какой-то области знания, но и взаимодействия с другими сферами получения знания, обмена интерпретациями и методами, а стало быть, междисциплинарного доверия). Единственная возможность для них обрести искомое состояние уверенности в своих определениях реальности – выйти за пределы сферы социально признанных источников когнитивного авторитета, то есть не просто ставить под сомнение те или иные методические процедуры производства знания, но и отказаться от идеи «культуры», смыслового многообразия. Именно эта редукция сложности человеческого поведения, идентичности, структур взаимодействия стоит за постулатом «реальности», «искренности» и т.п. способов сведения к модели изолированного индивида.

Такого рода социологический солипсизм, или закрытость, изолированность, «монадность» сознания, – результат аморфности (и слабости) представлений о структуре общества, характерных для российской образованной публики¹. Причины этой неопределен-

¹ Социология знания и идеологии убедительно показывает взаимосвязь интенсивного производства знания с процессами социально-функциональной дифференциации общества. Идущая от К. Маркса идея анализа производства знаньевых форм в прямой зависимости от тех или иных интересов социальных групп (классов) оказалась эвристически очень продуктивной для социологической разработки. Поэтому она воспринята не только последователями Маркса, но и оппонентами марксизма – М. Вебером, рассматривавшим процесс рационализации как поле взаимодействия идей и интересов, Г. Зиммемелем (в его работах по социальной дифференциации, социологии денег, аффектов), З. Фрейдом, К. Маннгеймом («Идеология и утопия») и нынешними социологами науки, литературы, религии, моды, молоде-

ности могут заключаться в диффузности и аморфности самой структуры общества и/или подавленности публичных средств рефлексии и дискуссий о состоянии общества, многообразии групп, интересов, отсутствии способов рационализации нынешней агломерации идеологических слоев².

Неразделенность «истины» («правды») и «знания» указывает на невозможность институционализации науки как «организованного методического сомнения», а значит – на зависимость ее от внешних критериев достоверности или правильности получаемого знания, неавторитетность в обществе самих ученых. В нашем случае – в качестве внешнего авторитета, удостоверяющего значимость полученных данных, выступает власть или ее ведомственные или иные представители (включая Минюст, прокуратуру и суд).

Следствием замыкания в кругу близких по образу мыслей людей является целый букет негативных особенностей социального слоя: фрагментация общественной и интеллектуальной жизни³, ригидность собственных убеждений, непонимание и неспособность к учету взглядов и интересов других групп, ограничен-

жи, элиты и др. Но исходным, конечно, для ранней социологии было вполне эмпирически наглядное многообразие новых форм человеческих отношений, типов людей, возникающее в конце XIX – начале XX века, которое исследователи пытались превратить в операциональное множество социальных ролей, типов авторитета, ставших основанием для целых направлений и парадигм в социологии (понимающей социологии, символического интеракционизма, феноменологической социологии, социологии культуры и др.). В России мы имеем дело с обратным по характеру процессом – последовательной примитивизацией взглядов на общество, ставшим заметным с установлением путинизма.

² Гомогенизация (политика уравнения социальных различий, достижение социальной однородности) общества ведет к стерилизации ресурсов групповой идентичности, подавлению сознания особости своих интересов и, соответственно, потенциала автономности и необходимости презентации в публичном поле своих прав и возвзрений. См.: Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России // ВОМ. 2016. № 1–2. С. 95–125. Именно отсюда возникает склонность оперировать натуральными (в методологии науки их называют «гипостазированными») целостностями, тотальностями, у которых нет артикулируемого субъекта высказывания («народ», «общество в массе своей», Запад, Россия и т.п., а значит – нет и выделенного или контролируемого субъекта действия, поскольку сам квантор общности – «все», «в реальной жизни», «на самом деле» и пр. – закрывает возможности критических вопросов). Политическая демагогия так эффективна, поскольку она работает с понятиями, происхождение которых заведомо скрыто, а их прослеживание логически запрещено (вроде идеологем «интересы государства» или «национальные интересы»; если только начать разбираться с подобными конструкциями, можно очень скоро выйти на то, что за ними нет никакого содержания, кроме интересов тех, у кого власть, и кто претендует на то, чтобы метонимически отождествлять себя и соответствующую понятийную «тотальность» – «государство», «нацию», «страну», «историю», «нравственность»).

³ Об этих явлениях много писал наш коллега Б. Дубин.

ность социально-политического горизонта происходящего, упорный догматизм и самодовольство. Другими словами, слабость собственного участия в общественно-политической жизни (вызванная подавлением свободы политической конкуренции, цензурой, закрытостью доступа к СМИ, узостью горизонта публичных дискуссий) выражается не только в *неспособности к социальному взаимодействию* (отсутствию партнеров), а потому и в вынужденном оппортунизме, но и в вытекающей отсюда крайней ограниченности способности мыслить, в одномерности представлений о структуре общества, склонности к оперированию опредмечеными понятиями (целостностей, диалектики). Обратной стороной этого типа личности оказывается воспроизведение (как и в массе населения в целом) комплекса жертвы и инфантильная пассивность, общее с массой населения сознание «выученной беспомощности». Можно сказать, что мы имеем дело уже с вторичной, то есть со самостерилизацией либерального и западного слоя в России¹.

Если внимательно отнестись к рассматриваемому тезису («искренности» или «страха» респондентов перед возможными последствиями участия в опросе, включая страх остаться в меньшинстве, а это две стороны одной посыпки), то в нем можно выделить следующие неявные содержательные моменты.

1. Априорно подразумевается: человек – самодостаточное и изолированное существо; каждый индивид (в роли респондента) сам в состоянии рационально и полно определять свое отношение к миру действительности, в том числе к таким чувствительным аспектам, как отношение «к власти», к «историческому прошлому страны», к другим странам, к участию в политической жизни, адекватно и детально (как эксперт) судить о характере конкуренции партий и т.п. Причем его суждения должны быть логически непротиворечивы и обоснованы. Такая модель человека – атомизированного индивидуалиста – воспроизводит характеристики утилитарного эгоиста, или «человека экономического» (в широком смысле, включая и человека «потребностного», как он представлен у Л. фон Мизеса или в пирамиде А. Маслоу). От социологического понимания

человека (институты, роли, образцы, социализация, конфликты) и даже от гражданского («политический человек») такое представление отличается более высокой степенью упрощения (результат сильнейшей социальной идеально-типической генерализации); оно лишено измерений «культуры», истории, передачи колективного опыта, общих идеалов или фобий. Подобный подход трактует человека как своего рода микрокосмос, а общество – как агломерат («куча») или множество изолированных друг от друга «монад», но подчиненных не лейбницевской предустановленной гармонии (общему стремлению к спасению, ориентации на общее благо) силовому полю социальности, а силе «механической солидарности» государства, удерживающего их в одном месте или замкнутом пространстве. Такой человек наделяется полнотой свойств «общества в миниатюре», но эта «монада» изолирована от внешних (социальных – групповых, институциональных) воздействий. Он по-бихейвиористски утилитарен в своих действиях, поскольку руководствуется в своих действиях и суждениях преимущественно соображениями пользы или узко понятой выгоды и старается избегать возможного ущерба.

В сущности, такая посылка воспроизводит образцы антропологии XVIII века с его рационализмом и философией «разумного эгоизма», то есть моделью человека, принудительно освобожденного от сословных предписаний и ограничений. Однако такая антропологическая схема явно устарела к концу XIX века или к завершению модернизационного перехода. С появлением социологии, которая сделала своим принципом конституцию реальности как взаимодействия (различных субъектов, групп, институтов при их функциональной взаимосвязи), стало быть, проблему «понимания» и объяснения Другого, и культур-антропологии, или социальной антропологии, потребовавшей принятия «чужого» как условие его объяснения и релятивизации собственных идеологических и догматических установок, этот образец эгоцентристского понимания реальности и европоцентризма стал уходить на периферию – в сферы экспрессивно-символических медиа (поэзии, массовой, «буржуазной» литературы). Сохранение в России модели рационалистической монады не означает культурную косность общества (застрявшего на фазе европейского Проповедования или имитации его эманципационного порыва, что в какой-то степени было характерным для раннего советского марксизма). Это не инерция просветительского способа мышления

¹ Надо бы вслед за Пушкиным раз за разом повторять: мы (структуры самоидентичности образованного слоя) ленивы и нелюбопытны. Но обычно обидность этой констатации нейтрализуется тем, что такое определение относится «к ним», а не «ко мне», социальная игра заключается в перемещении барьера или ключа значимости, в том, что «я-то, само собой разумеется, иной, но они все...».

ния, как это могло показаться на первый взгляд, а культурная редукция, деградация, примитивизация представлений о человеке, последовавшая после неудачи постсоветского транзита (рекомбинации прежних институтов, десятилетий советского тоталитаризма в путинизм).

В итоге мы имеем дело с моделью человека разочарованного, лишенного прежних надежд и иллюзий, в принципе уже неспособного к идеализму. Это схема индивида, от которого остались лишь самые элементарные характеристики: антропология потребителя. Другими словами, за таким антропологическим представлением стоит процесс длительного стирания морали, обесценивания собственного достоинства человека (независимо от того, чем это достоинство обеспечено – верой, этосом сословной принадлежности, культурой, знаниями, поведением). Можно сказать, что это результат негативной идентичности – вменение человеку цинической установки, но только в позитивной форме – в виде **институционализации недоверия**. Недоверие в данном случае – это не «отсутствие или слабость» позитивного доверия, а иное субстанциональное качество социальности, которое точно так же усваивается в процессах социализации, как и другие социальные навыки и способности, емущаются в ходе освоения форм насилия и структур негативной идентичности. Это не только пресловутая бдительность советских людей, навязываемая чекистами и писателями, но и базовая для массового сознания посылка – наличие врагов, внутренних и внешних (фактор «мирового заговора», «враги» как горизонт конституирования реальности действителен для основной массы населения в зависимости от формулировки вопроса их значимость обнаруживают от 52 до 80% опрошенных). И чем более социально активны и ангажированы респонденты, тем сильнее проступает в их образе реальности момент «врагов»¹.

¹ Для нашего разбора важно отметить два обстоятельства: отсутствие собственно публичных – научных или общественных – дискуссий ведет к тотальным подозрениям и беспеплационному характеру обвинений; и то, и другое связано – невозможность дискуссий и выбор самого примитивного объяснения, мотивированного стремлением символически уничтожить, дискредитировать оппонента, а не прийти к некоторому консенсусу в понимании. Невольно вспоминается диагноз О. Фрейденберг: «Всюду, во всех учреждениях, во всех квартирах чадит склока, это порождение нашего порядка, совершенно новое понятие и новый термин, не переводимый ни на один культурный язык. Трудно объяснить, что это такое. Это низкая мелкая вражда, злобная групповщина одних против других... разжигание низменных страстишек одних против других. Напряженные до крайности нервы и моральное одиличие приводят группу людей в остервенение против другой группы людей или одного человека против другого. Склока – это естественное состо-

В свое время эту базовую идеологию «голого» или «естественного» человека разобрали Стругацкие, описав его в виде серии мысленных экспериментов над лабораторными кадаврами². Такое существо может характеризоваться лишь «наличием потребностей», которые «растут» по мере созревания социализма, от первичных «материальных» к «духовным». Тому, что в России практически безраздельно господствует – и в массовом, и в элитарном сознании – антропология «человека экономического» (целерациональная схема социального действия), мы обязаны рецепции и глубокому усвоению вульгаризированного марксизма, плановой экономике, уравнительному распределению, то есть тотальной бюрократии, вытеснившей из институциональных практик, включая образование, сентиментализм любого рода, и заменившей его в свое время, в конце 1920-х – начале 1930-х, идеей насилия как матрицы социальных отношений. Крайне важно отдавать отчет при анализе новейших процес-

сия натравливаемых друг на друга людей, беспомощно озверевших... Склока – альфа и омега нашей политики. Склока – наша методология». (В кн.: Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг. Нью-Йорк; Лондон, 1981. С. 291.)

Тотальность этих базовых установок образует общий фон негативного понимания человека, как у демократов, так и у представителей власти. Оно нашло отражение в законе об иностранных агентах, когда обвинители освобождаются от необходимости доказывать основательность своих заключений, а вместо этого довольствуются самой общей посылкой «объективной возможности», не требующей аргументации и подтверждения фактами (вроде коллективной вины народов, классов, этносов и т.п.), равно как и в реакциях кремлевских комментаторов на внесение Левада-Центра в реестр иностранных агентов. Получали деньги от американского университета? Так о чём речь – «кто девушку танцует, тот ее и имеет...».

² Стругацкие А. и Б. «Понедельник начинается в субботу». Понятно, что данный персонаж представляет собой пародию на советскую антропологическую модель «каждому по потребностям». Но стоит принять во внимание то, что такая модель человека исходит из идеи «чистого листа», абсолютной пластиности и возможности делать с человеком все, что представляется важным, исходя из идеологии или интересов господствующего класса (оно, кстати говоря, присутствует и у Д. Травина, абсолютизирующего влияние пропагандистской машины для промывания мозгов. Поэтому его рассуждения, лишенные агрессивной демагогии, характерной для упомянутых выше «профессиональных социологов», так показательны и интересны). Такое идеологическое представление, отрицающее реальность фактических социальных отношений и связей, обусловлено многими факторами: сильнейшей эрозией и распадом традиционной сословной социальной структуры, социальными катастрофами двух мировых и гражданской войн, чекистским террором и прочими катализмами советского времени, закрепившими аномию в качестве массового нигилистического отриятия культуры. Но именно такого рода резидуумы и лежат в основе советской ментальности, прежде всего в сознании и административной культуре бюрократии (а значит – интеллигенции как образованного чиновничества) и воспроизводятся в настоящее время как в административной и политической обслуге режима, так и в оппозиции.

сов, что именно такое понимание человека об разует основу, самые глубокие слои сознания нынешнего человека, над которым уже надстраиваются слои потребительской культуры, гедонизма человека, мечтающего, но не могу щего уйти, освободиться от принудительного аскетизма распределительного общества-го сударства – от идеи государственного патернализма, от мысли, что государство должно обеспечивать людей хотя бы минимумом социальных благ, без которых человек выжить не в состоянии (в ноябрьском опросе 2016 г. эту норму подтвердили те же 52% опрошенных). Но признание этой особой роли государства означает признание крепостного характера отношений власти и подданного (в нашем случае не имеющих ничего общего с идеологией и практикой *welfare state*).

2. Это атомизированное понимание природы «респондента» характерно главным образом для образованного слоя (российской интеллигенции, в самом общем виде – тех, кто ориентируются на круг представлений, производимых и тиражируемых *New Times* или «Эхом Москвы»), включая и профессиональное сознание большей части российских социологов. Массу населения как раз отличает готовность принять для самохарактеристики различного рода «возвышающие» определения, предлагаемые или даже навязываемые пропагандой – патриотизм, «духовность», «религиозность», превосходство своей страны над другими, доброту, готовность к помощи другим и пр., что образует материал для имитационного тоталитаризма и поддержки «вождя» нации. И это не просто перья для украшения, а та «искусственная кожа», которая «приросла» и без которой люди уже не мыслят себя, как показывают данные массовых опросов.

Именно это обстоятельство отказывается признавать критически настроенная к режиму образованная публика, для которой «естественна» и «нормальна» модель *Homo economicus*, человека экономического¹. Это не доступное рефлексии, глубоко лежащее представление о человеке указывает на инерцию или воспроизводство некоторых остатков советского марксистского мировоззрения, крайне примитивного, сниженного понимания человека и общества, без морали и метафизических представлений о добре и зле, с «потребностной» антропологией планово-распределительной

экономики и соответствующей политической «культурой господства и подчинения».

Можно назвать два обстоятельства, повлиявших на нигилистическое представление о человеческой природе в нынешнем российском обществе: а) остаточное понимание марксизма о «пролетариате, которому нечего терять, кроме своих цепей» (то есть идея нищего человека, подлежащего эксплуатации и произволу власти); б) идея принудительной уравниловки директивного, планово-распределительного социализма, представление о том, что человеку нужен известный минимум благ для существования. Постсоветское «политическое» мышление отталкивается именно от минимума, необходимого для выживания. Сам по себе стандарт этого «минимума» может с течением времени повышаться, но суть мышления этого типа заключается прежде всего в установлении самой идеи «минимума», нормы «голого человека», естественного человека, такого, как «все», а значит, введения вменяемого всем модуля для генерализации и унификации, идентификации всех в категориях нескольких «типоразмеров» для расчета массы этих «всех». Важно, что не идея представительства многообразия, самоуправления, федерализма, а именно распределительное планирование социального мышления как основа бюрократии остается латентной нормой антропологического оперирования и достижения всеобщего консенсуса. Поэтому распознание государства по всем сферам общественной жизни, от экономики до образования, практически не встречает сопротивления или даже, напротив, получает общее одобрение в идеи «единства власти народа», «единства России»². Господство над обществом или населением идет через восстановление и утверждение идеи «все» как «один». Такое понимание человека влечет за собой одномерное понимание социума (то есть стирает возможности помыслить различия стратификационного рода, многообразие социальной и культурной морфологии общества, а значит – ресурсы и потенциал самодостаточности и социальной уникальности). Допускается этническое и региональное разнообразие, но и в этом случае базовым антропологическим шаблоном мыслится «голый человек», лишенный собственных качеств, а потому наделяемый

¹ Критический анализ этой модели см. в статьях Ю. Левады: «Проблемы экономической антропологии К. Маркса» и «Культурный контекст экономического действия». В кн.: *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993. С. 61–70, 71–87.

² С 1998 г. доля экономических активов, принадлежащих или контролируемых государством, выросла с 26 до 70%. Мнение, что «спецслужбы выполняют очень важную роль и их нынешние полномочия вполне отвечают этой роли», разделяли 58% опрошенных в ноябре 2016 г. (не согласны с этим, «спецслужбам дана слишком большая и бесконтрольная власть», лишь 23%, ноябрь 2016).

в потенциями свойствами «всего целого» — простейшими способностями инструментального и адаптационного поведения (=выживания, мотивацией элементарной «пользы»).

Хочу еще раз подчеркнуть: здесь полностью отсутствует собственно социологическое понимание — идея, что человек — социальное существо с длительным периодом социализации, то есть интернационализованного воздействия самых разных институтов, включая идеологические, политические. Это значит, что он формируется, усваивая стереотипные (институциональные) стандарты представлений и мнений и, следовательно, мыслит в этих категориях и клишированных формах. Но «думает» не он, а «коллективное сознание» — агломерат различных, многократно опосредованных сведений, суждений, информационных потоков СМИ, прошедших селективную проработку на различных фазах социальной коммуникации, оценок неформальных лидеров мнений и механизмов группового консенсуса, приобретая тем самым характер санкционированных суждений действительности. Сам по себе он в состоянии только *получать* информацию о событиях, явлениях и процессах, выходящих за рамки его непосредственного повседневного опыта, жизни в рутинных формах обычного, повторяющегося взаимодействия с одними и теми же людьми, но не может их осмыслить, не обладая соответствующими средствами или доступом к тем каналам, где такая критическая рационализация имеет место¹.

Образованная публика переносит на респондентов свои собственные комплексы и фобии, то есть наделяет другие социальные группы своими желаниями, установками и представлениями.

Я и мои коллеги настаиваем, что в ходе полевых исследований социолог получает не сумму индивидуальных мнений (среднеарифметическое частных представлений, совокупность каждый раз отдельно выработанных взглядов и убеждений независимых субъектов — асоциальных робинзонов), а устанавливает значимость

¹ Неловко повторять все эти социологические азы, но это делать надо, поскольку даже у молодых и амбициозных университетских преподавателей, выступающих с критикой исследований Левада-Центра (по отношению к другим исследовательским институтам она не ведется, может быть, в силу косвенного признания значимости работ нашей организации), отсутствуют элементарные основы профессионального социологического видения. Начетничество и эпигонство в наших университетах, знание иностранных языков и особая леность ума блокируют интерес к действительности, выхолащивая в России социологию как науку. Я бы назвал это «эндемическим теоретическим кретинизмом», имеющим, разумеется, не личное, а коллективное происхождение.

коллективных представлений, измеряет их привычительную силу. Социальное представление (стереотипное мнение) — это не просто фиксация некоторых эмпирических обстоятельств, а смысловое образование, имеющее характер безусловной обязательности или необходимости своего признания, обладающее свойствами нормативности. Для отдельного индивида они важнее, чем свои собственные попытки интерпретации событий (последние могут образовывать слой двоемыслия или «задних мыслей»). Их механизм усвоения — другой, чем обстоятельства повседневной жизни, а потому они поступают в другом, *безусловном*, модусе значимости, чем рутинные элементы повседневных взаимоотношений. Отклонение от них или непризнание вызывает негативные реакции окружения (= групповые или институциональные санкции разной силы действия — от недоумения и насмешки до возмущения и ярости), а стало быть, страх оказаться в меньшинстве или в статусе маргинала². Соответственно, те, кто высказывают отличные или не совпадающие с общим мнением суждения, квалифицируются как «девианты» в той или иной степени: как «чужие», «ненормальные», характеризующиеся «вызывающей» или неприемлемой манерой поведения (что собственно и проявляется в суждениях «социологи продались», фальсифицируют реальность и т.п.). Жесткость коллективных представлений зависит от степени дифференцированности социальной системы или характера культуры и сферы деятельности групп — чем более сложной (многообразной) в интеллектуальном и социальном плане оказывается профильная деятельность группы или института, к которым принадлежит индивид, тем более терпимой оказывается группа к вариантам мнений и суждений, и напротив, чем ниже социальный статус индивида, тем более жестким, догматичным и безальтернативным оказывается характер артикулируемых им мнений. Поэтому, как полагал еще Э. Дюркгейм, автор этой теории и способа интерпретации социальных фактов, «коллективные представления» обладают своей собственной нормативной реальностью и логикой развертывания. Объяснение «присоединение к большинству», «спираль молчания», сила коллективного оппортунизма и конформизма, вообще — коллективные «чувства» и мнения — это лишь специальные развертывания данной

² Ср. нападения членов НОД, «Антимайдана», казаков, «офицеров России», православных хоругвеносцев на участников различных протестных пикетов, на школьников-конкурсантов в «Мемориале», на Л. Гозмана и другие подобные «происшествия».

теории. Но, хотя такое социологическое видение общества, человека и социальных институтов представлено давно, более ста лет назад, оно оказывается недоступным для понимания российского образованного обывателя, пусть даже называющего себя «социологом».

Исследователи, занимающиеся социальной эпистемологией, давно фиксировали принципиально важную особенность массового восприятия и структуры интерпретации социальной, политической действительности: восприятие, осмысление и понимание происходящего определяется кумулятивным опытом социального взаимодействия в обществе, дающего *априорную структуру интерпретации и схватывания, считывания смыслов* различных действующих лиц и их устойчивых, повторяющихся взаимодействий, то есть упорядоченных социальных образований. Если в социально транслируемом опыте общественной жизни нет тех сложных отношений — доверия, гуманности, солидарности, идеализма, морали и т.п., которые структурируют символические отношения высокой степени опосредованности (рафинированные мотивы человеческих поступков — веру, истину, добро, порядочность, а также деньги, теоретические понятия)¹, то такие смысловые значения просто не будут приниматься во внимание. Они ничтожны, социально не значимы, невидимы для всех или, что более важно, в некоторых случаях они будут ощущаться как чистая негативность, а их отсутствие станет источником бессознательных фрустраций и неврозов, комплексов коллективной неполноценности².

Страна, общество видятся при этом не в понятиях групп, институтов, социального многообразия образований и взаимоотношений, исторических напластований, а в виде однородной массы, противопоставленной либо власти («государству», апpropriированному неким кланом, семьей, группировкой), либо тем, кто претендует на авторитет. Эта масса образована как голографическая проекция говорящих, но только в аспекте потенциального материала преобра-

¹ Их статус можно назвать «трансцендентальным», их регулятивная значимость соотносится с референтными значениями, не имеющими семантики насилия и связи с утилитаризмом. Как говорил Кант, это «незаинтересованные» установки и отношения.

² «Значимое отсутствие» осознается только в системе коммуникаций с другими обществами или информацией из других стран, что становится неизбежным по мере распада режимов «закрытого общества», после краха СССР, появления интернета или роста общей грамотности, включая и знание иностранных языков, появления продукции массовой или элитарной культуры, если она не маркирована как идеологически вредная. Это некое «томление» по вере, демократии, утопии лучшей жизни, воплощенная в том числе и в образе идеального Запада.

зования или управления, клонов с одинаковым типом сознания. Поэтому нехватка социального воображения (или, точнее, «дереализация» сложных моментов социальной жизни, их противоречивости, многозначности) — это следствие неразвитости общества, отсутствия опыта коммуникации, взаимодействия с другими социальными персонажами. Можно относить этот дефект к неспособности учитывать, принимать во внимание мнения других групп, их интересы и представления, но можно рассматривать его как сознательное или бессознательное стремление к подавлению значимости Другого или других, лишение их ценности как социальных или антропологических субъектов. Такая интенция ясно прослеживается в действиях как власти, так и зеркальной по отношению к ней оппозиции. В институциональном плане мы тогда имеем дело с одномерной социальной структурой, недифференцируемостью ветвей власти (зависимость законодательной и исполнительной структур от реальных властующих лиц или корпораций), массовой политической апатией, внутренней репрессивной политикой, атрофией гражданского общества и таких институтов, как наука, образование, культура и т.п.

Интеллектуальная блокада сложных социальных, политических, моральных явлений нынешней России обусловлена не просто неспособностью образованного российского общества, воспитанного и социализированного в качестве кадров для будущей бюрократии, вообразить себе другие типы отношений, нежели рационально-инструментальные³. Нельзя понимать сложные явления в обществе с примитивной структурой, поскольку основанием для понимания и восприятия реальности всегда является структура социального взаимодействия; если этого нет в опыте, то нет в средствах объяснения и понимания.

Социология рождается из «духа общества» (Э. Дюркгейм), то есть отношений взаимной заинтересованности и солидарности, а не из отношений господства (которые убивают или стерилизуют многообразие и многомерность человеческих связей). Ее средства — это всегда средства самоанализа, понятийный инструмент, созданный из рационализации и

³ Парадокс заключается в том, что в своей частной жизни люди живут гораздо более разнообразной и сложной по своим мотивам, нюансам взаимодействия, богатству эмоциональных состояний жизнью. Но все это многообразие лишено определенности, четкости, маркированности, структурности осознанного восприятия и осмысления. Отсюда невроз кичевой сентиментальности, в обилии представленной на телевизорах и, видимо, пользующейся повышенным спросом со стороны аудитории, испытывающей дефицит образцов для самоидентификации и уверенности в себе.

идеально-типологической проработки смысловых структур социального действия. Они не могут быть привнесены извне, они появляются только в результате собственной внутренней интеллектуальной работы данного общества (общественности). Если такой работы нет, то нет собственно социологии или она используется в качестве инструмента «оптимизации» управления, то есть технологии власти. Если ее нет, то это значит — нет, не появляется и «общество» (а не только «социология»).

Попытки эпигонского переноса понятийного аппарата западной социологии играют в этом плане функцию декораций модерного общества, имитирующих чужую реальность, скрывая, затушевывая реальные структуры взаимодействия совсем другой природы. Недоверие к социологии — это недоверие дикарей к современной технике, смысл которой туземцам недоступен. Социология (как наука, как особое видение действительности, а не как набор рецептов и приемов интерпретации) в этом плане оказывается более сложной системой объяснения человеческой и общественной жизни, нежели те объяснительные схемы, которые приняты в российском обществе, все равно — в более продвинутых, «элитных» кругах или в средних слоях и в низовых группах населения.

Поэтому дело не в дефектах восприятия действительности или в неправильных формулировках задаваемых населению вопросов, а в отсутствии общей концептуальной рамки, следствием чего оказывается неспособность к пониманию логики процессов в посттоталитарном социуме, оказавшемся перед чередой нарастающих кризисов.

Однако отсутствие подобной системы координат лишь на первый взгляд кажется связанным с дефицитом средств объяснения. Проблема, как мне представляется, требует более глубокого уровня понимания: речь должна была бы идти о внутреннем параличе и самостерилизации посттоталитарного образованного сообщества, в его ценностной неспособности к пониманию, отказе от понимания. Внешним выражением этого оказываются крах и поражение оппозиции, не способной предложить убедительного для массы будущего. Но это опять-таки всего лишь общие характеристики состояния людей в деморализованном сообществе.

Конец идеологии и политической парадигмы демократического перехода

Бедность или дефектность социально-эпистемологических установок и, соответственно,

но, отсутствие средств схватывания и интерпретации реальности в сильнейшей степени определяются идеологической доктриной перестройки и постперестроечных лет. Раз нет оснований, подготавливаемых социальным опытом коммуникации, нет и ресурсов для социального воображения. Поэтому общественное восприятие происходящего весьма ограничено. Не хватает главным образом понимания и учета тех структур, которые направляют наше внимание на последствия, оставленные в коллективном сознании коммунистической идеологией и практикой советского государства. Но разберем вначале первый тезис.

Исходная посылка, давшая начало систематическому искажению понимания происходящего у либеральной или прозападной части российского общества, заключалась в идеологии демократического транзита (или «революции 1991 г.»), в который Россия вступила после провала ГКЧП и начала реформ 1992 г. Сегодня отчасти уже осознаны те пороки мышления младореформаторов и их патронов во власти: это ограниченность мышления, которая проистекала из принципов экономического детерминизма в понимании человеческой и социальной природы. Все держалось на принципе: в России проводятся рыночные реформы, проводятся «сверху»¹; рынок автоматически включает все прочие необходимые системно-институциональные изменения, надо лишь провозгласить набор первоочередных законодательных решений, и все само собой пойдет как должно, поскольку так было в других странах переходного состояния, с течением времени ставших «нормальными», современными, развитыми обществами². А решение возникающих проблем должно опираться на

¹ То, что характер их реализации отвечает прежде всего интересам руководства страны, при этом либо не сознается, либо не принимается во внимание.

² Дело не в том, «объективно правильной» или «неправильной» была та посылка. Важно, что ее латентными следствиями было воспроизведение государственно-патерналистского сознания масс, в данном плане — представление о необязательности участия (и ответственности) масс. «Власти лучше нас знают, как надо и что делать, мы политикой не занимаемся, а если и включаемся в какие-то акции и демонстрации, то всегда только с разрешения и с санкции начальства». Поэтому политика реформ сопровождалась массовым сознанием «я не могу влиять на политические решения», «сам по себе я ничего изменить не в состоянии», или иначе — «сделать ничего нельзя» (впрочем, верно также и в форме: «даже если бы и мог, не хочу и не стал бы»). Ср.: интеллигентское — «я испытываю отвращение к политике», «я вне ее», «она меня не интересует» и т.п. Это не элитарно-эстетская позиция человека, закрывшегося от всех в башне из слоновой кости, а характерный для всех авторитарных или тоталитарных режимов массовый оппортунизм (или низовая обывательская трусость).

государство, обладающее монополией на легитимное применение средств насилия (из всего наследия Бебера демократы охотнее всего ссылаются именно на этот тезис). Другими словами, как говорил когда-то А. Стреляный, ссылаясь на свою мать, «как силой загоняли в колхозы, так силой придется их и разгонять». Принцип, как выяснилось, чреватый последствиями, поскольку перехват средств насилия от реформаторов к консерваторам не только был возможен, но обязательно должен был произойти, учитывая 1993 г. и затяжную чеченскую войну¹.

Другими словами, идея демократического транзита (после первых шагов правительства Гайдара) оказалась не долгосрочной программой действий, не мотивацией практической деятельности, а компонентом групповой идентичности, основой самоуважения и самооценки демократов. В этом качестве функция идеологии транзита состоит в регулярном самоманифестиовании, утверждении и подчеркивании границ своей группы, проведении барьера между «своими» и «чужими», в ритуальных разговорах, но не в участии в политической организации или, что может быть еще важнее, не в признании фактической расстановки сил и оценки ситуации. Последнее обстоятельство кажется не столь значимым, хотя именно оно указывает на стремление дистанцироваться от других социальных групп и неспособность учитывать их взгляды, интересы, оценки ситуации, а значит, отсутствие готовности или нежелание взаимодействовать с ними, что оказывает парализующее воздействие на потенциал развития гражданского общества или общества как та-кового, учитывая функциональную значимость и роль коммуникативных и представительских систем для современного, сложно дифференцированного социума. В этом и заключается

¹ Трудно удержаться от сопоставления с ситуацией, предшествующей приходу нацистов: «...режим Брюнинга явился первым опытом и, так сказать, моделью того образа правления, который с той поры получил распространение во многих странах Европы: полудиктатуры под именем демократии для защиты от настоящей диктатуры. Тот, кто даст себе труд подробно изучить период правления Брюнинга, без труда обнаружит, что здесь имелись образчики всех элементов, которые в результате неизбежно делают вышеупомянутый тип правления предварительной школой того, что он, собственно, должен подавлять. Эти элементы – деморализация своих собственных сторонников; выхолащивание своей позиции; привучение к несвободе; идейная безоружность перед вражеской пропагандой; передача инициативы противнику и, наконец, капитуляция в тот момент, когда все упирается в вопрос о власти»... (Хафнер С. История одного немца. Частный человек против тысячетелетнего рейха. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. С. 98–99). «Далеко не каждый в Германии, кто стал нацистом, ясно сознавал, кем он на самом деле стал» (с. 115).

один из элементов abortивного механизма российской эволюции.

Причины (и механизмы) данных явлений остаются в этой среде непонятными, поскольку у либералов нет возможностей рационализации их последствий. Но не потому, что мы имеем дело с умственной или культурной ограниченностью, отсутствием информации, допуска к литературе, к источникам образцов или интерпретаций, а в силу внутреннего сопротивления признанию положения вещей и собственной несостоятельности. В этом контексте достаточно деклараций для поддержания групповой идентичности и обеспечения групповой гратификации (как это было в интеллигентской среде в советское время).

Второй тезис заключается в том, что последствия советской тоталитарной системы остаются не видимыми и не осознаваемыми представителями социальных наук в России. Более чувствительны к этим воздействиям люди искусства – писатели, режиссеры, художники, но они не в состоянии дать своим социальным и этическим «ощущениям» понятийную проработку и форму (что было бы нелепо требовать от них). Проблема в том, что то, о чем люди искусства пытаются в свойственной им манере косноязычно говорить и скорее показывать, инсценировать, не объясняя и не интерпретируя показываемого, не слышат люди науки или политики, те, кому принадлежит поле публичной дискуссии и рефлексии, и это тоже часть наследия советской жизни.

Как уже приходилось писать, антропологический стандарт человека («норма» человека) в российском обществе основан на представлении о квалифицированном промышленном рабочем. Рабочие – это и есть российский модельный «средний класс», запросы, стандарты мышления, горизонт представлений которого выдаются и навязываются в качестве социализационной нормы для всех. Действительно, оценки и взгляды рабочих, если исходить из материалов многолетних социологических опросов Левада-Центра, оказываются ближе всего к средним показателям по большинству тематических измерений. Дело не только в том, что взгляды и оценки этой группы оказываются статистически ближе всего к средним распределениям по массиву данных, но и в том, что предполагаемые или воображаемые мнения и взгляды рабочих оказываются «нормой большинства» (хотя рабочие и не составляют самую большую социально-демографическую категорию опрошенных), на кото-

ую мысленно ориентируются другие группы населения как на референтную категорию общественно-приемлемых представлений. Поэтому ни интеллигенция, ни тем более давно исчезнувшая аристократия или буржуазия, как высшие и привилегированные страты, воплощающие в себе высшие ценности данной культуры, идеальные возможности жизни (в любом случае – не какая-то другая категория общества, авторитет и значимость которой основана на демонстрации высших достижений), сегодня не выступают в качестве даже воображаемых или условных референтных групп или источников авторитета, объектов подражания или частичных заимствований образа жизни, морали или поведения. Напротив, пролетариат (то есть идея инструментального действия, исполнителя, массового государственного человека) оказывается в данной системе координат образцом для сравнения и снижающей оценки других ценностных образцов, прежде всего форм автономной субъективности. Рабочие, как отмечают все социологии и историки, занимавшиеся рабочим классом, в силу своей роли и социальной специфики отличаются как раз антиинтеллигентализмом и недоверием к высоким значениям культуры. Еще С. Липсет¹ писал, что латентными следствиями распространения ментальности рабочего класса оказываются авторитарная структура общества, склонность

к уравнительной системе гратификации (соответственно, дефицит распределения уважения по критериям достижения, таланта, компетентности) и ограниченность горизонта и понимания происходящего, отсутствие стремления к культивированию и облагораживанию жизни, рессентимент и некоторая грубость нравов. Выдвижение рабочего в качестве образца всегда будет иметь следствием тенденцию к внешнему управлению поведением (out-directed man), снижение или замедление социальной мобильности. (В этой культуре отсутствует или ослаблена идея будущего как социального подъема, вертикальной мобильности или обогащения и одновременно очень значима демонизация всего, что чужое и непонятное.) Воспроизведение авторитарных и тоталитарных образов реальности – общества-государства, политиков как хищников (негативный отбор людей для власти – «крысиных волков», по А. Зиновьеву), здесь выступает как логическое развитие идеи склоки и всеобщего недоверия, отсутствия источников авторитета и общества.

Поэтому рецидив или имитация тоталитарных практик, последовавшие после 2014 г., это не отклонение, а логическое развитие тех элементов, которые уже присутствовали в сознании не только массы населения или власть имущих, но и сторонников демократии, западного пути развития. Но об этом в следующей работе.

¹ Липсет С.М. Политический человек. Социальные основания политики. М.: Фонд «Либеральная миссия – Мысль», 2015. Гл. 4 «Авторитаризм рабочего класса», с. 115–212.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Галина МОНУСОВА

Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе¹

Человек в течение жизни меняет свое социальное положение как по отношению к самому себе, так и по отношению к положению своих родителей. Как писал П. Сорокин, «каналы вертикальной циркуляции существуют в любом стратифицированном обществе, и они столь же необходимы ему, как сосуды для кровообращения человеческому организму»². Движение по каждому из возможных каналов-осей (например, по образованию, доходу, власти, профессии, престижу) обозначает одно из проявлений вертикальной социальной мобильности.

Перемещения по названным осям можно зафиксировать с помощью объективных показателей, которые не зависят от сознания индивида. Однако одинаковые изменения могут по-разному восприниматься и оцениваться людьми. Кто-то считает, что достиг существенного продвижения, другой решит, что мог бы достичь большего, но ему помешали, а третий не заметит никаких реальных изменений. В этом случае мы имеем дело с представлениями людей о социальной мобильности, или субъективной мобильностью.

Возникает вопрос: есть ли связь между измерениями объективной и субъективной мобильности³? От чего это соотношение зависит? Различается ли оно в межстрановой перспективе?

¹ Данное исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор крайне признателен В. Магуну и М. Рудневу за комментарии, замечания и советы. Все ошибки и неточности полностью принадлежат автору.

² Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 404.

³ Объективная и фактическая мобильность, а также субъективная и воспринимаемая мобильность в данном исследовании используются как синонимы.

Реальное поведение людей во многом определяется их субъективными представлениями, а сами представления нередко отличаются от окружающих нас реалий. Например, восприятие инфляции может отличаться от фактической инфляции, измеряемой индексом потребительских цен. В этом случае потребительское поведение населения будет зависеть скорее от субъективных оценок и ожиданий, чем от объективной реальности. То же самое можно сказать о восприятии неравенства, оценки которого часто расходятся с оценками фактического неравенства, измеряемыми стандартными статистическими коэффициентами⁴. Реальный уровень безработицы может слабо коррелировать со страхами безработицы⁵. Список таких расхождений можно продолжить. При этом сами расхождения варьируют между странами.

Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать, насколько разные – объективные и субъективные – измерения социальной мобильности рисуют когерентную картину. Если же эти «картины» расходятся, то как эти расхождения варьируют между странами и что влияет на эту вариацию?

Новизна работы заключается в изучении межстрановой вариации объективной и субъективной мобильности и исследовании детерминант в расхождении их оценок.

Структура и логика работы. В первой части представлен обзор литературы и определяются понятия. Во второй дано описание данных.

⁴ Gimpelson V., Triesman D. Misperceiving Inequality // NBER Working Paper. 2015. № 21174; Монусова Г. Что определяет восприятие неравенства в доходах // МЭиМО. 2016. № 1.

⁵ Гимпельсон В., Монусова Г. Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений // Вопросы экономики. 2010. № 2.

Третья часть показывает внутристрановые и межстрановые распределения фактических и воспринимаемых изменений статусов респондентов, а также соотношения объективной и субъективной мобильности на индивидуальном и страновом уровнях. В четвертой с использованием многоуровневой линейной регрессионной модели анализируются детерминанты и приводятся возможные объяснения расхождений между фактическими изменениями социальных статусов и их восприятием индивидом. В последней части обсуждаются результаты.

1. Измерения и сопоставления социальной мобильности: о чем свидетельствуют исследования

П. Сорокин, который ввел понятие социальной мобильности, определил ее как «любой переход индивида, социального объекта или ценности, созданной или модифицированной благодаря деятельности, от одной социальной позиции к другой». Движение вверх он назвал «социальным подъемом», а движение вниз – «социальным спуском»¹.

Социальные позиции, которые имеет в виду П. Сорокин, можно представить в виде лестницы, на ступенях которой располагаются различные группы. Чем выше ступень, тем выше ее статус. Движение по ступеням и есть социальная мобильность. Для ее исследования важно определиться с критериями выделения этих ступеней – групп.

В литературе существуют разные подходы к выделению социальных групп и, соответственно, к анализу их перемещений². При этом практически все ведущие исследователи опираются на одни и те же параметры, в число которых входят уровень образования, доход, положение на рынке труда, престиж профессий. Все они концентрируются в понятии профессии.

Профессия не только определяет то, что человек делает и сколько зарабатывает, но и яв-

ляется определенным индикатором образа и стиля жизни. Как пишут Граски и Камбеворс, «профессия несет в себе закодированную информацию о навыках индивида, его доходах, о социальных контактах, престижности занятия, о карьерной траектории и даже о потребительском поведении и характере досуга, то есть о стиле жизни»³. Если профессиональная «деятельность предопределяет социальное положение индивидуума»⁴, то, соответственно, профессиональные изменения отражают социальные изменения.

Исследуемые социальные группы могут быть большими, а могут быть и малыми классами, которые объединяют людей одной или нескольких профессий. Мобильность измеряется как переход из одной социальной группы в другую. Нас в данном случае интересуют вертикальные маршруты.

Перемещения между профессиями (укрупненными группами или более детализированными профессиями) и есть объективная мобильность, так как принадлежность к определенной профессии является объективным индикатором. Например, школьный учитель или продавец в магазине являются учителем и продавцом по принадлежности к этим профессиям, а не потому, что они так сами себя ощущают. Измеренные каким-то образом расстояния между прошлой и настоящей профессиями респондента (или профессиями отцов и детей) и есть объективные меры мобильности.

Объективные дистанции между различными группами сами индивиды могут оценивать по-разному, преломляя их через призму субъективных представлений. Переход в более высокую группу необязательно будет рассматриваться как подъем, а переход в низкую может не восприниматься как спуск. Поэтому помимо объективных показателей социальной мобильности существуют субъективные оценки изменения социального положения. В них заключаются представления самого человека об изменении его положения в обществе, профессиональных позиций, его самоидентификации в социальной структуре. Субъективную социальную мобильность можно измерять с помощью оценок индивидами того, как изменилось их социально-экономическое положение.

Необходимость учета представлений о социальной мобильности (beliefs about social mobility) признана многими исследователями. Томас Пикетти, в частности, пишет, что «раз-

¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 373–374.

² Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. Intergenerational class mobility in three western European societies // British Journal of Sociology. 1979. 30; Ganzeboom H., De Graaf P., Treiman D. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research. 1992. Vol. 21; Grusky D., Cumberworth E. A National Protocol for Measuring Intergenerational Mobility? Stanford Center for Study of Poverty and Inequality. 2010. 2/8/. Available at: http://web.stanford.edu/group/scspi/_media/working_papers/grusky_cumberworth_national_protocol_measuring_mobility.pdf; Jackman M., Jackman R. An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status //American Sociological Review. 1973. Vol. 38 (October); Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.

³ Grusky D., Cumberworth E. Op. cit., 2010. P. 3.

⁴ Радаев В., Шкаратан О. Указ. соч. С. 98.

личия в представлениях о социальной мобильности могут генерировать различия между странами в запросе на перераспределение¹. В свою очередь, представления о мобильности формируются с учетом конкретного жизненного опыта. Если люди ощущают восходящую социальную мобильность в любом ее проявлении, они спокойнее воспринимают неравенство и менее требовательны к перераспределению доходов, тогда как нисходящая мобильность снижает терпимость к неравенству, обостряя перераспределительные настроения. Нисходящая мобильность может породить особо болезненные психологические проблемы, поскольку люди теряют возможность поддерживать привычный образ жизни. Согласно теории перспектив «реакция на потери сильнее, чем реакция на выигрыши. Это – неприятие потерь»².

Как уже отмечалось, показатели объективной и субъективной мобильности могут различаться. Это означает, что между ними возникает разрыв, который способен варьировать между индивидами, социальными группами и странами. Наряду с тем, что важно анализировать объективную и субъективную мобильности как самостоятельные явления, интересно понять, как они соотносятся друг с другом.

Повышение мобильности не всегда сопровождается аналогичным ростом удовлетворенности жизнью, а, напротив, зачастую рождает отчуждение, социальную изоляцию, проблемы идентичности, чувство незащищенности и т.п. Исследователи отчасти связывают эти явления с потерей привычных социальных и семейных связей, невозможностью применить прошлый жизненный опыт, нарушением социального равновесия в обыденной жизни и т.п.³

Давно известно, что субъективные представления о социально-экономическом месте в социальной иерархии, о мобильности, об относительной депривации и т.д. не обязательно связаны с объективной реальной ситуацией⁴, а объективные и субъективные статусы не совпадают полностью в сознании индивида, и люди не всегда идентифицируют себя с той социальной группой, к которой они принадлежат⁵. Эти

¹ Piketty Th. Social Mobility and Redistributive Politics // The Quarterly Journal of Economics. 1995. № 3. P. 552.

² Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М.: AST, 2014. С. 370.

³ Marshall G. and Firth D. Social mobility and personal satisfaction: evidence from ten countries // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. Issue 1; Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 199.

⁴ Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. How the Voter Makes up His Mind in Presidential Campaign. New York, 1974.

⁵ Jackman M., Jackman R. Op. cit., 1973.

результаты воспроизводятся и в более поздних исследованиях: фактическая мобильность респондентов по отношению к своим родителям слабо связана с тем, как они воспринимают эти изменения, и не влияет на их групповую самоидентификацию. Дж. Каррис объясняет это явление сложной структурой общества, при которой людям трудно оценить, являются ли их социальные перемещения восходящими или, напротив, нисходящими⁶.

М. Дуру-Белла и А. Киеффер проанализировали соотношение объективной и субъективной мобильностей во Франции, используя данные обследования профессий 2003 года. Авторы обсуждают два «лика» мобильности и подчеркивают важность изучения различий между ними. Переоценку или недооценку продвижения вверх относительно родителей исследователи связывают с личными карьерными траекториями индивидов, с их достижениями в жизни, с удовлетворенностью работой, с ощущением равенства возможностей и наличием меритократических механизмов социальных перемещений⁷.

Появление международных баз данных дало импульс для межстрановых сравнений и усилило интерес к соотношению объективной и воспринимаемой мобильности. В частности, на базе данных Международной программы социальных обследований (ISSP-1999) С. Келли и К. Келли рассмотрели детерминанты, влияющие на субъективную мобильность. Они акцентируют внимание на том, что субъективная мобильность связана с объективной, но определяется не только и не столько реальным перемещением, а зависит от состояния экономики. На волне экономического роста люди в большей мере оценивают свои позиции как восходящую мобильность, а во время кризиса, напротив, ощущают потери и скорее воспринимают любые перемены как социальный «спуск»⁸.

Часто субъективную социальную мобильность связывают с представлениями о справедливости в обществе, с тем, как люди видят и оценивают равенство возможностей и пути достижения успеха⁹. В Европе, к примеру,

⁶ Curtis J. Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009 // European Sociological Review. 2016. Vol. 32. № 1.

⁷ Duru-Bellat M., Kieffer A. Objective/subjective: The two facets of social mobility // Sociologie de travail 50s. 2008.

⁸ Kelley S., Kelley C. Subjective social mobility: data from 30 nations/ in Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009. Edited by M. Haller, R. Jowell and T. Smith. London: Routledge, 2009.

⁹ Alesina A., Giuliano P. Preferences for Redistribution // Handbook of Social Economics. 2011. Vol. 1A, Elsevier, North Holland; Kelley S., Kelley C. Op. cit.

возможности успеха и социального продвижения в течение длительного периода в большей мере зависели от принадлежности к высокостатусным социальным группам (классам), нежели от индивидуальных усилий и способностей. В США – стране, свободной от наследия жестких классовых различий, – доминировали (во всяком случае, до недавнего времени) представления о том, что экономический успех зависит прежде всего от количества вложенного труда. В этом и есть суть «американской мечты», которую каждый может осуществить¹. Однако сейчас все чаще и чаще высказываются мнения, что в американском обществе все большее влияние получает «наследственная меритократия»: дети влиятельных, богатых родителей имеют лучшие стартовые условия, чем дети обычных средних американцев, а условия рождения во многом определяют дальнейшую жизнь. В частности, Х. Клинтон, будучи сенатором, обсуждая шансы обычных американцев достичь успеха, говорила именно об этом: «Конечно, ты должен усердно трудиться, конечно, ты должен брать на себя ответственность, но мы очень усложняем этот процесс для людей, которые хотят достичь американской мечты»².

Нередко представления о мобильности объясняют тем, как люди реагируют на мобильность своего окружения или на то, какую потенциальную мобильность они для себя считают более правильной³. В этом случае оценки могут формироваться под воздействием представлений о том, насколько успех соседей им кажется заслуженным и справедливым, с одной стороны, и представлений о том, какие ограничительные барьеры они видят для себя, с другой.

Исследования также фиксируют более низкие субъективные оценки социальной мобильности у жителей постсоциалистических стран. Это особенно характерно для тех, кто в эпоху социализма были встроены в иерархические партийные, государственные, профсоюзные социалистические структуры. Они лишились надежных и привычных способов продвижения и почувствовали себя в социальном тупике. Пе-

¹ Benabou R., Tirole J. Belief in a Just World and Redistributive Politics // NBER Working Paper. 2005. No. 11208; Alesina A., Angeletos G.M. Corruption, Fairness, and Inequality // Journal of Monetary Economics. 2005. № 7.

² An Hereditary Meritocracy. The Economist, 24.01.2015.

³ Hodge R., Treiman D. Social Participation and Social Status // American Sociological Review. 1968. Vol. 33. № 5; Lindemann K. The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position // Trames. 2007. 11, 61/56, 1.

реходный период потребовал иных форм встраивания в новую политico-экономическую систему как «для отцов», так и «для детей», что получилось далеко не у всех⁴.

Итак, существуют несоответствия между социальными перемещениями по вертикали и тем, как они отражаются в сознании индивидов. Этот разрыв можно объяснить тем, что у объективных и субъективных оценок разные детерминанты.

Анализ межпоколенной социальной мобильности особо подчеркивает ключевую роль урбанизации и структурных сдвигов в восходящей фактической мобильности⁵. В настоящее время в развитых странах эти процессы завершены, их экономика имеет постиндустриальную структуру. Соответственно, возможности восходящей мобильности, связанные с масштабными структурными сдвигами, сокращаются. Добавим, что в странах с высоким уровнем образования вероятность восходящей межпоколенной мобильности также снижается: дети воспроизводят высокий родительский статус или снижают его⁶. Если более половины населения страны имеет третичное образование, последующему поколению становится все труднее повысить свой образовательный уровень относительно родителей. К тому же, если отцы достигают статусного и материального благополучия, то у детей, имеющих родительские блага, мотивация усердно учиться может ослабевать. Снижение социальной мобильности отмечают и в Великобритании. Дж. Голдторп связывает это с интенсификацией нисходящей мобильности, вызванной изменением структуры занятости и ростом неквалифицированного

⁴ Renakova B., Vlachova K. Subjective Mobility after 1989 // Do People Feel a Social and Economic Improvement or relative Deprivation? // Czech Sociological Review. 1995. Vol. 3. № 2.

⁵ Bendix R., Lipset S. Class, Status and Power: Social Stratification in Comparative Perspective. New York: Free Press, 1959; Fox T., Miller S. Economic, political and social determinants of mobility: an international cross-class analysis // Acta Sociologica. 1965. № 9; Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1980; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Указ. соч., 1996; Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005; Россияне и китайцы в эпоху перемен. Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давея. М.: Логос, 2012; Козырева П.М. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2012.

⁶ Ястrebов Г.А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе. Препринт НИУ ВШЭ WP17/2015/01 Серия WP17; Roshchina Y. Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR / The Asian Conference on Education 2012 Conference Proceedings. Osaka: The International Academic Forum, 2012.

труда. При этом доля восходящей мобильности, по мнению автора, не сокращается¹. В настоящее время исследователи активно обсуждают вопросы поляризации рабочих мест: развитие высокопроизводительного производства сопровождается не только ростом доли квалифицированного и неквалифицированного нерутинного труда, но и «вымыванием» рутинных рабочих мест². Соответственно, в этих условиях могут стать более заметными как социально-экономические подъемы, так и спуски.

Если исходить из того, что развитые страны эволюционируют схожим образом и их структуры экономики выравниваются, мы будем наблюдать слабую межстрановую вариацию между ними по показателям фактической мобильности. В то же время страны с незавершенным структурным переходом (с незавершенными урбанизацией и индустриализацией) будут демонстрировать более высокие показатели социальной мобильности.

Однако, как уже было сказано, восприятие мобильности индивидом может зависеть не только от объективных процессов в обществе, но и от особенностей индивидуальных карьерных траекторий и им сопутствующих эмоций. Существенную роль здесь играют ожидания, представления о справедливости своих и чужих перемещений, ощущение равенства (или неравенства) возможностей, функционирование системы образования и средств массовой информации и многое другое. В конечном счете за всем перечисленным стоит качество институциональной среды и государственного управления, которые влияют не только на объективные возможности, но и на то, как они оцениваются.

Последующий анализ организован вокруг следующей гипотезы. Интенсивность и направленность объективной межпоколенной мобильности в стране во многом зависят от структурных характеристик этой страны (например, от уровня урбанизации, доли услуг), от системы и качества профессионального образования и доступа к ней (платное/бесплатное) и т.п. Это означает, что схожие страны будут близки по данному показателю. В свою очередь, восприятие мобильности (субъективная мобильность) будет зависеть не только от характера объективной, но и от институциональных особенностей,

включающих доминирующие представления о справедливости и равенстве возможностей, степень коррумпированности и т.п. В итоге межстрановая вариация показателей субъективной мобильности оказывается выше, чем вариация показателей объективной, и, соответственно, расхождения между субъективной и объективной мобильностями определяются в большей мере восприятием мобильности, а не реальными социальными перемещениями.

2. Методология и описание данных

В этой работе объектом эмпирического анализа является межпоколенная социальная мобильность. Исследование соотношения объективной и субъективной мобильностей предполагает наличие данных как о фактических изменениях социально-экономических статусов индивидов, так и о восприятии этих изменений самими индивидами. Источником информации являются данные опросов, проведенных в рамках Международной программы социальных обследований (ISSP). В 2009 году центральной темой этих опросов была проблема социального неравенства (модуль Social Inequality). Полная выборка ISSP в 2009 году включает 55 238 индивидуальных наблюдений и охватывает 40 стран³. Данное исследование анализирует респондентов в возрасте 25–75 лет из 37 стран⁴, так как индивидам необходим лаг во времени, чтобы оценить социальную мобильность (сравнения проводятся с социальным статусом родительской семьи, когда респонденту было 14–16 лет). С учетом такого цензурирования рабочая выборка составляет 41 325 наблюдений.

Анкета Social Inequality содержит информацию о профессиях отца и матери, когда респонденту было 14–16 лет, и о профессии респондента на момент опроса. Анкета включает и оценку респондентом социального статуса родительской семьи, когда ему было 14–16 лет, и собственного социального статуса на момент опроса.

На основе имеющихся данных можно рассчитать два индекса социальной мобильности.

Индекс объективной (фактической) социальной мобильности (ИОСМ) ориентируется на изменения в профессиональной позиции детей по сравнению с родителями. Сравнивая позицию

¹ Goldthorpe J. Understanding – and Misunderstanding – Social Mobility in Britain: The Entry of the Economists, the Confusion of Politicians and the Limits of Educational Policy // Journal of Social Policy. 2013. 42, 3.

² Autor D. Why are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives. 2015. Vol. 29. № 3.

³ <http://www.issp.org/documents/issp>.

⁴ Поскольку данные Великобритании и Новой Зеландии не содержат информации о профессиональной принадлежности родителей респондента, а выборка Китая сильно смещена в сторону сельского населения (70%), что не соответствует реальной ситуации, названные страны исключены из анализа.

респондента и его отца¹, мы можем построить индекс объективной социальной мобильности.

ИОСМ рассчитывается по методике EGP, названной по первым буквам фамилий авторов². В наиболее развернутом виде эта схема включает одиннадцать позиций. Авторы дифференцировали профессии по уровню образования, наличию или отсутствию рутинности в работе, использованию физического или умственного труда, отношению к собственности (собственник, наемный труд, самозанятый). Выделение в отдельную группу собственников и самозанятых важно для изучения социальной структуры общества, однако в случае анализа социальной мобильности отношение к собственности затрудняет интерпретацию результатов. Поэтому мы воспользуемся модификацией системы EGP, предложенной Ганзебумом, Де Графом и Трейманом, которые перевели профессии ISCO³ в группы схемы EGP⁴.

Следуя схеме EGP, предложенной Ганзебумом, Де Графом и Трейманом, мы выделяем семь статусных групп:

- 1) физический труд в сельском хозяйстве;
- 2) неквалифицированный физический труд;
- 3) квалифицированный физический труд;
- 4) работники, занятые в обслуживании и торговле (нефизический труд);
- 5) квалифицированные специалисты, занятые рутинным нефизическим трудом;
- 6) профессионалы средней квалификации и руководители более низкого ранга;
- 7) высококвалифицированные профессионалы и высокостатусные руководители, чиновники и топ-менеджеры.

Социальные группы в этой схеме расположены иерархически: 7-я группа имеет самый высокий статус, а 1-я – самый низкий. Вычитая из ранга статусной группы респондента ранг статусной группы отца, получаем индекс социальной мобильности респондента (*tob_1*), который может варьировать от -6 до $+6$. Если *tob_1 > 0*, то мы говорим о восходящей межпоколенной социальной мобильности, а в противном случае – о нисходящей.

¹ Если информация об отце отсутствовала, то статус респондента сравнивался со статусом матери.

² Ericson, Goldthorpe, Portocarero. Op. cit., 1979.

³ Ganzéboom H., De Graaf P., Treiman D. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research. 1992. Vol. 21.

⁴ Учитывая, что работа сравнивает объективную мобильность и ее восприятие, мы считаем целесообразным остановиться на более укрупненной схеме, так как респондент более вероятно почувствует изменения при переходе из одной большой профессиональной группы в другую.

Индекс субъективной социальной мобильности (ИССМ). Анкета содержит два вопроса, фиксирующих восприятие социального положения респондента и его родителей. Первый звучит так: *«В нашем обществе есть люди, которые занимают более высокое общественное положение, а есть, которые более низкое. Ниже дана шкала. Не могли бы Вы показать свое положение по этой шкале?»*. Второй вопрос сформулирован следующим образом: *«А где на этой шкале находилась семья, в которой Вы выросли?»*. Оба вопроса имеют 10-балльную шкалу, где 10 означает самое высокое положение, а 1 – самое низкое. Разница в ответах на них (*tob_2*) характеризует изменение в социальном положении респондента по отношению к своим родителям. Если *tob_2 > 0*, то мы можем говорить о восходящей межпоколенной социальной мобильности, а если отрицательна, то о нисходящей. Масштаб мобильности зависит от абсолютной величины *tob_2*, которая может меняться в диапазоне от -9 до $+9$.

Данная работа анализирует социальную мобильность на двух уровнях: индивидуальном и страновом. В первом случае мы смотрим на конкретного человека и оцениваем изменение его положения на социальной лестнице. Второй уровень (страницы) предполагает использование агрегированных данных (средние значения социальной мобильности по стране, доли индивидов с восходящей и нисходящей мобильностью и т.п.).

Для тестирования гипотезы используется многоуровневый линейный регрессионный анализ. Он позволяет проверить влияние страновых характеристик, одновременно контролируя индивидуальные переменные.

Из числа страновых характеристик рассматриваются переменные, оценивающие уровень развития экономики и ее структуру, а также качество институциональной среды. ВВП в расчете на душу населения свидетельствует об уровне развития страны. Доли занятых в промышленности и общественном секторе (в государственном управлении, здравоохранении, образовании) являются показателями структуры экономики. Социальную структуру населения страны характеризуют уровни образования и урбанизации, которые показывают соотношение городского и сельского населения и, косвенно, роль сельского хозяйства в экономике страны. Страны выборки различаются по всем указанным показателям. Например, в 2010 году душевой ВВП (в \$/PPP) в Норвегии был равен 62 700, тогда как в Филиппинах фиксировался

на уровне 5700¹. Доля городского населения варьировала от 97,4% (максимальное значение) в Бельгии, до 46,0% (минимальное значение) – в Филиппинах².

В качестве измерителей качества институтов государственного управления Всемирный банк использует различные показатели, рассчитываемые на основе экспертных оценок (*World Governance Indicators*) и подробно описанные³. Всего этих показателей шесть: «Открытость и подотчетность государства» (*Voice and Accountability*), «Политическая стабильность» (*Political Stability and Absence of Violence/Terrorism*), «Эффективность управления» (*Government Efficiency*), «Качество регулирования» (*Regulatory Quality*), «Верховенство права» (*Rule of Law*), «Контроль коррупции» (*Control of Corruption*). Их значения лежат в интервале от -2,5 до +2,5.

Показатели качества государственного управления сильно закоррелированы между собой и с подушевым ВВП. Коэффициенты корреляции в анализируемой выборке стран лежат в интервале 0,7–0,9, они положительны и статистически значимы на 1%-ном уровне⁴: низкое качество институциональной среды проявляется в неэффективности государственного управления и в коррупции, которым сопутствуют нечеткость и запутанность законов и правил.

Индекс субъективной мобильности (ИССМ) демонстрирует тесную положительную связь с тремя индикаторами качества государства: «Эффективность управления», «Верховенство права» и «Контроль коррупции». Для регрессионного анализа оставлен только «контроль коррупции», который показывает восприятие населением того, в какой степени государственная власть коррумпирована. Выбор основан на том, что именно этот показатель наиболее тесно связан с ИССМ. Коррумпированность государства ограничивает доступ к общественным благам, обостряет у человека чувство несправедливости, разрушает меритократические механизмы достижения успеха и тем самым способствует, по-видимому, низкой оценке человеком своего продвижения по социальной лестнице. Наиболее высокий пока-

¹ <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>; <http://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS>.

² Human Development Report, 2010.

³ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues // World Bank Policy Research Working Paper. 2010. № 5430. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 10.02.2016).

⁴ Рассчитано по World Governance Indicators (WGI). Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed 25.03.2015).

затель контроля коррупции отмечается в Дании (+2,34), самые низкие значения, то есть наивысшая коррупция, – в Венесуэле (-1,2).

3. Социальная мобильность сквозь призму различных измерений: эмпирические свидетельства

Объективная мобильность

На первом этапе анализа используется индекс, построенный по модифицированной схеме EGP. Дистанции объективной мобильности варьируют по странам (рис. 1). Во всех странах средние значения индекса лежат в положительной зоне, фиксируя восходящую мобильность. Среднее по всей выборке равно 0,91, то есть респонденты находятся выше своих родителей примерно на 1 пункт 7-балльной стратифициционной шкалы. Максимальная мобильность (1,3 пункта) наблюдается на Кипре и Филиппинах, минимальная (0,63 пункта) – в Израиле.

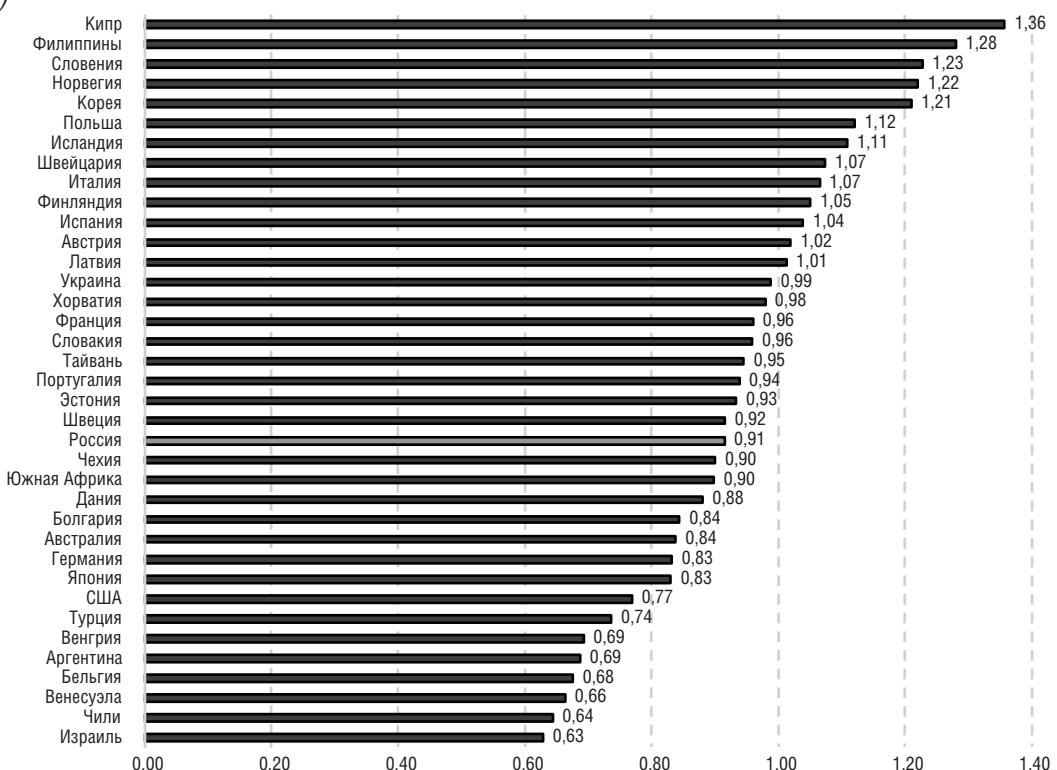
Индивидуальные показатели, в отличие от среднестрановых, варьируют в том числе и по направленности мобильности. Рисунок 2 разбивает всех респондентов на три группы: тех, кто повысил свои статусные позиции по отношению к родителям; тех, кто не изменил этих позиций, и тех, кто их понизил. Во всех странах преобладают люди, повысившие свой статус, и в большинстве стран (25 из 37 стран) доли респондентов, повысивших свой статус относительно родителей, колеблются от 53 до 60%.

Большинство стран показывает близкие соотношения в направлениях социальной мобильности: доли респондентов с восходящей, нисходящей и неменяющейся мобильностью выглядят очень похожими. Во всех странах доля тех, кто спускается по социальной лестнице вниз, заметно ниже тех, кто поднимается. Группа тех, кто не меняет своего статуса, практически везде также уступает тем, кто имеет восходящую мобильность по отношению к родителям. Только в Турции практически каждый второй респондент наследует статус родителей при достаточно малой доле тех, кто снижает социальный статус. Возможно, это связано с тем, что «родители» здесь занимают достаточно низкие позиции и «детям» спуститься относительно них практически сложно.

В то же время в ряде развитых экономик (Финляндия, Дания, Израиль, США, Австралия, Бельгия) наблюдаются высокие (более 24%) доли респондентов с нисходящей мобильностью. Факт нисходящей мобильности относительно родителей может объясняться высокими позициями, которые занимали «отцы», а «дети» их не унаследовали. Население пере-

Рисунок 1

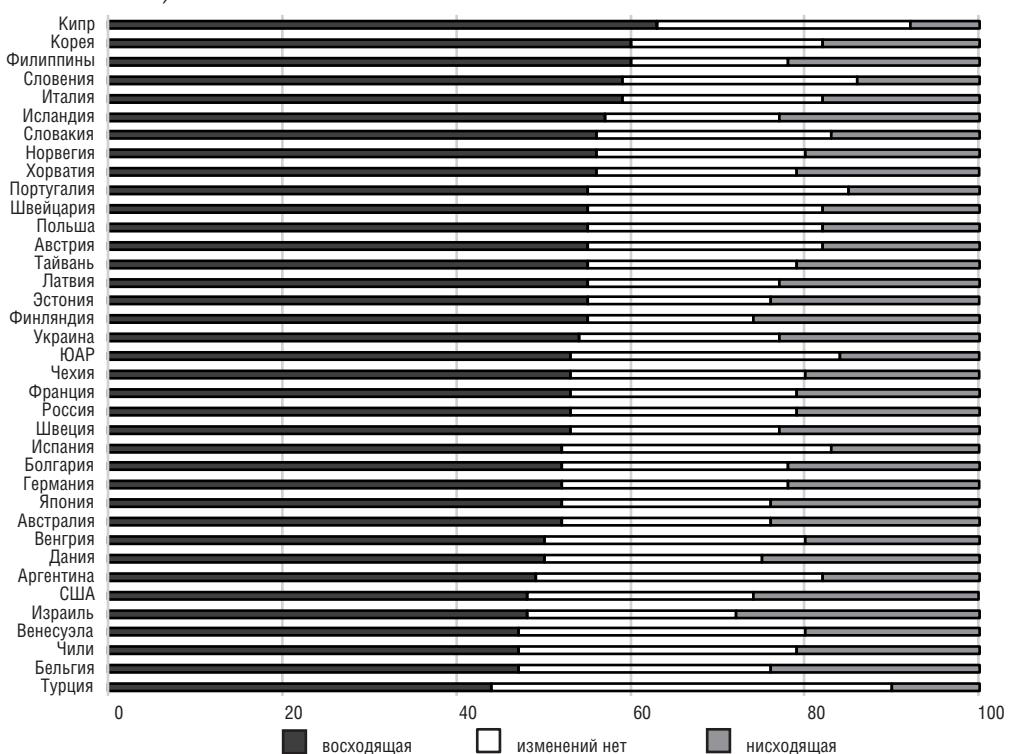
СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ИНДЕКСА ОБЪЕКТИВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ПО СТРАНАМ, РАССЧИТАННЫЕ ПО СХЕМЕ EGP (шкала от -6 до +6)

Источник: данные ISSP 2009 [<http://www.issp.org/documents/issp>]¹.

Рисунок 2

НАПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (% респондентов с восходящей мобильностью, нисходящей мобильностью и без изменения статусных позиций. Страны ранжированы по убыванию доли респондентов с восходящей мобильностью)

¹ Все рисунки и таблицы в статье построены по одному источнику.

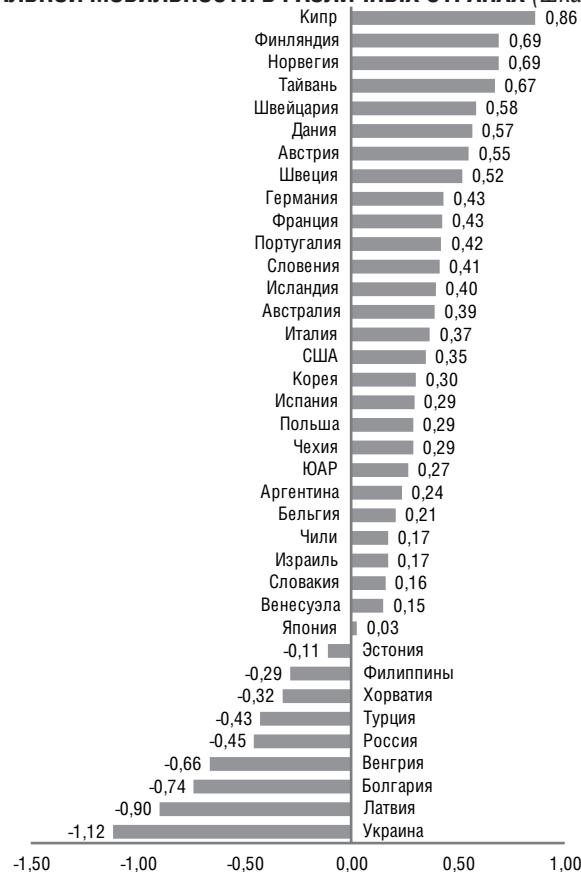
численных стран имеет достаточно высокий образовательный уровень. В отличие от бурных процессов индустриализации и урбанизации развивающегося мира, в «старокапиталистических» экономиках с устоявшейся социальной структурой возможности для восходящей социальной мобильности снижаются, к тому же усиление поляризации рабочих мест в постиндустриальном обществе, как уже указывалось, повышает шансы нисходящей мобильности¹.

Поляризация рабочих мест предполагает увеличение доли высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих мест за счет рабочих мест со средним уровнем оплаты труда. Это явление было зафиксировано в США, Великобритании и многих странах Европы, включая Францию. Поляризацию труда в научной литературе объясняют несколькими процессами. С одной стороны, внедрение информационно-коммуникационных технологий заменяет работников со средней квалификацией, автоматизируя их труд, тем самым увеличивая

долю занятых на высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих местах. С другой – перевод многих производств в развивающиеся страны приводит к тому, что товары и услуги, которые производили работники средней квалификации, заменяются на импорт, что способствует снижению доли занятых со средней квалификацией². Точка зрения, что поляризация рабочих мест «набирает обороты», достаточно популярна и связана с озабоченностью о росте неравенства в доходах. Однако эмпирические данные не всегда подтверждают факт поляризации. В частности, исследование структурных изменений занятости в России за 2000–2010 гг., проведенное В. Гимпельсоном и Р. Капелюшниковым, отвергает гипотезу о ее поляризации и подтверждает последовательное улучшение рабочих мест³. Возможно, что отсутствие поляризации свидетельствует о технической отсталости России, но в любом случае важно отметить, что в анализируемой выборке находятся страны, находящиеся на разных ста-

Рисунок 3

ИНДЕКС СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ (шкала от -9 до +9)

¹ Goldthorpe J. Op. cit., 2013.

² Autor D. Op. cit., 2015.

³ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. 2015. № 7.

диях технико-технологического и социального развития.

Субъективная мобильность

Субъективное восприятие мобильности может не совпадать с реальным социальным продвижением индивида. Например, индивид может не заметить фактического продвижения вверх, так как считает его недостаточным, то ли в силу того, что рассчитывал на большее, то ли из-за того, что считает социальную систему несправедливой. В то же время даже незначительная по дистанции нисходящая мобильность может казаться очень значительной, так как потери переживаются особенно остро. Возможны и иные несоответствия между объективными и субъективными оценками.

Рисунок 3 демонстрирует распределение стран по средним значениям индекса субъективной социальной мобильности.

Наиболее высоко свою мобильность оценивают респонденты на Кипре, в Тайване, в Финляндии и Норвегии. Оценки мобильности в

Германии сопоставимы с восприятием изменения статусов в Чехии. Респонденты большинства стран выборки оценивают свою мобильность как восходящую.

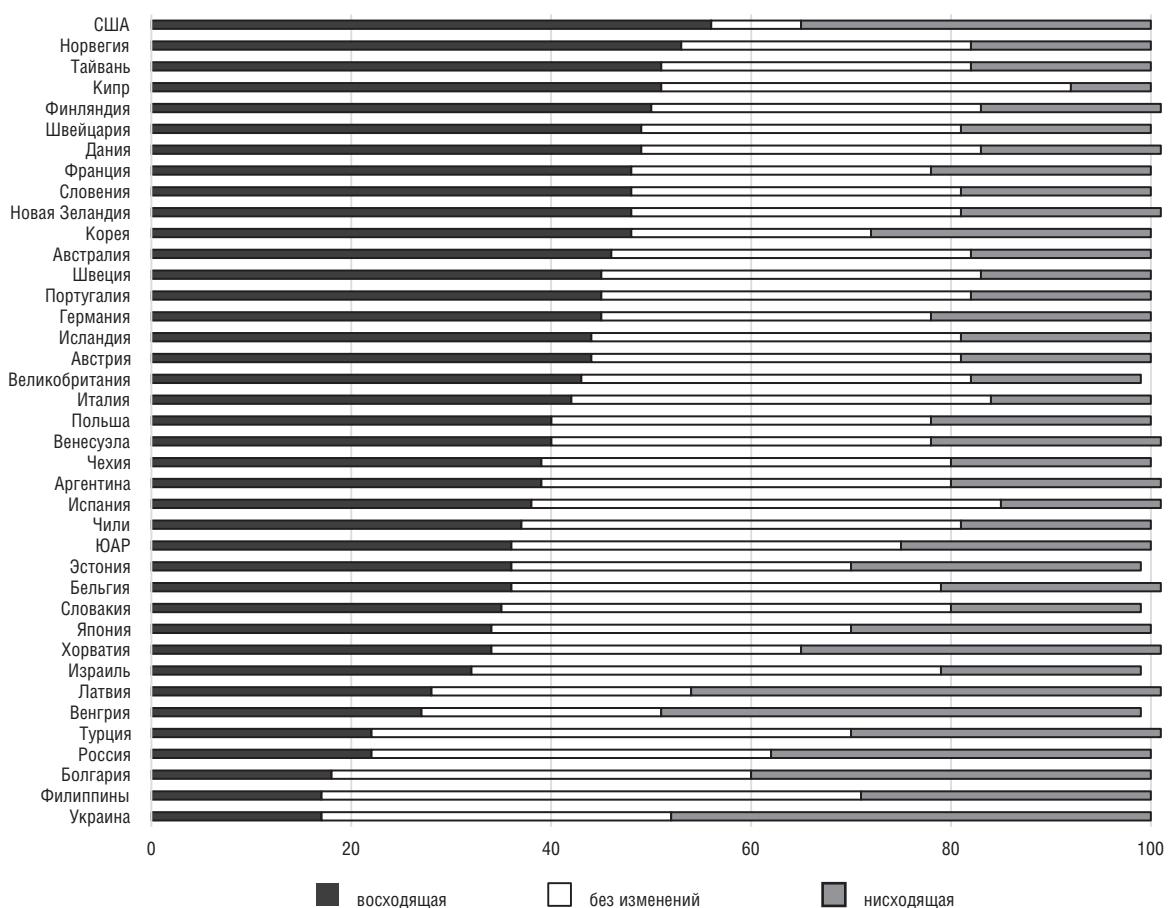
На нижнем конце распределения расположились постсоциалистические страны, а также Турция и Филиппины, в которых межпоколенческая мобильность в среднем воспринимается как нисходящая. Средняя оценка россиян не имеет статистически значимых различий с оценками населения Турции, Хорватии и Филиппин.

Рисунок 4 представляет три группы респондентов по каждой стране в зависимости от того, как они видят изменения в своем положении (см. рис. 2). В целом по выборке доминирует признание восходящей мобильности.

Межстрановые различия на рис. 4 выражены более явно, чем на рис. 2. Доля тех, кто отмечает продвижение вверх, колеблется от 17–18% на Украине, в Филиппинах и Болгарии до 50–60% на Кипре, в Тайване, Финляндии, Дании, Швейцарии, США. Соответственно,

Рисунок 4

НАПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (% респондентов внутри страны с восходящей мобильностью, нисходящей мобильностью и без изменения позиций. Страны ранжированы по убыванию доли респондентов с восходящей мобильностью)

ощущают снижение своих позиций по отношению к родителям около 40–50% респондентов в Болгарии, России, Латвии, Венгрии и менее 20% на Кипре, в Австралии, Дании, Финляндии, Швеции, Швейцарии, Португалии, Италии, Испании, Чили. В восьми странах нисходящая мобильность встречается чаще, чем восходящая. Это шесть постсоциалистических стран, Филиппины и Турция. Интересно отметить, что низкая субъективная мобильность отмечалась в постсоциалистических странах и в более ранних исследованиях¹. По данным 2009 года постсоциалистические страны не выступают единым фронтом: если Чехия, Словакия, Словения, Польша в восприятии своей социальной мобильности приближаются к оценкам «старокапиталистического» мира, то Россия, Латвия, Болгария, Венгрия, Украина и Хорватия продолжают заметно отставать от развитой Европы.

Межстрановые сравнения объективной и субъективной социальной мобильности демонстрируют повсеместную восходящую фактическую (объективную) мобильность независимо от уровня экономического развития и институционального устройства страны, и появление

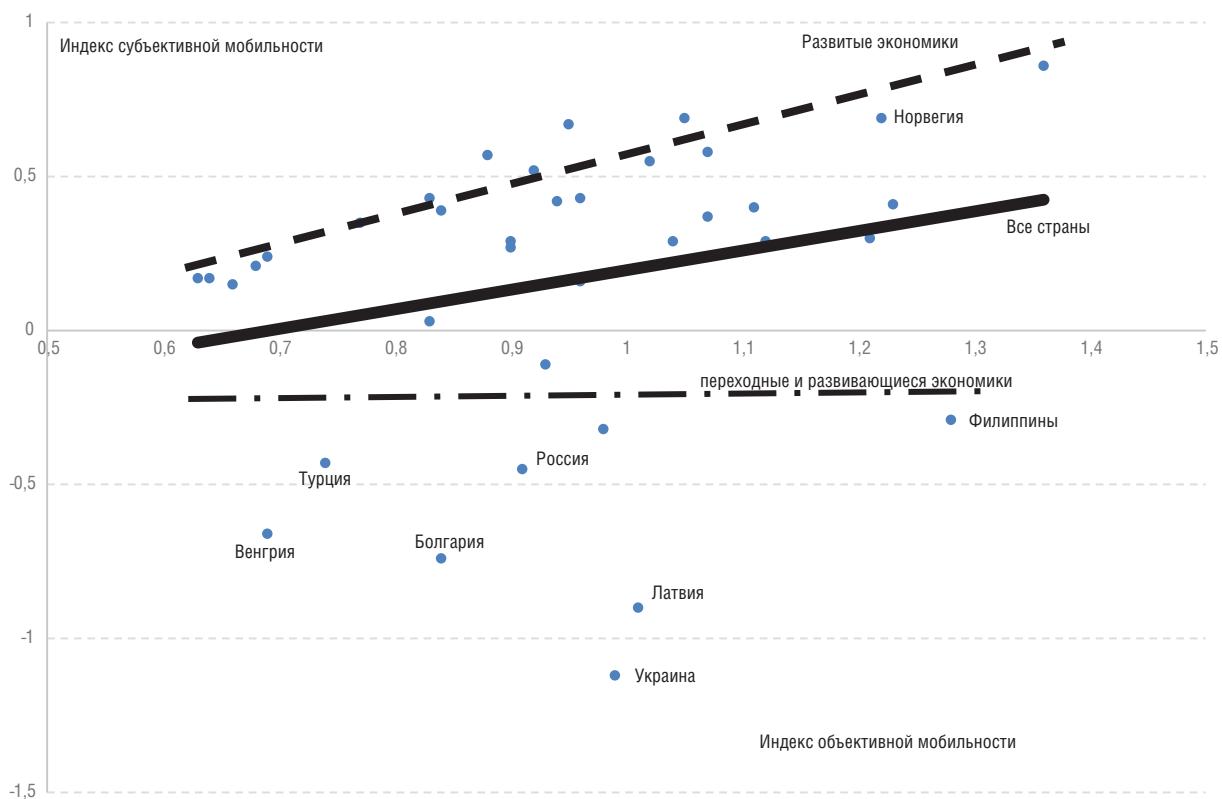
группы стран с нисходящей субъективной мобильностью. К этой группе относятся постсоциалистические и развивающиеся страны с невысоким уровнем душевого ВВП.

Соотношение показателей объективной и субъективной социальной мобильности

Как меры объективной и субъективной мобильности респондентов соотносятся между собой на уровне стран и на уровне индивидов?

При сопоставлении среднестрановых значений коэффициент корреляции оказывается статистически незначим ($r=0,04$). Рисунок 5 показывает практически отсутствие взаимозависимости между среднестрановыми оценками мобильности (средняя линия). Однако для подвыборки развитых стран такая зависимость оказывается значимой ($r=0,65$ при 1%-ном уровне значимости). На рисунке показаны три линии тренда: верхний пунктир демонстрирует взаимосвязь анализируемых показателей в развитых экономиках, самая нижняя штрих-пунктирная линия свидетельствует об отсутствии взаимосвязи в переходных и развивающихся странах (постсоциалистические страны, Аргентина, Чили, Турция, Филиппины, Венесуэла), сред-

Рисунок 5
СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СРЕДНЕСТРАНОВЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

¹ Renakova M., Vlachova K. Op. cit., 1995.

ная линия отражает усредненный тренд по всей выборке стран.

Население развитых стран в основном положительно воспринимает фактические изменения социальных позиций, тогда как в большинстве постсоциалистических стран, а также в Турции и Филиппинах социальных подъемов зачастую не ощущают.

На индивидуальном уровне соотношение объективной и субъективной мобильностей выглядит несколько иначе. Коэффициент корреляции между объективной социальной мобильностью, рассчитанной по методике EGP, и ее субъективной оценкой статистически значим и равен 0,15 на массиве всей выборки (41 325 человек). Причем ситуация различается по странам. Например, в Дании восприятие мобильности наиболее тесно коррелирует с изменением реальных позиций ($r=0,36$). Франция, Германия, Финляндия также демонстрируют статистически значимые сильные связи (коэффициенты корреляции здесь колеблются от 0,26 до 0,30). К этой же группе стран примыкают Чехия (0,26) и Польша (0,28). В России, Венгрии, Турции, Латвии, Аргентине, Испании фиксируются более слабые связи между объективной и субъективной мобильностью при сохранении статистической значимости (коэффициенты корреляции равны соответственно 0,10; 0,12; 0,10; 0,15; 0,15; 0,08), но Болгария, Украина, Филиппины, Венесуэла не показывают статистически значимых связей между анализируемыми показателями.

Мы можем сравнить фактические социальные перемещения каждого респондента с его субъективной оценкой своей мобильности относительно родителей. Учитывая тот факт, что объективные и субъективные показатели мобильности имеют разные меры измерения и шкалы, необходимо найти сопоставимые индикаторы для их сравнения. Таким индикатором является направление мобильности: восходящая, нисходящая, без изменений. И объективное, и субъективное измерения позволяют выделить эти направления. Соответственно, можно проанализировать, совпадают ли у респондентов направления фактической

Таблица 1
МАТРИЦА ПЕРЕХОДОВ

Объективная мобильность	Субъективная социальная мобильность		
	Нисходящая	Изменений нет	Восходящая
Нисходящая	Соответствует	Переоценивают ОМ	Переоценивают ОМ
Изменений нет	Недооценивают ОМ	Соответствует	Переоценивают ОМ
Восходящая	Недооценивают ОМ	Недооценивают ОМ	Соответствует

и воспринимаемой мобильности. Например, индивид может восходящую объективную мобильность воспринимать как восходящую, может оценивать ее как нисходящую, а может и вовсе не заметить никаких изменений.

По каждому респонденту выделим направления объективной и субъективной мобильностей. Возможные варианты сочетаний показаны в табл. 1, которая представляет собой матрицу 3х3.

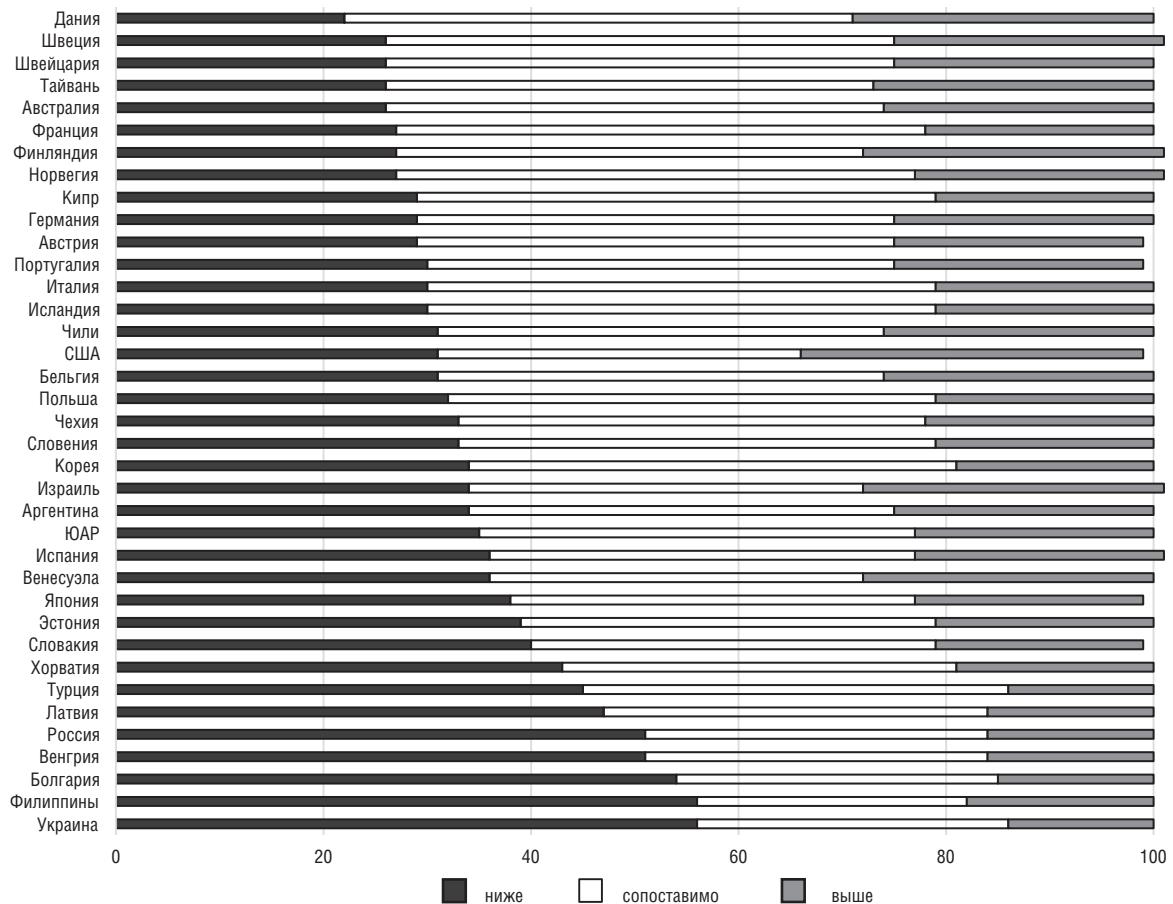
Эти сочетания можно объединить в три группы. Первая объединяет респондентов с восходящей объективной мобильностью и нисходящей субъективной (недооценивают реальные перемещения); вторая включает тех, у кого совпадают направления объективной и субъективной мобильностей; в третью входят те, кто имеет нисходящую объективную мобильность и восходящую субъективную (переоценивают реальные перемещения).

Рисунок 6 демонстрирует соотношение объективной и субъективной мобильностей на индивидуальном уровне, то есть долю тех респондентов, кто свою мобильность оценивает ниже реальных достижений, выше их, и долю тех, кто воспринимает свои статусные передвижения соответственно реальности. Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, во всех анализируемых странах часть индивидов не ощущает восходящей социальной мобильности относительно родителей, хотя такие восхождения фиксируются. В целом по всей выборке стран каждый третий респондент недооценивает изменение своего социального статуса относительно родителей, а каждый четвертый, напротив, его переоценивает.

Во-вторых, мы наблюдаем значительную межстрановую вариацию по соотношению реальной и воспринимаемой мобильностей. Доля тех, кто недооценивает фактические статусные изменения, колеблется от 22% в Дании до 56% на Украине и Филиппинах. В развитых странах индивиды менее склонны недооценивать объективную мобильность и в большей мере демонстрируют соответствие субъективных оценок реальной ситуации или их завышение. В постсоциалистических странах си-

Рисунок 6

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ (доля тех, кто объективную мобильность оценивает ниже, доля тех, кто оценивает выше, доля тех, кто воспринимает соответственно. Страны проранжированы по возрастанию доли тех, кто недооценивает объективную мобильность)

туация иная. В России, Венгрии, Болгарии, Латвии, на Украине и в развивающихся Турции и Филиппинах почти каждый второй респондент недооценивает реальные статусные продвижения, примерно у трети респондентов оценки совпадают, и порядка 15–16% переоценивают свои фактические достижения. Заметим, что жители Дании, Финляндии, Израиля и США существенно чаще готовы воспринимать восходящую мобильность там, где фактически ее нет (доля тех, кто переоценивает объективную мобильность, почти в два раза выше, чем в России, Болгарии, Латвии, Венгрии, на Украине).

Итак, с одной стороны, в каждой стране есть индивиды, которые недооценивают или переоценивают изменение своих статусных позиций, с другой – доли таких людей существенно варьируют между странами.

Почему почти у каждого второго респондента анализируемой выборки не совпадают объективные и субъективные оценки мобильности? Индивид может не воспринимать восходящую

или нисходящую фактическую мобильность по ряду причин. Прежде всего, существуют различия в критериях индивидуальных оценок восходящей и нисходящей мобильностей. К примеру, для кого-то важна образовательная составляющая, а не доход и власть над другими, для другого важно ощущение того, что от него многое зависит, а образование значения не имеет, а третий будет акцентировать внимание на повышении дохода, игнорируя образование и власть. Выделенные нами профессиональные группы должны «схватывать» уровень образования и, соответственно, дохода, однако индивидуальные ситуации разнообразны, особенно в период трансформаций. Исследования отмечают также, что сложная структура общества затрудняет оценку реальных перемещений для индивидов и индивиды не всегда могут идентифицировать свое социальное положение соответственно профессиональной иерархической шкале, разработанной экспертами¹.

¹ Curtis J. Op. cit., 2016; Duru-Bellat M., Kieffer A. Op. cit., 2008.

На восприятие мобильности могут влиять различные жизненные обстоятельства, имеющие место на момент опроса. К примеру, индивид оказался в это время безработным. Если даже он имеет по сравнению с родителями объективно восходящую мобильность, то неизвестно, как он ее воспримет в момент отсутствия работы. Так, значительная доля испанцев недооценивает свою объективную мобильность, что, возможно, связано с высоким уровнем безработицы в стране.

Индивидуальная ситуация у каждого своя. Но с чем связаны массовая недооценка объективной мобильности в стране и отсутствие корреляции между фактической и воспринимаемой мобильностями? Такой итог, возможно, объясняется господствующими представлениями о неравных возможностях роста, распространенности немеритократических путей достижения успеха. Если индивиды уверены, что не очень достойные граждане продвигаются с помощью коррупции, а остальным путь наверх перекрыт, то свою даже восходящую мобильность эти индивиды способны не заметить, считая, что могли бы добиться большего. Отсутствие в обществе доступных механизмов подъема по социальной лестнице, возможностей роста доходов приводит к неудовлетворенности жизнью и смещению оценок реальности.

К тому же в период трансформаций может меняться представление о престиже профессий и их доходности. Достаточно наглядно это демонстрирует Россия, где в советские времена торговля, к примеру, считалась доходным местом в силу тотального дефицита. Если родители респондента работали в этой отрасли, они могли быть по средним меркам обеспеченными людьми. Сам респондент получил высшее образование и работал также в торговле, но уже в постперестроечное время, когда исчезли материальные преимущества этой отрасли. Таким образом, фактическая мобильность по отношению к родителям будет восходящей, но оценить ее респондент может по-разному: и как восходящую (если для него важна образовательная составляющая), и как нисходящую (в случае ценности для него определенного уровня дохода). Ситуация может быть и обратной. К примеру, родители работали инженерами на предприятии, получали небольшую зарплату и относились к среднеобеспеченным слоям населения, но респондент, имея среднее образование, стал заниматься малым бизнесом на

уровне рабочих профессий (например, ремонт автомобилей) и существенно увеличил свой доход. Фактически будет фиксироваться нисходящая мобильность, но респондент способен ее оценить и как восходящую, если будет ориентироваться на доход. Такие ситуации могут наблюдаться не только в России.

Объективная социальная мобильность в постсоциалистических странах не всегда сопровождается ожидаемым ростом доходов, а потому зачастую подъемы профессионального статуса здесь не замечаются.

На восприятие социальной мобильности может воздействовать и общий уровень удовлетворенности жизнью, то есть субъективное благополучие. Если индивид доволен жизнью, которая соответствует его ожиданиям, он будет оценивать свое социальное положение выше, чем тот, кто имеет претензии к судьбе и несбывшиеся мечты. Различные международные исследования показывают, что постсоциалистические страны отличаются низкими значениями удовлетворенности жизнью в целом по сравнению с жителями развитого мира. В качестве объяснения на первый план выходит снижение уровня жизни, рост безработицы, нерешиенные социальные проблемы, политическая нестабильность, характерные для переходных экономик¹. Возможно, именно этот факт способствует высокой доле респондентов, недооценивающих свои реальные перемещения по социальной лестнице, в постсоциалистических странах.

Итак, жители «старокапиталистических» стран с развитой экономикой в большей мере оценивают свои социальные перемещения в соответствии с реальной ситуацией, скорее переоценивая фактическое состояние, чем недооценивая его. Этой оптимистической группе противостоят постсоциалистические и развивающиеся страны с невысоким уровнем экономического развития, население которых на-

¹ Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997. P. 391; Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, Freedom, and Rising Happiness (A Global Perspective (1981–2007)) // Perspective of Psychological Science. 2008. Vol. 3. № 4; Rovelli R., Zaiceva A. Transition Fatigue? Cross-Country Evidence from Micro Data // IZA DP No. 4224. June 2009; Guriev S., Zhuravskaya E. (Un)Happiness in Transition // Journal of Economic Perspectives. 2009. Vol. 23. № 2; Андреенкова Н. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Россия в Европе / под ред. А. Андреенковой, Л. Беляевой. М., 2009; Зудина А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Препринт WP3/2013/01 Серия WP3 Проблемы рынка труда, НИУ ВШЭ, 2013.

строено более пессимистично по поводу своей социальной мобильности и склонно недооценивать ее реалии.

4. Детерминанты объективной и субъективной социальной мобильности: многоуровневый регрессионный анализ

Почему фактическая мобильность по отношению к позициям родителей и ее восприятие различаются по странам? По-видимому, эти различия могут быть связаны с тем, что объективная и субъективная социальные мобильности определяются разными факторами.

Согласно гипотезе (см. раздел 1) на межпоколенную объективную и субъективную социальные мобильности могут воздействовать разные характеристики экономики и общества: объективная мобильность сильнее зависит от уровня развития экономики и ее структуры, а восприятие мобильности более тесно связано с качеством институтов государственного управления, влияющих на оценку людьми справедливости общественного устройства. В таблице 2 приведены коэффициенты корреляции страновых характеристик, описанных в разделе 2, и средних по стране индексов объективной и субъективной социальной мобильностей.

Ни уровень экономического развития страны, ни степень образованности населения, ни доля занятых в общественном секторе на страновом уровне статистически не связаны с показателем объективной мобильности. Однако уровень урбанизации отрицательно коррелирует с фактической социальной мобильностью на нашей выборке стран. Это можно интерпре-

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ИНДЕКСА ОБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (ИОСМ) И ИНДЕКСА СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (ИССМ) СО СТРАНОВЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

	ИОСМ	ИССМ
ВВП на душу, \$/PPP	0,15	0,81***
Контроль коррупции	0,18	0,65***
Эффективность управления	0,22	0,54***
Верховенство права	0,24	0,46***
Политическая стабильность	0,3	0,25*
Качество регулирования	0,22	0,06
Открытость и подотчетность государства	0,41***	0,1
Доля городского населения, %	-0,54***	0,24
Доля с третичным образованием, %	0,03	-0,08
Доля занятых в общественном секторе, %	0,09	0,07

Примечание: * p<0,1; ** p<0,05; *** p<0,01.

тировать как то, что переход из села в города продолжает работать как канал восходящей мобильности там, где этот процесс не завершен. В тех странах, где процесс урбанизации исчерпал свои возможности, объективная социальная мобильность показывает более низкие значения, чем в странах с высокой долей сельского населения, которое имеет возможность повысить свой статус переходом в город. Объективная мобильность также коррелирует с одним из индикаторов качества государственного управления «Открытость и подотчетность государства».

Субъективная мобильность реагирует на совершенно другие страновые характеристики. Данные табл. 2 показывают значимые коэффициенты корреляции индекса субъективной мобильности с подушевым ВВП и индикаторами качества институтов государственного управления. Наиболее тесные связи демонстрирует контроль коррупции, но эффективность управления и верховенство права коррелируют с ИССМ также достаточно тесно: чем качественнее государственное управление, выше его прозрачность и строже соблюдаются законы, тем выше люди оценивают свою социальную мобильность. При этом уровень урбанизации (доля городского населения), влияющий на индекс объективной мобильности, не показывает статистически значимых связей с восприятием мобильности.

Выявленные с помощью простого корреляционного анализа зависимости протестируем с помощью многоуровневого линейного регрессионного анализа. Среди страновых характеристик для включения в регрессионную

модель выбран контроль коррупции, поскольку он наиболее тесно связан с индексом субъективной мобильности, и уровень урбанизации, влияющий на объективный показатель мобильности.

Зависимыми переменными в нашем регрессионном анализе являются индексы объективной и субъективной социальной мобильностей (ИОСМ и ИССМ). Независимые переменные на *индивидуальном уровне* характеризуют каждого из респондентов, независимые переменные на уровне *стран* – каждую из рассматриваемых стран. На *индивидуальном уровне* рассматриваются три группы переменных: демографические характеристики (пол, возраст, семейное положение, образование), место работы респондента и доход, характеристики родительской семьи (место работы отца, культурная среда, показателем которой выступает размер библиотеки в семье родителей, то есть количество книг). На *страновом уровне* в регрессию включаются две характеристики: уровень урбанизации и контроль коррупции¹. (Анализ страновых показателей и мотивация их выбора даны в разделе «Методология и описание данных».)

Результаты представлены в табл. 3, все модели статистически значимы.

Объективная социальная мобильность

На *индивидуальном уровне* возраст, образование, уровень дохода положительно влияют на объективную социальную мобильность. Женщины перемещаются вверх более активно, чем мужчины. Родительская семья также имеет значение: занятость отца вне государственного сектора повышает шансы детей подняться вверх. В этом же направлении действует и культурная среда (размер домашней библиотеки, то есть количество книг, среди которых взрослел респондент).

Межстрановые различия в объективной мобильности выражены очень слабо. На страновом уровне только 0,6% (ICC=0,006) дисперсии приходится на межстрановой разброс, соответственно, все независимые переменные странового уровня имеют еще меньшую объясняющую силу. Тем не менее уровень урбанизации значимо снижает социальную мобильность, но

влияние институциональной среды (контроля коррупции) отсутствует.

Субъективная социальная мобильность

Предикторы восприятия мобильности на индивидуальном уровне в большинстве совпадают с предикторами объективной: возраст, образование, уровень дохода, характеристики родительской семьи действуют в одном направлении. Однако есть и различия. Мужчины оценивают свою мобильность выше, чем одинокие женщины, тогда как реальные перемещения в большей мере демонстрируют женщины. На восприятие мобильности, в отличие от объективного аналога, значимое положительное влияние оказывает наличие семьи у респондента.

Представление о социальной мобильности может включать изменение как собственного социального статуса, так и статуса супруга/супруги. Например, если жена не работает и воспитывает детей, а муж добился престижной статусной должности (выше, чем профессиональный статус собственного отца и отца жены), то и жена, и муж могут ощущать повышение своего общественного положения. Именно эти обстоятельства способны объяснить положительный эффект наличия семьи для мобильности.

Родительская семья в период социализации также значимо влияет на восприятие мобильности: количество книг, которые окружали респондента в детстве, и занятость родителей не в государственном (общественном) секторе способствуют успешному продвижению респондентов. Занятость «отцов» в государственном секторе снижает социальную мобильность детей, как фактическую, так и воспринимаемую. Это скорее всего происходит от того, что занятость в государственном секторе обеспечивает индивиду достаточно высокие стартовые позиции в обществе и дальнейший подъем оказывается труднее, нежели с позиций самозанятых или занятых в частном секторе.

Объективная межпоколенная мобильность имеет значимый положительный коэффициент, а это указывает на то, что в целом субъективные представления человека о его мобильности соответствуют его реальной жизненной динамике.

Наша гипотеза (представленная в разделе 1) связывает восприятие мобильности с представлениями о справедливости общественного устройства, равенстве возможностей, коррумпированности власти и т.п. Пути к успеху, вос-

¹ Влияние одного из индикаторов качества государства «Открытость и подотчетность государства», который коррелировал с ИОСМ, было протестировано с помощью многоуровневой регрессии, но связь между этими показателями не подтвердилась (коэффициент регрессии при дамми «Открытость и подотчетность государства» равен 0,003 и статистически не значим).

Таблица 3

КОЭФФИЦИЕНТЫ МНОГОУРОВНЕВЫХ ЛИНЕЙНЫХ РЕГРЕССИЙ: ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ – ИНДЕКСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ (ИОСМ) И СУБЪЕКТИВНОЙ (ИССМ) СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

	Зависимые переменные	
	ИОСМ (шкала от -6 до +6)	ИССМ (шкала от -9 до +9)
Эффекты индивидуального уровня		
Пол (1 – мужской, 0 – женский)	-0,30***	0,12***
Возраст	Референтная группа – возраст до 30 лет	
30–49 лет	0,11***	0,09***
от 50 лет и выше	0,24***	0,22***
Наличие семьи	0,05	0,13***
Наличие третичного образования	0,76***	0,12***
Место работы респондента	Референтная группа – занятость в частном секторе	
Госсектор	0,40***	0,04
Самозанятость	-0,15	0,08**
Место работы отца	Референтная группа – занятость в частном секторе	
Госсектор	-0,50***	-0,21***
Самозанятость	0,47***	-0,19***
Квинтильные группы по доходу	Референтная группа – 1-й квинтиль, самый низкий доход	
2	0,27***	0,33***
3	0,50***	0,52***
4	0,76***	0,67***
5 (наиболее высокий)	0,91***	1,06***
Размер семьи респондента	-0,06***	-0,01
Размер библиотеки в семье, где родился респондент	0,33***	0,31***
Образование доступно для всех (мнение респондента), 1 – да, 0 – нет	-0,01	0,06**
Объективная мобильность		0,12***
Эффекты странового уровня		
Контроль коррупции	0,03	0,33***
Доля городского населения, %	-0,01***	0,004
Константа	2,37***	-0,93***
Общие характеристики модели		
Остаточная страновая дисперсия	0,01	0,10
Остаточная индивидуальная дисперсия	4,34	2,93
ICC	0,006	0,07
N (респондентов)	27 049	26 900
N (стран)	37	37

Примечания: * p<0,1; ** p<0,05; *** p<0,01.

принимаемые людьми как соответствующие их представлениям о справедливости, легитимизуют существующие в обществе статусные различия, тем самым способствуя тому, что социальные перемещения воспринимаются индивидом адекватно реальности¹. В анкете есть вопрос, позволяющий проанализировать мнения

респондентов о доступных механизмах, ведущих к благополучию и успеху («Чтобы добиться успеха в жизни, насколько важно, по Вашему мнению, следующее...»). Среди ответов: происхождение из богатой семьи (coming from a wealthy family), хорошо образованные родители (having well-educated parents), хорошее образование для самого себя (having a good education for himself), амбициозность (having ambition), упорный труд

¹ Alesina A., Angeletos G. Op. cit., 2005.

(hard work), знакомство с «правильными людьми» (knowing the right people), политические связи и взятки (having political connections и giving bribes). Все вопросы из этого блока используют пятибалльную порядковую шкалу от «абсолютно необходимо» (essential) до «совсем не важно» (not important at all). Они позволяют охарактеризовать механизмы восходящей мобильности как меритократические (труд и собственное образование), статусные (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, полезные связи) или коррупционные (взятки). Предлагаемые ответы не содержат прямой этической оценки тех или иных каналов, но позволяют выявить представления людей о том, какие из них в их странах фактически доминируют.

Для анализа связи между субъективной мобильностью и представлениями о справедливости в уравнение, по которому оценивалась субъективная мобильность, мы добавили дополнительные переменные (назовем их «инструментами» мобильности), которые поочередно включались в регрессионную модель, приведенную в табл. 3 (3), и, таким образом, контролировались все индивидуальные и страновые предикторы, перечисленные в табл. 3 (3). К данным «инструментам» относится происхождение из богатой или образованной семьи, собственное образование, наличие амбиций, упорный труд, наличие полезных связей и необходимость коррупционных действий.

В таблице 4 приведены регрессионные коэффициенты при «инструментах» мобильности, которые респонденты считают наиболее важными в достижении успеха и продвижении вверх.

Согласно табл. 4 более низко оценивают свою социальную мобильность респонденты,

считающие необходимым инструментом для повышения статуса в обществе наличие богатой родительской семьи, полезных связей, коррупции, тогда как ссылки на упорный труд и доступ к получению хорошего образования предпочитали те, кто повысил свой социальный статус по отношению к родителям. Эти результаты свидетельствуют о том, что восприятие мобильности связано с тем, как индивиды представляют себе степень меритократичности или «коррупционности» тех инструментов, которые могут вести к «успеху», это и есть представления о справедливости; в более широком смысле – либо вера в то, что успех других является заслуженным вознаграждением их упорного труда, либо, на другом полюсе, мнение, что он (успех) объясняется случайно выпавшей удачей или «полезными» связями, но никак не личными усилиями. Особое негодование может вызывать «успех», ассоциирующийся с коррупцией и с подкупом, тогда как меритократические пути продвижения в глазах людей легитимны и способствуют высокой оценке собственной мобильности. Если индивид ощущает, что его положение улучшается и статус повышается, то с высокой долей вероятности он будет связывать свой успех в обществе с действием меритократических процедур. Напротив, нисходящая мобильность ассоциируется с неравенством возможностей, с коррупцией, то есть с несправедливостью.

Субъективная социальная мобильность, в отличие от фактических статусных переменных, демонстрирует заметные межстрановые различия (ICC равен 0,07). На страновом уровне значимо повышает восприятие социальной мобильности контроль коррупции, характеризующий качество государственного управления

Таблица 4
КОЭФФИЦИЕНТЫ РЕГРЕССИИ, ОЦЕНИВАЮЩЕЙ ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ С «ИНСТРУМЕНТАМИ» МОБИЛЬНОСТИ (зависимая переменная – субъективная социальная мобильность)

Пути к успеху	1	2	3	4	5	6	7
богатая семья	-0,12***						
упорный труд		0,11***					
наличие амбиций			0,06**				
наличие образования				0,06**			
доступ к образованию					0,06**		
полезные связи						-0,07**	
коррупция							-0,14***
N	27 817	27 708	27 598	27 874	27 134	27 555	27 123

Примечания: 1) *, ** и *** – 10%-й, 5%-й и 1%-й уровни значимости; 2) контрольные переменные представлены в табл. 3 (колонка 3).

и связанный в том числе с представлениями о справедливости и меритократичности механизмов статусных перемещений в стране. Уровень же урбанизации на субъективную социальную мобильность значимо не влияет.

5. Обсуждение результатов и выводы

Тема мобильности является одной из центральных в социальной науке. О ней судят на основании того, как меняется социальное положение индивида в обществе. Данная работа исследует соотношение объективной и субъективной социальных мобильностей в их межпоколенном варианте и пытается ответить на вопрос, совпадают ли эти оценки?

Анализ как самих расхождений, так и факторов, их формирующих, представляет собой интересную исследовательскую задачу. Среди факторов – как индивидуальные характеристики людей, так и особенности экономического и институционального развития стран, в которых они живут. Особый интерес представляют межстрановые сравнения, так как они позволяют выделить эффекты характеристик стран и изучить соответствующие детерминанты.

Регрессионный анализ фиксирует положительную связь объективной и субъективной мобильностей на индивидуальном уровне. Причем детерминанты обеих мобильностей практически идентичны. Субъективные оценки статусных изменений на индивидуальном уровне, как и объективные, положительно связаны с возрастом, образованием, уровнем дохода. Характеристики семьи родителей воздействуют в одном направлении на реальные социальные перемещения и их восприятие. При этом женщины оценивают свои реальные достижения ниже, чем мужчины, а наличие семьи у респондента, не влияющее на объективную мобильность, способствует ее восприятию.

На страновом уровне ситуация складывается иначе. Результаты исследования показывают, что во всех странах выборки доминирует восходящая объективная социальная мобильность: в большинстве своем следующее поколение повышает свои социальные статусы относительно родителей. В то же время восприятие роста статуса выглядит более скромно, и недооценка респондентами своего статусного продвижения присутствует во всех странах. При этом доля индивидов, незамечавших социальные перемещения, различается по странам. Если в развитых странах доля таких людей колеблется от 20 до 30%, то в Рос-

сии, Украине, Турции, Филиппинах от 45 до 60%. Соответственно, в ряде постсоциалистических и развивающихся стран на уровне восприятия населения доминирует нисходящая мобильность.

Межстрановая вариация объективной мобильности выражена очень слабо. Тем не менее с контролем индивидуальных характеристик уровень урбанизации значимо ее снижает.

Почему межстрановые различия объективной мобильности столь малозаметны? Современный мир поступательно развивается, и заметны схожие процессы, вследствие которых проявляются общие закономерности в продвижении социально-экономических позиций поколения детей относительно родителей. Действительно, для всех стран выборки наблюдается рост образовательного уровня населения, заметные сдвиги в сторону продвинутых профессиональных статусов и т.п. Восходящая мобильность может быть больше или меньше, она может в определенные периоды замедляться или ускоряться, но во всех странах восходящая межпоколенная мобильность опережает нисходящую.

Субъективная мобильность варьирует между странами сильнее, чем объективные оценки. Развитые страны демонстрируют более высокую субъективную мобильность, чем переходные экономики и развивающиеся страны. Межстрановая вариация во многом объясняется институциональной средой (уровнем коррупции и качеством управления), наличием доступных возможностей статусного роста, качеством жизни.

Согласно проведенному исследованию восприятие социальной мобильности во многом зависит от доступности механизмов, ведущих к благополучию. Пути к успеху могут быть меритократические (труд и собственное образование), статусные (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, «полезные» связи) или коррупционные (взятки). И крайне важно, чтобы механизмы мобильности в обществе соответствовали представлениям людей о справедливости. «У людей есть потребность верить, что они живут в мире, где все обычно получают то, что они заслуживают»¹.

Даже восходящая личная мобильность может вызывать у человека негативные эмоции. Во-первых, индивид может считать ее недостаточной, полагая, что заслуживает в этой жизни

¹ Lerner M. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. New York: Springer Science, 1980.

большего. Во-вторых, даже если восходящее перемещение значительно, у других людей оно может быть относительно больше. В этом случае возможны как простая зависть, так и моральное осуждение методов достижения успеха, например связей, простого везения (как «свалившейся с неба удачи»), работы «локтями» и т.п. «Люди понимают, каким образом накоплено богатство: на игровых столах Лас-Вегаса или упорным напряженным трудом»¹.

Если люди верят, что живут в справедливом мире, они воспринимают реальные изменения как результат собственных усилий и оценивают его соответственно, больше инвестируют в человеческий капитал, тем самым повышая свои фактические статусные позиции.

В результате субъективно оцениваемая мобильность включает в себя не только восприятие реальных межпоколенных сдвигов, но и

оценку потенциальных возможностей, доступных механизмов продвижения, сравнение собственных достижений с успехами людей из своего окружения, реализацию или нереализацию ожиданий. В свою очередь, все эти оценки связаны в сознании индивида с представлениями о том, как устроена и функционирует государственная система управления, в какой мере она справедлива и понятна для граждан.

Немаловажную роль здесь играет и субъективное благополучие граждан, которое включает в себя все субъективные оценки. Наша удовлетворенность жизнью зависит от качества жизни, которое, в свою очередь, определяется уровнем дохода, представлениями о справедливом мире, о доступных возможностях и т.п. И если качество жизни нас удовлетворяет, то скорее всего мы не оценим свою социальную мобильность как нисходящую.

¹ Alesina, Giuliano. Op. cit., 2011. P. 102.

В каком обществе мы живем?

Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры

Вопросы о том, насколько самостоятельны социальные акторы в своих выборах и каким образом эти выборы осуществляются, отсылают нас к дискуссии, имеющей давнюю историю. Либо вслед за Гэллапом¹ мы полагаем, что массовый актор обладает достаточными когнитивными способностями и рефлексивными навыками для адекватной оценки и рационального понимания происходящего, и в этом случае массовые опросы имеют особую значимость, поскольку представляют собой один из приводных ремней демократии, позволяющих коммуницировать волю народа властным элитам. Либо мы вслед за Липпманом² считаем, что за пределами непосредственного личного опыта возможности рядового гражданина ограничены и определяются «рациональностью неосведомленности». Для массового актора репрезентация внешнего мира обуславливается состоянием медиапространства, в том числе размыванием границ между новостями и пропагандой, различать которые массовое сознание не в состоянии. Не рациональное экспертное знание, а система массовых представлений – можно сказать предрассудков, – определяет массовые действия.

Позиция, выраженная в данной статье, соотносится с социологическими подходами, в рамках которых постулируется дифференциация социальной деятельности. В обществе существуют группы, порождающие смыслы и образы, существуют каналы трансляции этих ментальных конструктов, и есть реципиенты – социальные слои, воспринимающие и усваивающие транслируемые смыслы. При этом нужно помнить, что массовое сознание не рефлексивно, оно воспроизводится повседневным опытом, «решеткой» субъективных представлений, которая просеивает поступающую информацию и маркирует ее как истинную или ложную. Достоверное экспертное знание может быть отвергнуто, а противоречивые нелепые слухи приняты как

¹ America Wants to Know. The Issue and the Answers of the Eighties / Complied Dr. G.Gallup. N.Y.: A. and W. Publishers, Inc, 1983.

² Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

неоспоримые, и именно они будут задавать дальнейшую рамку действия. Вспомним теорему Томаса: ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям³. Базовым элементом понимания социальной ситуации является то, как она воспринимается действующим лицом, ее воздействие основано не столько на объективной природе социального феномена, сколько на субъективном значении, приписываемом реципиентом.

Этими обстоятельствами определяется одно из основных отличий «человека социологического» от «человека экономического». Экономический человек действует в пространстве рациональных выборов, обладая достоверным знанием, ориентируясь на позицию экспертов. Тем интереснее работа Владимира Гимпельсона и Даниэля Трейсмана «Misperceiving Inequality»⁴. Авторы показывают наличие значимых расхождений между оценками, которые в ходе социологического опроса дают респонденты обществу, где они живут, и фактически существующим уровнем материального неравенства. Иными словами, не экспертное знание о распределении доходов или его динамике лежит в основе оценок, вынесенных респондентами обществу, а субъективное проживание ситуации депривации, которое не сводится к неравенству доходов, измеренных на основе коэффициента Джини. Как отмечают авторы, на Украине менее 5% респондентов выбрали тот тип диаграммы, который соответствует экспертным оценкам неравенства в доходах, в Австрии таких оказалось 11%, в России – 13%.

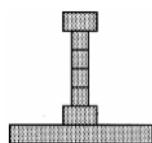
С нашей точки зрения, в статье зафиксировано несколько важных обстоятельств. Прежде всего, не «реальный уровень неравенства», как его видят эксперты, а именно субъективное восприятие депривации определяет образ общества, в котором живут респонденты. Кроме того, нельзя сводить социальное неравенство только к имущественной составляющей – представления о типе социума определяется широ-

³ Thomas W.J., Thomas D.S. The Child in America: Behavior Problems and Programs. Knopf, 1928.

⁴ <http://www.nber.org/papers/w21174.pdf>.

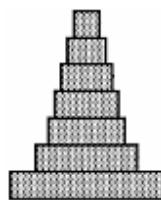
ким набором факторов, таких, например, как доступность каналов восходящей мобильности, справедливость в распределении благ, уровень коррумпированности общества, социальная ориентированность политики правительства и т.д. Воспользуемся теми же данными, что и авторы статьи¹, и попробуем определить, какие предикторы в большей степени, чем доходы, влияют на выбор респондентами структурной диаграммы, лучше других описывающей общество, где они живут.

Нам были доступны данные 40 стран-участниц, в которых были опрошены 55 238 респондентов по репрезентативным выборкам, что позволяет проводить межстрановые сравнения. Напомним, что респондентов просили описать тип общества, в котором они живут. Были предложены пять диаграмм, из которых нужно было выбрать только одну. Вот как звучал вопрос: «На этих пяти рисунках представлены различные типы общества. Как Вы считаете, к какому из этих типов ближе общество, где Вы живете?».

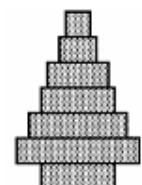
Тип А

Небольшая группа на вершине пирамиды, совсем немного людей посередине, основная масса находится внизу, в основании пирамиды

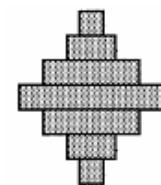
Тип В

Общество, подобное пирамиде: небольшая группа наверху, немного больше людей посередине, основная масса внизу

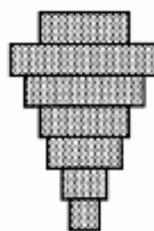
Тип С

Та же пирамида, но людей внизу немного меньше, чем в ситуации В

Тип Д

Ромб – общество, где большинство людей находятся посередине социальной лестницы

Тип Е

Большинство расположено ближе к вершине, внизу находится совсем немного людей

Распределение ответов респондентов по странам приведено на рис. 1. Разброс ответов значителен. Так, в Дании доля респондентов, считающих, что их общество – пирамида с узкой серединой (тип А), составляет лишь 2%, тогда как на Украине число тех, кто относит общество к данному типу, – 69%. Какие факторы влияют на выбор респондентов? Попробуем ответить на этот вопрос.

Для работы мы выбрали процедуру дискриминантного анализа. Дискриминантный анализ – процедура многомерного статистического анализа, позволяющая на основе различий между априорно заданными группами объектов рассчитать дискриминантные функции и далее, используя эти функции, провести апостериорную группировку тех же объектов. Коэффициенты рассчитываются таким образом, чтобы максимизировать различия значений дискриминантной функции в анализируемых группах. Показателем качества модели является доля совпадений в априорно заданной классификации и в классификации, построенной на базе дискриминантных функций.

В качестве параметров, задающих априорную классификацию, были выделены два полярных взгляда на общество: тип А (пирамида с широким основанием и длинным узким горлышком, ее можно вслед за Т. Заславской назвать «гусиной шеей») и тип Д (ромб). Именно эти два образа выбираются значимым количеством респондентов, и именно они задают максимум контраста. В качестве предикторов мы сформировали несколько наборов шкал на базе вопросов анкеты, их перечень и обоснования выбора приведены ниже.

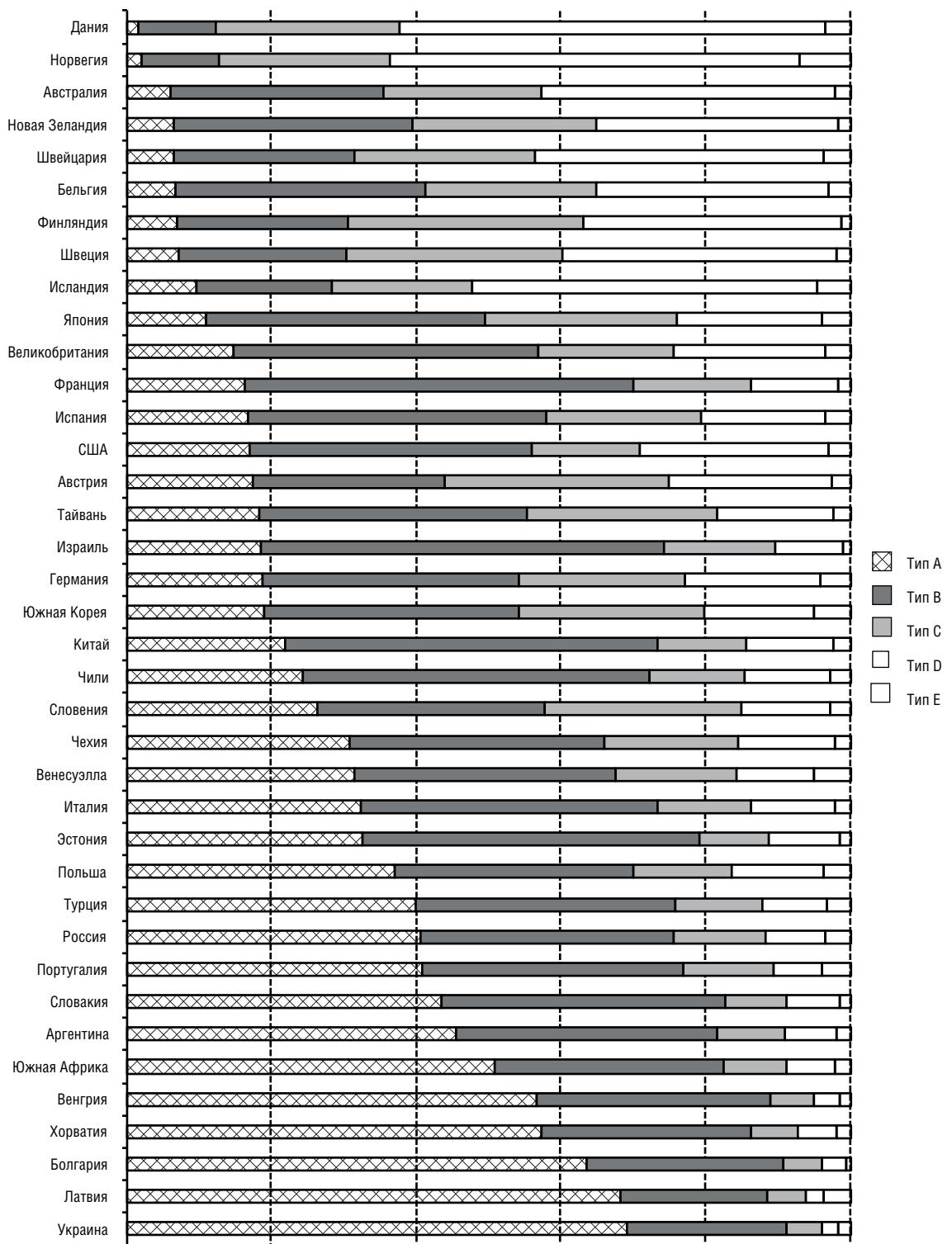
1. *Представления респондентов о факторах, влияющих на восходящую мобильность.* Анкета содержала блок вопросов, в которых респондентов просили оценить, какие условия для достижения успеха кажутся им важными, а какие нет. Факторный анализ показал, что все предложенные причины успешного продвижения группируются в четыре блока². Первый из них

¹ Гимпельсон и Трейсман использовали данные опроса ISSP (International Social Survey Programme) за 2009 год – «Социальное неравенство».

² Подробнее см.: Косова Л.Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. 2014. № 3-4 (118). С. 118–127.

Рисунок 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ О ТИПЕ ОБЩЕСТВА, В КОТОРОМ ОНИ ЖИВУТ, ПО СТРАНАМ

включает аскрептивные признаки – пол, возраст, религиозную принадлежность, второй – коррупционную вязкость среды: необходимость давать взятки, иметь нужные связи для успешного продвижения вверх по социальной

лестнице. Третий фактор характеризует «стартовую площадку» – статус родительской семьи и личное образование респондента. Четвертый фактор группирует достижительские установки – работоспособность, упорство, амбиции.

Для целей, решаемых в рамках данной статьи, мы выбрали блок вопросов, описывающих степень коррумпированности общества, построив на их основе кумулятивную шкалу. Список вопросов, использованных для построения шкалы, приведен в Приложении 1.

2. *Доступность хорошего образования.* Вопросы социальной дифференциации неизбежно оказываются связанными с доступностью качественного образования – это один из основных типов неравенства модерных обществ. Именно образование может обеспечить человеку достойную работу и устойчивое положение в обществе. Еще П. Сорокин отмечал, что школа все более берет на себя функции, которые ранее выполняли церковь, семья и другие социальные институты¹. Получение образования дает шансы на успех не только потому, что в модерных обществах получение определенных статусов детерминируется формальными показателями – «дипломом», но и потому, что прохождение через образовательные институции сопровождается возникновением неформальных связей и символических признаков, которые оказываются не менее важными для достижения успеха, чем формально полученное образование. Поэтому мы посчитали существенным включить в процедуру дискриминантного анализа блок вопросов, определяющих представления респондентов о возможности получения качественного образования (см. Приложение 1), построив на их основе кумулятивную шкалу.

3. *Представления о справедливом распределении доходов и роли правительства в сокращении имущественного неравенства.* Каждый исследователь испытывает сильное искушение включить в анализ причин, определяющих представления о социальном неравенстве, имущественную составляющую. Мы не избежали этого искушения. Однако первый же шаг анализа показал, что фактический доход в очень малой степени определяет выбор диаграммы, описывающей тип общества. Так, включение переменной «доход респондента» в модель дискриминантного анализа для России снижал предсказывающую силу модели до 52% – фактически уровня случайного совпадения. Тип А распознавался несколько лучше – доля выборов, совпадающих с априорной классификацией, составила 59%. Тип Д практически не «угадывался»: лишь 41% выборов в классификации на базе дискриминантных функций был сделан верно.

¹ Сорокин П.А. Социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Таким образом, не столько фактический доход, сколько представления о достаточности доходов и справедливости их распределения формируют «картинку» общества и определяют выбор респондентами одной из предложенных структурных диаграмм. Мы включили набор переменных, отражающих эту часть массовых представлений, в анализ (см. Приложение 1), построив на их основе кумулятивную шкалу.

4. *Субъективный статус.* Поскольку с социальным положением, которое индивид занимает в обществе, связан самый широкий горизонт возможностей, включая потенциальную возможность реализации жизненных планов, можно ожидать значимого влияния оценок субъективного статуса на представления респондента об обществе, в котором он живет. Мы выбрали два аспекта измерения субъективного статуса – оценку позиции, которую респондент занимает на социальной лестнице, и приписывание себя к одному из социальных классов (см. Приложение 1). Эти показатели не тождественны, они отражают разные стороны восприятия социальной структуры. Например, среди респондентов, относящих себя к рабочему классу, существует значимый разброс в оценках собственных позиций на социальной лестнице. Поэтому мы оставили оба вопроса в схеме анализа, построив для социальных классов набор дихотомических переменных.

Помимо указанных индикаторов, мы включили в дискриминантный анализ в качестве предиктора вопрос о количестве книг в родительской семье. Хотя этот параметр не указывает прямо на позицию на социальной лестнице, он задает важный аспект оценки статуса, связанный и с культурным капиталом родительской семьи, и с базовыми установками самого респондента. Полный список вопросов, отобранных в качестве предикторов для дисперсионного анализа, приведен в Приложении 1.

Поскольку дискриминантный анализ предполагает отсутствие корреляции между независимыми переменными, первый шаг нашей работы связан с проверкой этого условия. Построенная таблица коэффициентов корреляции между всеми предикторами достаточно объемна, поэтому мы вынесли ее в Приложение 2. Самый высокий коэффициент корреляции равен –0.412 (коэффициент отрицательный, связь обратная). Это корреляция между дихотомическими переменными «принадлежность к рабочему классу» и «принадлежность к среднему классу». В силу этого мы исключили из списка предикторов переменную «принадлежность

к среднему классу», оставил для дискриминантного анализа в качестве независимых переменных следующий набор социальных групп: «нижняя часть общества», «рабочий класс» и «верхняя часть среднего класса».

Следующий по величине коэффициент корреляции равен 0,309 (коэффициент положительный, связь прямая) – он показывает зависимость между шкалами «коррумпированность среды» и «доступ к образованию ограничен». Поскольку эту корреляцию мы можем считать слабой, обе переменные были оставлены в схеме дискриминантного анализа в качестве предикторов.

Дискриминантный анализ использует линейную комбинацию независимых переменных для вычисления дискриминантной функции, тем самым агрегируя содержащуюся в предикторах информацию в единый индекс. Число дискриминантных функций зависит от количества групп априорной классификации. Поскольку мы выбрали дихотомическую разбивающую переменную, то в ходе анализа была построена только одна дискриминантная функция. Проведенная на ее основе апостериорная классификация дала следующие результаты. Правильно предсказанными оказались выборы почти 73% респондентов. Иными словами, отобранные предикторы позволяют построить классификацию, которая в 73% случаев совпадает с априорными группами, полученными на базе ответов респондентов. Вероятности правильного прогноза несколько различаются для разных диаграмм: выбор типа А определяется точнее – он верно предсказан в 74,4% случаев, выбор типа Д правильно определен в 70,1% случаев. Результаты классификации представлены в табл. 1.

Таблица 1
РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСКРИМИНАНТНОГО АНАЛИЗА

			Предсказанное членство в группе		Всего
			тип А	тип Д	
Исходная классификация	число респондентов	тип А	8 436	2 903	11 339
		тип Д	2 206	5 188	7 394
	%	тип А	74,4	25,6	100,0
		тип Д	29,8	70,2	100,0
Построенная классификация	число респондентов	тип А	8 432	2 907	11 339
		тип Д	2 209	5 185	7 394
	%	тип А	74,4	25,6	100,0
		тип Д	29,9	70,1	100,0

а. 72,7% случаев исходной группировки классифицировано верно.

б. 72,7% случаев в ходе перекрестной проверки классифицировано верно.

Какие предикторы обладают наибольшим различающим эффектом? Коэффициенты, дающие ответ на этот вопрос, приведены в табл. 2. Наилучший результат в определении того, какой выбор сделает респондент, описывая тип своего общества, дает шкала «система представлений о справедливости распределения доходов и роли правительства в сокращении имущественного неравенства». Чем больше респонденты убеждены в том, что различия в доходах слишком велики и правительство должно эти различия уменьшить, в том числе повышая налоги для богатых, тем выше вероятность того, что респондент отнесет свое общество к типу А. Связь между этими вербальными стереотипами понятна. «Гусиная шея» диаграммы А, помимо прочего, означает дефицит каналов восходящей мобильности, отсутствие возможности улучшить жизненную ситуацию личным усилием. Отсюда связка между выбором респондентами диаграммы А и желательностью государственной патерналистской политики.

Следующий по влиянию эффект задается субъективным статусом – положение в обществе определяет ракурс рассмотрения всей социальной структуры. Чем выше позиция на социальной лестнице, на которую поставил себя респондент, тем больше вероятность того, что он воспринимает свое общество как ромб (выбирает диаграмму Д). Аналогичным эффектом обладает и приписывание себя к тому или иному социальному классу. Если респондент относит себя к «нижним слоям общества», то это повышает вероятность выбора типа А, если он считает, что принадлежит к «верхней части среднего слоя», то с большей вероятностью он выберет диаграмму Д. Интересный эффект дает причисление себя к «рабочему классу». С одной

стороны, предиктор «я принадлежу к рабочему классу» обладает максимальным прогностическим эффектом при выборе диаграммы А. Но при этом, размещая себя на условной социальной лестнице, респонденты, относящие себя к рабочим, ставят себя на более высокие позиции, чем «нижний слой общества» или даже «нижний слой среднего класса». Можно предположить, что этот эффект связан с потолком мобильности. Если представители нижней части среднего класса ощущают возможность продвижения вверх по социальной лестнице, даже если их позиции на данный момент невысоки, то представители рабочего класса таких возможностей, как правило, для себя не видят.

Определение социальной среды как коррумпированной и доступность образования имеют схожий и близкий эффект на результаты прогноза. Чем меньше уровень коррумпированности, чем ниже барьеры на пути к хорошему образованию, тем вероятнее восприятие общества как ромба. Культурный капитал родительской семьи также повышает вероятность выбора структурной диаграммы Д.

В ходе анализа мы построили дискриминантную функцию на базе всей доступной нам выборки. Рассмотрим специфику полученных результатов для отдельных стран. Сохраним группы, построенные в результате анализа, как новую переменную и разберем, в каких случаях априорная и апостериорная классификации совпадают, а в каких объекты расклассифицированы неверно. Результаты приведены в табл. 3. Лучший результат получен для Украины: классификация, построенная на основе дискриминантной функции, правильно определяет выбор в 91% случаев. Напомним, что схема, построенная на основе экспертной оценки неравенства доходов, давала правильную оценку

лишь в 5% случаев. В Дании и Норвегии правильно предсказано почти 90% выборов респондентов, в Финляндии и Австралии – 88% и 86% соответственно. Выбранные предикторы плохо справляются с прогнозом для стран из нижней части списка. Самый неудачный вариант получен для Филиппин. Это связано прежде всего с тем, что мы не включили в список предикторов аскрептивные признаки, тогда как их влияние на все стороны социальной жизни оценивается респондентами на Филиппинах очень высоко. Доля тех, кто полагает, что пол, религиозная или расовая принадлежность являются решающим условием восходящей мобильности, на Филиппинах составляет 75%¹. Это самый высокий показатель среди всех анализируемых стран.

Полученные результаты, хотя они и обладают различной прогностической силой для разных обществ, показывают, что, опираясь на систему субъективных представлений и оценок, можно получить более точный прогноз совершаемых респондентами в ходе опроса выборов, чем если бы мы опирались на систему экспертных оценок. Для понимания социального действия, в том числе и вербального, необходим интерпретирующий подход: действие необходимо рассматривать с позиций вовлеченных в него акторов и объяснять его субъективным смыслом – тем смыслом, который проживается вовлеченным в действие лицом, а не задается извне экспертом. Через понимание субъективного смысла (или субъективных смыслов) мы приходим к пониманию социального. Именно система субъективных представлений и оценок является решающим обстоятельством, определяющим массовый выбор, один из примеров которого мы проанализировали в данной статье.

Таблица 2
ПОКАЗАТЕЛИ СВЯЗИ ПРЕДИКТОРОВ И ДИСКРИМИНАНТНОЙ ФУНКЦИИ

	Стандартизованные коэффициенты дискриминантной функции	Корреляция между предикторами и дискриминантной функцией
справедливое распределение доходов	0,448	0,681
позиция на социальной лестнице	0,337	0,630
коррумпированность среды	0,278	0,518
доступность образования	0,277	0,588
число книг в родительской семье	0,180	0,374
верхняя часть среднего слоя	0,078	0,295
нижний слой общества	-0,104	-0,233
рабочий класс	-0,206	-0,300

¹ Подробнее см.: Косова Л.Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. 2014. № 3-4 (118). С. 118–127.

Таблица 3
СРАВНЕНИЕ АПРИОРНОЙ И АПОСТЕРИОРНОЙ КЛАССИФИКАЦИЙ (%)

Страна	Доля верно предсказанных случаев	Тип А отнесен к типу Д	Тип Д отнесен к типу А	Всего
Украина	91	6	3	100
Дания	90	2	9	100
Норвегия	89	3	8	100
Финляндия	88	4	9	100
Австралия	86	3	11	100
Швеция	85	6	9	100
Новая Зеландия	85	9	6	100
Исландия	81	8	12	100
Болгария	80	17	3	100
Венгрия	80	16	5	100
Турция	78	7	15	100
Португалия	76	15	9	100
Бельгия	76	5	20	100
Россия	74	14	12	100
Великобритания	74	11	15	100
Япония	73	14	14	100
Хорватия	73	23	4	100
Франция	73	10	17	100
Швейцария	73	8	20	100
Латвия	72	27	1	100
Южная Африка	72	20	8	100
Германия	71	17	12	100
Италия	70	17	13	100
Польша	70	19	11	100
Словения	69	14	17	100
Эстония	68	23	9	100
Словакия	68	25	8	100
Чили	67	16	17	100
Австрия	67	18	15	100
Китай	66	8	26	100
США	65	26	8	100
Чехия	65	25	11	100
Испания	65	16	20	100
Южная Корея	63	11	26	100
Израиль	62	26	12	100
Тайвань	61	15	24	100
Аргентина	61	32	7	100
Кипр	60	12	28	100
Венесуэла	53	35	12	100
Филиппины	45	47	8	100

Приложение 1

Вопросы анкеты, выбранные в качестве предикторов

1. Шкала «Коррумпированность среды»

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ВАЖНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРЕУСПЕТЬ В ЖИЗНИ, ...

	Чрезвычайно важно	Очень важно	Довольно важно	Не очень важно	Совершенно не важно	Затрудняюсь ответить
Иметь нужные знакомства?	1	2	3	4	5	8
Иметь политические связи?	1	2	3	4	5	8
Давать взятки?	1	2	3	4	5	8

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ:

	Совершенно согласен	Скорее согласен	Ни согласен, ни не согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Сегодня в России для того, чтобы подняться «наверх», необходимо давать и брать взятки	1	2	3	4	5	8

2. Шкала «Доступ к образованию»

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ:

	Совершенно согласен	Скорее согласен	Ни согласен, ни не согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
В России только ученики из лучших школ имеют хорошие шансы получить высшее университетское образование	1	2	3	4	5	8
В России только богатые могут оплатить высшее университетское образование	1	2	3	4	5	8

3. Шкала «Представления о справедливом распределении доходов»

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ:

	Совершенно согласен	Скорее согласен	Ни согласен, ни не согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Различия в доходах в России сейчас слишком велики	1	2	3	4	5	8
Государство должно уменьшить различия в доходах между теми, у кого низкие и у кого высокие доходы	1	2	3	4	5	8

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЛЮДИ С ВЫСОКИМИ ДОХОДАМИ ДОЛЖНЫ ВЫПЛАЧИВАТЬ В КАЧЕСТВЕ НАЛОГОВ БОЛЬШИЙ ИЛИ МЕНЬШИЙ ПРОЦЕНТ ОТ СВОИХ ДОХОДОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕМИ, У КОГО НИЗКИЕ ДОХОДЫ?

- 1 Значительно больший процент, чем люди с низким доходом.
- 2 Несколько больший процент, чем люди с низким доходом.
- 3 Такой же процент, как и люди с низким доходом.
- 4 Несколько меньший процент, чем люди с низким доходом.
- 5 Значительно меньший процент, чем люди с низким доходом.
- 8 Затрудняюсь ответить.

4. Шкала «Положение в обществе»

В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ ЕСТЬ ЛЮДИ, ЗАНИМАЮЩИЕ ИЛИ ВЫСОКОЕ, ИЛИ НИЗКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ЕСЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ШКАЛУ, ГДЕ «1» ОЗНАЧАЕТ ВЫСОКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, А «10» – НИЗКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ УКАЗАТЬ ...
А. КАКОЕ МЕСТО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ЗАНИМАЕТЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НА ЭТОЙ ШКАЛЕ?

А.

Сейчас

1 Высокое общественное положение

2

3

4

5

6

7

8

9

10 Низкое общественное положение

К КАКОМУ СЛОЮ В ОБЩЕСТВЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ ВСЕГО СЕБЯ ОТНЕСЛИ?

1 К низшему слою.

2 К низшей части среднего слоя.

3 К средней части среднего слоя.

4 К высшей части среднего слоя.

5 К высшему слою.

9 Затрудняюсь ответить.

СКОЛЬКО КНИГ БЫЛО В ВАШЕМ ДОМЕ, КОГДА ВАМ БЫЛО 16 ЛЕТ? УКАЖИТЕ ХОДЯ БЫ ПРИМЕРНО, УЧИТЫВАЯ, ЧТО НА СТАНДАРТНОЙ КНИЖНОЙ ПОЛКЕ ПОМЕЩАЕТСЯ ОКОЛО 30 КНИГ (Запишите одним числом)

примерно _____ книг

88 (НЕ ЗАЧИТАЙВАЙТЕ) ни одной

98 (НЕ ЗАЧИТАЙВАЙТЕ) затрудняюсь ответить

Приложение 2

Таблица коэффициентов корреляции

	коррупцион- ность среды	доступность образования	позиция на социальной лестнице	число книг в родительской семье	рабочий класс	средний класс	верхняя часть среднего класса	справедливое распределение доходов	нижний слой общества
коррупцион- ность среды	1,000	,309	,158	,012	-,001	,019	,033	,0203	-,056
доступность образования	,309	1,000	,200	,134	-,057	,087	,061	,243	-,074
позиция на социальной лестнице	,158	,200	1,000	,227	-,106	,180	,206	,203	-,236
число книг в родительской семье	,012	,134	,227	1,000	-,118	,147	,126	,062	-,150
рабочий класс	-,001	-,057	-,106	-,118	1,000	-,412	-,141	-,065	-,185
средний класс	,019	,087	,180	,147	-,412	1,000	-,258	,022	-,195
верхняя часть среднего класса	,033	,061	,206	,126	-,141	-,258	1,000	,141	-,061
справедливое распределение доходов	,0203	,243	,203	,062	-,065	,022	,141	1,000	-,046
нижний слой общества	-,056	-,074	-,236	-,150	-,185	-,195	-,061	-,046	1,000

Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России¹

В условиях экономических рецессий (в том числе кризиса 2014–2016 гг.) в России особую актуальность приобретает вопрос о возможности перехода от социальной политики, основанной на категориальном принципе, к адресной социальной политике, то есть политике, основанной на принципах нуждаемости. Предположительно эту задачу может решить учет субъективной бедности как дополнительного маркера нуждаемости при определении адресатов социальных трансфертов, что производится в настоящий момент органами государственной службы исключительно на основе показателя доходов. В этой связи проблематика субъективного подхода к бедности вызывает повышенный интерес научного сообщества². Наше исследование лежит в русле этой традиции, а его ключевой вопрос заключался в том, насколько субъективная бедность формируется основными факторами абсолютной бедности и насколько, соответственно, субъективный подход к выделению группы бедных может быть использован в качестве вспомогательного для определения адресатов государственной социальной политики.

Перед тем как обратиться к этому непростому сюжету, рассмотрим теоретико-методологические предпосылки проведенного нами анализа.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Изучение демографического и социально-экономического поведения домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла и оценка влияния социальной и налоговой политики на динамику уровня жизни и его дифференциацию», выполненного в ходе реализации Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

² См., например: Абрамова О.С., Гусева М.С. Диагностика профиля региональной бедности: российский и зарубежный подходы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 71–75; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014; Пишиняк А.И., Попова Д.О. Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 257–272; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российское общество и вызовы времени. Книга третья. М.: Весь мир, 2016; Шаповал И.А. Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 207–218.

Теоретико-методологические основы исследования

В науке к настоящему моменту сложились три ключевые трактовки бедности: *абсолютный, относительный и субъективный* подходы с различными методами выделения группы бедных в рамках каждого. Выбор того или иного теоретико-методологического подхода диктуется поставленными задачами исследования. Так, *абсолютный* подход, основанный на сопоставлении доходов населения с абсолютной, экспертино задаваемой величиной («чертой бедности»), значение которой может сильно различаться в зависимости от целей социальной политики, количества располагаемых бюджетных средств, специфики исторического момента и иных условий³, наиболее эффективен для решения экономических задач, связанных с определением адресатов и размеров государственных пособий. Использование абсолютного подхода в социологических исследованиях позволяет более полно проанализировать тот объект, который интересует государство, так как именно он используется для выделения группы бедного населения органами государственной власти и статистическими службами России.

Субъективный подход⁴ позволяет понять эмоциональную оценку индивидом своего по-

³ Результаты исследований в рамках указанной традиции применительно к российской бедности см., например: Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38; Абанокова К.Р., Локшин М.М. Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Карабучук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1.

⁴ См., например: Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38; Абрамова О.С., Гусева М.С. Диагностика профиля региональной бедности: российский и зарубежный подходы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 71–75; Пишиняк А.И., Попова Д.О. Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 257–272; Шаповал И.А. Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 207–218.

ложении в обществе, уровня собственного благосостояния и успешности, которые влияют на его оценку своих жизненных шансов, а также способы адаптации к изменяющимся социальным и экономическим условиям. В динамике это позволяет отследить изменения социального самочувствия населения и оценить потенциал роста социальной напряженности. Субъективные методики по этой причине чаще всего используются в социально-политических исследованиях.

Относительный подход¹ позволяет выделить тех людей, которые занимают наименее благополучные позиции в рамках конкретного общества. Он опирается на ряд качественных показателей (наличия, остроты и количества лишений, которые претерпевают домохозяйства), выступающих в сознании всего населения в качестве маркеров бедности. Данный подход чаще используется в рамках социологических, а не экономических исследований.

Исходя из постановки исследовательской задачи в рамках настоящего исследования группа бедного населения анализировалась нами только в логике *абсолютного* и *субъективного* подходов. При этом в рамках *абсолютного* подхода нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ: «черта бедности» рассчитывалась индивидуально для каждого домохозяйства путем суммирования нормативов прожиточных минимумов за II квартал 2015 г. в зависимости от региона проживания домохозяйства и его состава (количество в нем детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста). Полученная величина соотносилась с совокупным доходом домохозяйства, который указывался индивидом после суммирования всех источников доходов семьи (заработной платы, субсидий, помощи со стороны других домохозяйств и прочих, полученных за последний месяц перед опросом). К числу бедных в результате были отнесены все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше их «черты бедности» (то есть рассчитанного индивидуально для каждого из них совокупного прожиточного минимума).

¹ Основателем подхода является П. Таунсенд (Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth: Penguin). Результаты применения методологии относительного подхода для оценки масштабов российской бедности см.: Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению / Колл. монография. М., 1998 (Моск. центр Карнеги. Вып. 24); Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1.

Эмпирической основой исследования выступил опрос Института социологии РАН², проведенный в октябре 2015 г., с объемом выборочной совокупности 4000 респондентов, презентировавших взрослое население страны по регионам проживания, а внутри них – по полу, возрасту (в разбивке по возрастным когортам) и типу поселения. Критерием выделения группы *субъективно* бедного населения выступал факт восприятия индивидом себя как «бедного»³.

Абсолютная бедность в России в условиях кризиса (2015 г.).

Анализ населения с точки зрения распределения доходов показал, что об устойчивом и относительно защищенном положении осенью 2015 г. можно было говорить лишь применительно к 22% населения страны⁴. Доля же россиян, живущих за чертой бедности (то есть доходы которых были ниже величины прожиточного минимума), составляла четверть населения страны (рис. 1) и была сопоставима с масштабом бедности середины 2000-х гг. При этом по сравнению с благополучным 2013 г. бедность в России увеличилась вдвое (с 13⁵ до 25% в 2015 г.). Кто же пополнил группу бедных «по доходам» в условиях кризиса⁶?

² Исследование, результаты которого приведены в статье, проводилось на базе данных третьей волны мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполненного в Институте социологии РАН в 2014–2016 гг. Третья волна мониторинга прошла в октябре 2015 г. (см. подробнее: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российское общество и вызовы времени. Книга третья. М.: Весь мир, 2016). Далее именно этот массив данных будет являться источником данных для всех приведенных в тексте рисунков и таблиц. Автор выражает свою благодарность руководству ИС РАН за возможность использовать данные этого проекта.

³ Основой для выделения указанной группы выступал вопрос мониторинга: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком Вы могли бы сказать: «Это – Мы»?» с вариантами ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости». Как субъективно бедные рассматривались респонденты, отметившие, что они идентифицируют себя с бедными хотя бы в некоторой степени.

⁴ В качестве критерия его наличия был избран показатель в 2 прожиточных минимума (ПМ) для домохозяйств соответствующей структуры в данном регионе.

⁵ Оценка масштабов бедности в 2013 г. нами проводилась согласно идентичной методике на данных исследования Института социологии РАН в 2013 г. (более подробно см.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014. С. 29).

⁶ Более детально портрет группы бедных на основе эмпирических данных того же исследования см.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российское общество и вызовы времени. Книга третья. М.: Весь мир, 2016; Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 г.: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики (в печати), 2017.

Рисунок 1
МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, октябрь 2015 г. (%)

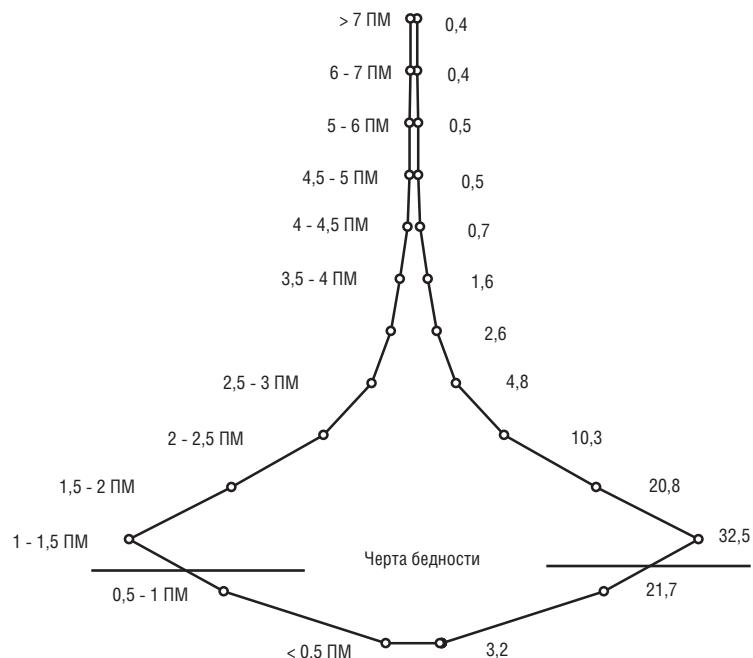
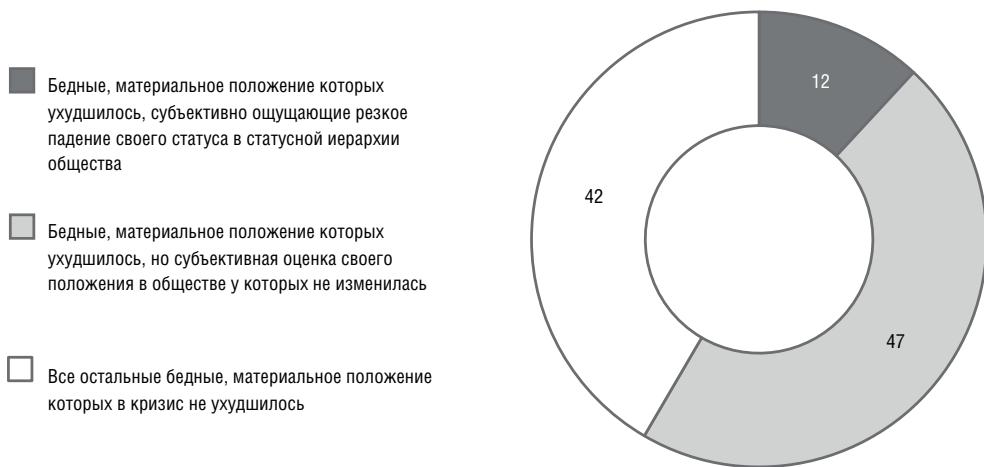

Рисунок 2
СТРУКТУРА БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ С УЧЕТОМ ДИНАМИКИ ЕГО УРОВНЯ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА, октябрь 2015 г. (%)

Группа бедных содержит, во-первых, *хронически бедных*, прозябающих в бедности годами; во-вторых, представителей *плавающей бедности*, которые во времена экономической стабильности и процветания формально балансируют за гранью черты бедности, хотя фактически ведут образ жизни бедных; в-третьих, *ситуационно бедных*, попадание в бедность для которых не типично и вызвано особыми жизненными обстоятельствами (декретным отпуском, временной безработицей и другими). Всего по состоянию на октябрь 2015 г. в бедности или на ее грани находилась практически третья всего населения России.

При этом анализ субъективных оценок динамики материального положения и интегрального статуса россиянами показал, что подавляющее большинство обедневшего за времена кризиса населения составляли представители плавающей бедности, так как, хотя их материальное положение, по их словам, в кризис ухудшилось, существенных изменений в качестве своей жизни они не заметили (рис. 2). Стремительное же обеднение в кризис было характерно прежде всего для россиян, имеющих очень неустойчивые позиции на рынке труда (отсутствие стабильной работы, официального оформления, социальных гарантий,

в том числе по выплате «белой» зарплаты, повышенные риски увольнений и прочие¹, характерные для представителей прекариата²) или потерявших в условиях кризиса работу и так ее и не нашедших.

Как видно из рис. 2, *ситуация с бедностью в результате кризиса с качественной точки зрения поменялась мало, так как группа бедных по большей части просто пополнилась теми членами общества, которые хотя формально раньше в нее не попадали, но фактически вели образ жизни, соответствующий именно бедности³.*

Говоря о динамике масштабов и состава группы бедных в кризис, стоит обратить внимание и на ту часть небедного населения, которая обладает доходами, очень близкими к прожиточному минимуму. Учет этой пограничной группы (с доходами от 1 до 1,1 ПМ) увеличивал в октябре 2015 г. ее численность с четверти до трети населения страны. Входившие в группу с доходами, не более чем на 10% превышающими прожиточный минимум россияне – это люди, которые имели высокие риски попасть в число бедных в ближайшем будущем, поскольку качественного улучшения экономической ситуации в стране в период с осени 2015 г., как и роста реальных доходов населения, не наблюдалось.

Факторы абсолютной бедности в России

Согласно последним исследованиям факторы бедности «по доходам» остаются в целом неизменными на протяжении последних полутора десятков лет⁴. В их число входят:

– *социально-демографические характеристики*: пол (женский), возраст (предпенсион-

¹ Более детально причины резкого обеднения россиян см.: Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 г.: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики (в печати), 2017.

² Об особенностях российского прекариата подробнее см.: Шкаратан О.И., Караколовский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013 гг.) // Социологические исследования. 2015. № 12.

³ О схожести уровня и образа жизни бедных из плавающей бедности см. также: Слободенюк Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 4. С. 114–129.

⁴ В данном случае речь идет о публикациях: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1; Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению / Колл. монография. М., 1998 (Моск. центр Карнеги. Вып. 24); Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

ный либо пенсионный с одновременным наличием хронических заболеваний), проживание в сельской местности, иждивенческая нагрузка (в первую очередь детьми и неработающими трудоспособными), плохое здоровье;

– *экономические характеристики*: уровень образования (не выше среднего специального), характер занимаемой профессионально-должностной позиции (позиции рутинного труда в первичном, вторичном и третичном секторах экономики), низкий уровень заработной платы и др.;

– *ситуационные и иные характеристики*: семейные трагедии (смерть кормильца, тяжелая болезнь и т.п.), вредные привычки (наркомания, алкоголизм и пр.).

Стоит отметить, что в последние годы усилился риск бедности, связанный с характерным для всего российского общества расширением процесса прекаризации части рабочей силы. В этой связи важным фактором бедности выступает факт занятия индивидом профессионально-должностных позиций, которые не гарантируют устойчивой занятости и соблюдения трудовых прав (официального оформления на работе, выплаты «белой» заработной платы, оплаты больничного листа и пр.).

Таким образом, российские исследователи имеют консенсус относительно наиболее значимых факторов абсолютной бедности. В этой связи встает вопрос, какова сила влияния перечисленных факторов на вероятность попадания в объективную («абсолютную») бедность?

Для ответа на поставленный вопрос нами был проведен регрессионный анализ с использованием бинарной логит-регрессии. В качестве зависимой переменной выступал факт попадания индивида в бедность по абсолютному подходу. С опорой на исследования последних лет, а также с учетом ограничений имевшихся эмпирических данных нами были сформированы восемнадцать возможных факторов бедности, в числе которых были:

– *факторы иждивенческой нагрузки*, то есть наличие в домохозяйстве индивида (включая его самого): 1) трудоспособных, не имеющих работы, 2) инвалидов 1-й или 2-й групп, 3) хронически больных, 4) неработающих пенсионеров, 5) несовершеннолетних детей⁵;

– *экономические факторы*, связанные со спецификой места индивида на рынке труда: 6) образование индивида, 7) характер занимаемой индивидом профессионально-должност-

⁵ В опросе участвовали россияне, находившиеся в возрасте 18 лет и старше.

ной позиции, 8) тип предприятия, на котором работает индивид, 9) характер трудового договора (официальное/неофициальное оформление на работу), 10) субъективная оценка индивидом влияния кризиса на ситуацию с работой в целом, 11) наличие у индивида властного ресурса на рабочем месте, 12) официальный/неофициальный характер его заработной платы;

— *прочие факторы*: 13) приверженность индивида (или членов его семьи) вредным привычкам (включая алкоголизм и наркоманию), 14) отсутствие в собственности жилья, 15) отказ от планирования своей жизни, 16) тип населенного пункта, в котором проживал респондент, 17) пол, 18) возраст¹.

Наибольшую трудность с точки зрения определения целесообразности их включения в модель представляли факторы бедности, указанные под № 6–8². Однако в силу значимости каждого из них все три переменные были использованы нами в анализе, а риск их взаимного влияния был нивелирован включением в регрессионную модель совместных эффектов от их одновременного проявления.

Поиск наиболее удачной бинарной логит-регрессии был произведен в шесть этапов (табл. 1). Одновременное включение всех перечисленных факторов бедности в регрессионную модель (модель № 1) позволило корректно

¹ Из общего перечня факторов бедности 17 были представлены дихотомическими переменными. Как “1” в соответствии с гипотезой об их положительном влиянии на вероятность попасть в бедность (“0”, для всех иных вариантов ответа) кодировался: в № 1–5 – факт наличия хотя бы одного иждивенца из указанных, в № 6 – среднее специальное образование и ниже, в № 7 – факт занятия профессионально-должностной позиции, не требующей высшего образования, или статус рабочего, в № 8 – работа на негосударственном предприятии, в № 9 – отсутствие официального оформления на работу по решению работодателя, в № 10 – субъективная оценка воздействия кризиса на ситуацию с работой как негативного, в № 11 – полное отсутствие властного ресурса на рабочем месте, в № 12 – часть зарплаты выплачивается неофициально, в № 13 – наличие вредных привычек (в т.ч. алкоголизм, наркомания) у кого-либо из членов семьи, в № 14 – отсутствие собственности на квартиру или дом, в котором проживает домохозяйство, в № 15 – отказ от любого планирования собственной жизни, в № 16 – проживание в сельской местности (ПГТ в данном случае были отнесены к городскому типу поселений и закодированы как “0” соответственно), в № 17 – женский пол. Дополнительно в регрессионную модель была добавлена непрерывная переменная – возраст индивида, а также переменная – возраст индивида, взятая в квадрате.

² Перед включением в модель всех указанных переменных нами была проведена проверка на силу связи между ними, которая была учтена в дальнейшем моделировании. Проверка осуществлялась посредством расчета коэффициента корреляции Спирмена попарно между всеми рассматриваемыми факторами бедности. Значимые (на 99 и 95% доверительном интервале) корреляции, требовавшие отдельного внимания, присутствовали между предикторами 6, 7, 8, а также между 9 и 6, 9 и 7, 8 и 10 (коэффициент Спирмена составлял для них более 0,3).

объяснить 30,1% всех случаев бедности и 78,4% случаев в целом (как попадания в бедность, так и не попадания в нее). Однако при этом ряд факторов бедности (приведенные в табл. 1 под № 2–4, 8, 10 и 11) являлись незначимыми даже на 95%-м интервале.

Перед тем как удалить переменные 2–4, 8 и 10, 11 из модели, нами была произведена проверка регрессии на потенциальное ухудшение ее объяснительной способности при их поочередном (и одновременном) исключении³. Проведенная проверка показала отсутствие негативного влияния на качество модели от их совместного исключения. Не наблюдалось также и значимого изменения (более 20%) коэффициентов влияния значимых факторов, как не изменился и характер их воздействия (с положительного на отрицательный). По всем указанным причинам приведенные выше факторы бедности были удалены из дальнейшего процесса моделирования.

Построение регрессионной модели без учета указанных выше факторов бедности (модель № 2) сократило долю объясненных случаев бедности (до 27,6%), однако значимо улучшило общее качество модели (о чем свидетельствует резкое сокращение BIC⁴ – с -334 до -382 (см. табл. 2)), практически не сократив количество верно объясненных переменных в целом (78,1%) и сохранив высокую объяснительную способность согласно тесту Хосмера – Лемешова ($\text{prob} > \text{chi}^2 = 0,456$). Однако модель № 2 требовала дополнительной проверки на риск взаимосвязи между рядом выбранных переменных (см. табл. 1: «Совместные эффекты»). В качестве нивелирования последних в модель № 2 были пошагово введены 4 совместных эффекта

³ Использовался адаптированный тест правдоподобия (скорректированный по методу Bonferroni-adjustements statistics). Адаптированный тест правдоподобия использовался по причине расчета робастных оценок стандартных ошибок для коэффициентов анализируемых регрессоров.

⁴ При анализе качества модели мы опирались на ключевые показатели согласно исследованиям Скотта Лонга – BIC, BIC', AIC, Log-Lik Full Model, McFadden's Adj R2, Hosmer-Lemeshow tests и др. (см. подробнее: Hosmer David W., Lemeshow Stanley, and Sturdivant Rodney X. (2016) Wiley Series in Probability and Statistics: Applied Logistic Regression (3-rd edition). New York, NY, USA: John Wiley & Sons, 2013. ProQuest ebrary. Web. 8 February; Long J. Scott. (1997) Regression Models for Categorical and Limited Dependent Variables. Stat, 3-rd edition. Chapter 2. College Station, TX: Stata Press).

⁵ В скобках указана площадь под кривой Iroc, показывающая долю верно объясненных случаев попадания в бедность и не попадания в нее (см.: Hosmer David W., Lemeshow Stanley, and Sturdivant Rodney X. (2016) Wiley Series in Probability and Statistics: Applied Logistic Regression (3-rd edition). New York, NY, USA: John Wiley & Sons, 2013. ProQuest ebrary. Web. 8 February).

Таблица 1

ФАКТОРЫ ПОПАДАНИЯ В АБСОЛЮТНУЮ БЕДНОСТЬ НА ОСНОВЕ ЛОГИТ-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА¹

Регрессионная модель	1	2	3	4	5	6
Факторы бедности						
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	1.495*** (0.167)	1.530*** (0.162)	1.545*** (0.162)	1.545*** (0.162)	1.542*** (0.162)	1.546*** (0.162)
2. Наличие в семье инвалидов 1-й и 2-й групп	0.216 (0.293)					
3. Наличие в семье хронически больных	0.495 (0.364)					
4. Наличие в семье неработающих пенсионеров	-0.238 (0.163)					
5. Наличие в семье несовершеннолетних детей	0.983*** (0.113)	0.989*** (0.112)	1.005*** (0.112)	1.005*** (0.112)	1.009*** (0.113)	1.004*** (0.112)
6. Образование среднее специальное и ниже	0.448** (0.187)	0.417** (0.188)	1.392*** (0.318)	1.391*** (0.317)	1.400*** (0.318)	1.389*** (0.318)
7. Характер профессионально-должностной позиции	0.424** (0.208)	0.380* (0.209)	0.741*** (0.225)	0.738*** (0.230)	0.742*** (0.226)	0.747*** (0.224)
8. Негосударственное предприятие	-0.215* (0.119)					
9. Неофициальное оформление на работу	0.271** (0.129)	0.309*** (0.110)	0.287*** (0.110)	0.287*** (0.110)	0.291*** (0.110)	0.282** (0.110)
10. Оценка воздействия кризиса на ситуацию со своей работой как негативного	0.0928 (0.146)					
11. Отсутствие властного ресурса на работе	0.382*** (0.120)	0.397*** (0.119)	0.412*** (0.119)	0.412*** (0.119)	0.410*** (0.119)	0.413*** (0.119)
12. «Серая» заработная плата	0.120(0.129)					
13. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	-0.197 (0.245)					
14. Отсутствие собственного жилья	0.272* (0.151)	0.290* (0.150)	0.295** (0.150)	0.296** (0.150)	0.292* (0.150)	0.295** (0.150)
15. Отказ от планирования собственной жизни	0.570*** (0.110)	0.569*** (0.108)	0.561*** (0.109)	0.561*** (0.109)	0.491*** (0.129)	0.585*** (0.116)
16. Проживание в сельской местности	1.149*** (0.116)	1.121*** (0.115)	1.086*** (0.116)	1.078*** (0.143)	0.955*** (0.169)	1.129*** (0.132)
17. Женский пол	0.227** (0.105)	0.235** (0.103)	0.254** (0.103)	0.249** (0.115)	0.257** (0.104)	0.277** (0.109)
18. Возраст	0.116*** (0.0386)	0.116*** (0.0385)	0.119*** (0.0384)	0.119*** (0.0384)	0.120*** (0.0385)	0.120*** (0.0384)
19. Возраст (квадратичный)	-0.00168*** (0.000488)	-0.00168*** (0.000487)	-0.00171*** (0.000486)	-0.00172*** (0.000486)	-0.00172*** (0.000487)	-0.00172*** (0.000485)
20. Совместный эффект образования и проф. позиции			-1.260*** (0.373)	-1.260*** (0.373)	-1.265*** (0.373)	-1.264*** (0.373)
21. Совместный эффект проживания в сельской местности, профессиональной позиции и пола					0.0187 (0.219)	
22. Совместный эффект планирования жизни и проживания в сельской местности						0.233 (0.227)
23. Совместный эффект планирования жизни, проживания в сельской местности и пола						-0.154 (0.237)
Константа	-5.217*** (0.750)	-5.310*** (0.745)	-5.491*** (0.748)	-5.487*** (0.749)	-5.458*** (0.752)	-5.528*** (0.749)
Количество наблюдений	2,537	2,537	2,537	2,537	2,537	2,537

¹ В скобках указаны робастные отклонения; знаками ***, **, * отмечены соответственно 99, 95 и 90%-ные доверительные интервалы.

от: 1) характера занимаемой профессиональной позиции и образования индивида, 2) проживания в сельской местности, профессиональной позиции и пола индивида, 3) планирования жизни и проживания в сельской местности и 4) планирования жизни, проживания в сельской местности и пола индивида. В результате поэтапного включения указанных совместных эффектов в модель были получены соответственно модели № 3–6. Однако включение каждого из совместных эффектов, кроме первого, показало ухудшение объяснительной силы модели и ее качества, в результате чего от их наличия в модели пришлось отказаться. Включение же в модель совместного эффекта от уровня образования индивида и характера занимаемой им профессиональной позиции только улучшило модель (сокращение BIC', AIC, увеличение числа объясненных случаев бедности при сохранившемся общем числе объясненных наблюдений и пр. (см. табл. 2)).

Наилучшей оказалась модель № 3, которая объясняла 28,5% случаев попадания в бедность и в 78,1% всей выборки и не содержала незначимых переменных. Таким образом, проведенный эконометрический анализ продемонстрировал значимую связь объективной («абсолютной») бедности с подавляющим большинством рассматривавшихся нами факторов бедности.

Как видно из регрессионной модели № 3, бедность в настоящее время формируется по большей части за счет факторов, связанных с положением индивида и членов его семьи на рынке труда, в том числе качества человеческого капитала индивида (и, как следствие, его переговорной силы на рынке труда и характера занимаемой им профессионально-должностной позиции), ситуацией на локальных рынках труда, различающихся в разных типах населенных пунктов, а также из-за избыточной нагрузкой неработающими членами семьи. Иные же факторы (в частности, связанные с полом и возрастом индивида, неофициальным оформлением на работу и

отсутствием властного ресурса на ней, отсутствием собственного жилья) хоть и усиливают шансы попасть в бедность, но в значительно меньшей степени.

Рассмотрим, насколько эти факторы абсолютной бедности влияют на вероятность попадания в число субъективно бедных, то есть тех, кто сам считает себя бедным.

Факторы субъективной бедности в России

При анализе факторов субъективной бедности в качестве предикторов выступали те же переменные, что и в случае с абсолютной бедностью, а в качестве зависимых переменных – факт принадлежности к группе субъективно бедных, то есть тех, кто идентифицирует себя с бедными.

На первом шаге моделирования (модель № 1) были включены все 18 потенциальных факторов бедности. Однако лишь шесть (№ 5, 6, 11, 14, 17, 18) оказались значимы хотя бы на 95%-ном доверительном интервале. Тестирование модели на ее потенциальное ухудшение в связи с удалением переменных методом адаптированного теста правдоподобия показало, что исключение из дальнейшего моделирования 9 из 12 переменных не оказывает существенного влияния на ее качество. Переменные же под № 2, 11 и 13 требовали более детального анализа. На втором шаге (модель № 2) нами была в точности воспроизведена наилучшая модель факторов объективной бедности (табл. 3). Как видим, включение переменных № 1, 7, 9, 15, 16, 20 приводит к значимым изменениям – сильным искажениям коэффициентов (более 20%) и общему ухудшению модели (см. результаты теста Хосмера – Лемешова в табл. 4). При этом все переменные, за исключением одной, являются незначимыми. Таким образом, модель, наилучшим образом описывающая факторы абсолютной бедности, оказывается слабо применимой к описанию субъективной бедности, поэтому от нее пришлось отказаться.

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕРКИ КАЧЕСТВА ПОСТРОЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ФАКТОРОВ АБСОЛЮТНОЙ БЕДНОСТИ

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Area under ROC curve	Correctly classified, %	Sensitivity	Hosmer- Lemeshow chi2(8)	Prob > chi2
1	0.156	-1181.592	-334.005	0.947	0.7754	78.36%	30.11%	5.41	0.7131
2	0.157	-1186.284	-379.493	0.945	0.7724	78.08%	27.58%	7.77	0.4561
3	0.160	-1181.308	-381.606	0.942	0.7750	78.08%	28.53%	10.48	0.2330
4	0.159	-1181.304	-373.775	0.943	0.7750	78.08%	28.53%	10.16	0.2538
5	0.160	-1180.789	-374.805	0.943	0.7759	78.16%	27.89%	12.68	0.1234
6	0.159	-1181.099	-374.184	0.943	0.7751	77.77%	28.37%	9.14	0.3309

Таблица 3
ФАКТОРЫ ПОПАДАНИЯ В СУБЪЕКТИВНУЮ БЕДНОСТЬ НА ОСНОВЕ ЛОГИТ-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА

Факторы бедности / Регрессионная модель	1	2	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	-0.0786 (0.151)	-0.0935 (0.150)								
2. Наличие в семье инвалидов 1-й и 2-й групп	0.323 (0.212)									
3. Наличие в семье хронически больных	-0.0279 (0.368)									
4. Наличие в семье неработающих пенсионеров	0.0629 (0.121)									
5. Наличие в семье несовершеннолетних детей	0.198** (0.0877)	0.192** (0.0873)	0.203** (0.0868)	0.203** (0.0869)	0.208** (0.0868)	0.200** (0.0867)	0.197** (0.0869)	0.205** (0.0867)	0.203** (0.0869)	
6. Образование среднее специальное и ниже	0.304** (0.139)	0.344 (0.278)	0.437*** (0.0886)	0.415*** (0.0886)	0.439*** (0.0897)	0.432*** (0.0887)	0.417*** (0.0887)	0.434*** (0.0888)	0.420*** (0.0896)	
7. Характер профессионально-должностной позиции	0.123 (0.149)	0.0397 (0.172)								
8. Негосударственное предприятие	0.0216 (0.0939)									
9. Неофициальное оформление на работу	-0.0168 (0.109)	0.0414 (0.0911)								
10. Оценка воздействия кризиса на ситуацию со своей работой как негативного	-0.0938 (0.126)									
11. Отсутствие властного ресурса на работе	-0.232** (0.0911)	-0.240*** (0.0904)	-0.200** (0.0875)	-0.228** (0.0891)	-0.200** (0.0876)	-0.203** (0.0876)	-0.227** (0.0889)	-0.226** (0.0877)	-0.226** (0.0890)	-0.230*** (0.0890)
12. «Серая» заработка плата	0.0766 (0.107)									
13. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	0.312 (0.199)									
14. Отсутствие собственного жилья	0.224* (0.125)	0.200 (0.124)	0.219* (0.123)	0.219* (0.124)	0.227* (0.124)	0.226* (0.124)	0.204* (0.124)	0.234* (0.124)	0.212* (0.124)	0.211* (0.124)
15. Отказ от планирования собственной жизни	0.140 (0.0850)	0.149* (0.0843)	0.149* (0.0837)	0.149* (0.0837)	0.149* (0.0837)	0.153* (0.0835)	0.153* (0.0835)	0.149* (0.0837)	0.153* (0.0836)	0.153* (0.0837)
16. Проживание в сельской местности	0.0817 (0.0991)	0.0946 (0.0994)								
17. Женский пол	0.195** (0.0829)	0.193** (0.0816)	0.201** (0.0812)	0.195** (0.0813)	0.200** (0.0812)	0.200** (0.0812)	0.198** (0.0813)	0.197** (0.0812)	0.197** (0.0813)	0.196** (0.0813)
18. Возраст	-0.0447* (0.0268)	-0.0503* (0.0268)	-0.0511* (0.0268)	-0.0478* (0.0266)	-0.0504* (0.0266)	-0.0486* (0.0266)	-0.0509* (0.0266)	-0.0479* (0.0266)	-0.0502* (0.0266)	-0.0485* (0.0266)
19. Возраст (квадратичный)	0.000728** (0.000332)	0.000791** (0.000332)	0.000807** (0.000330)	-0.228** (0.0891)	-0.200** (0.0876)	-0.203** (0.0876)	-0.227** (0.0889)	-0.226** (0.0877)	-0.226** (0.0890)	-0.230*** (0.0890)
20. Совместный эффект образования и проф. позиции										
Коэффициент	-0.0183 (0.524)	0.156 (0.522)	0.221 (0.512)	0.0942 (0.515)	0.191 (0.513)	0.161 (0.514)	0.183 (0.514)	0.130 (0.514)	0.155 (0.514)	0.155 (0.514)
Количество наблюдений	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518

На третьем-пятом шагах моделирования были протестираны модели № 3–5 соответственно, без переменных № 3, 11, 13 (в модели № 3 была исключена переменная № 18, в модели № 4 – переменная № 19, в модели № 5 оставлены переменные № 18, 19¹). Исключение 12 незначимых переменных оказалось значимый положительный эффект на объяснительную способность и качество модели (см. табл. 4), наилучшей же из них оказалась модель № 5.

На последующих шагах тестировались модели (№ 6–12), включающие в себя переменные № 2, 11, 13, так как их исключение, согласно адаптированному тесту правдоподобия, негативно сказывалось на общем качестве модели². Как видно из табл. 4, добавление указанных переменных значимо улучшает модель № 5 согласно тесту Хосмера – Лемешова и практически не ухудшает ее общей объяснительной силы, хоть и негативно сказывается на показателе BIC' (наилучшей по которому является модель № 9). Обращение же к результатам в табл. 3 демонстрирует, что включенные переменные № 2, 11 оказываются незначимыми, в то время как переменная № 13 каждый раз значима на 95%-ном интервале. Само же включение переменных не влечет скачкообразных изменений

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕРКИ КАЧЕСТВА ПОСТРОЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ФАКТОРОВ СУБЪЕКТИВНОЙ БЕДНОСТИ

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Area under ROC curve	Correctly classified, %	Sensitivity	Hosmer- Lemeshow chi2(8)	Prob > chi2
1	0.006	-1712.992	87.026	1.376	0.5875	56.20%	47.29%	6.95	0.5416
2	0.008	-1715.443	44.940	1.374	0.5873	56.31%	46.63%	22.19	0.0046
3	0.009	-1721.949	3.135	1.373	0.5767	55.12%	47.29%	24.89	0.0016
4	0.009	-1720.827	0.889	1.372	0.5776	55.48%	48.44%	17.50	0.0253
5	0.010	-1719.009	5.086	1.372	0.5806	56.31%	47.70%	9.68	0.2881
6	0.010	-1714.836	20.234	1.371	0.5859	56.04%	45.72%	12.24	0.1409
7	0.010	-1717.652	10.203	1.371	0.5829	56.08%	47.94%	12.74	0.1211
8	0.010	-1717.777	10.452	1.372	0.5821	56.35%	48.77%	9.18	0.3272
9	0.010	-1717.321	9.541	1.371	0.5833	56.24%	45.89%	8.49	0.3873
10	0.010	-1716.412	15.554	1.371	0.5837	56.00%	48.68%	6.80	0.5579
11	0.010	-1716.069	14.867	1.371	0.5845	56.27%	46.71%	12.24	0.1408
12	0.010	-1716.097	14.924	1.371	0.5856	55.76%	44.74%	8.37	0.3981

¹ Оценки качества моделей приведены в табл. 4, однако из-за ограничений объема некоторые модели были исключены из табл. 3 в силу их неэффективности.

² В моделях указанные переменные включались следующим образом: модель № 6 – совместное включение переменных № 2, 11, 13, модель № 7 – исключительно переменной 2, модель № 8 – исключительно переменной № 11, модель № 9 – исключительно переменной № 13, модель № 10 – совместное включение переменных № 2, 11, модель № 11 – совместное включение переменных № 2, 13, модель № 12 – совместное включение переменных № 11, 13 (см. результаты в табл. 3 и 4).

коэффициентов других предикторов, равно как и смены направления их влияния. Исходя из предпосылки, что наилучшей является модель включающая в себя меньшее количество предикторов, в качестве таковой была выбрана модель № 9.

Как видно из модели № 9, к субъективной бедности приводит прежде всего наличие в семье несовершеннолетних детей и отсутствие собственного жилья. Сказывается на ее вероятности и отказ от планирования собственной жизни. Оценки себя как бедного свойственны чаще лицам с образованием не выше среднего специального, в большей степени женщинам и реже встречаются в пожилых возрастах, чем в молодых, где, видимо, на идентификации себя с бедными чаще сказывается разрыв между желаниями и реальностью. Дискуссионными, но все же не включенными в итоговую модель, были факторы, связанные с наличием в семье инвалидов 1-й или 2 групп, а также алкоголиков, наркоманов и т.п.

Если абсолютная бедность зависит в первую очередь от положения индивида на рынке труда, качества его человеческого капитала и пр., то субъективная бедность является результатом обстоятельств, ухудшающих качество жизни

даже при сравнительно высоком ее уровне – необходимо ухаживать за индивидами, в том числе детьми, отсутствия своего жилья, восприятия своего бессилия повлиять на свою жизнь и пассивной жизненной позиции при разрыве желаний и реальности. Таким образом, спектр причин, приводящих к абсолютной и субъективной бедности, качественным образом разнится.

Субъективная и объективная бедность — явления разной природы, предпосылки их формирования различны. Если же проанализировать особенности представителей двух этих типов бедности, то различия между ними становятся еще более очевидными.

Соотношение групп абсолютной и субъективной бедности

В условиях кризиса в октябре 2015 г. субъективно себя воспринимали бедными половина россиян (50,3%). При этом субъективное восприятие себя как бедных оказалось практически не связано с их материальным положением. Как видно из рис. 3, в отличие от объективно бедного населения, выделяемого именно по

критерию доходов (менее 1 ПМ), субъективная бедность не является характерной особенностью населения с наименьшими доходами. Среди субъективно бедных присутствуют россияне с совершенно разными доходами, от самых низких до самых высоких.

Более того, группы объективно и субъективно бедных слабо пересекаются (рис. 4): в зону пересечения со стороны бедных «по доходам» попадает лишь половина, а со стороны субъективно бедных вообще всего четверть. Иными словами, в нынешних условиях каждый второй объективно бедный россиянин не воспринимает свою жизнь как пребывание в бедности, а каждый третий небедный, наоборот, считает, что живет бедно.

Рисунок 3

СТРУКТУРА БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ПО РАЗМЕРУ ЕГО ДОХОДОВ, октябрь 2015 г. (%)

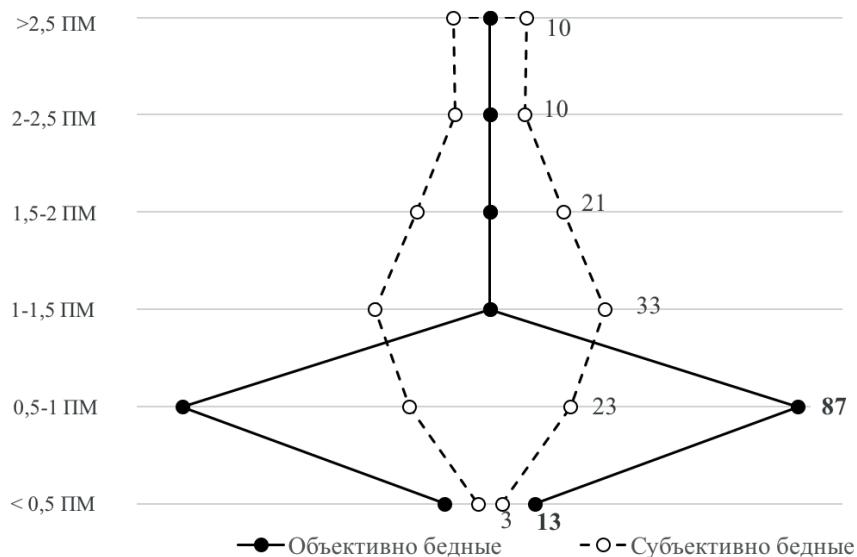
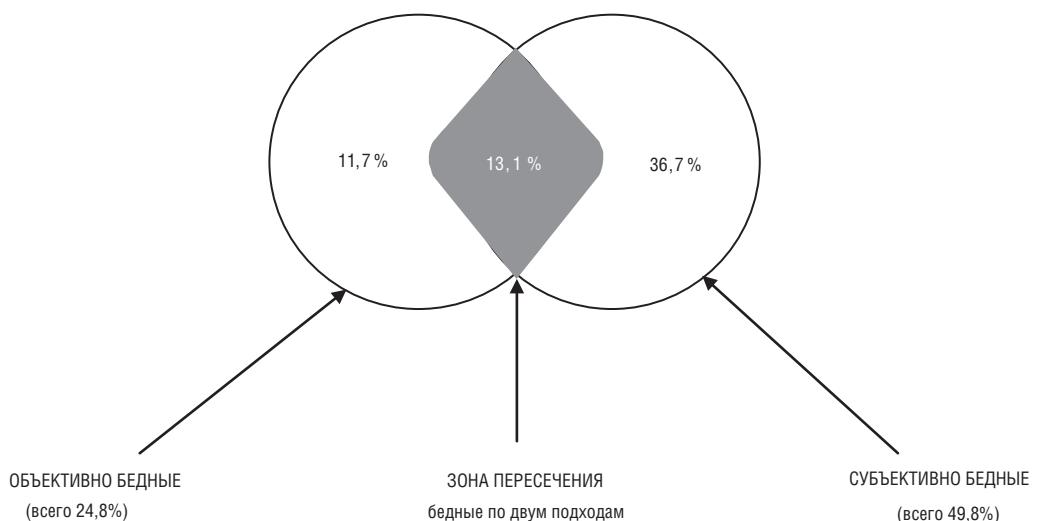

Рисунок 4

СООТНОШЕНИЕ ГРУПП АБСОЛЮТНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ БЕДНОСТИ, октябрь 2015 г. (%)

Обращение к показателю доходов демонстрирует, что субъективная бедность – феномен не экономической природы, отражающий скорее ощущение некоторой собственной ущербности и/или беспомощности, а не низкие доходы.

Выводы

Абсолютная и субъективная бедность – явления различной природы. Согласно исследователям, изучающим бедность через призму социологических и психологических подходов, восприятие качества жизни основывается как на социокультурных характеристиках (интегральном статусе, ресурсообеспеченности, уровне образования, принадлежности к различным социальным группам и пр.), так и на психологических (удовлетворенности жизнью, ощущении счастья, успешности реализации, личностном самоутверждении и пр.)¹. Однако эконометрический, равно как и содержатель-

ный, анализ демонстрирует, что субъективное восприятие своего уровня жизни населением практически не связано в условиях современной России с ключевыми для объективной бедности социально-экономическими факторами и является результатом скорее недовольства качеством своей жизни, чем просто низким уровнем доходов. Точнее, это результат недовольства уровнем доходов, из-за которого, как кажется человеку, он не может решить возникающие жизненные проблемы. Поэтому субъективный подход не может быть использован для корректировки методики определения адресатов социальной поддержки, хотя анализ группы россиян, ощущающих себя бедными, может внести существенный вклад в понимание наиболее острых проблем современного российского общества и способствовать тем самым совершенствованию государственной социальной политики.

¹ См. подробнее: Шаповал И.А. Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 207–218.

Ольга КАРАЕВА

Реформа здравоохранения в оценках врачей и пациентов

Социологический анализ институциональных изменений 2012–2016 гг.

За последние пять лет в российской системе здравоохранения произошли стремительные институциональные изменения. Процесс реформирования национальной системы здравоохранения в стране за долгие годы принял перманентный характер, однако количество преобразований, последовавших после 2012 года, в три раза превосходит число изменений, реализованных за аналогичный период¹.

Можно выделить следующие направления важнейших изменений.

- **Смена системы финансирования:** за данный период осуществлен полный переход на одноканальную систему финансирования через Фонд обязательного медицинского страхования (ОМС). Предыдущий порядок финансирования здравоохранения опирался на бюджетную систему – доля денежных средств, предназначенная на медицину, могла распределяться на эти цели по остаточному принципу, каких-либо установленных объемов средств заранее определено не было. Привязанность к бюджету создавала неравные условия в регионах – «богатые» региональные бюджеты тратили в разы больше средств на поддержание медицины, тогда как «бедные» ставили в неравное положение своих жителей. На фоне нестабильной экономической ситуации была выбрана иная модель финансирования, которая имела бы больший запас прочности, – средства, собранные в Фонд обязательного медицинского страхования, аккумулировались в единый фонд и распределялись между всеми регионами в зависимости от уровня потребности населения в медицинской помощи и структуры населения.

- **Стандартизация:** введение порядков и стандартов оказания медицинской помощи в качестве обязательных требований к лечебно-профилактическим учреждениям (ЛПУ). Они не только создают экономическую основу для установления объемов медицинской помощи и возмещения затрат ЛПУ на их оказание в рам-

ках новой системы финансирования, но и представляют собой единые стандарты для контроля качества предоставляемых услуг по основным группам нозологических заболеваний со стороны страховых компаний. Стандартизация нацелена на выравнивание возможностей каждого гражданина получить лечение в сопоставимом объеме и качестве вне зависимости от региона проживания.

- **Модернизация:** укрепление материально-технической базы медицинских организаций; внедрение современных информационных систем в здравоохранение (информатизация, компьютеризация, введение электронных записей, амбулаторных карт и пр.).

- **Оптимизация:** данный «процесс выработки оптимальных решений для достижения наивысшего результата при данных затратах ресурсов» знаменовал пересмотр принципов и объемов оказания государственных медуслуг, доставшихся от советских времен. Оптимизация спровоцировала пересмотр устоявшихся норм оказания медицинской помощи – формирования укомплектованности медучреждений, принятого уровня их оснащенности, штата сотрудников. В результате были сокращены, закрыты или укрупнены медучреждения/отделения. Принцип оптимального использования средств детерминирует отказ от дорогих моделей предоставления услуг и ведет к поиску экономически более выгодных аналогов их и сокращению издержек (укрупнению медучреждений, централизованных закупок и пр.).

- **Маршрутизация пациентов:** одним из следствий оптимизации стало введение трехуровневой системы оказания помощи населению, так называемой маршрутизации, когда все медучреждения делятся на три уровня в зависимости от территориальной удаленности, видов оказываемой медицинской помощи и оснащенности. Это позволяет каждому гражданину вне зависимости от населенного пункта получить бесплатно высокотехнологичную помощь в рамках государственных гарантий. Поскольку оснастить все медучреждения не представляется возможным, первичная медицинская помощь предоставляется в ближайших

¹ Согласно банку официальных документов Министерства здравоохранения и социального развития РФ за период 2012–2016 гг. были выпущены 2897 постановлений, за предыдущий период 2007–2011 гг. были приняты 937 постановлений. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/documents> (дата обращения 23.12.2016).

по месту проживания учреждениях. При необходимости получения более сложных видов медицинской помощи пациент может быть направлен в многофункциональные центры первого и второго уровня.

Проводимые масштабные преобразования встретили неоднозначную оценку со стороны как потребителей медицинских услуг (пациентов), так и их производителей (медицинских работников). Оценки удовлетворенности населения существенно не увеличились – две трети россиян продолжают оставаться недовольными работой системы здравоохранения¹. Оценивая итоги уходящего 2016 года, 40% россиян сообщили, что ситуация в сфере здравоохранения ухудшилась².

Более того, реализуемые изменения функционирования системы сопровождались протестными акциями со стороны медицинских работников – профессиональной группы, которая ранее практически не прибегала к таким формам отстаивания прав. Мониторинг трудовых протестов в сфере здравоохранения фиксирует рост числа таких акций, приходящийся на период начиная с 2012 года (рис. 1).

Что же произошло в институциональной сфере здравоохранения, что вызвало столь сильное социальное напряжение?

Фокусом данного исследования стало рассмотрение трансформации правил, которыми регулируется эта сфера, и степень их соотнесения с позициями основных участников – населения и медицинских работников.

Концептуальная рамка исследования. В качестве схемы анализа происходящих изменений в системе здравоохранения и взаимодействия различных участников используется организа-

ционный подход, основанный на исследовании американского социолога Ричарда Скотта³.

Система здравоохранения рассматривается как «организационное поле», представляющее сообщество организаций, разделяющих общую систему смыслов и взаимодействующих друг с другом. Внутри «поля» выделяются ключевые организационные структуры:

- производители медицинских услуг;
- потребители (например, пациенты, работодатели или государственные структуры);
- фискальные посредники (страховые компании, здравоохранительные проекты);
- контролирующие структуры (профессиональные ассоциации, органы государственного регулирования).

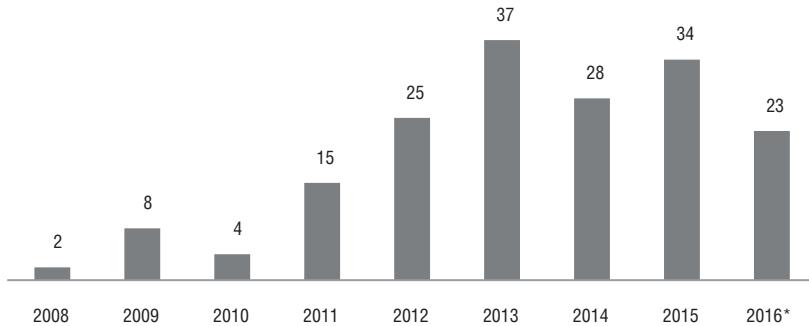
Само поле здравоохранения представляет собой переплетение взаимодействий различных акторов, детерминируемых различными логиками. Данный подход позволяет сфокусировать внимание на важности организаций для социальных акторов, роли политических процессов в поддержании и ограничении спроса и предложения, а также на влиянии культурно-когнитивных и нормативных факторов, формирующих мировоззрение, интересы и действия хозяйственных акторов.

Для изучения изменений в институциональной среде сторонники данного подхода выделяют три составляющие:

- а) *институциональные логики* – «системы верований и базовых убеждений, которые формируют мотивацию и направляют поведение участников поля»;
- б) *институциональные акторы* – индивиды или организации, являющиеся носителями институциональных практик;

Рисунок 1

ЧИСЛО ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЗА ЯНВАРЬ-СЕНТЯБРЬ 2016 г.

Данные: Центр социально-трудовых прав.

¹ Сборник «Общественное мнение-2015». Левада-Центр, 2016. С.100. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>.

² Пресс-выпуск Левада-Центра от 19.02.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/12/19/itogi-2016-go-goda/>.

³ Скотт Р. Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджерская // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. С. 27–44. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1/26594182.html>.

в) *системы управления* – «механизмы, поддерживающие формальные схемы контроля – посредством режимов, сложившихся в результате взаимной договоренности, действий легитимной власти или нелегитимных действий одной группы акторов в отношении другой».

Изменения в системах ценностей, культурных представлений или нормативных правил порождают фундаментальные преобразования институциональной среды. «Старые» логики перестают быть условием соблюдений договоренности и конвенций среди участников «поля» и обуславливают необходимость выработки «новых» форм взаимодействия.

В свою очередь, стремительные преобразования институциональной среды, сталкивающие между собой логики разных акторов, могут провоцировать рост напряжения между ними и приводить к открытым конфликтам интересов. Логики одних действующих могут превалировать над логиками и действиями других, но чем больше акторов следуют определенной логике, тем больше шансов на ее инкорпорирование в структуру управления.

В данной статье дан анализ предпринимаемых шагов по преобразованию организационного поля здравоохранения. В фокусе внимания – противостояние логик основных участников (пациентов, медработников и организаторов здравоохранения) и оценки степени соотнесения реальных практик взаимодействия с доминирующими в отрасли логиками.

Методология исследования. Для изучения взаимодействия основных участников организационного поля, их логик и ожиданий совмешались качественная и количественная стратегии исследования¹. Сбор данных был проведен исследовательским коллективом Левада-Центра с ноября 2015 по март 2016 года.

В рамках качественной части были проведены двадцать четыре глубинных интервью с медработниками разных специализаций и должностей – от главных врачей до среднего медперсонала – в Москве, Твери и Кимрах (по восемь интервью в каждом городе). Также были проведены четыре фокус-группы с населением, обращавшимся в медицинские учреждения за последние 12 месяцев (Москва, Тверь и Кимры).

Для оценки того, насколько распространены установки (относительно меняющегося формата взаимодействия среди двух ключевых

групп участников), выявленные в рамках глубинных интервью, был проведен количественный опрос медицинских специалистов и населения как потребителей медицинских услуг.

Опрос населения проходил по всероссийской репрезентативной выборке взрослого населения от 18 лет и старше (число опрошенных составило 1600 человек²). Опрос медицинских специалистов проведен по всероссийской онлайн-панели практикующих врачей-специалистов (N=627 человек)³. При построении выборки для сопоставимости групп были заданы квоты на тип оказываемой помощи (стационар/амбулатория/скорая) и размер населенного пункта (Москва, города 500 тыс. чел. и более, города 250 тыс. чел. и более, города менее 250 тыс. чел. и села).

Конструирование организационного поля через призму позиций пациентов

Приоритетными направлениями программы развития здравоохранения⁴, целью которых и стали структурные преобразования, являются улучшение качества и повышение доступности медицинской помощи.

Оценки **качества медицинских услуг** в государственных больницах и поликлиниках в отвечах населения остаются низкими. Почти половина россиян при оценивании по пятибалльной шкале дают неудовлетворительные оценки (1 и 2 балла), оценки 4 и 5 баллов встречаются только у 10% (рис. 2). Наиболее недовольными качеством услуг государственных медучреждений остались жители столицы и группы с низким материальным достатком.

При этом в общественном мнении закрепилось устойчивое представление, что качественное лечение можно получить только в платных учреждениях. Оценки качества в частных клиниках диаметрально противоположны восприятию качества государственных поликлиник и больниц: в частных клиниках 42% оценивает качество на 4 и 5 и менее 10% россиян дают неудовлетворительные оценки (1 и 2 балла).

Опыт обращения за бесплатной медицинской помощью за последние два года негативно сказывается на оценках ее качества⁵. Кос-

² Подробнее о построении выборки Омнибуса Левада-Центра см.: URL: <http://www.levada.ru/omnibusnyi-opros>.

³ Подробнее описание панели врачей OMI см.: URL: http://www.omirussia.ru/ru/online_panels/physicians_panel/.

⁴ Государственная программа РФ «Развитие здравоохранения» 2013–2020 гг. URL: <http://government.ru/docs/11908/> (дата обращения 23.12.2016).

⁵ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена corr=-0.146, sig=0.001.

¹ При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

венным следствием низкой удовлетворенности качеством медицины в государственных медучреждениях служит уход пациентов в частные клиники. Пациенты, которые при последнем визите обращались к услугам частной медицины, дают более критичные оценки качества работы государственной медицины – 60% оценивают на 1–2 балла, при этом ни один респондент не поставил оценки выше 3 баллов.

Положительные изменения за последние пять лет в **доступности** медицинской помощи отмечают 15% россиян. Чуть менее половины населения не заметили каких-либо изменений – получить медицинскую помощь с их точки зрения стало ни легче, ни труднее. Треть россиян отмечает ухудшение ситуации – 36% населения говорят о больших сложностях в получении помощи, чем до начала реформ. Респонденты с низким и средним потребительскими статусами чаще отмечают негативные изменения. Среди них доля тех, кому стало легче получить помощь, составляет 11–13%, среди самой высокодоходной группы – 25% (рис. 3).

Рисунок 2
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В МЕДУЧРЕЖДЕНИЯХ РАЗНОГО ТИПА (%)

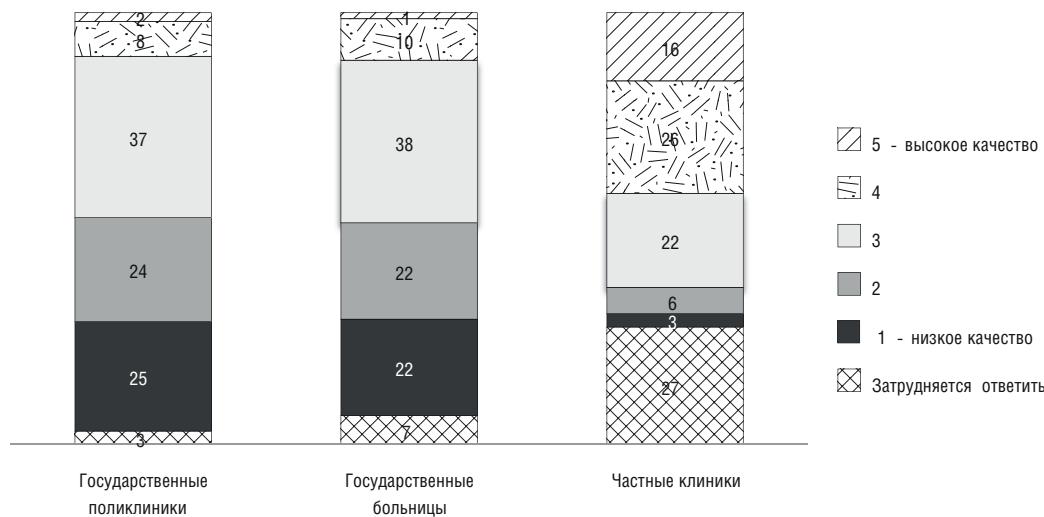

Рисунок 3
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ СТАЛО ПОЛУЧИТЬ ЛЕГЧЕ ИЛИ ТРУДНЕЕ, ЧЕМ 5 ЛЕТ НАЗАД?» ПО УРОВНЮ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ (%)

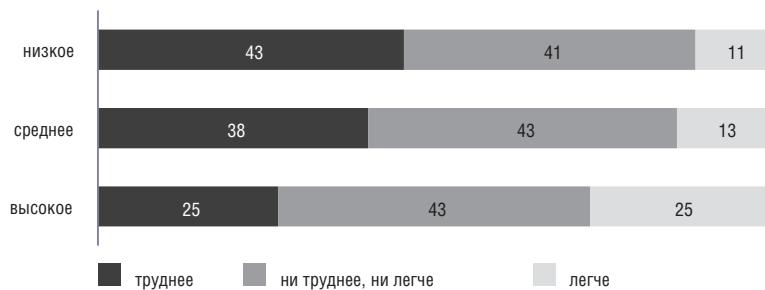
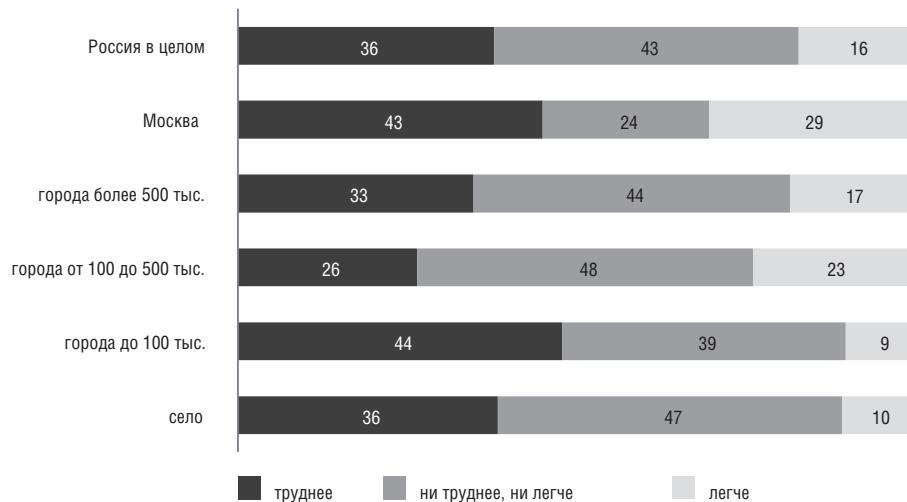

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ СТАЛО ПОЛУЧИТЬ ЛЕГЧЕ ИЛИ ТРУДНЕЕ, ЧЕМ 5 ЛЕТ НАЗАД?» ПО ТИПУ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ (%)

ципальные медучреждения были разделены на три уровня в зависимости от территориальной удаленности, видов оказываемой медицинской помощи и оснащенности). По логике организаторов здравоохранения данные изменения должны гарантировать каждому жителю страны вне зависимости от места проживания доступ к высокотехнологичной помощи. Особенно актуально такое преобразование для малонаселенных территорий – укомплектовать все медучреждения на самом высоком уровне экономически не реально, поэтому одним из шагов государственной политики стала оптимизация возможностей по оказанию первой необходимой помощи и последующее перенаправление в медучреждения более высокого уровня. Однако данная реорганизация системы получения медицинской помощи не в полной мере соотносится с мнением самих потребителей. Групповые дискуссии свидетельствуют о том, что идеальной системой оказания медицинской помощи является ситуация, когда «я *пришел сразу к нужному специалисту и мне тут же оказали помощь, вылечили*».

По данным опроса при выборе между близостью медучреждения и качеством оказываемых услуг мнения разделились практически поровну: 49% россиян предпочли бы получить помощь, пусть и не самого высокого качества, но близко к дому, и 44% отдали бы больший приоритет качеству лечения, даже если для этого потребовалось бы ехать в соседний населенный пункт.

Привлекательность первого варианта больше свойственна россиянам старших возрастных групп – среди людей старше 40 лет

предпочтения близкого к дому доступа к медицинской помощи являются доминирующими над удаленными, но более качественными услугами.

Жители разных типов населенных пунктов также не единогласны в данном вопросе: москвичи и жители средних городов чуть более позитивно относятся к идее и системе маршрутизации, тогда как жители сельских районов, напротив, дают другую структуру предпочтений. Среди селян большинство – 53% – хотели бы получать медицинскую помощь, пусть и не самого высокого качества, но рядом с домом, но 38% были бы готовы обратиться в более удаленный центр при условии, что они получат хорошую медицинскую помощь.

Практики получения медицинской помощи

Государственные поликлиники/больницы являются основным местом получения медицинской помощи для более чем 75% россиян. Чем ниже достаток, тем чаще именно бесплатная медицинская помощь выступает в качестве основного способа лечения – к ней прибегают 80% респондентов из группы с низким потребительским статусом (в сравнении с 66% из более высокодоходной группы).

Возможности альтернативных способов получения помощи крайне ограничены – получают помощь по полису ДМС 6% россиян. Примерно столько же россиян (7%) имеет возможность регулярно обращаться в частные клиники. Иными словами, только 13% населения пользуются платными медицинскими услугами. Среди самой высокодоходной группы эта доля достигает 23%.

Почти каждый десятый житель страны в случае болезни не собирается обращаться за медицинской помощью ни в какие медицинские учреждения (8%). Особенно высока доля таких граждан среди жителей сельской местности, групп с низким достатком и мужчин любого возраста.

Респонденты объясняют причины своего необращения в медучреждения главным образом «недоверием к врачам» (47%), «низким качеством» медицинской помощи или «низкой квалификацией» врачей (25%), а также «большими очередями» (23%).

Наиболее остро данная проблема стоит в малых городах и селах. Групповые дискуссии фиксируют схожую тенденцию. Отсутствие электронной записи, дефицит врачей узких специальностей и общий низкий, с точки зрения пациентов, уровень квалификации медработников приводят к двум последствиям для пациентов: либо получению помощи на платных условиях, либо отказу от медицинской помощи в принципе:

«Записаться возможности нет, очереди – только живые. Одни старушки, у них весь день свободный, а нам [работающим] некогда. А это, соответственно, вынуждает в платное обслуживание» (фокус-группа, Кимры).

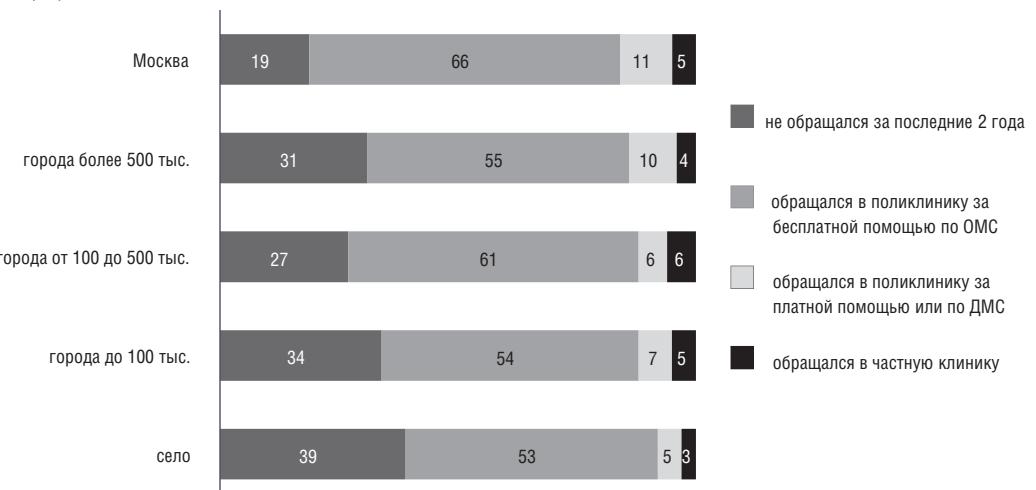
«Клиника, не современная совершенно, но врачи еще старенькие, того поколения. Работать больше некому» (фокус-группа, Кимры).

«Ну, если не очень болит, то можно и потерпеть» (фокус-группа, Кимры).

«Я уже стараюсь неходить, только в случае крайней необходимости» (фокус-группа, Тверь).

Рисунок 5

ОБРАЩАЕМОСТЬ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА В РАЗНЫЕ ТИПЫ МЕДУЧРЕЖДЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА НАСЕЛЕНОГО ПУНКТА (%)

¹ Здравоохранение в России-2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. С. 94. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/zdrav15.pdf.

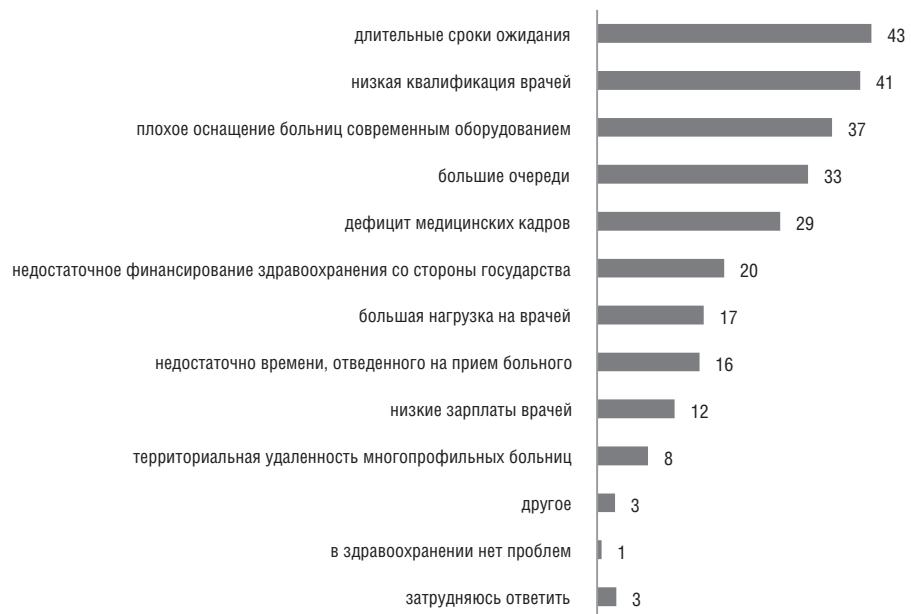
стью такой помощи и длительным ожиданием ее получения в рамках государственных гарантий чаще всего пациенты прибегают к платным услугам. В результате наименее обеспеченные слои населения *вынуждены* получать платные услуги в отличие от жителей крупных городов, имеющих более высокий уровень жизни и доступ к медицинским услугам. Это создает острое неравенство в возможностях малых и крупных центров. Действие реформы лишь усугубило положение жителей удаленных от областных центров городов и сел.

Основные проблемы здравоохранения большинство россиян видят в длительных сроках ожидания медицинской помощи (43%), низком профессиональном уровне врачей (41%) и плохом оснащении больниц современным оборудованием (37%). Около трети населения также отмечают большие очереди в поликлиниках (33%) и дефицит медицинских кадров (рис. 6).

Спектр проблем, отмечаемых в области здравоохранения, свидетельствует о сильной дифференциации положения, в особенности между столицей, крупными и малыми городами и селами. Так, москвичи чаще жалуются на «низкую квалификацию врачей» – данная проблема беспокоит две трети жителей столицы (63%). Второй по остроте проблемой является «недостаточность времени, отведенного на прием» (44%). Эта проблема практически не фигурирует в ответах жителей остальной части России. Замыкает тройку дефицит медицинских кадров (36%).

Рисунок 6

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ С ПОЗИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ (%), множественный выбор, не более трех вариантов ответа)

В сельской местности иерархию проблем составляют длительные сроки ожидания записи на прием к нужному специалисту (40%); низкая квалификация врачей (35%) и плохое оснащение медучреждений современным медоборудованием (35%).

Стоит отметить, что проблемы, которые называют россияне, касаются преимущественно потребления медицинских услуг и являются скорее следствием структурных трансформаций в этой области. Тогда как сами причины («низкие зарплаты врачей»), связанные с недостатком финансирования со стороны государства, не выходят на первый план.

В целом среди россиян нет четкого представления о том, как финансируется здравоохранение. На групповых дискуссиях при попытках обрисовать схему поступления средств от граждан до оплаты медицинских услуг, оказанных по полису ОМС, респонденты определяли только два элемента системы – государственный бюджет, который собирает налоги с граждан и бизнеса, и медучреждения, которые эти ресурсы получают. Роль страховых компаний была отдана организациям, которые выдают полисы на возможность получения бесплатной медицинской помощи, гарантированной государством.

Сложность процесса финансирования здравоохранения имеет два ключевых последствия. Во-первых, граждане не знают, сколько денег лично они вносят в систему и каковы возможности этой суммы для покрытия потребности

в медицинской помощи. Во-вторых, не имея представления об объемах и принципах формирования финансирования, граждане не имеют возможности контролировать поступление и целевое расходование данных средств.

«Страховые компании – вообще ненужное звено в системе. Государство и с ним, и без него плохо справляется. Они нужны только для отмывания денег» (фокус-группы, Кимры.)

«Все, что по ОМС, оно делается очень сложным образом: переворачивается в бюджете, потом начинается каким-то образом перераспределяться по регионам... Очень долгая цепочка» (фокус-группы, Тверь).

«Мы не понимаем, куда уходят средства. Не понимаем, откуда берутся тарифы, по которым отчитывается наше здравоохранение перед каким-то бюджетом, чтобы понять, с кого спросить» (фокус-группы, Тверь).

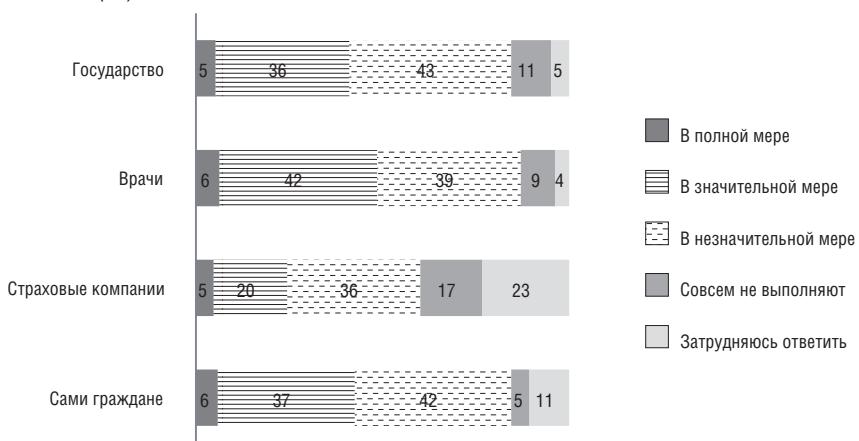
Массовый опрос подтвердил выявленные в групповых дискуссиях трудности респондентов с пониманием процесса финансирования здравоохранения. Согласно результатам опроса только 3% россиян знают фактический процент отчислений, который поступает в фонд ОМС от работающего населения. При этом в российском обществе доминирует представление о том, что граждане и так платят достаточно налогов, в связи с чем делается вывод, будто денег в здравоохранение отчисляется достаточно.

Отсутствие вовлеченности граждан в финансирование системы здравоохранения размывает сферу ответственности пациентов и может приводить к дисбалансу их требований и принимаемых обязанностей.

С точки зрения россиян, все ключевые участники системы выполняют институциональные роли не в полной мере. Около полови-

Рисунок 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫПОЛНЯЮТ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ...?» (%)

положения дел в здравоохранении. Две трети врачей, равно как и пациентов (63 и 61% соответственно) оценивают текущую ситуацию в медицине как «плохую» или «неудовлетворительную». Доля позитивных оценок среди пациентов оказывается даже более высокой, чем среди медицинских специалистов (вдвое выше: 18% против 9%) (рис. 8).

Более критичные оценки дают специалисты, проработавшие в здравоохранении более 20 лет – три четверти (73%) недовольны положением делом в медицине. Среди более молодых кадров такой позиции придерживаются 56%.

Тем не менее, оценивая ситуацию за последний пятилетний период, четверть врачей (25%)

отмечают изменения в лучшую сторону. Чуть более половины врачей (57%) склонны расценивать происходившие изменения как ухудшение ситуации. Пятая часть медиков отмечает, что все осталось на прежнем уровне и значимых результатов реформы они не заметили.

В числе **позитивных изменений** врачи отмечают шаги по программе модернизации здравоохранения – информатизацию и компьютеризацию рабочих мест (43%), закупку современного медицинского оборудования (38%), ремонт зданий (37%) и открытие новых диагностических центров (32%) (рис. 9).

Особенно критически настроены в оценках текущих изменений столичные врачи и медики малых городов (менее 250 тыс. человек) и спе-

Рисунок 8

ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ С ПОЗИЦИЙ ВРАЧЕЙ И НАСЕЛЕНИЯ (ПАЦИЕНТОВ) (%)

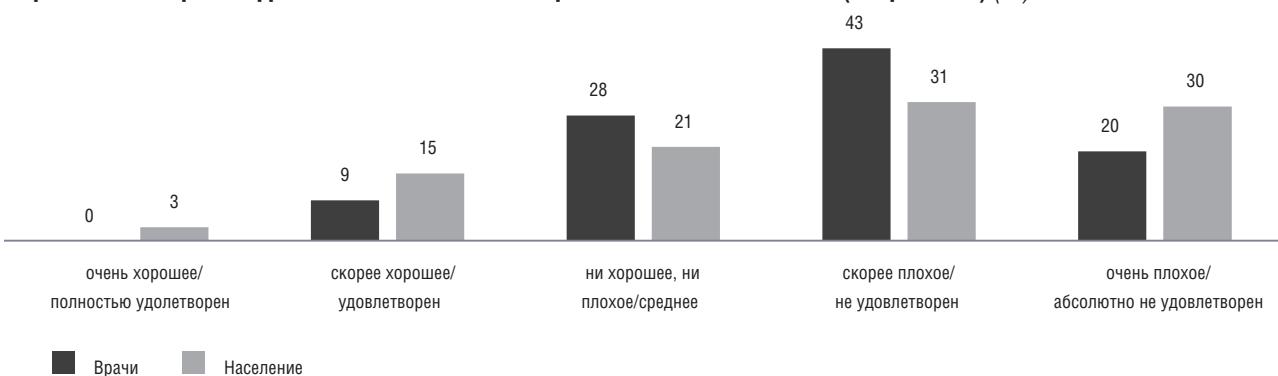
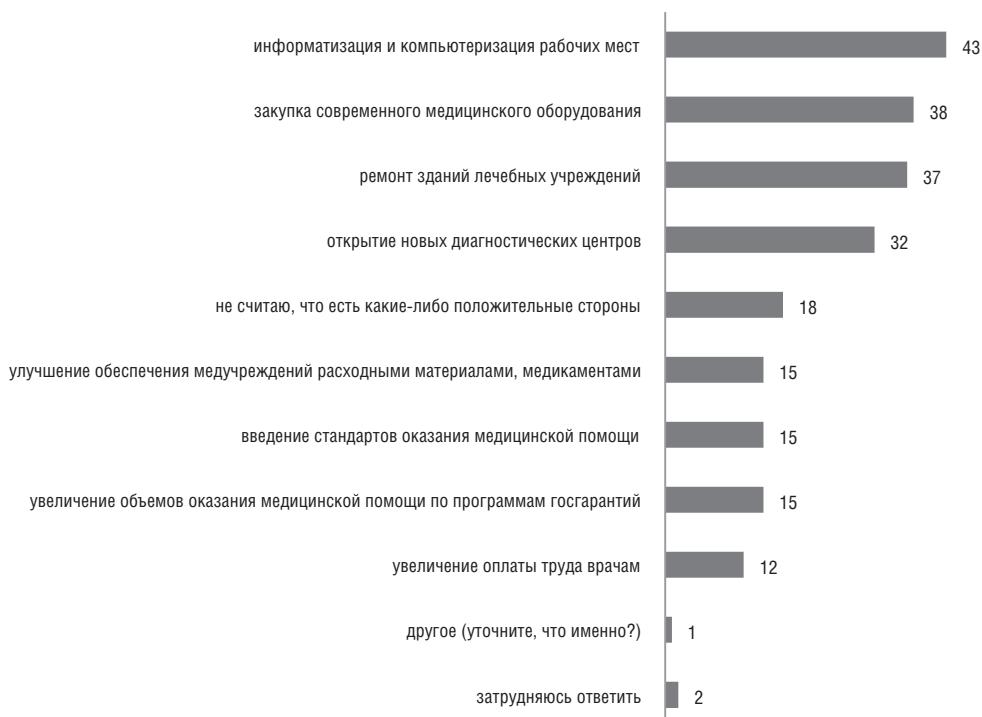

Рисунок 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ВЫ МОГЛИ БЫ НАЗВАТЬ?» (% , множественный выбор, не более пяти ответов)

циалисты с большим опытом работы (не видят положительных сторон 11% молодых врачей и 27% наиболее опытных работников).

В оценках *отрицательных сторон* врачи выказывались более категорично. Две трети медицинских работников отметили увеличение документооборота (66%), закрытие поликлиник/больниц/отделений (54%) и увеличение нагрузки по приему пациентов (49%). Эти проблемы беспокоят более половины всех опрошенных специалистов (рис. 10).

Треть врачей отмечают сокращение оплаты труда (39%) и уменьшение количества коек в медучреждениях (38%). Каждый четвертый специалист называет ухудшение снабжения расходными материалами, уменьшение времени на прием больных (по 28%) и сокращение медперсонала, как врачей-специалистов (28%), так и среднего медперсонала (25%).

Абсолютное большинство опрошенных назвали хотя бы один из негативных трендов (относительно вопроса о положительных сторонах происходящих реформ и изменений в системе здравоохранения лишь каждый пятый из специалистов ответил, что таковых не было за последние пять лет). В разрезе типов населенных пунктов ситуация выглядит более дифференцированно: на общероссийском фоне явно выделяется Москва – здесь врачи острее ощущают проблемы с закрытием медучреждений (74%) и сокращение медперсонала. Проблемы с объемом документации и снабжением стационаров

расходными материалами и медикаментами в столице также отмечаются, но недовольство ими заметно менее выражено, чем в более отдаленных городах.

Стандарты оказания медицинской помощи

Одним из шагов реформы по стандартизации и переходу к одноканальному способу финансирования было введение стандартов и порядков оказания медицинской помощи. Основной целью таких нововведений стало выравнивание качества и объема оказываемых медицинских процедур при одинаковых нозологических заболеваниях для пациентов по все территории страны. Стандарты составляют экономическую основу системы здравоохранения: каждый стандарт позволяет экономически просчитать средние затраты на лечение пациента по каждому нозологическому заболеванию.

Введение данных ориентиров при лечении больных стало контрольной единицей при оценивании качества предоставляемых услуг по системе ОМС со стороны страховых компаний. Таким образом, данные стандарты превратились для врачей в новые правила, регламентирующие процесс лечения больных.

Исследовательский интерес представляет то, как восприняли данные нормы основные носители институциональных практик, насколько они соотносятся с нынешними нормами врачей и какова эффективность данных нововведений.

Рисунок 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ВЫ МОГЛИ БЫ НАЗВАТЬ?» (% , множественный выбор, не более пяти ответов)

Анализ данных количественного опроса свидетельствует, что мнение медицинского сообщества относительно введения стандартов оказания медицинской помощи неоднозначно. Доля тех, кто видит в них положительный эффект, и тех, кто отмечает отрицательные стороны, разделилась примерно поровну: 33% против 35%. Пятая часть врачей не видит в их широком использовании никаких изменений в качестве лечения ни в ту, ни в другую сторону.

Несмотря на наличие данных стандартов как обязательных ориентиров по лечению больных, каждый второй врач (56%) говорит о том, что данные стандарты не соблюдаются в полной мере.

Причинами отклонения от данных предписаний в большинстве случаев являются две составляющие: *отсутствие материально-технической базы* – нет соответствующего оборудования (57%), нет соответствующих препаратов/ медикаментов (53%), не хватает медперсонала (46%) – и *несовершенство самих стандартов* – 35% врачей, не в полной мере следующих стандартам, обуславливают это низким качеством стандартов.

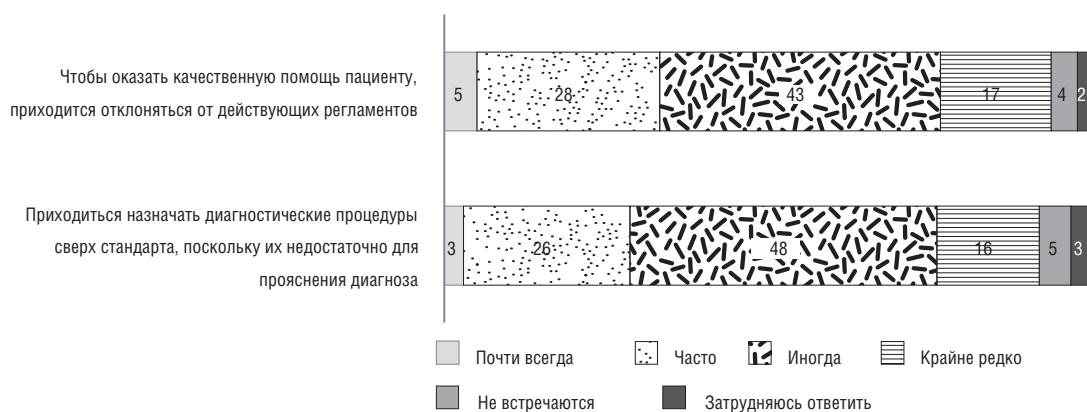
В данном отношении необходимо заметить, что отходить от стандартов чаще приходится более опытным врачам и специалистам, работающим в малых городах.

Подавляющее большинство опрошенных врачей в своей практике вынуждены отклоняться от требуемых или заданных стандартами правил. Так, треть медиков отмечают, что действующих стандартов недостаточно для прояснения диагноза и они *регулярно* назначают дополнительные обследования. Еще свыше 40% врачей *иногда* прибегают к аналогичным шагам (рис. 11).

В целом каждый третий врач в своей практической деятельности вынужден для оказания

Рисунок 11

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ СТАНДАРТОВ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (%)

качественной помощи отклоняться от введенных регламентов. Более опытные и квалифицированные врачи чаще других говорят о рутинизации подобной практики (42% против 28% наиболее молодых врачей).

Данные глубинных интервью также иллюстрируют двоякое отношение к стандартам: с одной стороны, разработаны высококвалифицированными специалистами и направлены на упрощение работы врача, с другой – они несовершенны: иногда избыточны, иногда недостаточны, однако отступление от них становится крайне сложным выбором при пристальном контроле страховых компаний.

«*По этим стандартам лечится не человек, а болезнь. То есть, получается, по этим стандартам кому-то надо что-то изменить, по-любому что-то делать, но назначать лекарство по этим стандартам – мы не можем это сделать*» (глубинное интервью, хирург).

«*С одной стороны, это хорошо. Тут врачу есть что посмотреть, на что ориентироваться, а с другой стороны, это ограничивает возможности очень. И, естественно, выделяется и средства меньше на оказание помощи, медикаментов и тому подобное*» (глубинное интервью, педиатр, Тверь).

«*Главное, сейчас главное для страховых компаний – написать, чтобы было правильно. Чтобы все анализы были, все. По некоторым случаям анализы вообще не нужны или некоторые анализы. Никакой диагностической цели они для нас абсолютно не несут. Но вот есть у них стандарт по заболеванию – так положено. Какого-то не будет анализа – всё, штраф*» (интервью, травматолог-хирург, Кимры).

«*Медик сейчас должен быть экономистом. На какой черт? Если мы специалисты, мы, вот, видим пациента, мы его должны лечить согласно нашим стандартам, согласно его исходному состоянию.*

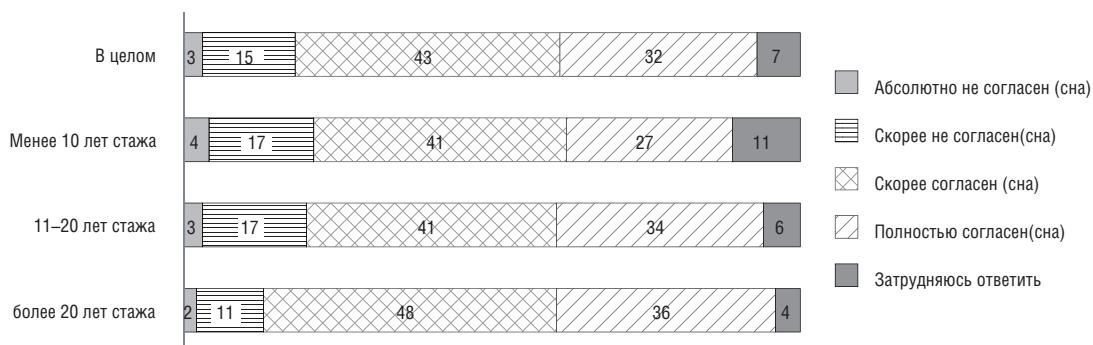
Пациенты же не поступают все со стандартным исходным состоянием здоровья. Один хуже, другой легче. Одного можно за неделю поставить, другого – за две недели нет. Но стандарт определен, из него же не вылезешь» (глубинное интервью, хирург, Кимры).

Проблемная плоскость введения стандартов пролегает в том, что, несмотря на то что стандарт формально не является абсолютным эталоном для деятельности врача, страховые компании, выполняя надзорную функцию, зачастую возводят их в ранг обязательных и штрафуют за отклонения от них. При желании оказать помощь сверх норматива врач должен обосновать свои действия, то есть затратить больше усилий по преодолению бюрократических процедур (и это без гарантий, что его действия будут поддержаны). Тем самым системой поощряется (вводятся негативные санкции) формальное следование стандартам.

Три четверти участников опроса подтверждают этот вывод: 75% согласны с утверждением, что действующая система организации здравоохранения поощряет формалистское отношение врача к выполнению своей работы. Доля тех, кто не разделяет данное мнение, составляет менее пятой части опрошенных (18%). Чем больше профессиональный опыт врача, тем чаще он склонен поддерживать мнение о формализме здравоохранения – такой позиции придерживаются 84% врачей, имеющих более 20 лет стажа, и 68% – среди работающих менее 10 лет в здравоохранении (рис. 12). В связи с этим можно предположить, что молодые специалисты становятся все более приверженными следованию новым правилам игры, которые устанавливают организаторы здравоохранения, доминируя над «старыми» профессиональными нормами врачей.

Рисунок 12

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С СУЖДЕНИЕМ, ЧТО ДЕЙСТВУЮЩАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПООЩРЯЕТ ФОРМАЛИСТСКОЕ ОТНОШЕНИЕ ВРАЧА К ВЫПОЛНЕНИЮ СВОЕЙ РАБОТЫ» (%)

Оценки деятельности государства и страховых компаний со стороны врачей и пациентов во многом солидарны, при этом позиции медицинского сообщества являются даже более категоричными. Так, две трети медиков (67%) считают, что государство не выполняет в полной мере своих обязанностей в области здравоохранения (аналогичной позиции придерживаются 54% пациентов). 80% врачей также критикуют выполнение своих ролей со стороны страховых компаний (так считают 53% пациентов).

Однако мнения о выполнении собственных ролей – врача или пациента – между данными участниками различаются. Так, если мнения пациентов о врачах разделились примерно пополам – 46% населения считают, что они в основном стараются выполнять свои обязанности, тогда как 48% их критикуют, то мнение врачей о работе своего цеха более благоприятное: 80% из них позитивно оценивают степень выполнения своих обязанностей.

Что касается оценок «заботы пациентов о своем здоровье», то только около 20% медиков согласны с тем, что пациенты выполняют свои обязанности по поддержанию здоровья в полной мере, три четверти врачей отмечают небрежное отношение населения к своему здоровью. Среди пациентов тоже не все так положительны: чуть более 40% оценивают выполнение обязанностей по поддержке здоровья как неудовлетворительное и почти половина считает, что предпринимаемых действий наших сограждан по заботе о здоровье недостаточно (рис. 13).

Данная ситуация свидетельствует о наличии более высоких ожиданий всех трех участников

от работы в области здравоохранения, и прежде всего со стороны страховых компаний, а также государства и самих граждан. Рассмотрим более подробно основные плоскости, в которых происходит несовпадение ожиданий врачей и остальных участников этого поля.

Государство как организатор реформ

Государство в лице федеральных органов здравоохранения выступает в роли ведущего организатора всей системы здравоохранения в целом. Предпринятые шаги по реформированию системы не в полной мере соотносятся с позициями главных поставщиков услуг – медицинского сообщества.

Идея по маршрутизации пациентов и разделению лечебных учреждений на три уровня в зависимости от оснащенности и сложности оказываемой медицинской помощи на данный момент имеет поддержку среди пятой части опрошенных медиков. Однако тех, кто видит в данном разделении больше минусов, вдвое больше (рис. 14).

Логика организаторов государственного здравоохранения (применительно к интерпретации «качества» медицинских услуг) не совпадает с интересами и оценками пациентов и не соответствует восприятию и логике поведения и интересов самих врачей.

Понимание «качества медицинской помощи» в логике организаторов приравнивается к предоставлению медицинских услуг усредненного общероссийского уровня лечения по схожим заболеваниям любому гражданину страны на бесплатной основе. Иными словами, понятие качества помощи в клиническом смысле подменяется предоставлением стандартизован-

Рисунок 13
ВОСПРИЯТИЕ СТЕПЕНИ ВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКОВ С ПОЗИЦИЙ ПАЦИЕНТОВ И ВРАЧЕЙ (%)

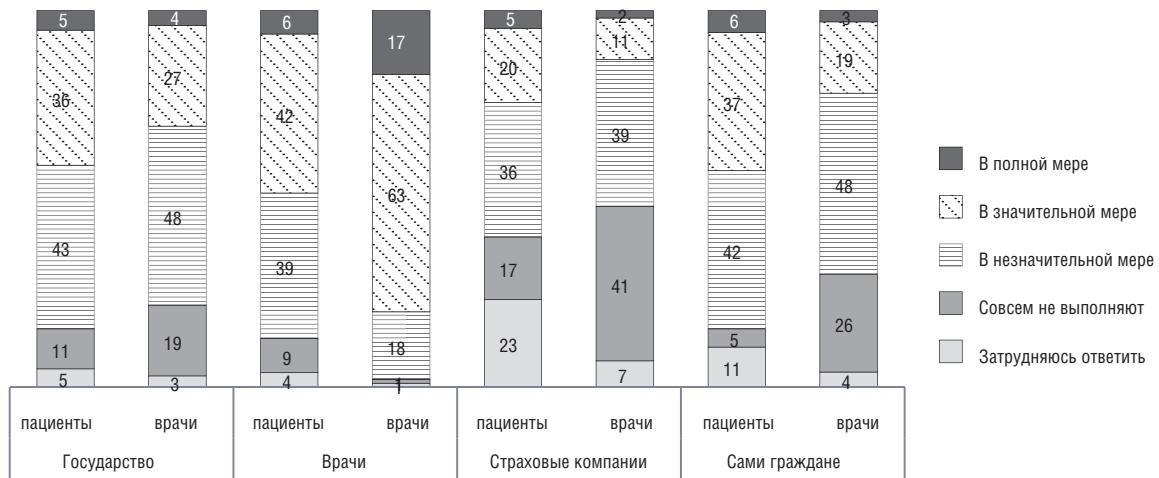
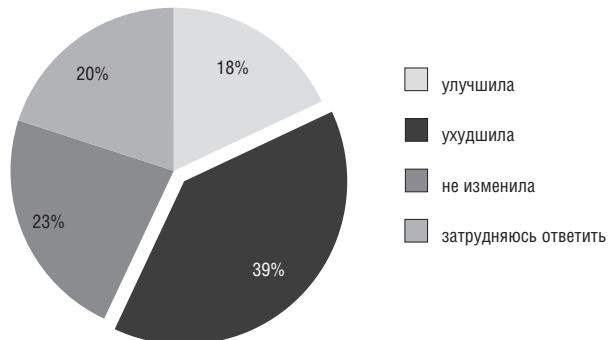

Рисунок 14

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РЕОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И РАЗДЕЛЕНИЕ ИХ НА ТРИ УРОВНЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСНАЩЕННОСТИ И СЛОЖНОСТИ ОКАЗЫВАЕМОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ УЛУЧШИЛА, УХУДШИЛА ИЛИ НЕ ИЗМЕНИЛА ВОЗМОЖНОСТИ ПАЦИЕНТОВ ПОЛУЧИТЬ КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ПОМОЩЬ?»

ных и оптимизированных процедур для лечения в условиях ограниченных ресурсов. Данная логика вступает в противоречие с профессиональной этикой и логикой врачей, которые исходят из представлений о необходимости приложения максимальных усилий для улучшения состояния здоровья пациента.

Пациенты как потребители медицинских услуг

Пациенты в системе здравоохранения занимают позицию потребителей услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями. В российской системе здравоохранения наблюдается рост противоречий и взаимной неудовлетворенности во взаимоотношениях между врачом и пациентом. Обязанности отчетливее прописаны у врачей, а права – у пациентов.

«У нас правовое государство, дорога с двусторонним движением, но мы установили права пациентов, и пациенты свои права знают, что вся медицинская помощь оказывается им бесплатно, но, с другой стороны, у пациента нет в руках тех гарантий, тех обязанностей, которые сам пациент должен реализовывать» (экспертное интервью, страховая компания, Пермь).

Врачи отмечают наличие социального напряжения в работе с пациентами. За последние пять лет три четверти врачей (73%) отмечают увеличение жалоб со стороны пациентов (вне зависимости от работы в амбулатории или стационаре). И только в четверти случаев врачи готовы признать обоснованность предъявляемых жалоб, 70% считают необоснованной критику со стороны потребителей их услуг.

Важным аспектом в данном отношении является защита прав как врачей, так и пациентов. Однако данные опроса свидетельствуют о

дисбалансе сторон – при рассмотрении жалоб 35% врачей уверены, что руководство примет сторону пациента, и только 10% – что главврач будет на стороне медиков. Также около половины опрошенных (52%) выразили неопределенную позицию: все будет зависеть от обоснованности жалобы.

Несовершенства системы здравоохранения пациенты переносят на медицинских работников, являющихся исполнителями той программы, которую разрабатывают организаторы здравоохранения. Рост критики, которую отмечает подавляющее число врачей по стране в целом, может служить индикатором скрытого недовольства от предпринимаемых изменений в системе государственного здравоохранения со стороны потребителей (пациентов). Однако это противоречие создает неравные позиции в конфликтной ситуации – шансы на то, что жалоба пациента будет принята и проблема будет решена в пользу пациента 3:1. Таким образом, система отношений ставит в уязвимое положение саму группу медицинских специалистов.

Страховые компании

Деятельность страховых компаний вызывает крайне неоднозначную оценку со стороны других участников рассматриваемой системы. Глубинные интервью с врачами свидетельствуют о том, что, несмотря на солидарную позицию в отношении страховой основы медицины, оценки роли страховых медицинских компаний в сфере государственной медицины не соотносятся с ожиданиями медиков.

Роль страховых компаний при лечении больных по ОМС сводится к надзорной функции (регулярная проверка историй болезни, оценки качества оказанной помощи в соответ-

ствии с принятыми стандартами, порядками и клинической практикой).

Однако абсолютное большинство медиков указывают на то, что страховые компании часто выдвигают необоснованные штрафы, отдавая приоритет *правильности оформления медицинских карт*, а не *результатам лечения пациента*. Такое мнение разделяют 93% опрошенных вне зависимости от размера населенного пункта и вида оказываемой помощи (рис. 15).

«Качество лечения» становится синонимом соблюдения стандарта оказания медицинской помощи. Как отмечалось выше, мнение врачей о стандартах весьма поляризовано – стандарт лечит стандартного больного, однако лечение может требовать более индивидуального подхода, выходящего за рамки прямого следования стандарта.

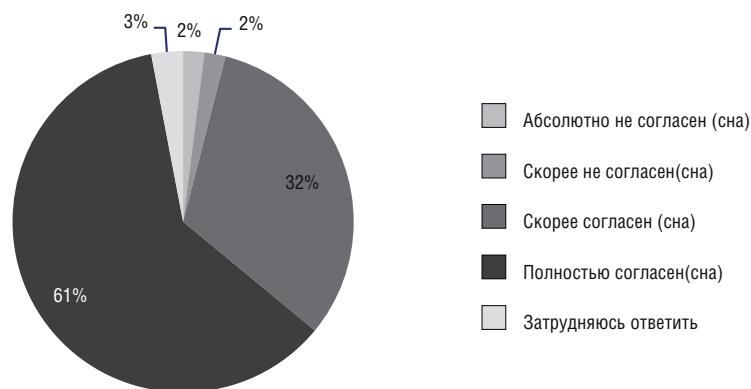
При этом, по мнению врачей, нередко представители системы ОМС занимаются буквоедством, оценивая формальное соблюдение требования к заполнению историй болезни, а не результат лечения.

«*А штрафуют-то знаете что? Нету росписи... Вот мы историю сдаем, на первой странице куча росписей – до трех. Не будет одной росписи – это 25% оплаты истории штрафуют. Они не могут расшифровать – за это тоже снимают штраф. Печатаем всё, потому что нечитабельный почерк... не знают, к чему придраться»* (глубинные интервью, врач-хирург, Кимры).

«*Раньше, без всякой страховой медицины, ты пишешь только то, что тебе нужно. Ты писал только то, что имеет значение. Сейчас мы стали писать развернуто, но абсолютно формально, вот такие шаблоны ввели, вот. Ну, это филькина грамота, фитилька, я не знаю, как это назвать, потому что в основном это шаблон, ты там что-то подчеркнул, вписал какие-то три цифры*

Рисунок 15

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С СУЖДЕНИЕМ, ЧТО СТРАХОВЫЕ КОМПАНИИ ЧАСТО ВЫДВИГАЮТ НЕОБОСНОВАННЫЕ ШТРАФЫ, ОТДАВАЯ ПРИОРИТЕТ ПРАВИЛЬНОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ КАРТ, А НЕ РЕЗУЛЬТАТАМ ЛЕЧЕНИЯ ПАЦИЕНТА?»

и свои 180 рублей получил» (глубинные интервью, нефролог, Москва).

Оценивается не результат, а оформление истории болезни пациента

Критерии оценивания воспринимаются врачами как противоречие профессиональным нормам: важнее не улучшение состояния пациента, а формальное отражение процедур лечения в отчетных документах. Чем меньше отклонений от стандарта оказания медицинской помощи, тем меньше вопросов вызывает сам процесс лечения в данном случае.

«Ответственность врачей не за конечный результат. А за то, как ты оформил документацию. Никого не волнует – выполнил или не выполнил. Вылечил не вылечил – никого не волнует» (глубинные интервью, врач-инфекционист, Москва).

«Стандарты, как я теперь говорю, стандарты качества выполнил участковый терапевт? Выполнил. Областная больница все выполнила. НИИ все выполнило. Больной умер. А все было по стандартам, это назначили, это назначили, это назначили, а больной умер, все. Вот стандарты качества. Ну и что?» (глубинные интервью, зав. отделением терапии, Кимры).

Отсутствие ответственности за состояние здоровья пациента

Оуществляя надзорную функцию, страховая компания формально не несет ответственности за состояние здоровья застрахованного населения – они не оценивают риски возникновения заболеваний населения, не заинтересованы в том, чтобы мотивировать людей вести здоровый образ жизни, чтобы пациент следовал предписаниям врача, и оценивают историю оказания медицинской помощи застрахованному только одномоментно. Иными словами, страховые компании в рамках ОМС не имеют

ответственности за общее сохранение здоровья пациента на период страхования, отвечая лишь за конкретно оказанные услуги в момент обращения в медучреждения.

«Страховая компания вообще не несет ответственность, за лечение пациента несет ответственность, конечно, только врач» (глубинные интервью, зав. отделением терапии, Тверь).

Резюмируя, можно отметить, что страховые компании в осуществлении своих институциональных ролей стоят не на стороне врачей, но при этом не в полной мере защищают и интересы пациентов. В результате ни те, ни другие не видят необходимости в наличии данной структуры – «это лишнее звено».

Подводя итог рассмотрению позиций основных участников системы, можно заключить, что в настоящий момент наблюдается явный дисбаланс ресурсов, обязанностей и сфер ответственности, в особенности перед медучреждениями и медработниками. Продводимые преобразования в рамках реформы 2012–2016 гг. в большей степени были мотивированы экономической логикой, которая не совпадает с логикой потребителей (пациентов) и профессиональной логикой врачей. Наиболее острое противоречие возникает в понимании «качества» медицинских услуг – выдвигаемые организаторами здравоохранения преобразования по маршрутизации и стандартизации не соотносятся с ожиданиями как пациентов, так и врачей.

В действующей системе здравоохранения наблюдается размытость сфер ответственности участников. Основная ответственность за здоровье граждан в настоящее время падает на медучреждения и медработников, которые во многом отстаивают права пациентов на качественное бесплатное лечение в ущерб собственным интересам.

Пересмотр правил коснулся расширения зон ответственности всех участников, кроме самих пациентов. Это порождает социальное напряжение во взаимоотношениях между мед-

персоналом и населением – уровень требовательности пациентов продолжает расти, тогда как ограниченность ресурсов не позволяет им соответствовать. И врачи, и пациенты отмечают, что большинство населения проявляют безответственное отношение к своему здоровью, что усугубляет положение дел в здравоохранении – несвоевременная диагностика увеличивает нагрузку на бюджет фонда ОМС.

Но наиболее проблемное звено в работе государственной системы здравоохранения на данный момент представляют собой страховые компании. Их институциональная роль не соответствует ожиданиям ни врачей, ни организаторов здравоохранения, ни пациентов. Пациенты практически ничего не знают об их деятельности, о собственных расходах на государственную систему ОМС и тех объемах государственных гарантий, которые они могут за счет нее получить. С позиции врачей деятельность страховых компаний воспринимается наиболее негативно – их оценивают как «коршунов» и «нахлебников», которые ничего не привносят в предоставление лечения пациентов, но получают часть денег, отведенных на государственную медицину.

Несовершенство государственной организации оказания медицинской помощи во многом компенсируется действиями врачей, которые ставят в приоритет профессиональные нормы и здоровье больных, уходя от формальных правил, поощряемых текущей системой. Однако ресурсы для поддержания такого противоречивого порядка при бездействии системы находятся на пределе. Воспроизводство таких «старых» практик касается только наиболее квалифицированного ядра врачей; для молодых и начинающих специалистов характерен переход к следованию формалистскому подходу. Закрепление данного подхода будет способствовать еще большему снижению квалификации оказываемой помощи для пациентов в рамках системы обязательного страхования.

Анастасия НЕДЯЛКОВА

Социальное предпринимательство в современной России: как сочетать создание социальной пользы и обеспечение финансовой устойчивости?¹

Введение

Социальное предпринимательство появляется там, где нарушен социальный порядок и традиционные секторы экономики (государственный, частный и некоммерческий) оказываются неспособными его восстановить. Так как «оно реализует принцип «помоги себе сам», для государства и общества выгодно появление такого необременительного института решения социальных проблем»².

В России к социальному предпринимательству стали проявлять активный интерес относительно недавно. Сегодня за ним прочно закрепились три критерия: 1) приоритет социальной миссии над получением экономического эффекта от деятельности; 2) финансовая устойчивость и самоокупаемость организации должны обеспечиваться преимущественно собственной коммерческой деятельностью (сводя помощь от грантов к минимуму); 3) инновационный подход к решению социальной проблемы. Данные критерии свидетельствуют о гибридности социального предприятия: в идеальном понимании оно включило ценности (приоритет социальной миссии) некоммерческих организаций (НКО) и рыночные технологии и инструменты бизнеса и предпринимательства.

Проблема заключается в том, что данные цели (обеспечение финансовой устойчивости и создание социальной пользы) предполагают ортогональные логики действия. В терминах Л. Тевено и Л. Болтански социальные предприниматели должны действовать одновременно в соответствии с ценностями «гражданского» и «рыночного» миров³. Деятельность предпринимателя «направлена на расширенное воспроизводство собственного капитала с целью получения прибыли безотносительно к конкретной сфере производства, материального или духовного»⁴, где социальный эффект является побочным продуктом. Для предпринимателей характерен оппортунизм в использовании и обнаружении возможностей рынка, отношения конкуренции, в то время как некоммерческие организации живут противоположными ценностями, которые можно охарактеризовать «отказом от частных интересов, стремлением к общему благу, а способ организации регулируется социальными законами»⁵, вся деятельность, направленная на получение доходов, предназначена для решения социальной проблемы. Пока российское государство задает широкое определение социального предпринимательства, социальные предприятия оказываются «под угрозой эрозии социальной цели и ее постепенной подмены коммерческим результатом»⁶.

Настоящее исследование строится на предположении, что для успешной реализации миссии социальные предприниматели находятся в постоянном поиске баланса и устранении противоречий между созданием социальной пользы и поддержанием финансовой стабильности. В настоящей работе предпринята попытка выявить, как происходит сочетание данных двух целей. В исследовании используются качественные методы анализа, объектом которого выступили социальные предприниматели – основатели организаций с социальной миссией на стадии реализации от одного года, находящиеся на территории России (Москва и Санкт-Петербург).

¹ Автор благодарит за ценные комментарии к проекту настоящей работы коллектив Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Московская А.А. Развитие социального предпринимательства в среде российских НКО: возможности и преграды. 2009. URL: <http://migha.ru/razvitiye-socialenogo-predprinimatestva-v-srede-rossijski.html>.

³ Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 66–83.

⁴ Модель И.М. Профессиональная культура предпринимателя // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 10–15.

⁵ Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 66–83.

⁶ Московская А.А. Развитие социального предпринимательства в среде российских НКО: возможности и преграды. 2009. URL: <http://migha.ru/razvitiye-socialenogo-predprinimatestva-v-srede-rossijski.html>.

Актуальность исследования обусловлена ростом популярности социального предпринимательства в РФ и одновременной контекстуальной проблематизацией российского объекта: пока границы социального предпринимательства, его формы и цели остаются размытыми, все заинтересованные лица процесса (государство, фонды, НКО и предприниматели) действуют на разных уровнях понимания, преследуя разные цели, зачастую манипулируя понятием социального предпринимательства.

Структура работы включает в себя три части. В первом разделе представлены основные подходы к определению социального предпринимательства, выработанные в западном академическом сообществе, рассмотрен контекст развития социального предпринимательства в России, выводится рабочее определение, где под социальным предпринимательством мы понимаем вид конкурентного поведения, направленный непосредственно на создание социальной пользы, который движет рыночный процесс, а также характеризуется наличием результата, прямого успеха в создании социальной пользы, увеличением результативности и эффективного использования ресурсов. Кроме того, в данной части рассматриваются теоретические и эмпирические работы, изучающие ценности и мотивы основателей социальных предприятий, характеристики инноваций и результативность предпринимательской деятельности. Во втором разделе представлена методология исследования, в третьем – приведены результаты исследования: мотивы и ценности социальных предпринимателей, противоречия, с которыми им приходится сталкиваться, и их решения.

Социальное предпринимательство: специфика определения на Западе и в России

Различные исторические и социальные контексты сформировали различные интерпретации социального предпринимательства. За границей можно выделить два подхода: *англо-американский* и *европейский*.

В США социальное предпринимательство появилось в связи с резким сокращением в 1980-е годы государственного финансирования благотворительных организаций, последним пришлось заняться коммерческой деятельностью для возможности продолжения существования¹. В Европе (кроме Великобритании)

¹ Kerlin J. 2006. Social Enterprise in the United States and Europe: Understanding and Learning from the Differences. *Voluntas*. 17 (3): 247–263.

социальное предпринимательство появилось в 1990-е, когда государство не справлялось с удовлетворением нужд населения (в особенности в рабочих местах и жилье) и появилась необходимость в специализированных организациях, направленных на решение данных социальных проблем².

Соответственно «американские социальные предприятия обычно регистрируются как некоммерческие, но их деятельность в силу своей специфики направлена в первую очередь на извлечение прибыли, которая дальше распределяется на удовлетворение социальных нужд»³. Европейские социальные предприятия чаще существуют в формате ассоциаций и кооперативов и выступают прежде всего как носители социальной миссии, то есть формулируют свою цель как деятельность, направленную на удовлетворение общественных нужд⁴.

Американский подход подразумевает широкое определение социального предпринимательства, где «социальные предприятия включают ряд организаций и видов деятельности, которые созданы для решения социальных задач, однако финансово устойчивы и самостоятельно зарабатывают на выполнении социальной миссии»⁵. Европейское понимание социального предпринимательства несколько уже: «...это бизнес, видящий своей основной целью выполнение социальных задач, чья прибыль реинвестируется для этой цели или для местного сообщества, а не распределяется между владельцами бизнеса или его акционерами»⁶.

Если обобщить мировой опыт, то широкие определения социального предпринимательства обычно включают все типы инновационной, социально полезной деятельности внутри различных секторов⁷, к ним относится подход «социальных инноваций», который видит в социальных предпринимателях людей, решают-

² Албутова А.И. Социальное предпринимательство в России: ключевые игроки и потенциал формирования // Экономическая социология. 2013. № 14 (3). С. 109–132.

³ Сакоян А. Социальное предпринимательство. 2012. Polit.ru. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/23/Kerlin/>.

⁴ Там же.

⁵ Kerlin J. 2006. Social Enterprise in the United States and Europe: Understanding and Learning from the Differences. *Voluntas*. 17 (3): 247–263.

⁶ Defourny J. 2009. Concepts and Realities of Social Enterprise: A European Perspective. *Collegium*. 38: 73–98.

⁷ Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. 2006. Social and Commercial Entrepreneurship: Same, Different, or Both? *Entrepreneurship Theory and Practice*. 30 (1): 1–22.

ящих социальные проблемы новаторским путем. Данная школа находит свои корни в исследованиях бизнеса через категории «открытия», «оценки» и «использования возможностей»¹. Критики широкого подхода указывают на то, что данное определение не проводит различий между понятиями инновации и предпринимательства (ставя между ними равенство), соответственно, данное широкое определение подразумевает под социальным предприятием то, результат деятельности которого имеет социальные последствия.

Узкие определения отсылают к коммерческой деятельности некоммерческих организаций (подход «заработанного дохода»)². Критики узкого подхода указывают на то, что упускаются такие фундаментальные критерии, как инновации и социальный эффект.

Пример классического и наиболее цитируемого определения социального предпринимательства принадлежит Г. Дизу. Оно дано в духе традиций Й. Шумпетера и П. Друкера, где «социальное предпринимательство должно создавать социальные ценности благодаря действию пяти факторов»³:

- принятие на себя миссии создания и поддержания социальной ценности (блага);
- выявление и использование новых возможностей для реализации выбранной миссии;
- осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения;
- решительность действий, не ограниченных располагаемыми ресурсами;
- высокая ответственность предпринимателя за результаты своей деятельности как перед непосредственными клиентами, так и перед обществом.

Все данные определения имеют ряд преимуществ и ограничений, но главное, что их появление обусловлено естественной длительной эволюцией общественных отношений: укреплением гражданского общества, проявляющего себя в виде общества защиты потребите-

¹ Hoogendoorn B., Pennings E., Thurik A.R. 2010. What do we know about social entrepreneurship: an analysis of empirical research. *International Review of Entrepreneurship*. 8(2): 71–112.

² Dees J.G., Anderson B.B. 2006. Framing a theory of social entrepreneurship: Building on two schools of practice and thought. In R. Mosher-Williams (ed.), *Research on Social Entrepreneurship: Understanding and Contributing to an Emerging Field*. ARNOVA Occasional Paper Series. 1(3): 39–66.

³ Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. Препринт серии «Институциональные проблемы российской экономики» WP-1/2008/02. М.: ВШЭ, 2007.

лей, развитой судебной практики защиты прав граждан⁴.

Россия идет по собственному пути развития, иллюстрирующему обратный процесс: в первую очередь в развитии социального предпринимательства как двигателя экономики заинтересованы государство и бизнес, они являются ключевыми игроками, которые задают границы и определение феномена. На данный момент оно зафиксировано в приказе Министерства экономического развития РФ от 24 апреля 2013 г. № 220 (см. Приложение), где «социальное предпринимательство – это социально ответственная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на решение социальных проблем». Включая поправки, данное определение содержательно является очень широким; это было сделано, чтобы в будущем субъекты РФ смогли определять внутренние правила и критерии социального предприятия при разработке программ поддержки социального предпринимательства. Специальных правовых форм для социального предпринимательства в России пока не существует, поэтому социальные предприниматели в зависимости от целей создают как коммерческие, так и некоммерческие предприятия.

По данным исследования А. Албутовой, в 2013 году одним из ключевых игроков в развитии социального предпринимательства выступал фонд «Наше будущее»⁵, который и сегодня задает следующие критерии социального предприятия: 1) социальная миссия, 2) предпринимательский подход, 3) инновационность (новаторство в решении социальной проблемы, новая комбинация ресурсов, новая услуга для региона), 4) тиражируемость, 5) самоокупаемость, 6) финансовая устойчивость⁶. Тем не менее данные критерии оставляют место для спекуляций понятием: поддержку могут получить проекты, у которых решение социальной проблемы является косвенным, в то время как проекты, решающие острые проблемы, ни концептуально, ни физически неправляются с переходом на рельсы бизнеса.

⁴ Серегин О. Интервью с А.А. Московской: «В поисках социальных предпринимателей». 2012. URL: <http://socentr.hse.ru/news/57262862.html>.

⁵ Албутова А.И. Социальное предпринимательство в России: ключевые игроки и потенциал формирования // Экономическая социология. 2013. № 14 (3). С. 109–132.

⁶ О фонде. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/> (дата обращения: 01.04.2016).

Распознать искренность намерений предпринимателя оказывается сложной задачей как для институтов поддержки, так и для населения России, которое не скрывает собственного недоверия к социальному предпринимательству. По результатам всероссийского опроса, проведенного исследовательской группой ЦИРКОН в 2015 году, только «31% респондентов утверждал, что возможно появление социальных предпринимателей, которые будут вести бизнес не столько с целью получения прибыли, сколько с целью решения социальной проблемы, а 68% убеждены, что социальной сферой заниматься в первую очередь должно государство»¹.

Сегодня в России социальным предпринимателем может быть назван любой, кто докажет социальную значимость собственного стартапа или давно существующего предприятия. Сложившаяся ситуация рождает для общества вопросы: где начинается и заканчивается социальная значимость проекта, на каком этапе инвестировать в него, какие ценности должен транслировать социальный предприниматель, может ли он присвоить себе прибыль предприятия и т.д. Существует идеальный образ социального предпринимательства, к которому стремится государство Россия, стимулируя его развитие, но, так как инициатива исходит извне, цели социальных предпринимателей могут расходиться с ним, а также с образами остальных стейкхолдеров (бизнеса, населения). Данное исследование – это попытка объяснить, как в России теория столкнулась с реальностью: выявить, с какими противоречиями сталкиваются социальные предприниматели и как им удается их решать на практике.

Теоретическое определение социального предпринимательства

Определение «социальное предпринимательство» было заимствовано за границей, многие отечественные эксперты признают его несостоенность, тем не менее оно уже прочно вошло в дискурс. Чтобы решить поставленную в исследовании проблему, первой задачей стала разработка рабочего термина социального предпринимательства, который позволил верно уточнить фокус исследования.

Мировая практика показывает, что изучение и трактовка социального предпринима-

¹ Социальное предпринимательство: восприятие россиян. По результатам массовых опросов населения 2008–2015. Выступление на круглом столе «Социальное предпринимательство: Лучшие практики и основные вызовы». 2015. URL: http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsialnoy-sfery-i-grazhdanskogo-obshchestva/?SHOWALL_1=1.

тельства идет по аналогичному пути, который уже совершили экономисты, социологи и психологи, изучавшие феномен обычного предпринимательства. Тенденция изучать феномен как сумму разнородных характеристик (экономических, социокультурных, нравственных, психологических) приводит к методологическому тупику². Соответственно, попытка определить «социальное предпринимательство» через суммирование характеристик не является решением.

В идеальном понимании речь идет о социальном предпринимательстве, когда местное сообщество путем мобилизации ресурсов решает проблемы, способствуя экономическому росту. В данном процессе ключевым элементом является социальный капитал коммюнионити, а именно доверие. На практике данный вид социального предпринимательства (саморегулируемое коммюнионити) встречается редко, в основном инициаторами и решателями проблемы выступают отдельные лица, которые организуют собственную компанию по решению проблемы. Эффективность предприятия зависит от устойчивости функционирования, которой можно достичь двумя путями. Первый отсылает к бизнесу и рыночным условиям, где необходима самостоятельная монетизация проекта. Второй может предполагать решение проблемы некоммерческим путем, когда предприятие не перестает быть предпринимательским.

Наиболее перспективным подходом в определении предпринимательства обладает австрийская школа, где «предпринимательство – это конкурентное поведение, которое движет рыночным процессом»³. Оно является двигателем рыночного процесса в сторону большей результативности и более эффективного использования ресурсов, так как представляет потребителям дополнительный выбор, а уже существующие фирмы получают повод изменить свое поведение при встрече с новыми конкурентами⁴.

В данном исследовании мы экстраполировали термин П. Давидсона на понятие социального предпринимательства, где под последним понимаем вид конкурентного поведения, движущего рыночный процесс и направленного непосредственно на создание социальной

² Модель И.М. Профессиональная культура предпринимателя // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 10–15.

³ Kirzner I. 1973. Competition and Entrepreneurship. Chicago: University of Chicago Press.

⁴ Давидсон П. Исследуя предпринимательство / пер. с англ. под ред. А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцовой. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

пользы, очевидные результаты, эффективное использование ресурсов.

Данное определение имеет как преимущества первого, так и ограничения. Мы исходили из условия, что в России социальным предпринимателям на данный момент приходится действовать именно в рыночных условиях, так как инфраструктура поддержки социального предпринимательства создает именно такие условия для развития (например, ключевой агент, фонд «Наше будущее», обязывает становиться тиражируемым финансово устойчивым предприятием, обеспечивающим самоокупаемость). Социально ориентированные НКО также, помимо конкуренции за государственные и частные ресурсы, осуществляют самостоятельную коммерческую деятельность¹. В данном исследовании не приводится рассмотрение компаний крупного бизнеса, демонстрирующих корпоративную социальную ответственность.

Так как мы не хотели ограничивать социальное предпринимательство только решением социальных проблем (относящихся к социально незащищенным категориям населения), мы заменили данное понятие на «создание социальной пользы».

Проблема сочетания обеспечения финансовой устойчивости и создания социальной пользы

Ключевые характеристики социального предпринимательства (приоритет социальной миссии, финансовая устойчивость и инновационный подход) свидетельствуют, что у предприятия должна быть идеология (миссия предприятия, ценности и мотивы предпринимателя); план, как привлечь прибыль; инновации и инструменты по оценке эффективности деятельности предприятия. Так как социальное предприятие является гибридом благотворительности и бизнеса, а именно объединяет идеологию первого, инструменты и технологию ведения деятельности второго, данные элементы неизбежно приходят в противоречие, так как сталкиваются две противоположные логики. Далее роль идеологического, технологического и инструментального уровня будет рассмотрена более подробно.

Идеологический уровень

Любое предприятие начинается с идеи (продукта, решения проблемы) и мотива человека взяться за ее реализацию. Развитие и обновление любого общества, экономики или

организации требует действующих на микроуровне субъектов, которые обладают должной инициативой и настойчивостью, чтобы такие изменения происходили. Уникальное знание, восприятие и цели индивидов, вооруженных намерением действовать соответствующим образом, являются тем, что инициирует инновации².

В данном исследовании предполагается, что социальные предприниматели в процессе сочетания двух целей (обеспечения финансовой устойчивости и создания социальной пользы) сталкиваются с противоречиями на идеологическом уровне, как внутри идеологии предпринимателя, предприятия, так и в сочетании с идеологиями стейкхолдеров. Возникает вопрос, в чем заключаются эти противоречия: если человек создает предприятие для того, чтобы заработать деньги (разбогатеть), ведет ли он свой бизнес согласного рыночной логике, как ему удается встроить социальную миссию и успешно построить отношения с партнерами и потребителями. Соответственно, в идеологический уровень мы включаем: мотивы социального предпринимателя открыть свое предприятие, его ценности относительно технологии реализации миссии предприятия. Миссия предприятия является идеологией организации, но она будет рассмотрена в бизнес-модели (на технологическом уровне).

Идеология социального предпринимателя: мотивы и ценности

Многочисленные исследования мотивационной детерминации поведения предпринимателей выделили некоторые специфические личностные свойства и качества предпринимателя, которые способствуют результативности предприятия: «мотивация достижения»³, склонность к риску в ситуациях возрастания ценности результатов⁴.

Основной мотив для социальных предпринимателей в России – это самореализация, личностный рост, реализация определенной идеи, желание быть полезным обществу, а повышение материального благосостояния уходит на второй план⁵.

² Давидссон П. Исследуя предпринимательство / пер. с англ. под ред. А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцовой. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

³ McClelland D.C. 1961. The achieving society. Princeton, NJ: Van Nostrand.

⁴ Atkinson J.W. 1957. Motivational determinants of risk-taking behavior. Psychological Review. 64: 359–372.

⁵ Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf (дата обращения: 01.04.2016).

¹ Баханькова Е.Р., Москвина А.Ю., Суходольская Н.А. Предпринимательская деятельность НКО / под ред. К.Г. Чупровой. СПб., 2013.

Так как социальные предприниматели используют и рыночную логику для решения социальных проблем, встает вопрос о восприятии их и их продуктов обществом, потребителями и остальными стейкхолдерами. Учетом того что социальные предприятия пока малоизвестны, они вызывают подозрение, что за благами намерениями может «скрываться вполне обычный и прожженный коммерсант»¹.

Социальным предпринимателям, действующим в рыночных условиях, необходимо поддерживать конкурентные преимущества, вступать в борьбу за потребителей с альтернативными продуктами, за ресурсы спонсоров и грантодателей (при необходимости), при этом создавать репутацию ценностей гражданского мира, чтобы быть «принятыми» населением (потенциальными донорами и благополучателями).

В данном исследовании рассматриваются ценности социальных предпринимателей относительно стейкхолдеров процесса (благополучателей, инвесторов, спонсоров, доноров, фондов, государства). Предполагается, что в отношении каждого из них у социального предпринимателя есть свой опыт и понимание, какую роль они играют или смогут сыграть в деятельности его предприятия.

Технологический уровень

В данном исследовании под технологическим уровнем социального предприятия понимается стратегия привлечения прибыли, или бизнес-модель.

Обычная идея становится бизнес-идеей, когда некоторый рыночный сегмент готов заплатить за решение некоторой проблемы, если бы данное решение кто-то предложил². Социальное предприятие, как и любой другой стартап, ставит перед собой цель выйти на самоокупаемость для того, чтобы обеспечить устойчивость создания социальной пользы. Успех традиционной бизнес-модели, стратегии по созданию прибыли, включает ряд таких показателей, как рост выручки, рентабельность, рыночная капитализация³. В мире

¹ Общественная поддержка и доверие населения как фактор развития социального предпринимательства // Выступление И.В. Задорина на круглом столе «Социальное предпринимательство в России. Перспективы развития». 2008. URL: <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsialnoy-sfery-i-grazhdanskogo-obshchestva/obshchestvennaya-podderzhka-i-doverie-naseleniya-kak-faktor-razvitiya-sotsialnogo-predprinimatelstva/> (дата обращения: 01.04.2016).

² Давидсон П. Исследуя предпринимательство / пер. с англ. под ред. А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцовой. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

³ DeYoung R. 2005. The performance of internet-based business. The Journal of Business. 78 (3): 893–947.

до сих пор нет единого подхода к построению бизнес-модели социального предприятия, но, тем не менее, все они точно должны включать как компоненты традиционной бизнес-модели, так и стратегию по созданию социальной пользы.

Существует ряд исследований, посвященных изучению успешности предприятий социальных предпринимателей. Согласно Дж. Мэйр и О. Шоэн для успешного выполнения своей миссии данные организации на ранней стадии развития должны создать ценностную социальную сеть, интегрировать в нее свою целевую группу и разработать ресурсную стратегию⁴. Авторы построили исследование на основе бизнес-модели социального предприятия Г. Хэмела.

Г. Хэмел выделил четыре необходимых компонента для бизнес-модели социального предприятия: ключевая стратегия, стратегические ресурсы, потребительский интерфейс и ценностная сеть⁵.

Потребительский интерфейс отражает деятельность, связанную с генерацией дохода:

- тип структуры организации (юридическая форма);
- динамика взаимодействия с пользователями (прочность сетей, соблюдение социальных стандартов);
- ценовая политика (прямые продажи пользователям или косвенные другим организациям).

Ключевая стратегия связана с планами предприятия на будущее и ключевыми решениями относительно развития:

- миссия предприятия (действует либо из условия «возможности», либо «необходимости»);
- масштабы рынка (указывает на рынок, на котором предприятие конкурирует с другими организациями, продуктами и борется за потребителей);
- ценностное предложение (основа для дифференциации от других фирм).

Стратегические ресурсы фиксируют конкурентные преимущества социального предприятия:

- ключевые процессы (инновационные подходы ведения бизнеса и создания продуктов);

⁴ Mair J., Schoen O. 2005. Social Entrepreneurial Business Models: An Exploratory Study. ESE Business School, University of Navarra. WP 610.

⁵ Hamel G. 2002. Leading the revolution: How to thrive in turbulent times by making innovation a way of life. Harvard Business Press. New York, USA: Penguin Group.

– стратегические активы (человеческие и физические ресурсы, например, может выражаться в объединении ресурсов сообщества, использование местных, экологически чистых материалов);

– ключевые компетенции (инструменты для контроля качества, корпоративная ответственность, которая может выражаться в найм лиц с ограниченными возможностями, инвестирование в развитие навыков).

Наконец, предполагается, что социальному предпринимателю необходимо строить ценностную сеть, налаживать отношения со стейкхолдерами, заинтересованными в развитии социального предпринимательства (партнерами, поставщиками, возможно вступление в коалиции).

Данная модель будет использована в качестве структуры для анализа и сравнения логик действий социальных предпринимателей, транслирующих различные ценности.

В концептуальной схеме исследования потребительский интерфейс, ключевая стратегия и ценностная сеть объединены в одно целое под названием «технология привлечения прибыли», а стратегические ресурсы вынесены в раздел инструментов. В исследовании предполагается, что интересы социальных предпринимателей могут противоречить интересам стейкхолдеров, к которым они обращаются для построения ценностной сети, а реализация ключевой миссии не стабильна, происходит нарушение баланса, как на чаше весов, – в сторону либо обеспечения финансовой устойчивости, либо создания социальной пользы. Соответственно, в исследовании стоит задача выявить, у каких предпринимателей по виду ценностей возникают противоречия при построении ценностной сети и смена полюса в достижении социальной и финансовой целей, на каком этапе и почему и какие решения они находят.

Инструментальный уровень

У Г. Хэмеля стратегические ресурсы включают в себя ключевые компетенции, стратегические активы, ключевые процессы. М. Хот и К. Нахид, анализируя бизнес-модели социальных предпринимателей в Бангладеш, выделили ряд переменных, характерных для данного блока (инновационный продукт, ключевые компетенции, корпоративная ответственность, контроль качества)¹. Соответственно, говоря об

инструментальном уровне, мы подразумеваем совокупность стратегических ресурсов предприятия, в которые входят инструменты по оценке эффективности его деятельности как создания социальной, так и экономической пользы.

Результативность социального предприятия

Традиционно для коммерческих организаций основным критерием эффективности функционирования и развития выступают финансовые показатели (прибыль, рентабельность инвестиций и т.д.)², для социального предпринимательства – создание социальной пользы³, соответственно, для последнего, помимо финансовых показателей, должен оцениваться и социальный компонент.

К. Альтер считает принципиальным, что в реальной практике разнообразных форм социального предпринимательства социальная и экономическая ценности трудно отделимы друг от друга⁴.

А. Эбрахим и К. Рэнган, изучая измерение влияния на социум деятельности фирм социального сектора, обращают внимание на то, что необходимо проводить различие между результатом деятельности социальной организации, ее последствиями (outcomes) и влиянием (impacts)⁵. Влияние (impact) – общеупотребимое понятие среди фондов, однако оно не имеет единообразного определения. Чаще всего в литературе оно подразумевает «значительные или длительные изменения в жизни людей, вызванные определенными действиями или серией действий»⁶. В данной статье «влияние» относится к длительным результатам, достигнутым на уровне общества, «последствия» же относятся к длительным изменениям жизни индивидов.

Ряд эмпирических исследований связывает эффективность предприятия со степенью достижения целей миссии. Миссия организации – основной мотив социального предпри-

² Turbide J., Laurin C. 2009. Performance Measurement in the Arts Sector: The Case of the Performing Arts. *International Journal of Arts Management*. 11 (2): 56–70.

³ Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. 2006. Social and Commercial Entrepreneurship: Same, Different, or Both? *Entrepreneurship Theory and Practice*. 30 (1): 1–22.

⁴ Alter S. K. 2007. Social Enterprise Typology. URL: www.virtueventures.com/setypology.pdf.

⁵ Ebrahim A., Rangan V.K. 2014. What impact? A framework for measuring the scale and scope of social performance. *California Management Review*. 56 (3): 118–141.

⁶ Roche C. 1999. Impact Assessment for Development Agencies: Learning to Value Change. Oxford: Oxfam GB.

¹ Hoque M.Z., Nahid K.A. 2015. Business format in social entrepreneurship for Bangladesh's water sector. *Journal of Global Entrepreneurship Research*. 25 (5).

нимателя организовать данное предприятие; она поддерживает и оправдывает его существование; в некоммерческих организациях она также играет особенную роль в мотивации работников. Для некоммерческого сектора важны доверие, обязательство и репутация¹. Но, пока миссия является целью и компасом, некоммерческой организации приходится бороться с внешними обстоятельствами.

Попытку измерить успех социальной некоммерческой организации предприняли Дж. Соухил и Д. Вильямсон. В 1998 году они провели качественное кейс-стади тридцати известных некоммерческих организаций в Америке, целью деятельности которых была определенная социальная миссия. Основной вывод состоит в том, что измерение результатов деятельности фирмы (количество обработанных акров) и сумма привлеченных пожертвований – показатели, которые важны для создания имиджа компании, привлечения новых спонсоров и доноров, хотя на самом деле они не иллюстрируют степень приближения к достижению главной миссии компании, так как эффект деятельности остается неизвестным².

Практическая важность понимания данных критерии заключается в том, что с их помощью фирмы могут продуктивно регулировать свою деятельность.

На оценку успеха деятельности социального предприятия также влияют используемые инновации. Й. Шумпетер выделяет четыре типа инноваций³:

Рисунок КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

¹ Minkoff D., Powell W. 2006. Nonprofit Mission: Constancy, Responsiveness or Deflection? *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. Ed. by W. Powell and R. Steinberg. 2-nd ed. New Haven, CT: Yale University Press. 591–611.

² Sawhill J., Williamson D. Mission Impossible? Measuring Success in Nonprofit Organizations // *Nonprofit Management and Leadership*. 2001. Vol. 11. No. 3. P. 371-386.

³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

- производство нового товара или товара, отличающегося повышенным качеством по сравнению с ныне продаваемыми изделиями;
- освоение нового рынка;
- внедрение нового метода производства или освоение нового источника сырья и материалов;
- организационно-управленческие новшества.

В исследовании предполагается, что основные трудности при реализации миссии у социальных предпринимателей вызывают инновационность продукта и решение острых социальных проблем, какие именно – будет указано в результатах исследования.

В исследовании анализируются как успешные кейсы, так и те, которые не разрешили свои противоречия. Давидссон уточняет: не стоит отказываться от анализа неуспешных, приостановленных кейсов, так как предприниматели несут повышенные риски, с которыми связан результат. Если данные примеры проектов не учитывать, полученные выводы дадут неверную интерпретацию эффектов рискованных стратегий и действий⁴.

Основное предположение данного исследования состоит в том, что стратегические ресурсы и идеология социального предпринимателя являются отправной точкой для предпринимателя и создают трудности и противоречия как внутри идеологического, технологического и инструментального уровня, так и между ними (см. рисунок).

Источники эмпирических данных

Анализ строится на основе семнадцати полупримаризованных интервью с предпринимателями – основателями находящихся в Москве и Санкт-Петербурге социальных предприятий

⁴ Давидссон П. Исследуя предпринимательство / пер. с англ. под ред. А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцовой. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

на стадии реализации от одного года. Выборка исследования целевая, неслучайная, базируется на основе отбора доступных случаев из Каталога предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей в России.

Каталог предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей¹ – онлайн-каталог, содержащий базу контактов российских социальных предпринимателей, создан при поддержке фонда «Наше будущее»². Каталог не является корпоративным изданием, он включает проекты, получившие поддержку от фондов и центров поддержки некоммерческих организаций в различных регионах или просто заявляющие о своем существовании. Таким образом, он обобщает опыт развития социального предпринимательства по всей России, накопившийся к началу 2015 года. В каталоге присутствуют организации различных юридических форм и финансовой успешности (включая проекты с крайне низкой маржинальностью), главными критериями отбора в каталог были наличие миссии по решению социальной проблемы и устойчивость функционирования³.

В выборке охвачены организации с разного рода продуктами и услугами, миссиями (от культурно-образовательных проектов до решающих социально-острые проблемы), различными правовыми формами, так как они имеют разные подходы к обеспечению устойчивого решения социальной проблемы, а в исследовании стоит цель их сравнения.

Далее перейдем к результатам исследования.

Идеология социальных предпринимателей

Так как социальное предпринимательство принято считать гибридом благотворительности и бизнеса, можно предположить, что оно унаследовало определенные элементы каждого. В данном разделе мы рассмотрим, какими мотивами руководствуются социальные предприниматели при открытии своего предприятия, какие ценности они выражают относительно потенциальных источников ресурсов и с какими противоречиями сталкиваются на идеологическом уровне.

¹ Официальный сайт Каталога предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей. URL: <http://soindex.ru> (дата обращения 01.04.2016).

² Официальный сайт фонда «Наше будущее». URL: www.nb-fund.ru (дата обращения 01.04.2016).

³ Владимир Вайнер о каталоге «Социальное предпринимательство России». 2014. URL: <http://iamhuman.ru/lyudi/2205-vladimir-vainer-o-kataloge-sotsialnoe-predprinimatelstvo-rossii.html> (дата обращения: 01.04.2016).

Пока не существует единой типологии предприятий социального предпринимательства, а социальные проблемы в законодательных документах перечисляются списком (некоторые проблемы в них не входят, так как не являются приоритетными для текущей политики), обычно выделяется длинный список по сфере реализации миссии (медицина и здравоохранение, спорт, экология, защита прав, образование, культура, развитие территорий). В целом все предприятия можно разделить на тех, кто работает с лицами с ограниченными возможностями и социально исключенными группами, и тех, кто нет. Под первыми мы понимаем людей с физическими, психическими или умственными отклонениями, ко вторым относятся люди, попавшие под другие виды стигматизации, мешающие полноценной общественной жизни из-за лишения права на общественное признание⁴ (лица без определенного места жительства, освобожденные из мест лишения свободы, беременные и матери с детьми до трех лет, гомосексуалисты и т.д.). Как будет показано далее, это один из ключевых критериев, который не вызывает сомнений в наличии социального компонента в миссии предприятия, но создает особенные трудности для обеспечения финансовой устойчивости реализации миссии.

Данные группы могут быть включены в деятельность предприятия на разных уровнях в качестве благополучателей либо наемных сотрудников. Соответственно, «реабилитационные» проекты занимаются физическим, психологическим, социальным восстановлением людей (проекты в сфере медицины и здравоохранения, защиты прав), а «трудоустраивающие» предприятия ставят перед собой цель дать рабочие места лицам с ограниченными возможностями и социально исключенными группам (к ним относятся проекты по развитию территорий, экологии, культуры и т.д.). Среди данных двух типов существуют как коммерческие, так и некоммерческие (благотворительные) организации. Предприятия, которые не работают ни на одном из уровней с данными категориями людей, в исследовании будут относиться к категории «общесоциальные».

В настоящем исследовании проекты, в которых стигматизированные индивиды являются исключительно благополучателями продукта социальных предпринимателей, – социальные предприятия № 2, 3, 6, 14, 17. Социальные предприятия № 1, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 13, 16 яв-

⁴ Goffman E. 1963. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

ляются «трудоустраивающими». Социальные предприятия № 8, 9, 15 являются образовательными проектами и относятся в настоящем исследовании к «общесоциальным».

Мотивы создания социального предприятия

Можно выделить четыре мотива создания социального предприятия, которые характерны для всех прежде выделенных типов социальных организаций: 1) «независимость в реализации собственных идей» (возможность быть руководителем и самостоятельно принимать решения); 2) «свобода быть профессионалом» (нет ограничений сделать что-то очень качественное, на профессиональном уровне); 3) «нежелание работать в структурах» (на уровне взаимоотношений социальные предприниматели не согласны с положением вещей, стремятся к изменениям); 4) «стремление к риску».

Мотивы создания социальной пользы

Мотив создания социальной пользы необязательно первичен. На этапе планирования предприятия некоторые задумываются о бизнесе, в ходе реализации которого будет «возможность решать проблемы, которые еще никто не решал» («стремление быть первооткрывателем»), а также делать это инновационным путем («стремление к созданию инноваций»): здесь социальные предприниматели руководствуются интересом и азартом сделать что-то новое, придумать нестандартное решение проблемы.

Социальные предприниматели «общесоциальных» организаций руководствуются «стремлением поделиться и реализовать багаж знаний и опыта» («мои знания могут помочь людям» [СП¹ № 8]). «Реабилитационные» и «трудоустраивающие» предприятия также опираются на:

— «стремление решать социально-острые проблемы общества, которые игнорируются государством («возможность помочь тем, кому мало кто поможет...» [СП № 12, 3], «кто, если не я...» [СП № 7]);

— «стремление служить людям» («...я проживаю с людьми, я не делаю что-то за них, я не делаю гастроли с ними, не собираю и не раздаю гуманитарку, но я всё обеспечил — приходи, работай. Отчасти они включаются тоже. Вот, что мне нравится — это социум, мы проживаем вместе» [СП № 1]).

Мотивы создания экономической прибыли

Мотив создания экономической прибыли можно рассматривать на уровне предприятия

и индивида (социального предпринимателя). На организационном уровне основные мотивы для создания экономической прибыли и ее максимизации — поддержание стабильной деятельности организации, вклад в развитие и расширение масштабов деятельности.

Мотив «повышения личного материального благосостояния» или желание разбогатеть практически не фигурировал, но, тем не менее, он находил отклик в различных формах. Несколько предприятий были открыты с первоначальной идеей создания бизнеса, который обеспечил бы финансовую независимость семьи («хотелось бы создать империю, которая будет передаваться по наследству, как это делается в Европе» [СП № 7, трудоустраивающее]), но данные предприниматели отказываются отнести его к себе, отсылая к ценностям гражданского мира («я решаю социальную проблему») и указывая на текущее положение дел, а не будущее. Так, социальный предприниматель мечтает наладить собственное производство, которое сможет обеспечить достойную пенсию родителям, самому предпринимателю и его потомкам, но при этом считает, что не имеет никакого отношения к обогащению на данный момент, так как вся прибыль направляется на развитие предприятия.

Социальные предприниматели, которые до сих пор не смогли вывести предприятие на самоокупаемость, несмотря на собственную перегрузку, не готовы выплачивать себе заработную плату, но обязательно упоминают о достойной оплате сотрудников [СП № 9, общесоциальное].

Данный мотив отрицался и в тех случаях, когда предприятие планировалось как семейный бизнес, который сейчас находится на самоокупаемости (где прибыль покрывает только текущие расходы), при этом в самом отчете о социальном эффекте было указано, что оплата сотрудников превышает среднюю заработную плату по рынку в 3–4 раза (для повышения мотивации к качественному труду) [СП № 8, общесоциальное].

С одной стороны, можно отметить предприятия, которые транслируют данный образ, чтобы получить поддержку и необходимые ресурсы, с другой — для социальных предпринимателей (в отличие от благотворительности и бизнеса) нет противоречия между решением социальной проблемы и зарабатыванием на данной миссии денег. В их идеологии есть установка: чтобы создавать качественный профессиональный продукт на постоянной основе, первое от второго неотделимо. А, например, со-

¹ СП — социальное предприятие.

циальные предприниматели, которые считают, что «зарабатывать» на решении острой социальной проблемы неэтично, так как «это ранит души обделенных, которым даю работу» [СП № 1, трудоустраивающее], скорее не решают проблему, а находятся в перманентном состоянии внутреннего конфликта, оправдания себя перед теми, чью проблему они предполагали решить, так как их мучает страх стать коммерсантами. Это предприятия, которые выбирают для себя стратегию некоммерческих; они идеологически не готовы работать в условиях рынка, в то время как «социальное предприятие» предполагает условия не обычного конкурентного рынка, а «голубого океана», новый рынок ценностей, основанный на доверии между потребителями и продавцами, где в добавочную стоимость продукта закладывается социальный смысл. К ним же относятся предприниматели, которые отказываются от ответственности оформить предприятие юридически и поставить решение социальной проблемы «на устойчивые рельсы бизнеса».

Важно отметить, что для социальных предпринимателей, первичный мотив которых – основать бизнес (а социальная польза была вторичной идеей), характерен индивидуализм – «я сам»; они прикладывают огромные усилия, чтобы накопить капитал, их цель самостоятельно построить бизнес. Со временем они понимают, что данный стиль поведения не работает, при этом потрачено слишком много денег, чтобы все бросить, появляется упрек в сторону государства при отсутствии действий относительно построения ценностной сети («государство не хочет помочь, это его задача, хотя мы к нему и не обращались») [СП № 4, трудоустраивающее].

Ценности социальных предпринимателей относительно источников ресурсов

Если до этого был дан ответ на вопрос, почему социальные предприниматели создают свои организации, зачем берутся решать социальные проблемы и какова роль прибыли, то далее будет рассмотрено, как социальные предприниматели относятся к благотворительности, бизнесу и источникам привлечения ресурсов (государству, донорам, фондам, спонсорам, инвесторам). В данном исследовании под ценностями имеется в виду понимание того, как необходимо строить ценностную сеть предприятия. Данные ценности появляются либо из непосредственного опыта взаимодействия со стейкхолдерами процесса, либо существуют на уровне предположения перед стартом.

В исследовании было выделено пять типов ценностей социальных предпринимателей относительно того, как должно строиться социальное предприятие. Данные ценности опи- сывают организации на разных стадиях развития (от плохо проработанной бизнес-модели до устойчиво приносящей доход, где целевая аудитория встроена в ценностную сеть).

1. «Ценности СП как бизнеса». В данном случае социальные предприниматели считают, что решение социальных проблем в формате «просить деньги» неэффективно, поэтому отказываются от инструментов благотворительности и уверены, что реализация проекта должна осуществляться исключительно благодаря собственной коммерческой деятельности. Это благотворительные проекты, которые создают бизнес для реализации миссии.

Мы мало сотрудничаем с государством, хоть это и хороший путь – получать гранты, но для меня это долго, сложно, муторно, игра не стоит свеч, сами гранты – небольшие, замучаешься отчитываться потом за них, проще их заработать или попросить из частного бизнеса... [СП № 2, реабилитационное].

Далее данных социальных предпринимателей мы будем называть «СП бизнес-благотворители».

2. «Ценности СП как благотворительности». Данные социальные предприниматели считают, что для создания социальной пользы на постоянной основе необходимо «просить» деньги, так как собственная коммерческая деятельность затруднена.

Основная причина – создание социальной пользы направлено на небольшую социально незащищенную группу получателей, которые частично или абсолютно неспособны оплатить полученное благо, а также уверенность в том, что они не должны платить, так как это остра социальная проблема и здесь должно оказывать поддержку государство.

Как следствие, социальные предприниматели не могут взаимодействовать с инвесторами, так как последние не заинтересованы в их деятельности, им важна взаимная выгода (в виде пиара и процента прибыли с проекта), а в данном случае социальные предприятия ее не могут обеспечить. Поэтому они идут за грантами в фонды и привлекают пожертвования, а к государству обращаются за административной поддержкой в виде законодательного содействия, упрощения процессов получения заказов на производство. Их коммерческая деятельность составляет только небольшой про-

цент (не более трети) от всей привлеченной прибыли.

Данных социальных предпринимателей мы будем именовать «СП благотворители».

3. «Ценности СП как гибрида бизнеса и благотворительности». Такие социальные предприниматели предпочитают создание социальной пользы на основе собственной коммерческой деятельности. Их первоначальный мотив состоит в создании бизнеса, они не аккумулируют ресурсы сообщества, для них первичен индивидуализм в достижении цели, они предпочитают играть в условиях конкурентного рынка (где продукт конкурирует по критерию функциональности). При этом они не исключают возможности привлечения поддержки фондов, государства (в виде льгот) и спонсоров, для них это своевременная поддержка.

Данные предприятия далее будут называться «СП бизнес-льготники».

4. «Ценности СП как социального предпринимательства». Предприниматели, для которых характерны данные ценности, создают продукт для нового рынка ценностей («голубого океана»), а конкуренция между продуктами происходит не на основе их функциональности, а на основе добавочной социальной ценности. Они исходят из предположения, что важно производить качественный конкурентоспособный продукт, поэтому мотивы заработать и решить социальную проблему для них неразрывно связаны. Ключевой характеристикой отношений покупателей и продавцов на рынке ценностей является доверие. Для организации предприятия такие предприниматели привлекают ресурсы сообщества, инвесторов и спонсоров (для старта и масштабирования). Данные ценности предполагают создание социальной пользы на всех уровнях предприятия (работники – лица с ограниченными возможностями, ресурсы – результат объединения сообщества). Они также не исключают возможности поддержки фондов на этапе масштабирования и при необходимости разработок.

Данные социальные предприниматели выражают:

- отрицательное отношение к благотворительности (объясняется неясностью целей и результатов данных организаций, их неэффективностью, ограниченностью в действиях, манипулированием и призыву к жалости, перекладыванием ответственности);

- отрицательное отношение к государству (обусловлено его «коррумпированностью» и «не-

чистыми схемами» [СП № 3, реабилитационное], «сложной отчетностью» [СП № 2, трудоустраивающее], «ограничением свободы и фантазии» [СП № 10, трудоустраивающее]);

- положительное отношение к бизнесу («инструмент гражданского общества для решения социальных проблем» [СП № 7, трудоустраивающее]);

- положительное отношение к спонсорству («им можно предъявить требование ответственности и профессиональности» [СП № 10, трудоустраивающее]).

Такие социальные предприниматели пропагандируют следующие ценности: четкие цели, задачи, инструменты, социальная польза с принятием ответственности за результаты. Они дорожат репутацией, так как она является ключом к взаимодействию со стейкхолдерами.

Далее эти предприятия будут называться «Социальные предприниматели».

5. «Ценности СП как подвижничества». Такие социальные предприниматели считают, что социальное предпринимательство – «это образ жизни... людям нельзя навязывать свою помощь, а решать их проблемы следует только тогда, когда они об этом попросят...» [СП № 1, трудоустраивающее].

Эти ценности предполагают, что благотворительность и бизнес – это зло. Бизнес сталкивается с моралью, и они исключают друг друга.

Благотворительную помощь люди не могут оценить по достоинству, она развивает в них эгоцентризм, и они становятся жадными... если открыть коммерческое предприятие, то мне надо быть акулой: надо знать расценки, нужны скидки, надо выторговывать, проплачивать – и тут, по сути, я как бы предприниматель в социальной сфере, а не социальный предприниматель... [СП № 1, трудоустраивающее].

Для таких предприятий возможно принимать поддержку от государства, фондов и так далее только при условии их включенности в социальный процесс, важнее развивать взаимовыгодные социальные сети на доверии, чем сотрудничать только на коммерческой основе.

Эти предприятия будем упоминать как «СП подвижники».

Противоречия между «гражданским» и «рыночным» мирами на идеологическом уровне

Единственное противоречие внутри идеологического уровня возникает между мотивами заработать деньги и решить социальную проблему. Его можно наблюдать у организаций, отражающих ценности «СП как благотворительности» и «СП как подвижничества». Они критикуют

мотив зарабатывания денег, отсылая его к рыночному миру, ассоциируя его с нечестностью и корыстью.

Далее будет рассмотрено, какие трудности создают стратегические ресурсы и к каким это приводит противоречиям вместе с идеологией предпринимателя на технологической стадии реализации предприятия, а именно при построении ценностной сети и реализации ключевой стратегии.

Технологии создания социальной пользы и обеспечения финансовой устойчивости

Для успешной реализации миссии социальный предприниматель должен разработать план, в котором отражено, какие стратегические ресурсы есть на данный момент, а каких не хватает. С одной стороны, они являются конкурентным преимуществом, с другой – полученные данные показывают, что они также скрывают в себе противоречия, мешающие скромому достижению цели.

В модели Г. Хэмела стратегические ресурсы включают в себя ключевые компетенции, стратегические активы (в виде людей и физических ресурсов фирмы), ключевые процессы (в виде инноваций)¹. Вне зависимости от своих ценностей социальные предприниматели сталкиваются с одними и теми же проблемами, но решают их по-разному, так как разные картины мира формируют различные противоречия и стратегии их разрешения.

В исследовании были выявлены следующие причины противоречий.

1. Инновационный продукт:

– эффект деятельности социального предпринимателя направлен «на будущее» (данного рода инновации затрудняют оценку качества продукта, так как о его эффективности можно будет узнать только спустя длительный период).

2. Ключевые компетенции:

– нехватка инструментов для оценки эффективности;

– отсутствие опыта ведения бизнеса и ведения благотворительных проектов (грозит долгими экспериментами в переборе бизнес-моделей).

3. Стратегические активы:

– отсутствие собственного помещения;

– сложность в объединении ресурсов сообщества (финансовых, материальных);

– специфика работы с лицами с ограниченными возможностями и исключенными группами людей.

¹ Hamel G. 2002. *Leading the revolution: How to thrive in turbulent times by making innovation a way of life*. Harvard Business Press. New York, USA: Penguin Group.

пами людей (как с благополучателями, так и с наемными работниками);

– сложность (необходимость) встроить благополучателей в ценностную сеть.

Мы получили пять видов ценностей предпринимателей, как должно строиться социальное предприятие, чьей поддержкой заручаться. Далее мы рассмотрим каждый из подходов для решения перечисленных проблем.

Противоречия между «гражданским» и «рыночным» мирами на технологическом уровне

Стратегия того, как социальные предприниматели собираются решать данные проблемы на технологическом уровне, отражается в их ключевой стратегии (масштабы рынка и миссия) и потребительском интерфейсе (структура организации, динамика взаимодействия с потребителями).

«СП бизнес-льготники» (СП № 4, 8, 9, 15) и «СП бизнес-благотворители» (СП № 2) выводят продукт на обычный конкурентный массовый рынок («красный океан»), где им приходится конкурировать с другими предприятиями за потребителей.

«СП подвижники» (СП № 1) и «СП благотворители» (СП № 3, 6, 12, 13, 14) строят деятельность вне рамок рынка. Первый вид ведет деятельность без оформления юридического лица в формате сообщества, у второго вида коммерческая деятельность составляет не более трети доходов.

«Социальные предприниматели» (СП № 5, 7, 10, 11, 17, 16) выводят продукт на новый рынок ценностей («голубой океан»), где еще нет конкуренции.

Далее рассмотрим два противоречия, с которыми сталкиваются социальные предприниматели, и способы их решения.

1. Противоречие между мотивом создания социальной пользы и мотивом обеспечить финансовую устойчивость предприятия.

Противоречие может выражаться в виде приоритета социального или экономического полюса, когда предприятие либо начинает активно зарабатывать и приносить прибыль, подменяя социальную цель на экономическую, либо активно решает социальную задачу, но не справляется с привлечением прибыли. Данное противоречие характерно для этапа, когда происходит работа над накоплением стратегических ресурсов, поэтому ключевая миссия может меняться достаточно часто.

Далее рассмотрим детально, как различные типы социальных предпринимателей разрешают данное противоречие.

Во-первых, оно характерно для «реабилитационных» и «трудоустраивающих» предприятий, где остро стоит проблема встраивания в ценностную сеть социально исключенной группы или лиц с ограниченными возможностями. Отношение к феномену благотворительности здесь определяет дальнейшую стратегию предпринимателя.

«Реабилитационные» «СП благотворители» и «СП бизнес-благотворители» уверены в том, что их благополучатели не должны платить за предлагаемую ценность, они апеллируют к справедливости, к тому, что «государство благополучия» должно финансово и административно способствовать решению подобных проблем. Для «СП благотворителей» характерен абсолютный перекос в социальную сторону. Данные предприятия пробуют встроить своих благополучателей в ценностную сеть путем их трудоустройства, но такое решение является очень небольшим по объемам, речь не идет о заводских масштабах, соответственно, решение проблемы носит локальный характер. Некоторые предприятия выбирают путь проведения разовых коммерческих мероприятий, но в целом их коммерческая деятельность приносит не более трети дохода. То есть встроить благополучателей в ценностную сеть «СП благотворители» не видят возможным либо делают это в небольших масштабах. Нарушение баланса в социальную сторону является стабильным.

Перекос в экономическую сторону обычно происходит, когда коммерческая деятельность находится за рамками миссии проекта или относится к ней косвенно (дополнительный бизнес). Он характерен для «СП бизнес-благотворителей», которые ставят перед собой цель построить бизнес, чтобы было больше свободы в действиях для благотворительной деятельности. К миссии благотворительности они возвращаются на этапе, когда достигли устойчивой прибыли.

В данном исследовании среди «Социальных предпринимателей» нет «общесоциальных», только «реабилитационные» и «трудоустраивающие» предприятия, поэтому они также проходят этап перекоса в социальную или экономическую сторону. Помимо того что нужно встроить в ценностную сеть благополучателей, данные предприниматели, как и в обычном бизнесе, сталкиваются с проблемой поиска помещения, продвижения своего продукта на рынок. Ключевым компонентом здесь выступают бизнес-навыки. Кто-то получает дополнитель-

ное образование, кто-то обращается за помощью и инфраструктурной поддержкой в акселераторы, другие экспериментируют, учатся на собственных ошибках. Процесс отстройки бизнес-модели как раз сопровождается перебором альтернатив обеспечения устойчивости. Например, они, как и «СП бизнес-благотворители», пробуют заниматься дополнительной социальной миссией, которая требует меньших усилий, чтобы обеспечить финансовую устойчивость, но в итоге социальный предприниматель отказывается реализовывать ее, так как она вытесняет первоначальную идею, а ситуация «СП бизнес-благотворителя» (перекос в экономическую сторону) их не устраивает. Баланс социального и экономического восстанавливается, когда социальный предприниматель обладает богатым опытом и знаниями в области бизнеса, а его продукт признается конкурентоспособным.

Среди «СП бизнес-льготников» в данном исследовании мы наблюдали «общесоциальные» и «трудоустраивающие» предприятия. Им свойственны все вышеперечисленные проблемы, но они отличаются от социальных предпринимателей тем, что их первичный мотив – построить бизнес для собственного обогащения. Их миссией может быть как решение острой социальной проблемы, так и очень широкая формулировка «социального» (деятельность связана с людьми, коммуникацией, образованием). В случае, если у предпринимателя не хватает компетенций для ведения социального бизнеса (нет опыта работы на рынке), данные организации находятся в состоянии антикризисного управления. Так как они транслируют индивидуализм в достижении целей и не ищут способов для аккумуляции ресурсов сообщества, они хотят получить их в лице государства или фондов. Данный вид предпринимателей является обратным полюсом благотворительности, для них приоритет отдается мотиву обеспечить устойчивый доход, а социальная миссия важна постольку, поскольку важно поделиться и реализовать свой багаж знаний и опыта, а также создать интересный новый продукт. Когда предприятию удается построить устойчивый бизнес, сотрудничество с государством становится интересно не на финансовой основе, а в виде дополнительных бонусов (льготы на налоги, например).

«СП подвижники» не встречаются с данным противоречием, так как их предприятия не являются юридически оформленными ор-

ганизациями, они существуют в формате сообщества заинтересованных людей. У инициатора подобного сообщества нет амбиций решить социальную проблему в абсолютных масштабах, нет желания строить бизнес, он не заинтересован брать на себя ответственность за социально исключенные группы, но обладает ресурсами, которые становятся центром добровольного объединения физических и интеллектуальных человеческих ресурсов. Сообщество является продуктом естественного органического развития, оно не фиксированное, люди приходят и уходят, деятельность продолжается, пока есть ресурсы, а благодаря сарафанному радио и хорошей репутации ресурсов становится больше.

В данном исследовании «СП подвижник» выступает резко против благотворительности и бизнеса, это связано с тем, что не разрешено противоречие, как строить отношения с социально исключенными группами. С одной стороны, благотворительность разрушает личность благополучателя, с другой – ценности предпринимателя не позволяют зарабатывать на труде данных лиц. Даже при наличии возможностей (заинтересованных лиц, партнеров, которые готовы помочь масштабировать) социальному предпринимателю не удается построить целостную устойчивую бизнес-систему своего проекта.

Для всех предпринимателей работа с лицами из исключенных групп или с ограниченными возможностями составляет особую сложность. Во-первых, люди с инвалидностью требуют особых условий труда, которые должны соответствовать государственному стандарту, что является дополнительным обременением предпринимателя. Во-вторых, все предприятия выражают мнение, что данные категории людей могут быть «необязательными», например, они способны выпасть из процесса без причины, так как им выплачиваются высокие пособия, они не дорожат рабочим местом. Только «СП благотворители» не сталкиваются с данными проблемами. Во-первых, лидеры таких организаций нередко сами относятся к категории людей с ограниченными возможностями и выступают примером того, чего можно достичь и добиться в жизни, как вести активный социально насыщенный образ жизни. Во-вторых, «СП благотворители» выстраивают работу более гибко, они дают возможность лицам с ограниченными возможностями заработать в удобном для последних формате.

2. Противоречие между ключевой миссией предприятия и ее восприятием источниками ресурсов.

Социальным предпринимателям необходимо для реализации своей миссии строить ценностную сеть, в нее входят отношения с партнерами, поставщиками, потребителями, инвесторами, фондами, государством. Каждый из перечисленных стейкхолдеров преследует собственные цели и действует в рамках собственной же картины мира. Так как феномен социального предпринимательства имеет размытые границы, нет устойчивого понимания, что такая картина мира социального предпринимателя, и стейкхолдеры транслируют собственное понимание, а социальные предприниматели – собственные ценности, в итоге происходит конфликт интересов.

Когда предприниматель выбирает поле, в котором он будет строить свою деятельность (рынок, новый рынок ценностей или быть вне рынка), он должен понимать, что оно задает условия и ценности для агентов.

Для всех социальных предпринимателей основной сложностью выхода на рынок является инновационный продукт, особенно если эффект данного продукта невозможно увидеть в ближайшем будущем и требуется время, чтобы появились первые результаты. В данном случае не получается делать быстрые первые продажи, сложно оценить риски. От предпринимателей требуется умение строить доверительные отношения, чтобы найти ресурсы и пережить этот первый этап разработки продукта и недоверия к социальному предпринимательству в целом.

«Социальные предприниматели»

Данные предприниматели обычно на собственные средства открывают социальное предприятие, но для развития и роста обращаются за помощью к различным источникам. Они считают, что нужно играть на условиях рынка, и прежде всего предполагают сотрудничество с инвесторами. Они понимают интересы последних, поэтому некоторый период времени на собственные средства создают продукт, делают первые продажи, развивают ценностную сеть, тем не менее бизнес-инвесторы не заинтересованы в сотрудничестве, так как социальные проекты требуют в два раза больше времени, чтобы начать приносить высокую прибыль.

За год я познакомился со всеми фондами России, мы участвовали в акселераторе Generation S, вошли в топ-10 biotech-проектов, но, тем не ме-

не, инвесторов не прибавилось. У нас не любят проекты, связанные с «железом», так как их средняя окупаемость 3–5 лет, а если еще заявлено с медициной, а это закрытая область, все становится в 3 раза сложнее... [СП № 17, реабилитационное].

Соответственно, чтобы вести разработки продукта, проводить исследования, масштабировать проект, социальные предприниматели обращаются в фонды за грантами. Они абсолютно точно идеологически проводят различие между пожертвованиями и грантами.

Пожертвования – это средства, которые нужны срочно, сейчас и больше не откуда взять деньги (обычно это лечение). А мы можем все спланировать, рассчитать, это не такие срочные вливания, которые нужны сразу. Гранты – это не пожертвования, это выделение средств на развитие деятельности проекта [СП № 5, трудоустраивающее].

Когда проект достигает этапа, что можно доказать наличие спроса и запускать массовое производство, тогда инвесторы готовы вступить в переговоры, но самое главное для них – необходимость утвердиться в опытности и ответственности социальных предпринимателей.

Один спонсор после признался в том, что наблюдал за нами год, чтобы убедиться в конкурентоспособности продукта и отследить, насколько ответственно мы подходим к бизнесу [СП № 10, трудоустраивающее].

Не верите? Встретимся через год! Вера в себя, вера в свой проект, в то, что он нужен, желание сделать его глобальным приводит к тому, что появляются первые результаты работы. В итоге те люди, которые сомневались, сами возвращаются и инициируют поддержку [СП № 17, трудоустраивающее].

Соответственно, инвесторы апеллируют к индустриальному миру, когда хотят увидеть конкретные цифры, факты и результаты молодого предприятия, а для этого нужно время. Такие условия не позволяют включаться в проект полностью, и социальным предпринимателям приходится параллельно находить альтернативные источники дохода, но, тем не менее, их это не останавливает.

Помимо грантов, социальные предприниматели видят выход в краудфандинге, называя данный инструмент «массовым спонсорством».

Это возможность остаться финансово независимым: 1000 инвесторов вместо одного. При этом ты не только привлекаешь деньги (что немаловажно на раннем этапе), но и делаешь спонсоров своими потребителями, закладывая

основу позиционирования на рынке [СП № 7, трудоустраивающее].

Основной сложностью здесь является устранение негативного эффекта рыночной логики, когда спонсоры сомневаются в прозрачности мотивов социального предпринимателя. Решением выступает трансляция процесса деятельности социального предприятия (проводятся экскурсии на производство, ведется демонстрация результатов в блоге). Кроме того, важны человеческий подход и политика социального предпринимателя относительно потребителей и качества продукта.

Я очень придирчива, мне принципиально важно, чтобы люди были довольны. И я безумно переживаю, что мы как-то где-то недотягиваем. Мы очень дорожим репутацией и качеством изделий! [СП № 11, трудоустраивающее].

Данное противоречие возникает и у потребителей, которые впервые встречаются с ценником продукта социального предпринимателя. Так как они позиционируют себя на новом рынке ценностей, ценник является высоким относительно альтернативных продуктов, что «требует осознанного потребления» [СП № 4, трудоустраивающее], которого в России не хватает, чтобы выходить на массовый рынок.

Наши продукты предназначены для людей с доходом выше среднего. Те люди, которые не привыкли зарабатывать деньги и собирают каждую копейку, обычно выливают на нас негатив. Один мужик прислал фотки, сказав, что сам смог повторить наш продукт дома за полчаса. Неважно, что нарушена технология, но я даже не ввязываюсь в дискуссию [СП № 7, трудоустраивающее].

Соответственно, социальные предприниматели находят компромисс в отношениях с потребителями, обращаясь к инструментам их логик мира домашнего и мира репутации¹. Кроме того, данным видам СП интересно бесплатно проводить масштабирование, то есть открывать филиалы в других городах, но не получать прибыли. Основная цель – найти заинтересованных людей, которые будут вовлечены в процесс полностью.

Резюмируем, «СП бизнес-льготники» и «СП бизнес-благотворители» сталкиваются с одинаковым противоречием, несмотря на то что собираются выводить продукт на массовый рынок, инвесторы не идентифицируют их как бизнес: «Неправильно бизнес ведете, идите лучше грант попросите или пожертвования соберите» [СП № 9, общесоциальное].

¹ Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 66–83.

Если «СП бизнес-льготники» рассчитывают на сотрудничество с государством и фондами, но не находят отклика (так как являются коммерческими организациями), то «СП бизнес-благотворители» пресекают взаимодействие с государством и фондами, так как, во-первых, это противоречит их «мотиву независимости в реализации собственных идей» («слишком сложные отчеты для слишком маленьких грантов», «маленькая зарплата» [СП № 2, реабилитационное]), во-вторых, взаимодействие с фондами, предлагающими беспроцентный заем, предполагает большой риск не вернуть кредит, если упадет спрос на услуги. В итоге отсутствие опыта не позволяет взять на себя ожидаемую инвесторами ответственность за ресурсы, и проект реализуется путем проб и ошибок обычного стартапа.

Основной мотив «СП бизнес-льготников» – реализовать себя, свои знания, стремление внедрять инновации, быть первооткрывателем. Для этого они открывают собственный социальный бизнес, так как процесс зарабатывания денег и только им неинтересен. В отличие от «Социальных предпринимателей», они ближе к социальному бизнесу, так как не обращаются к объединению ресурсов каких-либо коммьюнити, не решают узкую проблему. Их миссия сформулирована очень широко, а акцент в реализации сделан на индивидуализме. Тем не менее они уверены, что достойны получить государственные льготы на их миссию. Можно предположить, что апелляция к гражданскому миру («мы помогаем людям») служит маской для получения этих льгот, хотя, если бы им хватало опыта ведения бизнеса, они справились бы самостоятельно. Решается данное противоречие путем регистрации двух форм предприятия (комерческого и некоммерческого), таким образом, данные социальные предприниматели действуют в двух полях.

Так, миссия предприятия одного из информантов предполагает решение проблемы трудоустройства людей с ограниченными возможностями, она может быть реализована в рамках ценностей и инструментария «социального предпринимательства», однако он не верит в их эффективность, объясняя свою позицию неготовностью российского общества к осознанному потреблению продуктов с наценкой за социальный эффект.

Данный предприниматель выводит свой продукт на рынок, где продукты конкурируют по функциональности и цене, и терпит убытки, так как лица с ограниченными возможностя-

ми, включенные в процесс создания продукта, не позволяют снизить издержки. В итоге он становится заложником внутреннего конфликта: предприниматель негативно воспринимает рыночную логику, называя бизнесменов коммерсантами, но выстраивает стратегию своего предприятия в данном поле. При этом он не принимает помощи от институтов поддержки социального предпринимательства, пассивно ожидая отклика только от государства. Несмотря на большой опыт работы бизнеса и реализации благотворительных проектов, хорошую репутацию, индивидуализм и привычка «строить свой бизнес» не позволяют услышать и принять помочь, удерживая бизнес в состоянии антикризисного управления.

«СП благотворители» реализуют свою деятельность путем взаимодействия с государством и фондами и сталкиваются с рядом проблем. Во-первых, они воспринимают себя как социальных предпринимателей – поставщиков услуг для выполнения государственных заказов. Но на данный момент государство действует по старым принципам, в соответствии с которыми социальным предпринимателям едва ли удастся справиться с отсутствием конкуренции в распределении тендеров и демпингом со стороны производителей дешевой китайской продукции. Во-вторых, если социальный предприниматель выбрал проблему, решением которой уже занимаются государственные предприятия, он автоматически становится конкурентом. Даже если он изобрел инновационный продукт, его не рассматривают как компанию или разработку, которую можно будет выкупить, государство заинтересовано скорее в дешевом разрешении острых социальных проблем. Оно же не заинтересовано и в передаче решения социальных проблем социальным предпринимателям, которые интерпретируют данный факт как распил денег. В-третьих, когда социальные предприниматели обращаются за помощью в виде юридического и законодательного содействия, они сталкиваются с бездействием или бюрократической волокитой в целом и невниманием к остросоциальным проблемам, которые не входят в список приоритетных.

Если государство активно не мешает реализации проектов, то его пассивность зачастую тормозит работу, это касается многих законов, невозможности получения разрешений, а тем более введения новых законов [СП № 3, реабилитационное].

Чиновники скорее ориентированы на замалчивание проблем [СП № 12, трудоустраивающее].

Гражданская логика действий «СП благотворителей» встречается с рыночным оппортунизмом со стороны государственных властей, и данное противоречие решается путем долгих переговоров, конференций, круглых столов и благодаря настойчивости инициаторов решения проблемы.

«СП подвижник» не ставит перед собой бизнес-целей, он придерживается собственной социальной миссии, и постепенно вокруг него собираются единомышленники. Его приглашают на круглые столы, ему предлагают инвестиции, но он отказывается, так как видит ценность в построении социальных сетей, а не денежных обязательств. Бизнесу и государству он предлагает развивать социальные сети доверия, но пока все стейххолдеры активно стараются перетянуть его в рыночный мир.

Нужны встречи между бизнесом, государством. Нужно знакомиться и рефлексировать. Если человек при власти или собственности (владелец ТЦ, например) знает меня лично, что я не хамлю и не хочу заработать, он сможет выделить часть своего пространства, где я бы смог реализоваться [СП № 1, трудоустраивающее].

Данный предприниматель не ставит перед собой цели глобального масштабирования социального эффекта, так как речь скорее идет о воспитании нового поколения предпринимателей «без привкуса», тех, кто организует пространство для деятельности, тех, для которых команда – не ресурс для умножения прибыли, а возможность на основе текущих ресурсов сделать что-то полезное. Поэтому «СП подвижник» готов бесплатно делиться методологией и идеологией создания собственного продукта со всеми, кто способен взять на себя ответственность и включиться в процесс; это касается как работников, так и партнеров. Соответственно, данный предприниматель находится на стадии развития новых инструментов менеджмента, когда каждый член команды сам включается в процесс и берет на себя ответственность. Его цель – развивать ответственность и осознанность деятельности сообщества.

Оценка результативности социального предприятия

Напомним, что мы ввели три определения «результатов» – количественные показатели осуществленной деятельности (количество проведенных мероприятий, количество детей, посетивших лекции); «последствия», которые относятся к длительным изменениям в жизни

индивидуов (сколько детей, проучившихся на курсах, поступили в университет); «влияние», которое относится к длительным результатам, достигнутым на уровне общества (повышение уровня жизни благодаря наличию высшего образования)¹.

Эффект, по мнению социальных предпринимателей, должен оцениваться государством, так как это очень ресурсозатратное исследование. Что касается оценки эффективности предприятий, предприниматели сходятся во мнении, что никто не оценит эффективность предприятия лучше, чем его лидер.

Оценивать социальный эффект чужие не могут. Когда я планирую проект, я задумываю определенные изменения, закладываю индикаторы, чтобы понять, что произошли те изменения, которых ждала. А они берут сухие показатели [СП № 9, общесоциальное].

Оценка последствий в зависимости от сложности продукта является серьезной объективной трудностью, поэтому обычно сводится к сбору статистики результатов деятельности (количество мероприятий, количество получивших продукт/услугу и т.д.).

Мы учимся, наш же инкубатор не знает, как эффект измерять. А те находятся под супервизией шведских коллег и тоже не знают, но все это ужасно интересно придумывать. Дело же не заключается в том, что меня похвалят или поругают, мне нужно это самой для развития (что работает или нет [СП № 9, общесоциальное]).

Отчеты у всех предприятий различаются в зависимости от того, для чего и для кого они готовятся (от описательных свободных историй до четко formalизованных текстов). Если для НКО результаты и последствия деятельности – необходимая информация для рекламы, имиджа, отчетов перед донорами и грантодателями, то для коммерческих организаций это источник информации о правильности действий и промахах («такая работа очень сильно систематизирует в голове собственника его собственный бизнес и позволяет на него взглянуть со стороны» [СП № 8, общесоциальное], «рефлексия помогает каждый раз уточнять формулировку миссии» [СП № 9, общесоциальное]); также они дают преимущества при формировании имиджа («серьезность намерений» [СП № 17, реабилитационное]) перед встречей со спонсорами или государством.

¹ Ebrahim A., Rangan V.K. 2014. What impact? A framework for measuring the scale and scope of social performance. California Management Review. 56 (3): 118–141.

Заключение

В России феномен социального предпринимательства появился не в естественных условиях, а является копированием зарубежного опыта. Фонды и государство стимулируют его развитие, отсюда возникает угроза эрозии социальных целей среди социальных предпринимателей и манипулирование контекстом. В данной работе предпринята попытка выявить, как социальным предпринимателям в России удается сочетать создание социальной пользы и обеспечение финансовой устойчивости. Исследование строилось на предположении, что данные цели априори находятся в противоречии, так как предполагают действия в логиках двух противоположных миров (рыночного и гражданского), в терминах Л. Болтански и Л. Тевено.

Среди изученных предприятий было выделено несколько типов относительно «социальности» их миссий, а также «рыночности» их стратегий. Законодательно в России за определением «социальное предпринимательство» закреплены обеспечение трудоустройства четырех типов стигматизированных лиц (см. Приложение) и оказание услуг в социальной сфере (по списку приоритетных направлений согласно политике государства). В ходе исследования мы пришли к выводу, что работа с людьми с ограниченными возможностями и социально исключенными группами не вызывает сомнений в наличии социального компонента в миссии предприятия, но создает особые трудности для обеспечения финансовой устойчивости. В то же время оказание услуг в социальной сфере связано с широкой формулировкой миссии, что позволяет манипулировать понятием социального предпринимательства. Соответственно, мы выделили три типа социальных предприятий: «реабилитационные» занимаются физическим, психологическим, социальным восстановлением людей (здравоохранение, защита прав); «трудоустраивающие» ставят перед собой цель дать рабочие места лицам с ограниченными возможностями и социально исключенными группам (к ним относятся проекты по развитию территорий, экологии, культуры и т.д.); «общесоциальные» не работают с данными категориями людей, а просто оказывают услуги в социальной сфере.

Анализ показывает, что в процессе реализации миссии все типы предприятий сталкиваются со следующими противоречиями на различных этапах развития предприятия: на уровне идеологии предпринимателя (между мотивом

решения социальной проблемы и мотивом зарабатывать на ней деньги), на этапе накопления стратегических ресурсов (противоречие между мотивом создания социальной пользы и мотивом обеспечить финансовую устойчивость предприятия) и на этапе построения ценностной сети (противоречие между ключевой миссией предприятия и ее восприятием источниками ресурсов).

Основными сложностями на этапе накопления **стратегических ресурсов** являются инновационный продукт, эффект которого направлен «на будущее» (проблема оценки результатов), отсутствие опыта ведения бизнеса (понимания бизнес-процессов) и благотворительных проектов (объединения ресурсов общества), непонимание специфики работы с лицами с ограниченными возможностями и социально исключенными группами, а также сложность встроить их в ценностную сеть.

Выделено пять типов ценностей, которые транслируют социальные предприниматели, и их стратегии решения противоречий между гражданским и рыночным мирами.

«Социальные предприниматели» строят свою деятельность в рамках рынка ценностей. На всех уровнях противоречия между гражданским и рыночным мирами у них решены путем апеллирования к миру репутации, который удовлетворяет интересы как первых, так и вторых. Данные предприниматели создают конкурентоспособный рыночный продукт высокого качества, так как для них важно поддерживать репутацию ответственного исполнителя. Личные мотивы и интересы оправдываются качественным и ответственным выполнением социальной миссии. В исследовании среди них оказались «реабилитационные» и «трудоустраивающие» предприятия. Важно отметить, что среди «реабилитационных» предприятий только «социальные предприниматели» и «бизнес-благотворители» смогли реализовать миссию в рамках бизнеса, в то время как остальные действуют в соответствии с принципами благотворительности.

«СП бизнес-благотворители» и «СП бизнес-льготники» находятся в противоречии с агентами как гражданского, так и рыночного миров, так как не проходят идентификацию ни среди первых, ни среди вторых. Это предприятия, которые отказываются быть благотворителями, но еще не стали бизнесом, они находятся в состоянии антикризисного управления на этапе накопления стратегических ресурсов (им не хватает опыта ведения бизнеса, а индивидуализм не по-

зволяет аккумулировать ресурсы сообщества). Их основными ошибками являются фокус на конкурентном массовом рынке функциональности, так как они считают, что потребители являются неосознанными и не готовыми платить за предлагаемую дополнительную социальную ценность, и индивидуализм в достижении цели. Противоречия здесь не решены, «СП бизнес-льготники» пользуются возможностью получать гранты, пока не накопится опыт.

«СП подвижники» и «СП благотворители» строят деятельность вне массового рынка, для них является нерешенным противоречие на идеологическом уровне, так как они уверены, что нельзя зарабатывать на решении социальной проблемы. Коммерческая деятельность сводится к разовым мероприятиям. Социальные предприниматели апеллируют к гражданскому миру (отказу от личных интересов), отказываясь выходить на рынок в соответствии с идеологией предпринимателя, либо находятся на этапе накопления стратегических ресурсов.

На инструментальном уровне оценка созданного социального эффекта для российских социальных предпринимателей находится в «сыром» состоянии. Отчеты о социальном эффекте (независимо от правовой формы) характерны для предприятий на этапе укрепления репутации и имиджа, получения новых ресурсов (НКО) либо для анализа успешности собственной деятельности, отражающей вектор развития и реализации миссии (коммерческие организации).

Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что инновационный продукт, эффект которого направлен «на будущее», и лица с ограниченными возможностями (как работники или благополучатели) накладывают определенные временные ограничения для выхода предприятия на рынок, поэтому даже «социальные предприниматели», в идеальном понимании данного феномена, на первых стадиях развития вынуждены обращаться к грантам, чтобы пережить первый этап накопления стратегических ресурсов. Противоречия между созданием социальной пользы и обеспечением финансовой устойчивости решается на всех уровнях, если социальный предприниматель строит деятельность на основе логики мира репутации¹. Мы предполагаем, что фиксация ненарезенных противоречий способна помочь сделать выводы агентам рыночного и гражданского миров о том, на каком этапе и каким предприятиям необходимо оказывать финансую или административную поддержку.

Наиболее интересными вопросами для дальнейшего изучения могут стать: бизнес в формате сообщества заинтересованных экспертов; как распределяется ответственность в данных организациях; перспективы развития социальных инвестиций; готовы ли российские потребители к новому рынку социальных ценностей; что поможет развить культуру осознанного потребления.

¹ Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 66–83.

Приложение

Приказ Минэкономразвития России № 220 от 24.04.2013 г. «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году представляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации».

Создание (развитие) социального предпринимательства, которое является социально ответственной деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства, направленное на решение социальных проблем, в том числе обеспечивающих выполнение следующих условий:

а) обеспечение занятости инвалидов, матерей, имеющих детей в возрасте до 3 лет, выпускников детских домов, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы в течение 2 лет, предшествующих дате проведения конкурсного отбора, лиц, при условии, что среднесписочная численность указанных категорий граждан среди их работников составляет не менее 50%; а доля в фонде оплаты труда – не менее 25%;

б) предоставление услуг (производство товаров) в следующих сферах деятельности:

– содействие профессиональной ориентации и трудоустройству, включая содействие самозанятости;

– социальное обслуживание граждан, услуги здравоохранения, физической культуры и массового спорта, проведение занятий в детских и молодежных кружках, секциях, студиях;

– оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам;

– производство и (или) реализация медицинской техники, протезно-ортопедических изделий, а также технических средств, включая автомототранспорт, материалы, которые могут быть использованы исключительно для профилактики инвалидности или реабилитации инвалидов;

– обеспечение культурно-просветительской деятельности (театры, школы-студии, музыкальные учреждения, творческие мастерские);

– предоставление образовательных услуг группам граждан, имеющим ограниченный доступ к образовательным услугам;

– содействие вовлечению в социально-активную деятельность социально незащищенных групп граждан (инвалиды, сироты, выпускники детских домов, пожилые люди, люди, страдающие наркоманией и алкоголизмом);

– профилактика социально опасных форм поведения граждан;

– выпуск периодических печатных изданий, а также книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой.

Алексей ЛЕВИНСОН

Неформальные структуры в местах принудительного содержания

Предварительные замечания о норме как проблеме

Мы работаем в коммерческом сегменте социологии, занимаемся прикладными исследованиями. Прикладные исследования отличаются от фундаментальных, в частности, тем, что познавательную задачу им ставят извне. То, с какими темами и проблемами обращаются к нам заказчики, очевидным образом связано с социальной ситуацией в стране. Поэтому нельзя считать, что случайно выстроился сквозной ряд тем, которыми прошлось заниматься на протяжении работы во ВЦИОМ и Левада-Центре. Взаимоотношения в армии и отношение к ней¹, положение детей в детских садах и отношение к ним, аналогичные проблемы школы², далее тема детских домов закрытого типа и их места в обществе³, наконец, ставшая основой данного очерка тема взаимоотношений людей в местах лишения свободы⁴.

Из этого перечня ясно, что процесс социализации как освоения нормативного порядка у нас был и остается высоко проблематичным. Это неизбежно для общества, находящегося в процессе трансформации, для общества, в котором меняются нормы при неизменности ценностного ряда. Наша нормативная система стала резко деформироваться, входить в кризис с началом массовых урбанизационных процессов в конце XIX века и находится в этом состоянии до сих пор. Передвижения масс людей из одного социального контекста и одного социального состояния в другие, вызванные самыми разными причинами, от переселений и миграций

¹ См. об этом Левинсон А. Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР/России за последние 10 лет. В кн.: Левинсон А. Опыт социографии. М.: НЛО, 2004. С. 583 и далее.

² Левинсон А.Г., Стучевская О.И. Новые процессы в образовании как сигнал о новых процессах в обществе // ВОМ. 2004. № 2(70). С. 61–69.

³ Королева С., Левинсон А., Цатуян А. Государственные дети. О местах содержания детей без родителей // ВОМ. 2013. № 3-4 (116). С. 70.

⁴ Проект выполнен для организации «Общественное движение «Русь сидящая», подбор респондентов проводился силами и по выбору этой организации. Настоящий очерк подготовлен при активном участии С.С. Королевой и М.С. Степиной, которым автор приносит глубокую благодарность.

до войн, не могут не вести к такому результату. Широко известная многочисленность тюремного населения нашей страны вызвана, очевидно, как этими процессами, так и попытками государства ими управлять.

Предлагаемый ниже очерк отражает самую раннюю стадию знакомства с этим особым фрагментом нашей социальной реальности⁵. Текст содержит лишь первые, заведомо неполные, наблюдения, первые, заведомо незрелые, обобщения и т.п.

Проект предполагал интервью с людьми, которые в течение последнего десятилетия провели какое-то время в местах принудительного содержания, то есть в тюрьмах и колониях⁶. Кроме бывших заключенных, в качестве респондентов также выступали члены их семей и бывшие сотрудники системы ФСИН. Исследование на этом этапе носило зондажный характер. Сформированная выборка, безусловно, нерепрезентативна для всей системы ФСИН. Она явно смещена, и мы попытаемся обсудить характер и степень данного смещения. По этим причинам данный очерк не претендует на сколько-нибудь полное и корректное освещение всей ситуации в местах принудительного содержания. Задача – вынести на обсуждение ряд черт этой реальности, ставших известными из проведенных интервью. Однако и этот достаточно фрагментарный материал взвывает к социологическому ис-

⁵ По состоянию на 1 марта 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 650 613 чел., в том числе: в 720 исправительных колониях отбывало наказание 526 343 чел., в том числе в 125 колониях-поселениях отбывало наказание 32 079 чел., в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, отбывало наказание 1957 чел. В 218 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, содержалось 120 841 чел. В 8 тюрьмах отбывало наказание 1775 чел. В 31 воспитательной колонии для несовершеннолетних – 1654 чел. В учреждениях содержится 52 880 женщин. (Википедия: статья «Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России)»).

⁶ Метод, использованный в этом исследовании, – личные интервью и интервью по телефону.

следованию, указывает на проблемы, которые существенны не только для части общества, находящейся по ту сторону проволоки, но и для находящейся по эту.

Иными словами, жанр предлагаемого ниже – заявка темы. Темой можно считать соотношение формальных и неформальных регуляторных систем в социальном пространстве мест принудительного содержания. Соотношение формальных и неформальных структур, быть может, наиболее важная проблема для таких обществ, как наше. На другом языке она же может быть названа проблемой нормативного регулирования. Как известно, норма поддерживается санкциями, и ключевым является вопрос, кто осуществляет эти санкции, то есть как устроены механизмы социального контроля. В традиционном обществе инстанции социального контроля находятся внутри самого социума, и можно сказать, что социум сам выполняет эти функции контроля. Для осуществления санкций важен такой ресурс, как насилие; в традиционном обществе осуществлять насилие могут многие. В обществе, которое мы зовем современным, городским, социальный контроль выделен в особую функцию, является прерогативой особых социальных институтов. Насилие как инструмент отнято у рядовых членов общества и передано специализированным институтам.

Наше общество находится в процессе перехода от первого состояния ко второму, при этом переход является по преимуществу принудительным. По этой причине возможны постоянные отступления. Многочисленны случаи, когда институты правоприменения и насилия, с одной стороны, и архаические формы социального контроля, с другой, контаминируют. Тогда происходят явления, опознаваемые как коррупция, разложение, злоупотребление и пр. В предложенных терминах это можно описать как сложный процесс подчинения неформальных институтов и их практик формальным, а также более сложные конструкции, при которых формальные структуры ставят себе на службу структуры неформальные, при этом сами формальные структуры перерождаются, образуют формы, которые удобно называть гибридными или смешанными. Нормативное регулирование, которое осуществляют такие институты, как тюрьма и колония, в одних случаях содержат все признаки работы архаических систем, в других многие признаки работы систем современных. Переключение из режима в режим происходит в связи с реализацией

интересов тех или иных социальных субъектов, так или иначе связанных с подобными институтами¹.

Типологические параллели

Типологически близким к рассматриваемому случаем, очевидно, является феномен дедовщины в годы ее «расцвета» в Советской и далее Российской армии в 1970–1990-е годы. Эта неформальная структура возникла внутри максимально жесткой армейской системы командования и подчинения. Неформальная структура, управлявшая отношениями среди военнослужащих, была построена на насилии и жестком разделении солдат, служивших срочную службу, на угнетателей и угнетенных. В этом главное подобие лагерной ситуации с ее «опущенными» и воровской верхушкой. (Уникальность же этой внутриармейской системы состояла в том, что угнетенные на следующий год сами становились угнетателями.) Еще одно сходство в том, что дедовщину формальное начальство обращало в инструмент поддержания некоего порядка (истолковываемого как «воинская дисциплина», «воспитание настоящего мужчины»). Далее сходство было и в развитой ритуализации системы, придании символического статусного значения множеству деталей униформы, за правки коек и пр.

Другой аналог обсуждаемой системы – это, конечно, мафия или, по-нашему, оргпреступная группировка (ОПГ). Наличие жесткой вертикали власти, опирающейся на ресурсы насилия и преданности и существующей вне и вопреки государству, которое в замысле монопольно контролирует эти ресурсы, – черта и ОПГ, и воровских структур. Впрочем, иногда эти формы социальной организации суть одно и то же. Группировки в основном действуют на воле, но имеют влияние и на зоне, воры в законе в основном (особенно раньше) пребывали в тюрьме или на зоне, но их власть и власть воровского закона распространялась и на ворововне.

Не входя в глубокий социологический анализ, которого, несомненно, заслуживает эта группа социальных феноменов, отметим, что

¹ В. Волков, предложивший продуктивный концепт силового предпринимательства, снял с его помощью методологически-подобное различие между теневыми криминальными структурами и открытыми официальными институциями, коль скоро они включены в одни и те же практики, одни и те же цепи взаимодействия. См.: Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

все они в своем роде формы социальной самоорганизации, то есть формы автономной от государства (и в данном случае противопоставленной ему) социальной активности. От него-государственных же классических организаций гражданского общества – благотворительных, любительских, по интересам и пр. – их отличает один кардинальный момент. В них организованность и внутренняя власть поддерживаются насилием. Нарушение нормы карается причинением физической боли, физического увечья и смерти. Другое отличие кажется еще более явным – функциональная направленность. Организации гражданского общества по замыслу творят добро, а рассматриваемые здесь социальные феномены – зло. На этом основании базировалось сделанное некогда И. Аверкиевым предложение называть подобные формы «черным» гражданским обществом¹. (Речь тогда шла о фанатских и националистических группировках, проявивших себя в действиях погромного характера в Москве в декабре 2010 года².)

Различие этих форм социальной автономии по признаку социально полезных и неполезных, однако, никак не может претендовать на абсолютность и твердость. Оно явно зависит от точки в социальном пространстве, с которой дается оценка. Начнем с того, что немалую часть «классических» организаций гражданского общества законодатель определил «исполняющими функцию иностранного агента»³. Эта юридическая новелла, на наш взгляд, не вполне укладывается в логику российского законодательства, и потому невозможно сказать, квалифицируется ли деятельность «агентов» как преступная. Но явно, что здесь налицо попытка в форме юридического акта выразить позицию части общества, признающей деятельность ряда НКО злом (тогда как с позиций другой части общества они делают добро).

Есть далее точка зрения – и она для нашей политической культуры весьма характерна, – согласно которой любая форма социальной организации, сложившаяся и пытающаяся существовать вне контроля государства, оценивается заведомо негативно – как опасная для него. В рамках этой логики последовательно

¹ В другом контексте этот автор справедливо заметил: у нас «гражданское общество... лезет из всех щелей в не очень презентабельном пока виде». URL: <http://www.hrights.ru/text/b24/Chapter7%201.htm>.

² Королева С., Левинсон А. Организации негражданского общества. *Pro et Contra*. 2010. Т. 14. № 1–2.

³ Перечень этих организаций см.: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>.

и методично уничтожались с самых первых лет Советской власти все самостоятельно возникшие объединения, начиная с политических, но также и кооперативные, деловые, любительские, по интересам и пр. Показательно, что именно в этот первый период существования так называемой диктатуры пролетариата сложилась в основных чертах социальная организация в неволе. Именно там, где власть государства как диктатуры достигала апогея, в тюрьме, образовалась сравнимая по силе с государственной формой власти – воровской закон. И если в уничтожении всех форм автономной активности на воле диктатура вполне преуспела, то с воровской организацией она справиться не могла и с тех пор лишь налаживает с ней различные формы взаимодействия, сосуществования и взаимопроникновения.

Не преминем отметить, продолжая обсуждать зыбкость критерия положительные/отрицательные в применении к самоорганизованным социальным системам, что деятельность отечественных вариантов мафии (ОПГ) в обществе не обязательно оценивалась негативно. Из исследований общественного мнения, проводившихся ВЦИОМ в 1990-е, известно, что обывателями власть группировок в том или ином регионе часто признавалась меньшей бедой, чем безвластие/бездействие госструктур на этой же территории. Власть крупных преступных авторитетов, не представляющая прямой опасности для рядового обывателя, устранила мелкую преступность, эту опасность представляющую. (Феномен известный из практики мафии в местах ее классического развития в Италии или США). Вплоть до недавнего времени от бизнесменов часто приходилось слышать, что бандитский рэкет куда более приемлем для них, нежели поборы чиновников. Договоренности, к которым принуждают бандиты, последними соблюдаются, чиновники же по произволу меняют свои условия взымания мзды. Бандиты – если они не отбирают бизнес, а лишь облагают его данью, – заинтересованы в успешности и стабильности этого бизнеса, их умысел в этом смысле рационален и совпадает с умыслом владельца. Отношение же чиновников, как жаловались бизнесмены, зачастую губительно для бизнеса, их действия (с его позиций) иррациональны.

Преступник – зло для общества, тюрьма его должна исправить. Но еще И. Гоффман подметил развитие злокачественной социальности в закрытых коллективах, которые он назвал общим именем *asylums* (на русский язык принято

переводить это название словом «узилища»¹. Гоффман полагает, что все тотальные заведения подавляют личность, попавшую туда. Но он связывает этот результат преимущественно с устройством и функционированием такого института. Знаменитая работа Гоффмана концентрировала внимание на том, что делают в таких заведениях с личностью формальные структуры. Интересующим нас неформальным структурам он уделяет совсем немного места (но тем больше его слова заслуживают нашего внимания). Он указывает, что после того, как человек, попавший в подобное заведение, пройдет первичное приспособление (primary adjustment), то есть будет подчинен всем формальным правилам, станет рядовым пациентом, заключенным и т.п., ему предстоит вторичное приспособление (secondary adjustment). Под ним понимаются «всяческие меры, посредством которых индивиду удается воспользоваться неразрешенными (unauthorized) способами для достижения неразрешенных целей, таким образом, обходя установки соответствующей организации на счет того, как ему следует себя вести и, значит, кем ему следует быть»². Весь набор этих вариантов вторичного приспособления, реализуемых индивидуально или коллективно, образует то, что Гоффман называет нелегальной подпольной жизнью (underlife) заведения, которая в нем играет ту же роль, что криминальная среда (underworld) для города.

М. Фуко, опираясь на свидетельства, касающиеся французской тюрьмы XIX века, описывает структуры общения делинквентов, которые «лишь усугубляют их приверженность к совершению преступлений», то есть имеют сугубо социально-негативный характер³.

¹ Гоффман называет их «тотальными институциями». Он говорит, что «в нашем обществе (то есть в канадском) к ним относятся заведения для содержания лиц, которые считаются увечными, но неопасными. Это приюты для слепых, престарелых, для сирот и неимущих. Места для содержания лиц, которые не способны к самостоятельному существованию и в то же время считаются представляющими опасность для общества, пусть и непреднамеренно. Это туберкулезные санатории, психиатрические лечебницы, лепрозории. Третий тип тотальных заведений создан для того, чтобы защитить публику от угроз, которые могут быть преднамеренными... это тюрьмы, исправительные учреждения, лагеря для военнонопленных, концентрационные лагеря. Заведения, предназначенные для того, чтобы обеспечивать выполнение определенных заданий... это казармы, пансионы, трудовые лагеря, колониальные поселения. Наконец, существуют заведения, созданные для того, чтобы укрываться от мира, иногда они же места религиозного обучения – это аббатства, монастыри, обители и т.п.». Goffman E. Asylums. Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Berkley, Calif., 1961. P. 18.

² Goffman E. Указ. соч. С. 172.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргиналь Пресс, 2016. С. 324.

В советское время те, кто теперь работают в Левада-Центре, проводили исследование, которое называлось «Внедомашнее жилье». В ходе этой работы анализировались общие условия существования людей, которые живут, то есть спят и совершают бытовые процедуры, не у себя дома, а в предназначенных для этого общих помещениях. Студенческие общежития, с одной стороны, и тюрьмы, колонии, с другой – примеры такой формы жилья. Тогда подсчеты показывали, что речь идет о десятках миллионов человек, среди которых лагерное население составляет небольшую часть, однако формы быта в целом были сходны. То же самое можно сказать и о способах его организации⁴.

Описывая жизнь в колонии, некоторые участники проекта вспоминали пионерлагерь. Пионерский лагерь похож на лагерь ощущением физической несвободы, ограничениями в перемещении в пространстве, коллективной трапезой, режимом отбоя и подъема. Разумеется, много общего в быте солдатской казармы и лагерного барака. Об этом вспоминали респонденты, это естественно. Более неожиданно было встретить сравнение зоны с детским садом. Именно с детским садом проводили параллель бывшие заключенные, поскольку здесь статусная разница между теми, кто командует (воспитатели или няньки), и воспитуемыми очень велика. И в местах лишения свободы у надзирателей и администрации объем власти над заключенными так велик, что на ум бывшим заключенным приходит именно сравнение с детским садом.

Респонденты рассказывали, что в одном помещении бывает по сорок человек, а иногда и больше, и все эти люди должны совершать отправления, что называется, по команде. Более

⁴ Мы включали в список:

– ясли, детсады, группы продленного дня, интернаты, лагеря;
– больницы, медизоляторы, санатории, роддома, диспансеры, профилактории;
– инвалидные дома, пансионаты/дома престарелых, ветеранов;
– больницы, отделения для хроников, интернаты;
– дома отдыха, пансионаты, турбазы, дома творчества;
– гостиницы, мотели, дома приезжих;
– каюты, купе, кабины, вагоны, теплушкы, балки, вагончики;
– общежития;
– кубрики, казармы, военные городки;
– пенитенциарные и подобные учреждения.

(Левинсон А. Урбанизация и жилые среды. В кн.: Левинсон А. Опыт социографии. М.: НЛО, 2004. С. 67.) Мы отмечали сходство и различия нашего списка и того, который дает И. Гоффман, перечисляя «тотальные заведения». (См. ссылку в этом очерке.) Обстоятельства времени заставили тот вид «внедомашнего жилья», который никогда вмешал миллионы узников, скрупультно упомянуть в последней строке. См. также: Левинсон А. Г. О закрытых обществах // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.

того, все это происходит на виду у остальных, а это означает полное лишение приватности. И. Гоффман, напомним, считал, что это один из главных приемов превращения человека в заключенного.

Формы самоорганизации, возникающие в неволе, можно сопоставить (как ни кощунственно это звучит) с формами таковой в «обычном» обществе. Стоит заметить, что и тем и другим приходится иметь дело в том числе с силовыми органами государства, с органами правопорядка, готовыми применять насилие. Вот соображения Т. Ворожейкиной о том, как возникают «на воле» такие формы самоорганизации:

«...Люди начинают объединяться и предпринимать какие-то действия тогда, и часто только тогда, когда затронуты их непосредственные интересы, для самозащиты. Но исторически именно таким образом происходило становление механизмов горизонтальной интеграции общества, отделения его от государства в развитых странах, так это происходит и сейчас во многих развивающихся странах. Утверждение более общих форм солидарности, чем те, которые ограничиваются только «своими», всегда начиналось с защиты своих интересов, своих прав, своего достоинства»¹.

О возникновении и деятельности самостоятельных волонтерских и иных гражданских объединений говорится в работе Д. Волкова, где детально рассматривается один из ярких «кейсов» процесса самоорганизации². Нам также приходилось высказывать свою точку зрения на генезис самоорганизующихся сообществ в современной России³.

Институционализация неформального на зоне

То, что стало известным из интервью о действительности зоны, демонстрирует эти процессы в особо контрастном виде. Известно действовавшее ранее разделение зон на «черные» и «красные». В исходных значениях этих понятий разделение таково: в первых всем распоряжаются «воры», то есть организованные внутритюремные криминальные структуры, а зоны, которыми управляет уполномоченная на то администрация, называются «красными».

¹ Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности // Полит.Ру. 18.09.2008. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/08/18/vorogejkina.html>.

² Волков Д. «ОккупайАбай» – уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников // ВОМ. 2014. № 1–2 (117). С. 155.

³ Левинсон А. Протест и самоорганизация // ВОМ. 2014. № 1–2 (117). С. 141.

Теперь, как говорили нам респонденты, чисто «черных» зон больше нет, есть «черно-красные» и «красно-черные». Это зоны, где администрация управляет с помощью уголовников, а уголовники управляют с помощью администрации. (Респонденты жаловались, что по мелким личным делам приходится искать разрешения и у формальных, и у неформальных начальствующих субъектов.)

Надо оговориться: развиваемое в этом очерке противопоставление формальных и неформальных структур в основном связывает формальные с государственными. Между тем в государственных структурах закономерно развиваются свои неформальные параллельные образования. Неформальны могут быть и целые институты. Знаменитый лозунг СЛОНа «Здесь власть не Советская, здесь власть Соловецкая» говорит именно об этом. А рассказы наших респондентов о нравах в разных колониях связывают всегда эти нравы с тем, кто является начальником. Ясно, что лишь по неформальным каналам реализуются указания, которые для заключенных предстают как действия формальной системы – режим более жесткий или более мягкий, запреты такие или иные и пр.

Из того, что мы узнали о неформальных конструкциях нормативного регулирования в колонии/лагере, ясно, что они получили очень высокую степень развития и своего рода формализаций неформального. Они недаром зачастую называются словом «закон». И главное их отличие в том, что это закон нигде не записанный. В этом смысле он близок адату, обычному праву. При этом по степени детализации, заботы о многочисленных частных случаях он похож на законы закрытых сообществ, в том числе и в первую очередь религиозных. (Реальность же воровского мира сугубо секулярна.)

Среди наших респондентов не было «блатных». Поэтому воровской закон для них был скорее чужим. Большинство из респондентов отзывались об этом законе уважительно, примерно так, как отзываются о законах чужой страны, где страннику случилось пожить. (Респонденты-мужчины знали о законе не понаслышке, они все прошли фазу научения этому закону, то есть правилам поведения, на что отводится значительный срок – до полугода. В течение этого срока новичку прощают нарушения закона, в течение этого срока можно и нужно расспрашивать опытных зеков о порядке, о «понятиях». На женской зоне собственно закона нет, но есть аналогичная сумма правил и порядков, установленных самими заключенными).

ми. Соблюдение этих порядков поддерживается жесткими мерами.)

У воровского закона есть апологеты и критики.

«Русская тюрьма жила и все еще живет по их закону. Возможно, самому справедливому из бытовавших в человеческом обществе. В тюрьме не принято все то же самое, что и на свободе среди нормальных людей. Разница лишь в том, что на свободе недостойный поступок кому-то может сойти с рук, а в тюрьме он никогда не останется безнаказанным. Тюремная жизнь сурова, но справедливости в ней больше: каждый получит то, что заслужил.

В мире воров людей не делят по ложным признакам: национальному, сословному или религиозному. В тюрьме, как в Индии, свои касты, и единственным критерием оценки является чистота. Чем ты чище, тем выше твой статус. Ибо над людьми не должен возвыситься тот, чьи помыслы или дела нечисты».

Этим романтическим хвалам отвечают достаточно резко:

«Нету в ворах никакой супердуховности и идейности, это всего лишь красивая сказка для малолетних. По факту они занимаются все теми же преступлениями против общества, паразитируют на нем. И вместо того, чтобы что-то произвести, пытаются отщипнуть от общего пирога, при этом ничего не вкладывая. Что в этом хорошего? Нет никаких «честных воров» и никогда не было. Есть миф, раздуваемый самими «ворами» и прочими «честными фраерами». Кто сильнее, тот и прав, принцип волчьей стаи. А если ты еще и смог обосновать свой поступок за счет подвешенной метлы, то тогда ты и есть «вор» или авторитет».

Вот реакция того, кто, по его словам, знает эту действительность изнутри (текст дается без исправлений):

«Эти сказки про воровскую романтику для лохов первоходов сам три раза в россии сидел насмотрелся на эту мразь ох и животные у них святое только метадон и героин а дурачки еще в лагерях на вора скидываются и мрази типа шакро дворцы себе покупают и шестерок за миллионы выкупают делят животные рынки и базы миллионы с этого имеют а в лагерях голяки полные !!!коронуют всю мразь по земляческому принципу лишь бы побольше верных шестерок в свой клан набрать а потом валят друг друга как собак и прогоны по лагерям отправляют объявляют друг друга б... и давить эту падаль!!!!!!!»¹.

¹ ПраймКрайм: http://www.primecrime.ru/news/2014-08-22_5811/.

Если не сам воровской закон, то рожденный рядом с ним воровской жаргон и воровской фольклор представляли и представляют весьма большой интерес для российского общества. Об этом можно судить хотя бы из гневной философии Солженицына².

Читавшим Солженицына и Шаламова³ мир уголовников и их нравы представляются чем-то сплошь отвратительным и ужасным. О творящемся там им скорее говорит вышедшее из зоны словечко «беспредел» (как обозначение беспредельного произвола и насилия), чем слово «закон». Слово «понятия» ими воспринимается скорее иронически. Однако и изнутри, глазами заключенных не-блатных, воровской закон, повторим, видится скорее как благо. Воровской закон они считают более гуманным, чем правила внутреннего распорядка, и уж тем более – чем поведение администрации, надзирателей, если они ведут себя не по закону и творят произвол.

Воровской закон или «понятия» (иногда даже «понятийная система») нам стал известен в ходе исследования только в тех его элементах, которые регулировали жизнь зоны в целом и к которым должны были привыкать наши респонденты. Нормы закона детальны и подробны, они регулируют порой мельчайшие детали поведения, акты как физического, так и символического характера. Общее впечатление от рассказов бывших зеков таково, что эти

² Об этом с гневом писал Солженицын: «Не вся ли мировая литература воспевала блатных? Франсуа Вийона корить не станем, но ни Гюго, ни Бальзак не миновали этой стези, и Пушкин-то в цыганах похваливал блатное начало. (А как там у Байрона?) Но никогда не воспевали их так широко, так дружно, так последовательно, как в советской литературе! (На то были высокие Теоретические Основания, не одни только Горький с Макаренкой.) Гнусаво завыл Леонид Утесов с эстрады – и завыла ему навстречу восторженная публика. И не каким другим, а именно приблатненным языком заговорили балтийские и черноморские братишки у Вишневского и Погодина. Именно в приблатненном языке отливалось выразительнее всего их остроумие. Кто только не захлебнулся от святого волнения, описывая нам блатных – их живую разнужданную отрицательность в начале, их диалектическую перековку в конце – тут и Маяковский (за ним и Шостакович – балет «Барышня и хулиган»), и Леонов, и Сельвинский, и Инбер, и не перечтешь. Культ блатных оказался заразительным в эпоху, когда литература иссыхала без положительного героя. Даже такой далекий от официальной линии писатель, как Виктор Некрасов, не нашел для воплощения русского геройства лучшего образца, чем блатного старшину Чумака («В окопах Сталинграда»). Даже Татьяна Есенина («Женя – чудо XX века») поддалась тому же гипнозу и изобразила нам «невинную» фигуру Венеки Бубнового Валета...»

³ «Убежден, что лагерь – весь – отрицательная школа, даже час простоя в нем нельзя – это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать...» Шаламов В. Из глубины. М.-СПб.: Летний сад, Университетская книга, 2016.

правила устанавливают жесткие рамки поведения для людей, которые пространственно и физически не изолированы друг от друга. Обстоятельства обитания в камере или бараке, где все экспонированы всем, где нет приватности, должны были бы создать из соответствующих скоплений людей массу, толпу. Поведение толпы было бы неустойчивым. Конфликты между индивидами были бы неизбежны, война всех против всех была бы правилом. Закон своими нормами отделяет людей друг от друга, структурирует это множество. Он, как говорили зеки, дает возможность выжить.

Те, кто в самом низу

Тюремный порядок стремится унифицировать всех заключенных. Но возникающее в контраках к нему тюремное сообщество структурно. Оно отнюдь не «масса». Этим словом там зовется лишь его часть. Есть еще и другие части. Судя по рассказам, внутритюремная, внутрилагерная самоорганизация – всегда иерархия. Или довольно простая, «двухэтажная» (на женских зонах), или весьма сложная, имеющая пять-шесть уровней, на зонах мужских.

Ну, есть обычные мужики, есть авторитетные люди, есть блатные, есть воры в законе, есть «обиженные». Опять же, всё от колонии зависит. Есть «красные» колонии, есть «черные» колонии. (Респондент 12)

Что мы знаем про эту иерархию? «Опущеные» или «обиженные» – это табуированная часть иерархии, о которых, как правило, не говорят, когда описывают иерархию, они просто outcast, underclass. Дальше те, кого называют или «людей массой», или «мужиками» – это основная часть в численном отношении. И «мужики» соглашаются работать – воры этого не делают, но их работа – та, занимаясь которой они сохраняют достоинство. Если они соглашаются на другую работу, то попадают в категорию «козлов». «Козлы», с одной стороны, ближе к администрации, и это дает им какие-то преимущества, например они работают на кухне, где менее голодно. С другой стороны, они – презираемая часть. Выше их с точки зрения лагерных привилегий те, кто прямо сотрудничает с администрацией, ест за столом с охраной. Получается, что на условно «черной» зоне «назначенный» может быть ниже «людей массы», потому что они его считают «козлом», но на «красной» зоне он может быть выше людской массы. В «черных» зонах выше людской массы «смотрящие», которые уже относятся к категории «воров».

Особого внимания, как нам кажется, заслуживают те, кто в самом низу. Их называют по-разному. Наши респонденты чаще всего использовали слово «обиженные» (ранее распространенным словом было «опущенные»). «Обиженные» автоматически становятся, в частности, осужденные за насилистенные преступления в отношении женщин и детей:

Наихудшее из плохого – оказаться там за преступления насилистенные (имеется в виду изнасилование). Человек попадает в категорию со сниженным социальным статусом, его не считают человеком вообще. Он занимается стиркой, он занимается уборкой. И там периодически бывают, скажем так, однополые отношения. Это преступления насилистенные, которые совершены против детей и женщин. Сразу, автоматически, здесь их даже и не спрашивают... Их называют «обиженные». (Респондент 3)

Это не всегда ЛГБТ какие-то люди. В эту категорию могут попадать за разные случаи. Со мной сидел человек, он спровоцировал малую нужду ночью на детской площадке. Его взяла полиция, и привесили ему 133-ю или 134-ю статью – нехорошие статьи по местным понятиям. И он сразу был переведен в эту категорию. (Респондент 4)

Это те, кто в какой-то момент когда-то был осужден по всяким разным статьям, за изнасилование и так далее, в силу разных обстоятельств. (Респондент 13)

В эту же категорию попадают и гомосексуалы:

Во-первых, все гомосексуалисты – «обиженные». (Респондент 6)

Есть те, кто не скрывает своей сексуальной ориентации, это его личное дело опять же. Он относится к категории «петухов». Его никто не трогает ни в коем случае, у него все права осужденного, кроме того, что у него ничего брать нельзя или ему отдавать. (Респондент 7)

Гомосексуалисты туда попадают однозначно. (Респондент 9)

При этом в эту категорию попадают именно «пассивные» гомосексуалы:

Активный не попадает. А пассивный, конечно, попадает. (Респондент 9)

Отмечается, что в эту категорию иногда попадают люди, вынужденные фактически заниматься проституцией в местах лишения свободы:

Например, такое решение приняли, потому что были люди, которые даже совсем молодые, и чуть постарше, которые там не первый срок. Ну, да, у них нет родственников, нужно как-то жить, и они этим зарабатывают. (Респондент 13)

От администрации нередко зависит, насколько жесткая иерархия возникает среди заключенных (и, соответственно, положение «опущенных»):

Это зависит от администрации, кто как там поставил. Самое главное разделение – это две категории: обиженные и обычные. (Респондент 6)

«Обиженные» неизбежно подвергаются сексуальному насилию, попадая в эту категорию:

Интервьюер: А если попал в «обиженные», значит, ты будешь изнасилован? – Нет. Неизбежно. Просто за стол тебя не посадят, все отдельно. Там где-то у туалета, туалеты мыть, это все делают обиженные. (Респондент 6)

То есть они не всегда в прямом смысле занимаются сексом. Они опущенные в плане иерархии, что в самом низу. Бесправные – это те, кто там делает всю грязную работу. (Респондент 13)

Попасть в категорию «обиженные» достаточно легко, выйти – невозможно:

Если ты знал, что это предмет «обиженного», и им воспользовался, ты попадаешь в «обиженные». Или ты уронил кружку в унитаз, поднял ее и ей воспользовался. Но в основном это либо сами зеки решают, но все равно это с одобрения администрации, администрация в курсе абсолютно всех дел. С другой стороны, без одобрения администрации тоже обычно не делается. Это такой тонкий момент. (Респондент 6)

При этом само существование этой категории объясняется практической необходимости и в какой-то мере расценивается как справедливое:

Это из-за тяжелой жизни, потому что кому-то нужно делать работу, которая ну совсем грязная. Но им помогают тоже, поесть дают. Они обычно совсем такие... либо психически слабоватые... то есть это выбраковываются слабые люди... Это деление как естественный отбор происходит в природе. (Респондент 6)

У нас они назывались либо обиженные, либо просто бригада № 21, потому что это была отдельная бригада, в которую человека переводили, они занимались уборкой территории, выносом мусора. Если на промзоне, то уборка душевых, туалетов. (Респондент 10)

Потому что опять же по этим понятиям, допустим, убирать туалеты, убирать помойку... «мужик» не должен прикасаться к этому, иначе он «заполоскается». Поэтому нужны... лица с низким социальным статусом... чтобы вот эти виды работ... Других нельзя ставить, а делать это надо. Вплоть до того, что переводят с одного отряда в другой... больше таких людей... Хотя бы

два-три человека должно быть. Максимум пять. Два-три человека в отряде быть должно, чтобы были уборщики. (Сотрудник 3)

Правила для «нормальных» заключенных («мужиков», «массы») не распространяются на «опущенных»:

У них отдельный стол в столовой, у них отдельная посуда. На них не распространяется то, что в массе, например, запрет насилия. То есть, если он что-то там сделал, его могут шваброй ударить, например. (Респондент 9)

«Обиженные», понимаете, они совсем там отдельно. (Сотрудник 4)

Таким образом, «опущенные» – это неизбежно те, которые имели какой-то сексуальный контакт на зоне. Но их главное отличие от других людей в том, что они должны выполнять грязную работу. Помимо этого, они отдельно едят, отдельно спят. У них нельзя брать сигареты и вещи.

Кто-то из респондентов сказал, что они как неприкасаемые – есть такая каста в Индии. И это очень похоже на правду – их ведь тоже нельзя касаться. Примечательно и то, что о них неохотно говорят.

«Козлы» также выполняют определенный ряд работ. С ними не принято общаться, но положение их несравненно лучше, чем у «обиженных».

Когда заходила речь о каких-то сексуальных отношениях между заключенными мужчинами – при этом подразумеваются отношения, как правило, «опущенного» и «вора», – это происходит по некой взаимной договоренности. То есть такие отношения принимают форму проституции, если считать, что проституция – форма сексуальной эксплуатации за деньги. В ситуации проституции есть нанимающий и представляющий услугу.

Интересно, что в женских колониях, похоже, категории социально стигматизированных нет:

Парадокс женских тюрем в том понимании, как есть в мужском – «опущенные» и так далее – там нет.... Потому что в мужской зоне «опущенный» – это человек ниже всяких статусов. У нас нет этого. (Респондент 2)

Никакой иерархии со стороны сидящих в женских зонах нет. (Респондент 1)

У женщин «понятий» нет вообще. Нет такого. Там все без «понятий» женщины. (Сотрудник 2)

Однако есть дискриминируемые группы. К дискриминируемым группам в женских колониях относятся, например, цыганки. С одной

стороны, цыганки освобождаются от той работы, которая как раз и есть самая грязная и самая неприятная, потому что им по их обычаям или верованиям не полагается этим заниматься. Но при этом цыганки делают для своей группы или своего отряда что-то другое. То есть по сути они обменивают свое дежурство на другие услуги. Это не отношения эксплуатации, они не воспринимаются как равный обмен с другими людьми. Тем не менее встречались рассказы про ситуации, когда заключенные давлением или физическим насилием заставляют цыганок подчиняться общим требованиям. Повидимому, на то, сложится ли первая форма самоорганизации или вторая, влияет множество факторов — процент цыганок в зоне, отряде, отношение администрации, вид зоны и пр.

Как сказано, не бывает «черных» женских зон. Все женские зоны — «красные». Женский коллектив не вырабатывает тех форм самоорганизации, которые есть в мужской колонии. Тем не менее повышенная регуляция в женских коллективах тоже есть. Например, женщина, которая посидела меньше шести месяцев, не имеет права взять хлеб своими руками. Такой запрет объясняют гигиеническими требованиями. В женских тюрьмах сложность устройства внутри коллектива заключенных гораздо ниже, чем в мужских, но формы самоорганизации там тоже есть. В женских тюрьмах больше распространена именно «семейная» структура. Женщины, как говорят, «семейничают». Они организуют небольшие группы из нескольких человек. Внутри этой группы ведется хозяйство, как правило, даже нет никаких сексуальных контактов внутри группы. Это скорее способ ведения хозяйства, распределения обязанностей внутри коллектива, обобщения ресурсов. Они группируются исходя из преимуществ участниц, например, в одной семье какая-то из женщин физически сильная, другая интеллектуально сильная. Таким образом они приспосабливаются к жизни в тюрьме, не столько выстраивая иерархии, сколько обобществляя ресурсы и возможности внутри небольшой группы.

В мужских колониях тоже есть «семьи». Они тоже объединяют в нее все ресурсы. Во всяком случае, речь идет о том, что было сказано в одном из интервью: когда люди организуют себе какую-то дополнительную трапезу из присланного или купленного, то эту семью объединяет трапеза — это обязательно. Что касается сексуальных отношений, то они могут быть, но не обязательно внутри этой семьи.

Другая форма, которую тоже, наверное, можно назвать самоорганизацией, — это втягивание в эти отношения тех, кто находится на свободе, но связан с кем-то из заключенных. Для всех, с кем мы разговаривали, очень важен тыл — помочь семье, поддержка, и психологическая, и материальная. Наличие или отсутствие такой поддержки очень сильно влияет на отношение к человеку на зоне. Если начальство и другие заключенные знают, что у человека есть поддержка, к нему относятся совершенно иначе.

Это своего рода доброкачественная сторона дела. Однако есть и злокачественная, оборотная сторона, когда эти отношения сочувствия, помощи сами становятся предметом эксплуатации. Администрация начинает заставлять человека что-то добывать. Часто семьи заключенных помогают ремонту и украшению помещений на зоне. Все это официально оформляется как пожертвования. С точки зрения закона в этом ничего криминального нет. Но это очень мощный инструмент давления через заключенного на тех, кто его поддерживают вовне, скажем, на семью или фирму. Этим регулярно занимаются криминальные структуры внутри сообщества заключенных. Они добиваются, чтобы заключенный просил/требовал с воли подарки или деньги. Это называется «греть камеру». Судя по рассказам, дело может дойти до разорения. Это касается людей, которые, по предположению тех уголовников, кто будут его разрабатывать, являются состоятельными или, скажем так, интеллигентными. Предприниматель, бизнесмен — наиболее частая жертва. Когда он попадает на зону, блатные ему говорят: «Не иди на работу, за тебя там кто-нибудь что-нибудь сделает, а ты лежи книжки читай». Ему кажется, что это делается из уважения к его интеллекту. Дальше, что очень важно, его окружают любовью. И это то, чего он не ожидал встретить на зоне. Он купается в этой любви какой-то небольшой срок, пока он к этому не привыкнет. И вдруг его начинают лишать такого отношения или угрожать лишением каких-то поблажек, к которым он привык, например возможности лежать на хорошем месте в бараке, что считается очень важным благом. Его шантажируют: «Или ты это теряешь, или ты достаешь с воли через семью то-то и то-то». Он жертва шантажа, но, что очень важно, он начинает шантажировать своих родственников или коллег тем, что он рискует потерять здоровье или даже жизнь, если не выполнит эти требования. Как нам объясняли, такой двухэтажный

шантаж позволяет перемещать значительные средства извне внутрь зоны.

Заключение

Итак, что касается отношения бывших заключенных к неформальным правилам зоны, большинство говорили, что надо эти правила понять и соблюдать, что позволит уцелеть и сохранить себя. Среди наших респондентов были те, кому это удалось. И не было тех, кому пришлось испытать тяжелые физические страдания. Поэтому в данном очерке мы описали в основном проблемы морального и психологического характера. Из литературы о лагерях мы знаем, что в прошлом для миллионов проблемой было физическое выживание, для миллионов пребывание там закончилось гибелью. Из свидетельств о том, что происходит в современных застенках, мы узнаем о пытках, медленном или быстрым физическом уничтожении людей¹. Как мы говорили, наша выборка, безусловно, не репрезентативна для всего населения за решеткой и проволокой. На данном этапе исследования нам приходилось удовлетворяться тем составом респондентов, который удалось собрать за очень короткий срок. Мы понимаем, что их судьбы можно считать счастливыми на фоне названных трагедий. Мы понимаем, что их рассказы описывают рутину колоний ФСИН, которые считаются «легкими». У нас есть чувство неисполненного долга перед теми, кому пришлось пройти гораздо более тяжелые испытания, и мы надеемся, что когда-нибудь мы этот долг отдадим. Но и эта «легкая» тюремная и лагерная жизнь является величайшим испытанием для человеческой личности. Не все его проходят. Наша выборка, отметим еще раз, не включала людей, которых зона сломала. А на зоне многое предназначено именно для этого, так что таких людей немало. Однако в нашей выборке оказались те, кто из выпавших испытаний вышел с более крепким духом².

¹ Пытки в ИК-7 были. Заключенные и их родственники рассказали о ситуации в Сегежской колонии Meduza. 18:49. 28 ноября 2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/11/28/pytki-v-ik-7-byli>. Относитесь по-человечески! Александра Букварева. Новая газета. 20:50. 10 декабря 2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/10/70861-otnositeli-po-chelovecheski>; <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/04/12/68184-ispravit-zaklyuchennogo-do-smerti>.

² Л.Д. Гудков пришел к печальному заключению о невозможности морали в неморальном обществе (см.: Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в пост totalитарном обществе // ВОМ. 2014. № 3–4). Рассмотренный нами материал, как кажется, представил эту проблему в особо резком виде. Общество за проволокой, где доминируют преступники, может быть сочтено полюсом аморальности. Между тем именно там мы обнаружили – если опираться на свидетельства наших респондентов – свои достаточно твердые устои

В ситуации нормативной неопределенности, возникшей в начале 1990-х, когда общество переживало разрушение одних институтов и становление других, зачастую в мире бизнеса и даже в мире государственного управления нормы, на которые опирались акторы, заимствовались ими из криминальной субкультуры – те нормы признавались не утратившими свою силу. В этом смысле они заступали место так называемых общечеловеческих норм³. И сегодня даже с самого верха нашей общественной пирамиды мы слышим отсылки к «пацанским» нормам, как к нормам предельной, не ставящейся под сомнение значимости («своих не сдаем» и т.п.).

Говоримое здесь – не попытка компрометации этих норм. Социологическая критика, если есть для нее место и оправдание, должна быть направлена в адрес нормативной системы большого общества, каковая оказалась не в состоянии обслуживать это общество в обстоятельствах кризиса. (Собственно, кризис в этом в значительной степени и состоял.) Мы полагаем, что в герметическом мире тюрьмы идут такие же процессы, которые обычно протекают, когда определенная группа находится под сильным давлением внешнего общества и/или государства. Иногда такое давление заменяется сверхвысокой собственной изоляцией от мира. В результате возникает корпус норм и практика его реализации во много раз более строгая, чем в большом обществе. Этот феномен вызывает во внешнем мире, по меньшей мере, внимание, а также восхищение. Там, где нормы слабы, царство сильных норм представляется в чудесных красках.

В нашем тексте много сказано про воровской закон. Сказано со слов тех, кто увидел в нем средство защиты и самосохранения. Ясно, что неформальные структуры в местах лишения свободы – закон, понятия – созданы не такими людьми, как наши респонденты, не ими

морали. Речь идет о тех устоях, которые совпадают с моральными векторами «большого» общества. Мы далеки от мысли, что мораль зоны спасет остальное общество или послужит ему образцом. Но сам факт сбережения моральных норм в архи-аморальных обстоятельствах – не дает ли он некоторую надежду?

³ Стоит отметить, что в ситуации ценностно-нормативного кризиса в Западной Европе в период после Первой мировой войны, как отмечал Э. Соловьев, происходила редукция к так называемым «простым вещам». В качестве таковых выступали камень, дерево, табак, хлеб, атрибутика жизни мужчины – крестьянина и солдата. Эта ценностная и нормативная платформа была взята в разработку философами-экзистенциалистами, с одной стороны, и такими авторами, как Э. Хемингуэй и Э.-М. Ремарк, с другой. Соловьев Э.Ю. Цвет трагедии (о творчестве Э. Хемингуэя) // Новый мир. 1968. № 9.

поддерживаются и не их имеют в виду. Нельзя исключить, что наши респонденты демонстрируют нечто, напоминающее «стокгольмский синдром». Столкнувшись с мощной доминирующей силой в лице блатных и их порядков, часть людей, вынужденно принимая эти порядки, находит им и моральное обоснование. (В частности, признают необходимость существования разряда «обиженных»). Но оно не является заведомо ложным или порочным. Оно является заведомо неполным.

Тема интереса российского «большого общества» к «малому» тюремному не может быть

исчерпана на этих страницах. Завершая свое прикосновение к ней, предложим две метафоры утопии. Если считать, что утопия — это проектный конструкт, в котором находят решение проблемы, не получающие решения в реальной жизни, то можно сказать, что тюрьма, лагерь, колония — это утопия государства. Государства как системы, где все подчинено его распорядку и все им управляемо. И если зона — утопия государства, то «воровской закон» в ней — это утопия общества. Общества в его противостоянии государству.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Денис ВОЛКОВ

Динамика антиамериканских настроений в постсоветской России и основные характеристики антиамериканизма на сегодняшний день

В основу этого исследования легли данные регулярных репрезентативных опросов общественного мнения о различных аспектах отношения к США и Западу, проводимых среди взрослого населения России. Опросы проводились исследовательским коллективом Левада-Центра (до 2003 года – ВЦИОМ). Для содержательного анализа образа США и Запада использованы материалы двадцати восьми групповых дискуссий, проведенных Левада-Центром в 2014–2016 годах¹. Работа ставит целью обобщить имеющиеся количественные и качественные результаты исследования отношений россиян к США и Западу, накопленные за 25 лет. Главные вопросы, которые встают перед аналитиком, могут быть сформулированы следующим образом: какие исторические этапы можно выделить в общественном мнении в этом плане? какие события и даты можно считать определяющими в этом процессе, как связаны между собой представления массы и элиты? каковы основные контуры этих представлений на сегодняшний день²?

¹ Фокус-группы проводились в трех возрастных группах жителей Москвы: молодежь (18–25 лет), средний возраст (26–45 лет), старшее поколение (46 и старше). В первой возрастной группе проведено тринадцать дискуссий, в двух других семь и восемь соответственно. Дискуссии проводились по ряду тем, в том числе обсуждались текущие события на Украине, в Турции, Сирии, вопросы санкций и т.д. Тема антиамериканизма затрагивалась в контексте обсуждения общих тем, часто респонденты сами заводили разговор о своем отношении к Америке и ее роли в происходящем.

² В этой части работы хотелось бы уточнить некоторые положения недавней статьи Льва Гудкова, опубликованной в одном из предыдущих номеров Вестника: См. Гудков Л. Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012–2015 годов // Вестник общественного мнения. 2015. № 3–4. С. 15–44.

В методологическом плане первая часть работы продолжает линии, намеченные такими исследователями российско-американских отношений, как Г. Диленгский³ и З. Кузина⁴, которые в свое время постарались осветить схожие вопросы с помощью имеющихся в их распоряжении открытых данных социологических опросов. Отличительной чертой настоящей работы является то, что в ней учитываются данные ранних опросов, которые прежде не публиковались или публиковались не полностью. Во второй части работы речь идет о содержании основных представлений россиян об американской угрозе, которые были получены в результате обсуждения этих вопросов на групповых дискуссиях с москвичами. Материалы фокус-групп дополнены результатами опросов общественного мнения, дающими представление о распространенности тех или иных мнений среди населения.

Вначале необходимо отметить несколько базовых характеристик существующих представлений россиян о США и Западе. Так, для подавляющего большинства населения образ западных стран практически полностью определяется телевизионными трансляциями. На март 2016 года лишь немногие имели опыт прямого контакта с западной культурой. За последние пять лет в США побывали менее 1% россиян, во всех европейских странах вме-

³ Диленгский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 5–19.

⁴ Кузина З.Н. Внешнеполитические проблемы в зеркале общественного мнения в России (2000-е годы) // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10.

сте взятых — менее 10%. У такого же количества людей есть друзья и знакомые на Западе. В целом не более 15% населения¹ активно проявляет интерес к происходящему за пределами России. Большинство имеет лишь самые общие представления о происходящем за границей и о том, как устроен современный мир, содержательное обсуждение этих тем на групповых дискуссиях вызвало затруднение². Пришлось еще раз убедиться, что в общественном сознании в этих вопросах доминируют наиболее простые и шаблонные представления³.

В глазах большинства россиян Запад пусть и не тождественен США, но находится под политическим и экономическим контролем Америки (табл. 1). Считается, что именно США определяют политику не только НАТО, но и Европейского Союза. В марте 2016 года в отношении НАТО так считали 67% населения, в отношении ЕС — относительное большинство (37%), о лидирующей роли Германии (вторая по упоминанию страна в этом вопросе) говорили 24%. Тогда же 85% россиян полагали, что евро-

Таблица 1
БАЗОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАПАДЕ. ЧТО СВЯЗЫВАЕТСЯ В ВАШЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СО СЛОВОМ «ЗАПАД»?
(открытый вопрос с предварительным кодированием, %, март 2016 г., ответы ранжированы, приведены ответы, набравшие более 10%)

Европа, ЕС, европейские страны	54
США	33
НАТО, военные блоки/ союзы/ организации	22
Рынок, капитализм, развитая экономика, бизнес	20
Богатство, высокий уровень жизни	19
Мировые торговые марки, товары, бренды и проч.	17
Миграционный кризис, мигранты	14
Антироссийский заговор, стремление ослабить Россию	12
Международные организации: МВФ, Мировой банк, ООН и проч.	12
Лицемерие, двойные стандарты в политике	12
Фильмы, Голливуд	11
Сексуальные меньшинства	11
Прогресс, современность, развитие	11

¹ Эта цифра стабильно возникает в опросах на различные темы. Так, даже в разгар предвыборной гонки в США, которой уделяли много времени российские телеканалы, эта тема привлекла внимание тех же 15%. См.: Выборы президента США/Публикация на сайте levada.ru от 7 ноября 2016 года. URL: <http://www.levada.ru/2016/11/07/vyboru-prezidenta-ssha/>. В марте 2016 года интерес к возможному выходу Великобритании из ЕС проявляли 12% населения. Лишь отдельные темы катастрофического характера (например, мигрантский кризис в Европе) способны недолго привлечь внимание россиян.

² Проведенные групповые дискуссии показали, что даже среди учащихся и недавних выпускников ведущих московских вузов гуманитарных специальностей обсуждение текущих мировых событий и роли в них России вызывает затруднения.

³ Дилигенский Г. Указ. соч.

пейские страны принимали решение о наложении санкций на Россию под давлением США, и лишь 6% утверждали, что Европа в этом вопросе действовала самостоятельно. Таким образом, сегодняшний конфликт между Россией и Западом представляется прежде всего как российско-американское противостояние. При этом одними из центральных составляющих образа Запада вообще и особенно образа США являются НАТО и милитаризм. Если отношение к Америке и Европе за прошедшие четверть века регулярных социологических наблюдений претерпело серьезные изменения, то образ НАТО всегда был скорее негативным и ассоциировался с военной угрозой для России.

Этапы формирования негативного образа США в массовом сознании

Начало 1990-х: надежда на союз с Америкой

Многие заслуживающие внимания исследователи антиамериканизма упускают из виду, что в начале 1990-х большинству российского населения США представлялись безоговорочно-

ным образцом для подражания, главным ориентиром во внешней политике. С позиций сегодняшнего дня, когда критика американской политики и западного образа жизни достигает вселенских масштабов, это кажется невероятным. Согласно результатам опросов 1990–1991 годов США вызывали у людей самый большой интерес среди всех стран мира — 39% против 27% в отношении Японии, 17% — Германии. Если опрашиваемым предлагали выбрать, с кем из стран Запада Россия должна сотрудничать в первую очередь, большинство отдавало без-

условное предпочтение Америке (74%). Германию, например, упоминали почти в два раза реже. США воспринимались как наиболее богатая и развитая страна Запада.

В этот недолгий период Америка не только служила ориентиром, но и считалась самым надежным партнером, на чью поддержку можно рассчитывать. Если от кого-то и ждали помощи, то в первую очередь со стороны США (37%). Для сравнения, помощи от Германии ждали всего 9%. При этом большинство (44%) было уверено в том, что Соединенные Штаты эту помощь обязательно окажут (не верили в это только 18%, остальные затруднялись с ответом или не искали такой помощи). В лице США видели дружественную страну (51%) или союзника (16%), враждебность к России со стороны Штатов усматривали не более 1–2%.

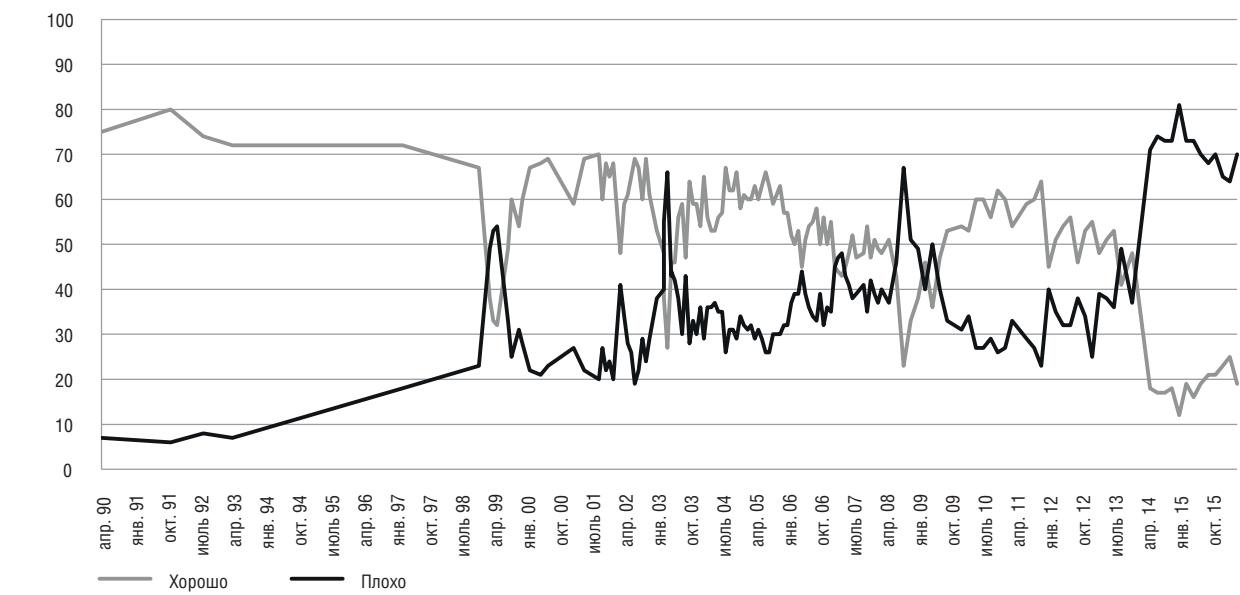
В 1992 году сотрудничество с США российским гражданам представлялось более приоритетным, чем сотрудничество даже с СНГ: 38% против 25%. В свете этих цифр внешняя политика Ельцина – Козырева, направленная

на сотрудничество с США, выглядит логичной. Однако уже в 1993 году ориентиры меняются: соотношение составляет уже 35% к 45% в пользу СНГ. Углубляющийся экономический кризис заставляет почувствовать, что уровня развития Америки в ближайшее время достичь не получится. Увлечение россиян США сменяется разочарованием, а вслед за этим следует и дисквалификация объекта не реализуемых желаний по принципу, который Юрий Левада во многих работах описывал словами из известной басни: «На взгляд-то он хорош, да зелен».

Середина 1990-х: охлаждение отношений

Ближе к середине 1990-х образ США в массовом сознании постепенно начинает меняться. Прежде всего ухудшаются оценки роли этой страны на мировой арене, все большему осуждению подвергаются конкретные шаги Америки на внешнеполитической арене, копится недовольство. При этом общее отношение к США остается позитивным (рис. 1), что до известной

Рисунок 1
ОБЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К США¹

¹ Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?». (На графике: последний учтенный замер – май 2016 года, не приведены значения графы «затрудняюсь ответить».) За все время социологических наблюдений было отмечено четыре резких всплеска негативного отношения к США: в 1998-м, 2003-м, 2008-м и 2014-м. Нетрудно догадаться, что они совпадали с разногласиями двух стран по поводу событий соответственно в Косово, Ираке, Грузии и на Украине. Слово «резкие» здесь указывает на то, что отношения менялись на противоположные в течение всего одного-двух месяцев и всякий раз (за исключением текущего момента) так же быстро возвращались в исходное «позитивное» состояние. Подробные данные см.: <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/>.

степени скрывало происходящие трансформации в общественном мнении. На этом этапе меняется не столько отношение к стране, сколько сам образ США и его содержание.

Одним из первых вызовов положительно-му отношению россиян к США стала американская военная кампания в Ираке в 1993 году. Тогда российское общественное мнение разделилось следующим образом: треть населения была готова поддержать действия США, но половина высказывалась против (при этом 26%

выступали за «решительное осуждение» бомбардировок). Сложно сказать, что тогда преобладало: неприятие войны или же недовольство тем, что такие решения теперь принимаются без учета мнения России.

Тем не менее в 1995–1996 годах действия Америки по отношению к России в целом большинство по-прежнему оценивало как дружеские. США еще не воспринимались как враг, такого мнения придерживались не более 7% – не сравнив с сегодняшним первым местом и 62%. В общем списке врагов Америка уже присутствовала, но была лишь на шестом месте после «мафии», «коррумпированных бюрократов», «чеченцев» и т.д., и совершенно точно эта страна перестала восприниматься как союзник. Так, в 1997 году половина населения считала Россию и Запад внешнепо-

Таблица 2
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ВРАГАХ РОССИИ» НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ²

Исламисты, сторонники фундаментального ислама, ИГИЛ	47
США	46
Фашисты, бандеровцы	29
Международные террористические организации	27
НАТО	26
Украина	20
Чеченские боевики	10
«Пятая колонна», национал-предатели	10
Ведущие страны Европы (Германия, Великобритания и проч.)	10
Политические круги на Западе	9
Национал-патриоты, радикальные националисты	7
Масоны, мировая закулиса, тайные организации	7
Финансовые круги на Западе	7
Польша	7
Сепаратисты внутри России	6
Российские олигархи	5
Грузия	4
Русофобы	4
Либералы-западники	4
Те, кто сегодня стоит у власти	3
Сионисты	2
Китай	1
Ватикан, Папа Римский	1
Коммунисты	<1
Другие	4
Затрудняюсь ответить	2

литическими противниками, другого мнения придерживались 30%. И все-таки лишь треть населения была готова согласиться с тем, что США представляют угрозу мировой безопасности; спустя всего несколько лет эти цифры изменятся.

Отчетливый рост негативных установок по отношению к Западу наблюдается с середины 1990-х. Так, если в 1996 году только 6% готовы были назвать США врагом, в числе многих других, то с 1999-го эта страна уже входит в первую тройку (тогда так считали 19% респондентов) – после «международных террористов» и «чеченцев». Начиная с 2008 года США прочно занимают первое место среди врагов России с устойчивыми 35% респондентов. В 2014-м, на пике антиамериканизма, эта доля повышается до рекордных 65% населения. Сегодня эта цифра составляет 46%, и в списке врагов России США делят первое место с запрещенным в России ИГИЛ¹. Уже в мае 1998 года около 75% полагали, что Америка стремится ослабить Россию и превратить ее в сырьевой приют. Сегодня похожих взглядов придерживается около 80% (табл. 2).

¹ Сравнение этих вопросов выполнено приблизительно ввиду различий в методологии. Вопрос 2016 года был открыт с предварительным кодированием, в предыдущих случаях респондентам предлагалась карточка.

² Вопрос задавался в следующей формулировке: «Кого бы вы назвали врагами России?» (открытый вопрос с предварительным кодированием, март 2016 года, приведены ответы населения страны в целом).

1998–1999 годы: надлом в отношениях

Определяющими в том, как в России относятся к США, стали события 1998–1999 годов. Чаще всего исследователи называют бомбардировки Косово силами НАТО главным событием, которое привело к резкому ухудшению отношения россиян к Америке¹. Это справедливо, но лишь отчасти. Так как за указанные два года, помимо интервенции сил НАТО в Югославии, случились и военные действия США в Ираке, началась вторая чеченская война, повлекшая резкую критику России со стороны Запада, США объявили о выходе из договора по ПРО, произошло первое после распада СССР расширение НАТО на восток. Отношения россиян к Америке не выдержали столь сурового испытания на прочность.

Символом этого конфликта стали «разворот над Атлантикой» Евгения Примакова и маршбросок российских военных на югославскую Приштину в пику силам НАТО. На политику Запада эти действия практически не повлияли: операция в Югославии продолжилась, еще через несколько лет пал режим Милошевича. Но внутри страны российская власть должна была почувствовать мобилизующий эффект антиамериканизма: за один месяц стабильный до тех пор рейтинг Примакова вырос с 56 до 64%, у населения, как и у российских элит, ощущался прилив оптимизма и собственной значимости² (все это повторится в многократно усиленном виде в 2014 году). Игра на патриотических чувствах и использование внешней политики для поддержания легитимности власти станут излюбленным приемом уже при следующем президенте.

В том же 1999 году заявления США о выходе из договора по ПРО и расширении НАТО укрепили уверенность россиян в злоказненности Америки. Согласно опросам 55% посчитали, что позиция США по ПРО «идет вразрез с интересами России». Примерно столько же (50%) поддерживали мнение, что в ответ на расшире-

¹ См., например: Кузина Н. Внешнеполитические проблемы в зеркале общественного мнения в России (2000-е годы)

² Как пишут авторы книги «Герои 90-х»: «реакция значительной части российского общества на генеральскую инициативу оказалась как нельзя более благоприятной, если не сказать восторженной... Косовский маршбросок... стал легендой». См.: Башкирова В. Герои 90-х. Люди и деньги: история новейшего капитализма в России. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 301–302. Интересно, что авторы подчеркивают самодейственный характер действий российских генералов, планировавших операцию российских войск в Косово. Политическое руководство было поставлено в известность лишь перед самым исполнением операции. То есть можно предположить, что в конце 1990-х подобные операции еще не планировались в политических целях для укрепления легитимности власти.

ние НАТО Россия должна укреплять безопасность и обороноспособность (еще 23% настаивали на развитии сотрудничества, 13% считали, что вообще никак не надо реагировать). Тогда же США впервые возглавили список стран, которые «представляют угрозу безопасности России» (в 1998 году так считали 23%, в 1999-м уже 35%). 75% россиян готовы были согласиться с утверждением, что «США используют трудности России, чтобы превратить ее во второстепенную страну»; еще 60% уже были уверены, что США хотели бы видеть нашу страну разделенной на несколько частей, хотя всерьез представить себе военный конфликт между двумя странами могли лишь 8–9%. Схожим образом, с 1999 года начинает нарастать общее отчуждение между Россией и западными странами в целом, которое хотя и достигло пиковых значений в 2014 году, но было высоко задолго до того (рис. 2).

Все сказанное позволяет заключить, что к моменту прихода Путина на пост президента в начале 2000 года образ США уже обрел знакомые очертания без помощи ежедневной телевизионной пропаганды, на которую сегодня мы готовы списать его возникновение.

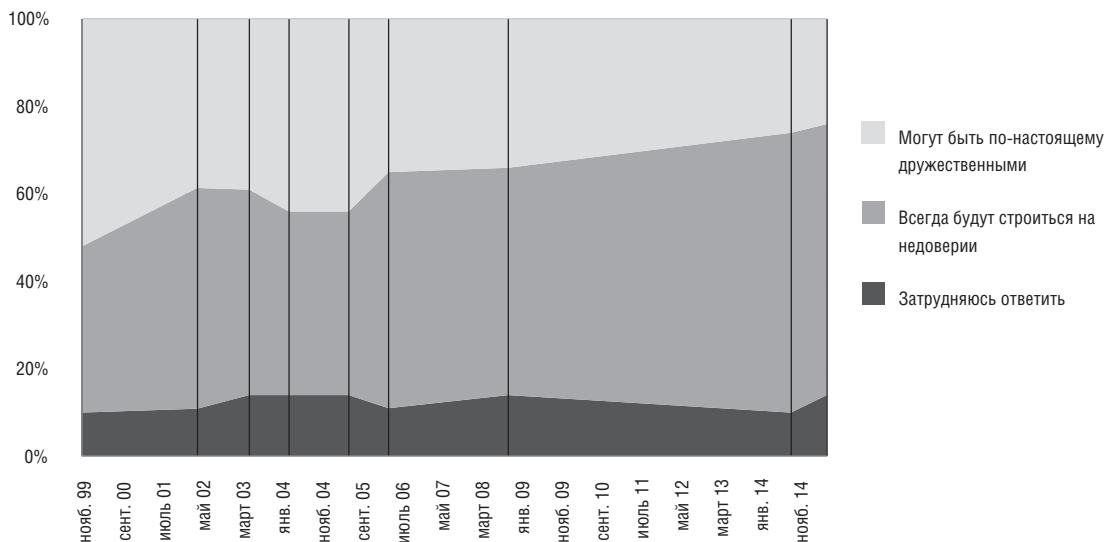
Также во время событий 1998–1999 годов, по-видимому, впервые появляется формула для интерпретации всех последующих международных конфликтов с участием США. В каждом из них половина (или более) респондентов видели в действиях Америки исключительно желание установить контроль над соответствующей территорией, а не попытки добиться исполнения международных норм и наказания их нарушителей. Сопоставимое количество респондентов объясняли причины косовского, иракского и последующих конфликтов интересами самих США. Этот шаблон можно обнаружить в том, как в России воспринимали интервенции союзников в Афганистане и Ираке, события в Ливии и Сирии. Сходным образом во время российско-грузинской войны и участия России (в той или иной степени) в конфликте на юго-востоке Украины российское общественное мнение было убеждено, что настоящими зачинщиками этих конфликтов были западные страны во главе с США.

2000-е: США как главный соперник

Новая возможность изменить ситуацию появилась после терактов 11 сентября 2001 года. Тогда большинство населения испытalo шок от произошедшего. Сотрудничество Путина и Буша воспринималось населением как при-

Рисунок 2

НАРАСТАНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ¹

знак возрождения внешнеполитической роли России, а «совместная борьба с международным терроризмом» считалась главным, что сближало две страны (51% опрошенных в 2002 году). Однако построить новые отношения с США и завоевать признание в глазах западных партнеров и престиж на международной арене, которые затем можно было превратить в поддержку избирателей, не получилось. Вероятно, это был последний шанс на бесконфликтные отношения с Западом, и он оказался упущенными. Следующая перезагрузка, которая пришла на президентство Дмитрия Медведева, не оказала серьезного влияния на представления россиян о США и их месте в мире, о чем свидетельствовали большинство показателей, которые измерял Левада-Центр.

Представление о США как о мировом гегемоне сформировалось у россиян к 2002 году. Тогда же главными причинами, отдаляющими Россию и Америку друг от друга, назывались следующие: «высокомерное отношение американцев к другим народам» (38%), «стремление американских властей к расширению своего могущества» (36%), их «нежелание считаться с интересами других стран» (32%). В том же году в образе США в российском общественном сознании уже сочетались противоречивые характеристики. Позитивные черты преобладали (61% опрошенных считал США богатой страной, 51% – сильной военной державой, представление о США как о демократической стране разделяло

около 18%), однако негативные составляющие образа были одинаково значимыми: 51% россиян считал, что США бесцеремонно вмешиваются в дела других стран, 40% считали, что они стремятся прибрать к рукам богатства мира. С тех пор баланс лишь немного изменился в сторону отрицательных характеристик (табл. 3).

Следующим переломным моментом после событий 1998–1999 годов, вероятно, можно считать период 2003–2004 годов, когда произошло вторжение сухопутных войск США в Ирак, череда «цветных революций», поддержанных на Западе и воспринятых российской элитой однозначно как заговор против России (интересно, что такую точку зрения на события тогда готова была разделить лишь пятая часть населения¹), но уже к 2014 году «антироссийский заговор» стал главной объяснительной конструкцией происходящего), вторая волна расширения НАТО на восток. Тогда же российскому руководству окончательно стала понятна бесперспективность разговоров о вхождении России в евроатлантические структуры безопасности². В результате российская внешняя

¹ Россияне об «оранжевой революции» // Публикация на сайте levada.ru от 24 ноября 2005 года. URL: <http://www.levada.ru/old/24-11-2005/rossiyane-ob-oranzhevoi-revoluutsii/>.

² Дмитрий Тренин пишет по этому поводу: «Придя к власти в 2000 г., вскоре после войны в Косово, Путин стремился восстановить и улучшить отношения России с Западом... Однако с 2003 г. у Путина возникло и укреплялось ощущение, что Запад отвергает его предложения... Надежды Путина на альянс с Соединенными Штатами не оправдались». Тренин Д. Россия порвала с однополярной системой: побудительные мотивы политики Путина // Рабочие материалы Московского центра Карнеги, 19 марта 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/03/19/ru-pub-59425>.

¹ Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как вы думаете, отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными или всегда будут строиться на недоверии?».

Таблица 3
ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О США В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ¹

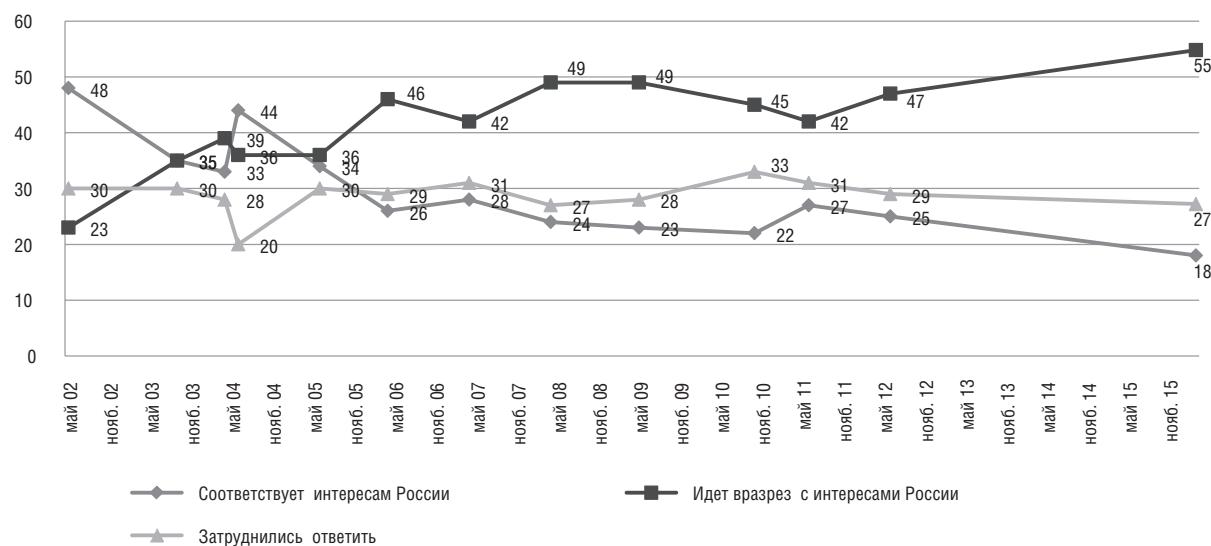
	Окт. 2002	Апр. 2003	Март 2016
Богатая страна	61	48	32
Стремится прибрать к рукам все богатства мира	40	62	52
Сильная военная держава	51	43	34
Бесцеремонно вмешивается в дела других стран, навязывает им свои порядки и ценности	51	61	55
Демократическая страна	19	10	7
Страна социального неравенства, эксплуатации	8	5	8
Лидер мирового научного и технического прогресса	17	11	10
Насаждает погоню за наживой, низменные вкусы, безнравственность	15	18	16
Союзник России в борьбе с угрозой мирового терроризма	17	10	3
Поддерживает реакционные режимы и терроризм в разных странах	4	5	19
Гарант мира на всей Земле	3	1	0
Злейший враг народов развивающихся (арабских, мусульманских, африканских, латиноамериканских) стран	11	15	18
Главный военный и политический противник России	18	17	27
Затрудняюсь ответить	2	1	3

политика постепенно разворачивалась в сторону конфронтации с Западом и США, а вместе с этим и российское общественное мнение плавно дрейфовало от сотрудничества к изоляции и противостоянию. Именно с этого времени общероссийские опросы начинают фиксировать усиливающийся тренд на отчуждение России от США и НАТО на фоне разговоров о своем «особом пути». Так, если в 2002 году половина населения страны выступала за сотрудничество с военным блоком, а четверть была против, то в

следующие десять лет ситуация изменилась на противоположную (рис. 3). В середине 2000-х США и НАТО заняли лидирующие позиции в числе «врагов России», а Соединенные Штаты – еще и в числе «наиболее недружественных по отношению к России» государств.

Рисунок 3

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕЛЕСОБРАЗНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ РОССИИ И НАТО²

¹ Вопрос задавался в следующей формулировке: «Какие из определений, на ваш взгляд, в наибольшей степени подходят США?», общероссийская выборка взрослого населения страны.

² Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как вы думаете, сближение России с НАТО соответствует в целом интересам России или идет вразрез с ее интересами?». (На графике: последний замер – март 2016 года.)

Таблица 4

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТРАНАХ, НАИБОЛЕЕ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ¹

	2006	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72
Украина	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48
Турция	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29
Польша	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24
Латвия	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23
Литва	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23
Германия	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19
Великобритания	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18
Эстония	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16
Грузия	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10

основную причину войны российское общественное мнение видело в стремлении «Соединенных Штатов распространить свое влияние на соседние с Россией страны» (так считала половина населения); на Грузию возлагали ответственность 32%, на Россию – 5%². Под влиянием массированной пропагандистской кампании³ общее отношение к США в течение нескольких дней сменилось с положительного на резко отрицательное (см. рис. 1). Тогда же впервые было зафиксировано негативное отношение к Европейскому Союзу и Украине, руководство которых в российско-грузинском конфликте заняло сторону Грузии.

В это же время проявляется характерная особенность переживания распада СССР – отказ бывшим союзным республикам в субъектности, нежелание признать, что для них западный путь развития может быть более привлекателен, чем следование российскому курсу. Этот шаблон можно наблюдать в отношении Грузии и особенно в отношении Украины⁴.

¹ Вопрос задавался в следующей формулировке: «Какие пять стран вы назвали бы наиболее недружественно, враждебно настроенными по отношению к России?», общероссийская выборка взрослого населения страны. Приведены десять наиболее часто упоминавшихся стран; ответы ранжированы по последнему столбцу.

² Мнение россиян о конфликте в Грузии // Публикация на сайте levada.ru от 20 августа 2008 года. URL: <http://www.levada.ru/2008/08/20/mnenie-rossiyan-o-konflikte-v-gruzii-opros-15-18-avgusta/>.

³ В сентябре 2008 года Владимир Путин раскритиковал радиостанцию «Эхо Москвы», которая пыталась представлять в эфире позицию грузинской стороны, за «неправильное» освещение в Южной Осетии, в то время как все основные СМИ придерживались «правильной» версии. См.: Путину не понравилось // Lenta.ru от 16 сентября 2008 года. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/09/16/echo/>.

⁴ Так, большинство россиян (64%) летом 2014 года были убеждены, что основной причиной происходящего на юго-востоке Украины было «вмешательство Запада». При этом ответственность на украинское руководство возлагали лишь 20%, на ополченцев – 7%, на российское руководство – 3%. См.: Ситуация на юго-востоке Украины // Публикация на сайте levada.ru от 29 июня 2014 года. URL: <http://www.levada.ru/2014/07/29/situatsiya-na-yugo-vostoke-ukrainy-2/>.

Но если в результате российско-грузинской войны главным «врагом», «наиболее недружественной страной» в глазах россиян стала Грузия (так думали около 62%), а США в этом списке оставались на втором месте с 45%, то в 2014–2016 годах Америка прочно занимает место главного злодея, при этом Украина на первых порах и вовсе не воспринимается как противник⁵ (табл. 4).

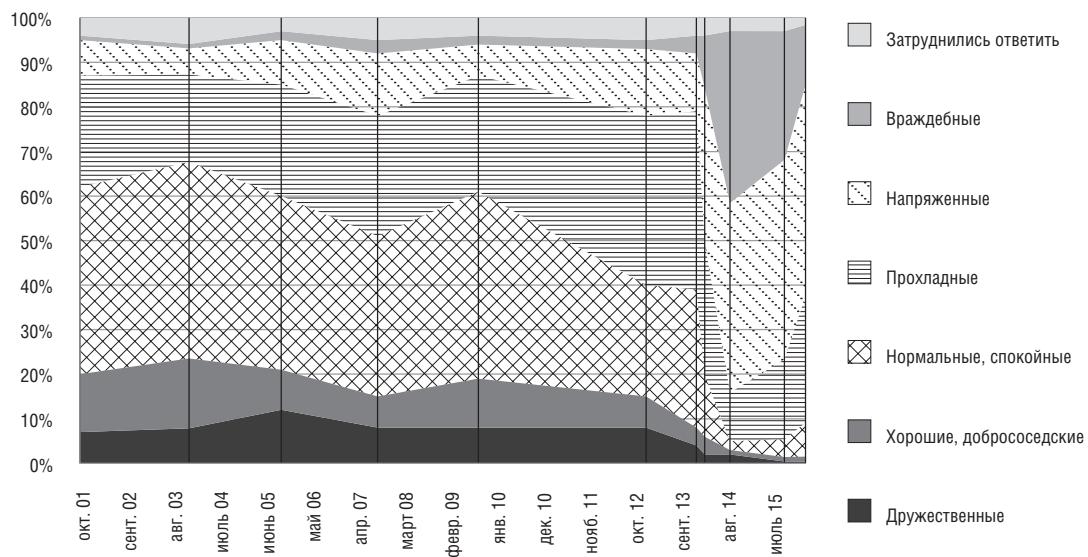
В связи с приведенными данными о недружественных России странах необходимо заметить, что значительная часть населения (обычно 40–50%) чутко следует за официальной внешнеполитической риторикой и верно идентифицирует «противника», даже когда между Россией и другими странами открытого военного конфликта еще нет. Так, в середине 2000-х на роль главного врага претендовали страны Балтии, в конце 2000-х их сменила Грузия, но уже к 2013 году место главного российского противника заняли США. Интересно, что, как и в случае с Грузией во второй половине 2000-х годов, неприязненное отношение к Америке заметно выросло за два-три года до начала конфликта.

2014 год и далее: затяжная конфронтация

Итак, задолго до событий 2014 года в представлениях большинства населения сложился образ США как главной угрозы безопасности России, мирового жандарма и кукловода, который дергает за ниточки режимы в соседних с Россией странах и заставляет их проводить политику, недружественную по отношению к России. Однако сформировавшийся устойчи-

⁵ Характерно, что согласно другому опросу Левада-Центра лишь 25–30% россиян в 2014–2015 годах говорили, что между Россией и Украиной идет война. В официальной риторике российских властей страна не являлась стороной конфликта, этой же удобной позиции предпочитало придерживаться большинство населения.

Рисунок 4
ДИНАМИКА МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США¹

вый негативный образ Соединенных Штатов был скрыт от большинства наблюдателей под шапкой в целом спокойного и позитивного отношения россиян к Америке. На самом деле, когда Америку объявили врагом № 1 по всем центральным телеканалам, долго убеждать общественное мнение в верности этого тезиса не потребовалось, оно было готово к такому повороту событий.

Особенностью нынешнего конфликта с США и другим западными странами является его острота и продолжительность. Общее неприязненное отношение к США практически непрерывно нарастало с конца 2012-го — начала 2013 года. Сразу после начала украинского конфликта отношение к США резко ухудшилось. С возникновения Евромайдана российские телеканалы успешно взяли на вооружение описанную формулу американского заговора против России. Как писала в июне 2014 года телекритик Арина Бородина, анализируя телевэфир 2013/2014, «все без исключения эфирные российские телеканалы, где выходят выпуски новостей... выступили единым фронтом с идеологической разнарядкой российской власти. Такого мощного залпа по зрительской аудитории еще не было ни у одной политической кампании: ни у выборов президента Путина, ни у съездов «Единой России», ни даже у войны с Грузией в 2008 году... подавляющая часть ежедневных выпусков новостей и итоговых про-

грамм трех главных федеральных телеканалов посвящена только теме Украины»².

Поэтому неудивительно, что для половины российского населения главной силой, которая вывела протестующих на улицы Киева, стало «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». С течением времени убежденность в этом только росла (с 41% в декабре 2013 года до 54% в декабре 2014-го)³. До сих пор большинство (56%) объясняет продолжающийся конфликт на юго-востоке Украины тем, что он «выгоден руководству США и стран Запада», а вовсе не участием в нем России (так думают лишь 6%)⁴.

Соответственно, негативные чувства к Америке выросли с 44% в январе 2014 года до 71% в мае⁵ (см. рис. 1). Притом майские показатели превысили предыдущие всплески антиамериканизма (в сентябре 2008-го соответствующий показатель достигал 67%, в апреле 2003-го — 66%). Своего максимума негативное отношение к США достигло к началу 2015 года (81% в январском опросе). Затем напряжение стало ослабевать — на ноябрь 2016-го эта цифра состав-

² Бородина А. Телевизор Олимпиады и Крыма // Forbes.ru. 3 июня 2014 года. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/konkurentsiya/261539-televizor-olimpiady-i-ukrainy-rekordy-propagandy>.

³ Майдан, Крым, санкции // Публикация на сайте levada.ru от 30 декабря 2014 года. URL: <http://www.levada.ru/old/30-12-2014/maidan-krymsanktsii>.

⁴ Украинский кризис // Публикация на сайте levada.ru от 5 мая 2015 года. URL: <http://www.levada.ru/2015/05/05/ukrainskij-krizis/>.

⁵ В феврале, марте и апреле 2014-го соответствующий вопрос не задавался.

¹ Вопрос задавался в следующей формулировке: «Как бы вы оценили в целом нынешние отношения между Россией и США?».

ляла 56%, но быстрого возвращения «к норме» общего позитивного отношения к Америке, как это было во все предыдущие случаи конфликтов, не произошло¹. Кроме того, в отличие от предыдущих конфликтов, в 2014–2015 годах также наблюдалось резкое обрушение массовых представлений о взаимоотношениях России и США: на всем протяжении 2000-х у населения постепенно нарастало понимание, что отношения между странами являются «прохладными». Но в 2014 году большинство определило эти отношения как «напряженные» и даже «враждебные». С тех пор напряжение спало лишь незначительно (рис. 4).

Соотношение массовых и элитных установок

Анализ представленных выше данных количественных опросов об отношении к США, роли этой страны в мире и понимании российско-американского конфликта по отдельным социально-демографическим группам показывает, что отношение к США и их роли в мире на сегодняшний день практически не зависит от информированности респондентов², их опыта пребывания на Западе и общения с европейцами и американцами. Гораздо в большей степени мнение респондента относительно вопросов, связанных с США, зависит от его позиции по таким вопросам, как желаемая роль России в мире (иными словами, одобрение или неодобрение великодержавных амбиций собственной страны), удовлетворенность или неудовлетворенность ситуацией внутри России, поддержка или неодобрение деятельности российского руководства (а значит, в каком-то смысле предрасположенность к некритическому восприятию пропагандистских клише и шаблонов, которые представляет телевидение). То есть мнение респондента о США определяется не его информированностью или опытом, а идеологической позицией³.

¹ Вероятно, это можно объяснить продолжающейся войной взаимных санкций и сохраняющейся (пусть и в ослабленном виде) антиамериканской риторикой российских телеканалов.

² Например, по стране в целом доступ к альтернативным источникам информации имеют около 30%, в Москве и крупных городах эта цифра вдвое больше (около 60%). Альтернативная информация есть, но большинство даже среди самых информированных отказывается принимать ее в расчет. Подробнее о расчетах аудитории «независимых» и «патриотических» российских СМИ см.: Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: телевидение, пресса, интернет // Публикация на сайте [levada.ru](http://www.levada.ru) от 8 июня 2014 года. URL: <http://www.levada.ru/2014/07/08/rossijskij-media-landshaft-televideenie-pressa-internet-3/>.

³ Сходная ситуация уже наблюдалась нами в вопросах отношения населения к происходящему на Украине, когда большинство даже самых информированных граждан, которые следили за происходящим по нескольким независимым источникам, склонны были принимать точку

Сторонники российской власти склонны негативно оценивать США, критики власти склонны давать более позитивные оценки, но и здесь преобладают негативные установки (заметим, что похожую ситуацию мы наблюдали в отношении российской политики на Украине). Условно можно разделить антиамериканизм и антизападные настроения на «обывательские» (или «массовые») и «идеологические» (или «элитные»)⁴. Первые присущи широким слоям населения, которые по определению плохо разбираются в происходящем, потому что они либо вовсе не следят за событиями в мире, либо следят за событиями прежде всего по телевизору. Второй тип антиамериканизма характерен для тех, кто активно и с интересом следит за текущей внутренней и внешнеполитической повесткой и поэтому хорошо информирован, но предпочитает придерживаться про-властной, или «патриотической», интерпретации событий.

В большинстве своем аудитория независимых СМИ оценивает действия США в мире негативно, поддерживает присоединение Крыма, не придает значения истории с гибелю псковских десантников, радуется запуску российских ракет с кораблей в Каспийском море. Взгляды этой части населения нельзя списать на неосведомленность или слепую веру официальной пропаганде, здесь требуется иное объяснение. Российская пропаганда рисует примитивную, но привлекательную картину мира, в которой Россия находится на стороне добра, мира и порядка, а все ее противники – на стороне зла, хоса и насилия. Такое понимание происходящего позволяет среднестатистическому россиянину чувствовать себя благородным. С другой стороны, конфронтация с Западом предстает как доказательство возрождающегося величия России (об этом подробнее речь пойдет ниже). Это приносит удовлетворение, придает ощущение собственной значимости. Оказывается, ощущение сопричастности к сильной державе для прозвещенной российской публики почти так же дорого, как и для рядового человека. Напротив, образ страны, очертания которого проступают в публикациях независимых СМИ, гораздо менее привлекателен: в них Россия предстает как агрессор, мировой шантажист. Гораздо призрения российской власти и российских СМИ по вопросам о присоединении Крыма, об отсутствии российских войск на юго-востоке Украины и т.д. Подробнее о восприятии россиянами официальной версии событий см.: Волков Д. Родина вне критики // Ведомости. № 4036. 18 марта 2016 года.

⁴ В этом случае идет речь об «информационной элите», то есть о той небольшой части населения, которая интересуется и следит за политическими событиями посредством различных источников информации.

ятнее закрыть на это глаза и присоединиться к официальной версии происходящего.

Другой взгляд на установки в отношении США и Запада представителей российской элиты (тех, кто имеет непосредственный доступ к принятию государственных решений) предоставляют данные опросов, проведенных в 1993–2016 годах под управлением Международного консорциума политических и социальных исследований (ICPSR) при Мичиганском университете¹. Здесь достаточно будет обрисовать лишь самые общие тенденции. На протяжении всего периода наблюдений мнение российских элит в отношении Запада почти полностью повторяет основные тренды в общественном мнении: 1) в начале 1990-х в отношении к Западу и США доминировали положительные настроения, после чего наблюдалось плавное ухудшение отношения; 2) сегодня преобладает резко негативное отношение, при этом предыдущие пики антиамериканизма (меньшие по масштабам) были зафиксированы в 1999 и 2008 годах, иными словами, на мнение элит во многом оказывали влияние те же факторы, которые формировали общественное мнение; 3) Америка практически однозначно воспринимается как недружественная страна, которая представляет угрозу для России. Однако в списке важнейших угроз для страны американская военная угроза занимает далеко не первое место. Иными словами, при всей подозрительности и неприязни к США в угрозу прямого военного столкновения элиты скорее не верят (далее будет показано, что такое сочетание представлений характерно и для массового сознания); 4) отношение к Европе среди элит гораздо позитивнее, чем к Америке. Одновременно с этим, если верить многим публичным высказываниям и высказываниям off-the-record, среди элит также распространено убеждение, что Европа находится в зависимости от США. По мнению Эдуарда Понарина, одного из авторов исследования мнения российских элит, дело вовсе не в том, что элиты принимают спускаемую сверху систему взглядов и сливаются с «линией партии». Наоборот, это взгляды людей, которые сами являются закономерным продуктом своего времени и ко-

торые сегодня эту «линию партии» формируют. Их мировоззрение – результат разочарования в том, что Россия так и не стала полноправным членом мирового сообщества².

Так как в этой работе не ставится задача проанализировать настроения российской элиты во всех подробностях, важно отметить следующее: совпадение мнений элитных и массовых представлений в отношении Запада говорит о том, что эти настроения вряд ли можно объяснить только пропагандой. Это результат накопившихся противоречий и конкретных шагов, которые предпринимали все стороны сегодняшнего конфликта³. И без хотя бы частичного снятия этих взаимных противоречий наладить диалог между Россией и Западом будет невозможно.

Характер американской угрозы в представлениях россиян на сегодняшний день

Итак, базовые представления об образе США в мире, об Америке как угрозе для России были сформированы еще в конце 1990-х – начале 2000-х, начало нынешнего конфликта уже не принесло серьезных изменений. Например, в апреле 2015 года 59% россиян верили в угрозу со стороны США (32% не верили), однако за восемь лет до того соотношение было не намного хуже: 47% против 42%. Можно сказать, что в 2016 году представления по данному вопросу практически вернулись к «норме» (53% против 40%). При этом, с точки зрения большинства, основная опасность со стороны Америки заключалась не в прямом военном вторжении (его называли порядка 12% россиян или 22% тех, что считает угрозу со стороны США реальной), а в действиях исподтишка: посредством «ослабления роли России в мире», «создания препятствий на пути развития», «навязывания чуждых идей и ценностей» (рис. 5).

² Железнова М., Эппле Н. Элитный антиамериканизм // Ведомости. № 4078. 20 мая 2016 года. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/20/641720-elitnii-antiamerikanizm>.

³ Сегодня как в России, так и за рубежом появляется все больше работ, которые частично возлагают ответственность за ухудшение российско-американских отношений на другую сторону. См., например: А. Кортунов о неоправдавшихся надеждах на создание общеевропейской системы безопасности, которая включала бы Россию. *Kortunov A. How not to talk with Russia* // Эссе для сайта Европейского совета по международным делам от 1 апреля 2016 года. URL: http://www.ecfr.eu/article/commentary_how_not_to_talk_with_russia_6053. Или И. Ицкович о том, что с самого начала главным риском расширения НАТО американские эксперты считали возможное ухудшение взаимоотношений России и США. *Itzkowitz Shifrinson J. Deal or No Deal: The End of the Cold War and the US Offer to Limit NATO Expansion* // International Security. Spring 2016. Vol. 40. № 4. P. 7–44. URL: <https://www.russiamatters.org/analysis/deal-or-no-deal-end-cold-war-and-us-offer-limit-nato-expansion>.

¹ Russian Elite 2006. Perspectives on Foreign and Domestic Policy, May 11, 2016. URL: <https://www.hamilton.edu/news/polls/2016-russian-elite>. Подробный анализ предыдущих волн этого исследования см.: Циммерман У., Инглхарт Р., Понарин Э. и др. Российская элита-2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, 2013. URL: <https://publications.hse.ru/books/101149290>.

Рисунок 5
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УГРОЗАХ СО СТОРОНЫ США¹

Анализ материалов групповых дискуссий позволяет углубить понимание того, как именно россияне видят исходящую от Америки угрозу, а кроме того, может обнаружить, какого рода страхи и желания связаны в сознании россиян с Соединенными Штатами (так как вслед за Львом Гудковым мы считаем, что антиамериканизм говорит гораздо больше о самих россиянах, чем об Америке)².

Одно из главных убеждений, которое разделяли большинство участников групповых дискуссий, заключалось в том, что Запад и США одержимы идеей «унизить и ослабить Россию»; опросы общественного мнения, в свою очередь, говорят, что такие представления характерны для подавляющего большинства российского общества³. (Как показывают исследования общественного мнения на Западе, эти представления являются по большей части ошибочными и искажают действительность⁴.)

¹ Вопрос задавался в следующей формулировке: «Какого рода угрозу России представляют сейчас Соединенные Штаты?». Приведены данные для населения России в целом. Вопрос задавался в марте 2016 года.

² Лев Гудков пишет: «Отношение к «Америке» – это отношение населения в целом или отдельных групп к ведущим институтам общества, их функциям и характеру их реализации, к «самим себе»». См.: Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58). С. 32–48.

³ Основываясь на результатах фокус-групп, в марте 2016 года мы задали вопрос в массовом общероссийском опросе, согласны ли респонденты с тем, что Запад «всегда хотел ослабить и унизить Россию»; 85% россиян согласились с таким утверждением.

⁴ Опросы в США не подтверждают подобной одержимости американского общественного мнения идеей сдерживания России, хотя недовольство по отношению к России в последнее время растет. Так, Совместное исследование общественного мнения россиян и амери-

Что именно Соединенные Штаты хотят от России по мнению респондентов и зачем им это нужно? По словам опрашиваемых: «Запад ищет, видит любую возможность, чтобы ударить по нашей стране», «главная цель Америки – это развалить нас и иметь мировое могущество», «мы всегда им были как кость в горле».

В материалах групповых дискуссий просятываются четыре версии того, как люди объясняют мотивы поведения США в отношении России: экономическая, историческая, geopolитическая и откровенно конспирологическая. Конечно, все эти мотивы тесно переплетены между собой, и конспирология (1) пронизывает все остальные объяснительные версии. Все они говорят именно о непонимании сути явлений и являются более или менее правдоподобными способами рационализации действительности, которая иначе бы просто не могла быть объяснена и усвоена. Поэтому в представлениях большинства наших респондентов в мире все взаимосвязано, все происходит по воле небольшой группы людей (или руководства Соединенных Штатов), все действуют согласно полученным инструкциям, исполнение глобального плана четко отслеживается. Но в предельных случаях, ко-

канцев, которое провели Левада-Центр и Chicago Council, показывает, что даже на фоне громкой избирательной кампании в Америке, в которой России уделялось гораздо меньше внимания, чем обычно, обеспокоенность действиями России в США почти в два раза ниже, чем обеспокоенность действиями США среди россиян. См.: Смэлл Д., Гончаров С., Войтович Л. США и Россия: отсутствие доверия и ощущение безопасности определяют отношения стран // Публикация на сайте levada.ru от 7 ноября 2016 года. URL: http://www.levada.ru/2016/11/07/usa_russia_report_2016/.

торые все-таки относительно маргинальны¹, речь напрямую идет о мировом заговоре, мировом правительстве, мировой закулисе, которой подчиняются западные элиты. Обама, Меркель и другие мировые лидеры – лишь пешки в этой игре. Очень часто такая версия приправлена элементами антисемитизма, в заговоре против России участвуют богатейшие семьи еврейского происхождения. Дополнительная рационализация в этом случае не требуется, сколь неправдоподобной ни выглядела бы такая версия. Это похоже на новое издание старого мифа о протоколах сионских мудрецов, деньги и иррациональная ненависть к России и русским представляются в этой версии главными движущими мотивами. Для наглядности приведем несколько типичных высказываний:

«Банк США, Федеральная резервная система принадлежит частному лицу. И Кеннеди как раз хотел... Из-за этого его, конечно, убрали в шестьдесят третью... Там несколько семей, насколько мы знаем: Морганы, Ротшильды, Рокфеллеры и т.д.»

«Международный капитал. – Наверно, может быть, он стержень, а остальное – ответвления. – Военная угроза – она и есть военная угроза. Она главная. – Гонка вооружений подразумевает, конечно, финансовые потоки. Это связано».

«Сейчас между Ротшильдами и Рокфеллерами идет огромная война. Там ни Обама, никто... Не важно совершенно...»

Согласно «экономическому» объяснению (2) в мире «всё на деньги завязано», Россия представляется как: а) источник ресурсов, которые «заканчиваются по всему миру, а у нас в избытке», и поэтому США, у которых «мало что осталось», стремятся «разобрать наши природные ресурсы», «захватить нашими ресурсами», «управлять нашими ресурсами» и в итоге выкачать «все соки из России»; б) рынок сбыта американских товаров: «Америка здесь будет строить Макдоналдсы», «ножки Буша поставлять», а россияне будут «работать на них, не знаю, кто живыми останутся. Рабами будем» и работать на их заводах и фабриках; в) плодородные земли, «где можно сеять» и выращивать «экологически чистые огурчики» и другие продукты: «мы дразним их своими территориями», ведь на Западе «все загажено».

С этой версией тесно связано представление о России как об объекте чужой враждебной

¹ Например, в марте 2016 года 7% россиян в числе других «врагов России» назвали масонов и мировую закулису (см. табл. 2).

политики, чужого вожделения. Она – жертва чужого насилия, обязательно невинная. Один из самых выразительных образов, который неоднократно возникал на групповых дискуссиях, это **Россия как лакомый кусочек**, центр мицдания, на который со всех сторон направлены вожделеющие взоры. Здесь есть все, чего нет в других странах, и они хотели бы это получить. И поэтому все «нацелены на Россию», «прутся сюда», хотят «съесть, проглотить», «Россия и Америка – это волк и заяц. Америка – волк, а мы – заяц». Оборотной стороной этого образа было подспудное ощущение слабости страны: ресурсы находятся в слабо освоенных регионах, используются неэффективно («себя прокормить не можем», приходится импортировать с того же Запада продукты, одежду, технику). Выходит, кроме природных ресурсов и неосвоенных территорий, России нечем заинтересовать Запад, в других областях россиянам похвастаться нечем.

Согласно «историческому» объяснению (3) Западом (США, Англией, «карликовыми государствами» Балтии) движет «вековая ненависть» по отношению к России. Это ненависть обязательно иррациональна, у нее нет объяснимой причины, она никак не обусловлена действиями самой России, так было всегда: «Они русских просто ненавидят». В этой логике такие события, как распад СССР, майдан, цветные революции, «оранжевые войны», «арабская весна», война в Сирии представляются звеньями одной цепи, результатом происков западных стран, продолжением холодной войны. Однако корни вражды Запада по отношению к России уходят в далекое прошлое, так было «со времен Петра Великого», «со времен Московской Руси». Обостряется эта вражда, «особенно во время усиления России», не столько из-за той угрозы, которую страна начинает представлять для своих соседей, а потому, что им невыносима сама мысль о российском величии.

Некоторые респонденты, так как с этим согласны не все, объясняют злобу американцев по отношению к России тем, что «Америка слабеет», «еще сохраняют свой вес, но медленно уже начинают ослабевать», «теряет позицию мирового лидера, который всех под себя подминает», потому что «прошли те времена, когда Америка имела вес». Согласно представлениям респондентов ослабление США автоматически означает **возрождение российского могущества**: «возрождается наша Россия». И это один из ключевых

образов для понимания содержания и динамики сегодняшнего российско-американского конфликта. Во многом представления россиян о восстановлении великодержавного статуса страны легитимировало в глазах населения участие России в конфликтах на Украине, в Сирии, также это ощущение стало одной из основ новой легитимности российской власти¹.

На фокус-группах люди с восторгом говорили: «Всего два дня – и Крым наш!», «Если раньше Путин только говорил о величии страны, то сейчас он доказал это на деле». В целом согласно опросам общественного мнения присоединение Крыма стало доказательством того, что Россия вернула себе статус великой державы для 80% населения. И хотя радость от присоединения Крыма утихла уже к концу 2014 года (хотя 80% по-прежнему считают, что этот шаг был правильным и пойдет стране только на пользу), теперь доказательством значимости страны на международной арене является продолжавшееся противостояние с Западом, взаимные санкции и обвинения. Нас не любят, боятся, пытаются ослабить, а значит, принимают всерьез.

Геополитические соображения (4) пронизывают рассуждения большинства участников групповых дискуссий о причинах конфликта России и Запада. В этом объяснении Россия выступает как главное препятствие для США на пути к мировому могуществу и господству, единственная страна, которая готова бросить вызов Америке. В этой версии российская внешняя политика обретает высший смысл и мировое значение: «Россия нужна миру как противовес Штатам», она – «камень преткновения» для американского империализма. Это тот эксклюзив, который страна может предложить миру помимо природных ресурсов. Как безапелляционно заявляют респонденты, «Америка всегда хотела править миром, это знали все», американцы «хотят быть первыми на земном шаре», «сильнее всех хотят быть, хотят всем странам давать советы, руководить, показать свою силу хотят». В этой логике Америка является «агрессором для всего мира», «угроза для всех», «мировой гегемон». Следующее объяснение является типичным: «Запад пытается пойти против России, навязать свое мнение... поскольку мы на новый уровень и военный, и политический восходим. Они боятся, что Россия станет первой в мире, а не Америка».

¹ Подробнее о динамике рейтингов власти и их зависимости от представлений о величии страны см.: Волков Д. 86% Путина: верить или нет // Ведомости. № 3977. 9 декабря 2015 года.

Такой взгляд на Америку снимает с России всякую ответственность. Ее словно вынуждают на конфронтацию против воли: «Путину пришлось противостоять... у него не было выбора». Важно отметить, что представления россиян в этом, как и во многих других вопросах внешней политики, практически дословно повторяют высказывания представителей российской власти². Вменением злого умысла противоположной стороне **оправдывается любое действие России**: от санкций до захвата Крыма российскими войсками. Готовность признать хотя бы частичную ответственность России за возникающие конфликты с соседями или странами Запада представляет собой маргинальную точку зрения и в общероссийских опросах, и на групповых дискуссиях. Рассмотрим подборку следующих цитат респондентов разных возрастов (различить их можно было бы только по голосу, молодые и пожилые участники дискуссий использовали практически одинаковые слова и речевые обороты). Вряд ли что-то, кроме телевизора, который сегодня является основным источником информации для большинства населения, могло снабдить одинаковыми объяснениями происходящего людей разных поколений:

«Мы никаких санкций, по большому счету, не делали Западу. Это они делают». «Украина против нас идет войной. Мы им газ даем в долг – все равно мы плохие, Европе даем газ – плохие... только они против нас санкции делают».

«Они вмешались еще до Крыма: организовали Майдан. Это сценарий Америки был. Их план: через Украину насолить России».

«Америке не нравится сама Россия, хоть с Крымом, хоть без Крыма, это никакого значения не имеет³. – Хочет обесточить. Они хотят, чтобы Россия была обессилена. Хотят разбить ее на мелкие государства. – Крым там ничего не меняет».

² Здесь уместно вспомнить одно из высказываний Сергея Иванова в адрес западных стран, на тот момент руководителя Администрации президента РФ, в его нашумевшем ночном интервью телеканалу Russia Today: «Они недовольны происходящим на Украине, хотя подчеркну, что не мы это начали – мы лишь отреагировали на то, что начала другая сторона». См. Сергей Иванов: План западных СМИ с помощью клеветы очернить руководство России не сработает // Russia Today. 23 мая 2015 года. URL: <https://russian.rt.com/article/93291>.

³ Сходные тенденции зафиксировал общероссийский опрос в октябре 2016 года. На вопрос о том, к чему прежде всего стремятся страны Запада, продолжая санкции против России, из трех возможных подсказок – «Остановить войну, разрушения и гибель людей на востоке Украины», «Восстановить геополитическое равновесие, нарушенное присоединением Крыма к России», «Ослабить и унизить Россию» – последняя набрала 73%. В этой логике Крым – лишь предлог, и западные страны ввели бы санкции против России в любом случае.

«Была угроза третьей мировой войны, и мы захватили Крым, чтобы сдержать эту войну. Вот и все... А иначе стояли бы крейсеры натовские и летали бы самолеты». «Все школы там (в Крыму. – Д.В.) уже под казармы переделывали».

«После того как американцы, грубо говоря, вломились. Флот, Севастополь, Крым – всё стало наше. Там они могли бы свои базы (разместить. – Д.В.), а сейчас мы Крым присоединили, мы им перекрыли весь кислород. Могли они, могли... А теперь всё!»

«Начали почему прогибать Россию – отдайте Крым. Путин сказал: «Нет, Крым будет наш, там базы не поставят свои, ракеты. Мы не дадим Россию разбить, мы не дадим Крым»¹.

Сама Россия при этом предстает как осажденная крепость, которую «окружили со всех сторон», подобрались «поближе к нашим границам», замышляют «под нашим боком», «раскачивают со всех сторон», «хотят нас взять теплыми».

В целом в материалах дискуссий различимы **четыре основные цели США** в отношении России, какими они видятся респондентам: 1) полностью захватить российские территории; 2) расколоть Россию на малые части (чтобы «довлечь», «подчинить своей воле», «развалить полностью... чтобы России как сейчас не существовало», «чтобы мы как страна пропали», «не производили ничего», «чтобы убрать конкурента», «и в итоге не будет такой страны – России»); 3) контролировать страну через контроль за ее руководством: «поставить лояльное правительство, чтобы усилить свое влияние», «чтобы диктовать», чтобы «плясали под их дудку», «чтобы были как при Ельцине», по сути, здесь идет речь о превращении страны в колонию Запада; 4) оставить Россию независимой, но максимально ослабить: столкнуть Россию с другими странами, втянуть в гонку вооружений, «выбить из игры».

Однако большинство участников групповых дискуссий считали, что сегодня эти варианты не по силам Америке: *«Не посмеет сунуться»*, – и поэтому большая война между странами маловероятна. Ведь если такая война начнется, в ней не может быть победителей – обе страны обладают ядерным оружием. Менее

распространена была версия, что начавшуюся войну выиграет Россия, опять же потому, что Америка слабеет, а Россия возрождается:

«Если Россия будет воевать с Америкой, мне кажется, конец света будет».

«У нас сильная армия, у нас возрождается наша Россия, я уверен на 100%, что никто никогда в жизни не посмеет пойти на нас, потому что конец будет для них предрешен, у нас ядерный щит мощный... Нахлобучим...»

«Там должны понимать, что наша мощь – ядерное оружие, сколько у нас есть, сколько у них есть. У нас идет гонка вооружений. Но, я думаю, люди, которые стоят у власти, должны соображать, что, если начнутся военные действия, выигравших и проигравших в этой войне не будет вообще».

«Американцы – прагматики. После Вьетнама воевать напрямую – у них такой вой будет!»

Ощущением **невозможности большой войны** между Россией и США были пронизаны и большинство проведенных групповых дискуссий. Широко распространенная уверенность в том, что «там должны понимать» и что там «не дураки сидят», показывает, что в открытое противостояние люди не верят. Даже слова Владимира Путина о возможности применения ядерного оружия по отношению к западным странам² у большинства населения вызвали не страх, но одобрение, потому что воспринимались как игра: «другого они не понимают»³. Однако складывалось впечатление, что молодые люди хуже понимают силу ядерного оружия, для них идея его применения реже оказывается табуированной, они гораздо легче рассуждают на эти темы.

В целом противостояние России и США в глазах населения носит комфортный и относительно безопасный характер. Социолог Борис Дубин сегодня наверняка определил бы такую установку как «(теле)зрительскую», а если следовать сегодняшней моде, ее стоит назвать «диванной» (что также отсылает к телесмотрению)⁴. Массовые опросы показывают, что опасаются

² О готовности использовать ядерные силы Владимир Путин говорил в том же фильме «Крым. Путь на родину».

³ Словам президента о применении ядерного оружия тогда готово было поверить около трети населения. Большинство же понимало, что такая война невозможна, так как «в ней не может быть победителей». См.: Угроза для России со стороны США // Публикация на сайте levada.ru от 12 мая 2015 года. URL: <http://www.levada.ru/2015/05/12/ugroza-dlya-rossii-so-storony-ssha/>.

⁴ Действительно, для абсолютного большинства населения образ США – это продукт телесмотрения, о чем речь ниже. У Бориса Дубина см., например: Дубин Б. Телевизионная эпоха: жизнь после // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. С. 185–208.

¹ Вероятно, цитируются слова Владимира Путина из фильма Андрея Кондрашова «Крым. Путь на родину», показанного в марте 2015 года по телеканалу «Россия 1». Частичную расшифровку его слов см.: Путин В. Чтобы защитить Крым, мы готовы были развернуть ядерное оружие // Комсомольская правда. 15 марта 2015 года. URL: <http://www.kp.ru/daily/26354.7/2326171/>.

возможного военного конфликта между Россией и Западом около 40% россиян (и за последние пару лет эта обеспокоенность выросла), но считают такое развитие событий вероятным вдвое меньшее число граждан (около 18%)¹.

Однако наряду с общей уверенностью в том, что большой войны удастся избежать, многие респонденты считают, что противостояние с США будет выливаться в постоянные локальные войны. Как уже говорилось, наиболее вероятным для россиян представляется, что **Америка действует исподтишка, чужими руками**, инициирует прокси-войны, гибридные и информационные войны, конфликты по периметру России. Некоторые отмечали, такая скрытая война «уже давно идет». В этом сценарии США обычно действуют через своих союзников-сателлитов, таких как Украина, Грузия, Прибалтика, Турция, страны ЕС и НАТО и др.:

«Насчет термоядерной войны сомневаюсь. Могут относительно масштабную войну американцы вести против России, но вести будут до последнего украинца, сами не будут».

«Америка будет с Россией воевать через Украину. — Я в принципе не верю, что Украина пойдет на нас войной. У них не хватит силенок. — А я верю. Я согласна с Александром».

«Америка не своими руками делает это, а руками соседних государств пытается, все наши границы уже обложили... думаю, что и Франция подтянется, если нужно будет. За деньги всё сделают».

«Эрдоган действовал по приказу финансовых кругов США², был какой-то звонок, какие-то разговоры. — Это политика хаоса. — Я тоже присоединяюсь, США не любят своими руками делать. Они всегда через кого-то, всегда в обход. — Конечно».

Несмотря на многочисленные заверения респондентов о собственном миролюбии и на-

¹ Оба вопроса задавались в марте 2016 года с сопоставимыми подсказками: «Опасаетесь ли вы, что нынешнее обострение отношений России с Западом по поводу Сирии может перерasti в третью мировую войну?» и «Как вы думаете, возможно ли, что нынешняя напряженность в отношениях между Россией и силами антиасадовской коалиции перерастет в военный конфликт между Россией и странами Запада?». Сравним это с результатами похожего опроса в отношении Украины, который проходил в том же месяце: «Как вы думаете, каким образом будут развиваться отношения между Россией и странами Запада после нынешнего конфликта вокруг Украины и Крыма?». Большинство (49%) посчитали, что «все постепенно будет спущено на тормозах и наши отношения постепенно вернутся к тем, которые были до этого инцидента», и лишь 32% ожидали «нарастания напряжения в отношениях, новый виток холодной войны».

² Имеется в виду инцидент, когда турецкие военные сбили российский бомбардировщик в ноябре 2015 года.

вязанном противостоянии с США и Западом, на групповых дискуссиях неоднократно обнаруживалось, что желания респондентов выходят далеко за пределы оборонительной политики. После детального обсуждения оказывалось, что наиболее желательным для респондентов был сценарий, при котором **Россия должна занять доминирующую позицию** по отношению к остальным странам, а не просто дать отпор Соединенным Штатам. Обычно это обнаруживалось, когда респондентам предлагалось нарисовать сегодняшнее и желаемое положение страны на мировой арене (считается, что создание простых экспресс-рисунков и их последующая интерпретация самим автором позволяют лучше выявить и проговорить скрытые подсознательные реакции)³.

Слова респондентов разных возрастов опять-таки оказывались очень похожими. Речь шла не только о том, чтобы *«поставить Америку на место»*, но и чтобы самим занять место мирового гегемона, *«директора земного шара»*, чтобы по своему усмотрению менять режимы в соседних странах, *«занимать более жесткую позицию»* в отношениях с другими странами. Подразумевается, что **Россия имеет право делать все то, что ставит в упрек США**. И это вновь перекликается с темой возрождающегося величия страны. Нужно подчеркнуть, что это — мнение не всех респондентов, но оно, безусловно, доминировало во время групповых дискуссий. Несогласные с этой точкой зрения были почти на каждой группе, но в основном они оказывались в меньшинстве и поэтому предпочитали не вступать в спор и молчали. Приведем подборку самых характерных цитат:

«Я приветствую политику Лаврова, но в некоторых вопросах надо быть более жесткими».

«А я вот чего хочу: Россия сжирает всех и показывает Америке...»

«Да, вот это Россия сейчас — это супермаркет, небольшое здание. И вот Россия в будущем. Она расширилась, присоединила к себе какую-то часть, увеличила парковку, поставила ее на территории Америки. Я считаю, что она должна развиваться... должна только разрастаться, быть больше... Должен быть один начальник (в мире. — Д.В.). Не должно быть двух директоров».

«На первом рисунке у меня Россия на ступень ниже идет, чем весь мир, а на втором рисунке хо-

³ Подробнее о результатах проективной методики экспресс-рисунков на том же материале см.: Левинсон А., Гончаров С. Война вместо будущего — выход для аномического сознания // Вестник общественного мнения. 2015. № 3-4. С. 45–66.

телось бы, чтобы, наоборот, Россия была выше, чем весь мир».

«Я сделала так: большая Россия, и на нас охотятся США, Германия, Англия, но помогают нам Китай и Белоруссия... А то положение России в мире, которого мы хотим, — это мы уничтожим США, Германию и Англию и будем жить прекрасно. (Смешки.) — Хорошо жить будем, нам никто не будет угрожать...»

«Америка не исчезнет (после удара России. — Д.В.). Просто она войдет в правильное русло. — В состав России. — Да, в состав России... Экономическая мощь Америки постепенно угаснет, и будет обычная страна. Которая будет на той стороне планеты, о которой рано или поздно все забудут. — Может, даже развалится на что-то. — Да, развалится».

(Если все сложится лучшим образом. — Д.В.) «Тогда мы станем, наверное, очень могучей державой. И США в конце концов будут нам подчиняться. — Навряд ли. — Если сложится все таким образом... Но вообще я считаю, что никто не имеет права никого бомбить».

«Мы станем великой державой. — Еще круче. Всех поставим... — На колени. — А что будет с Соединенными Штатами? — Не знаю, наверное, им придется все свои долги раздавать. — (Смеется.) Молодец. — Они вообще всему миру задолжали. — Нам морально задолжали. — Да».

«Какие есть альтернативные действия? — Сместить режим Эрдогана и поставить лояльного России человека».

«Мы Америку не завоюем, у нас нет такой цели — ее завоевать. Но мы устраним ее как конкурента. И как агрессора».

Как представляется, приведенные цитаты говорят не только о накопившейся агрессии по отношению к США и Западу, но и о той, которую раздувает государственная пропаганда. В словах респондентов можно разглядеть браваду. Люди храбрятся, преувеличивают возможности и силу своей страны. И, хотя они подспудно чувствуют, что Россия слабее, беднее, неустроеннее западных стран, «стоит на ступеньку ниже», они стараются убедить себя в обратном. Большинство приведенных цитат говорят «о благоприятном», «желаемом», «воображаемом» сценарии полной победы России над США. В реальности сил на это не хватит.

Подоплекой большинства разговоров, даже когда речь шла о столкновении двух стран, все-таки была не экспансионистская, а изоляционистская риторика. О чем постоянно говорили

люди, так это о «праве на независимость», самостоятельность, автономность. Россия должна не столько «захватить» или «уничтожить», сколько «показать» и «доказать» (Америке, Европе, всему миру, себе самим), «поставить на место», «вернуть причитающееся» (место на мировой арене, уважение). Другое дело, что по мере развития дискуссий аппетиты имели обыкновение расти; несколько раз заходила речь о том, что «после Крыма» и Аляску пора «вернуть». Как тут не вспомнить недавнюю шутку Владимира Путина о том, что «российская граница нигде не заканчивается»¹.

«Победит Россия... мы отстоим свое право на независимость».

«Россия — такая страна, которую в принципе невозможно контролировать — ни Америке, никому».

«Мы не будем зависимы от других стран, которые нам навязывают свою идеологию».

«Я считаю самым страшным капитуляцию перед Западом».

«Мы проиграем, но не прогнемся».

«Мы сильная держава, и с нами не надо разговаривать языком ультиматумов... — Конечно, американцы должны возвратиться к себе. — К себе домой. И не совать свой нос сюда... пусть каждый знает свое место. — Да. — Мы уж как-нибудь без вас».

«Россия хотела бы, чтобы на нее не давила Америка и все, больше ничего».

«Мне хочется видеть такой результат, чтобы Россия стала автономной и ни от кого не зависела».

За избыточной фиксацией на независимости, необходимостью постоянно доказывать ее себе и остальным, вероятно, скрывается комплекс неполноценности, **ощущение собственной слабости и уязвимости перед Западом**, неуверенность в себе, в своей безопасности, чувство униженности и потери собственного достоинства. Сегодняшняя великодержавная риторика власти играет как раз на этих настроениях (попутно усиливая и раздувая эти чувства). Важной составляющей взаимоотношений с противоположной стороной конфликта являются представления россиян о том, что думают о России в Америке и Европе. Как представляется респондентам, на Западе считают, что Россия слабее, и не прочь этим воспользоваться, отказывают стране в разговоре «на равных». Это должно

¹ Рудяк А. Путин заявил о бесконечности границ России // РБК от 24 ноября 2016 года. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5836d7259a7947b8990e36eb/>.

подкреплять **одержимость собственной независимостью** и желание уважения и признания в глазах западных стран любой ценой. Но, если не уважают, так пусть хотя бы боятся.

«Мы хотим честных отношений. – Да, хотя бы честных. – Без оглядки на Америку... – Да. – Уважительное отношение с их стороны».

«Другие страны, которые против нас, мне кажется, они нас не уважают».

«Уважать, они нас никогда не уважали, они плевать на нас хотели. – [Но сейчас они поняли, что] на Россию лучше не наступать, можно вляпаться».

«Что лучше, чтобы нас любили или боялись? – Чтоб уважали. – Пусть боятся. – Любить не обязательно, но уважать нужно. – Пусть боятся. – Боятся пусть лучше. – И так боятся. – Пусть боятся. – Нет. Страх – это ужасное чувство. – Лучше, чтобы боялись, конечно. – Пусть боятся. – Больше уважения. А мы Америки боимся? – Да. – Нет. Нет. – Еще как боимся. – Да. – Боимся. – Боимся. – И НАТО боимся, и Америки боимся. – И себя боимся. – Если бы мы боялись, Путин бы не выступал против них».

Вместе с тем чувство собственной ущемленности и потребность повышения собственной значимости (в чужих глазах, а через это и в своих собственных), которые лежат в основе сегодняшнего негативного отношения большей части российского населения к США и Западу, объясняют парадоксальное одновременное присутствие в массовом сознании противоположной **установки на сотрудничество с Западом**. Например, в ноябре 2016 года ажиотаж в СМИ вызвала публикация данных о том, что около 70% россиян поддерживает «расширение экономических, политических, культурных связей со странами Запада». Однако даже в период острого противостояния с США в 2014–2015 годах эта цифра не опускалась ниже 50%, в «мирное время» достигая 76%. То есть установку на сотрудничество можно считать нормой¹.

Однако такое сотрудничество становится возможным лишь при условии, что США и Запад признают в России равновеликого партнера, снимут санкции, признают российские внешнеполитические амбиции. Но, поскольку этого в скором времени не произойдет (во всяком случае, таковы массовые представления), этот аспект взаимоотношений с западными странами можно охарактеризовать следующей формулой, которая опять же перекладывает

¹ См.: Россия и Запад // Публикация на сайте levada.ru от 29 ноября 2016 года. URL: <http://www.levada.ru/2016/11/29/rossiya-i-zapad-2/>.

всю ответственность на соперника: «мы-то хотели бы сотрудничать, они не хотят».

Основные результаты

Отношение россиян к Западу в целом определяется их отношением к США. Сегодняшнее негативное отношение к Америке (а возможно, и сам конфликт России и США) во многом было предопределено сложившимися негативными представлениями об образе США и роли этой страны на мировой арене. Опросы показывают, что эти представления в общих чертах сложились к началу 2000-х, то есть еще до прихода Владимира Путина к власти. Эти настроения во многом были сформированы действиями самих Соединенных Штатов и реакциями на них российских элит и массового сознания. Уже после того, как эти установки были сформированы, в середине 2000-х власть научилась осознанно использовать доминирующие антиамериканские настроения для поддержания собственной легитимности. То есть эти установки усвоены намного глубже, нежели может показаться, как элитами, так и массами. Конфликт с США, по сути, становится определяющим для российской идентичности. Кроме всего прочего, это означает, что выйти из состояния конфликта может быть непростой задачей.

Для большинства населения, которое не имеет личного опыта пребывания на Западе, общения с иностранцами и не проявляет особыго интереса к происходящему за рубежом, представления о Западе являются заимствованными, прежде всего из СМИ. В разговорах о США и Западе респонденты часто буквально повторяют чужие слова из телевизора (президента, официальных лиц, пропагандистов). В некоторых вопросах (например, в вопросе о сотрудничестве с НАТО) общественное мнение тоже вроде бы следует за решениями властей. Подняться над уровнем конспирологических представлений о Западе (и об устройстве мира в целом) большинству россиян довольно сложно.

Однако практически синхронная динамика установок элит и массы населения в отношении к Западу, которая прослеживается с первой половины 1990-х, позволяет усомниться в простом объяснении, что население в этом вопросе просто следует за государственной пропагандой. Скорее сама пропаганда использует (усиливает или, наоборот, подавляет) шаблоны, которые уже имеются в сознании и элит, и населения (многие, хотя и не все, высказывания

высших должностных лиц, которые укладываются в эту логику, звучат вполне искренне).

Более того, в состоянии конфликта России и США мы можем наблюдать, что даже среди самых информированных граждан определяющим в их отношении к США оказываются их идеологические предпочтения, а не факты и полнота информации о происходящем. Отношение к США и их политике во многом зависит от отношения человека к собственному правительству, то есть является зеркальным по отношению к их оценкам внутриполитических событий в собственной стране.

Представления о США намного больше характеризуют самих россиян, их страхи, комплексы и желания, нежели имеют отношение к Америке (тем более что опросы показывают довольно высокую степень неадекватности представлений о том, что думают о России и русских сами американцы). Групповые дискуссии обнаруживают ряд несоответствий в представлениях о том, какого рода угрозу представляют США для России и каким образом на эту угрозу стоит реагировать.

Например, бытующее убеждение в том, что российская политика по отношению к Америке является вынужденной, совмещается в общественном сознании с плохо подавляемым желанием вступить с США в открытое соперничество. При этом разговоры об угрозе и агрессии со стороны США уживаются с представлениями о том, что большой войны между двумя странами не будет и соперничество будет проходить в комфортных для России условиях. Неприязненное отношение к доминированию Америки на мировой арене оборачивается желанием самим командовать судьбами земного шара и по собственному усмотрению менять правительства соседних стран. Ощущение ущемленного положения России в мире, разговоры о необходимости обеспечения собственной независимости на сегодняшнем этапе хоть и свидетельствуют о неуверенности российского обывателя, но дальнейшее культивирование этих установок властью может быть использовано для оправдания реваншистской политики.

Карина ПИПИЯ

Эхо европейского миграционного кризиса: «чужие» беженцы и «свои» мигранты в представлениях россиян в 2015–2016 гг.

Актуальность темы в общественном мнении. Европейский миграционный кризис в период с осени 2015-го до весны 2016-го стал по отношению к жизни страны одной из внешних тем, которые интересовали население. Хотя внимание россиян сконцентрировано в первую очередь на внутрироссийских событиях: падении доходов, проблемах в экономике, росте цен и т.д.

Для анализа восприятия российским общественным мнением европейского миграционного кризиса использовались результаты населенческих опросов и фокус-групп. Инициативные общероссийские опросы, которые препрезентировали совершеннолетнее население России по полу, возрасту и уровню образования, были проведены в период с сентября 2015 по сентябрь 2016 года. Также в сентябре 2016 года были проведены две инициативные фокус-групповые дискуссии с жителями Москвы в возрасте 30–45 лет и с москвичами старше 50 лет, на которых, в частности, обсуждалась проблема кризиса с беженцами в Европе, отношение к мигрантам и приезжим.

Метод массового опроса только отчасти указывает на влияние количества сообщений в СМИ, посвященных той или иной тематике, предлагаемой «сверху», на степень интереса граждан. Регулярные (ежемесячные) замеры общественного мнения включают вопрос о наиболее запомнившихся событиях за последний месяц и показывают динамику и устойчивость интереса к ним. Интерес к теме может сохраняться даже после того, как прекращается активная кампания по ее освещению в СМИ¹.

¹ Многолетняя практика проведения опросов показывает, что нет прямой связи между количеством сообщений в СМИ (интенсивностью информационной кампании) и структурой памяти в общественном сознании. Например, Олимпиада в Сочи 2014 года попадала в список наиболее запомнившихся событий за последний месяц почти год после ее завершения, набирая значительное число голосов, что не позволяло отнести ее в категорию «другое».

Респондентам в рамках личного интервью² зачитывается открытый вопрос с допустимостью множественного выбора: «Какие события последних четырех недель запомнились вам более всего?» (табл. 1).

В период сентября-октября 2015 года тема неконтролируемой миграции беженцев из Сирии в Европу занимала второе место в списке событий, которые запомнились респондентам за последний месяц. Она опережала по запоминаемости другие значимые темы внутренней и внешнеполитической повестки, такие как, например, события на востоке Украины, местные выборы, теракты в Турции и Франции, рост курса доллара и евро.

К декабрю 2015 года интерес населения к теме кризиса с беженцами в Европе снизился, опустившись на 11-е место в рейтинге событий, чему способствовало как снижение количества сообщений о беженцах и мигрантах в российских СМИ (рис. 1), так и приближающиеся новогодние праздники, которые традиционно вносят «шумы» в общественное мнение, часто объясняемые социологами фактором сезонности. Тем не менее тема «наплыва» в Европе беженцев с Ближнего Востока и из Африки, по мнению россиян, заняла 11-е место в списке самых важных событий 2015 года³.

В январе 2016 года европейский миграционный кризис был вновь актуализирован в СМИ и в общественном сознании, удерживаясь в первой пятерке запомнившихся событий последнего месяца до марта 2016 года включительно. Эти данные корреспондируют с результатами

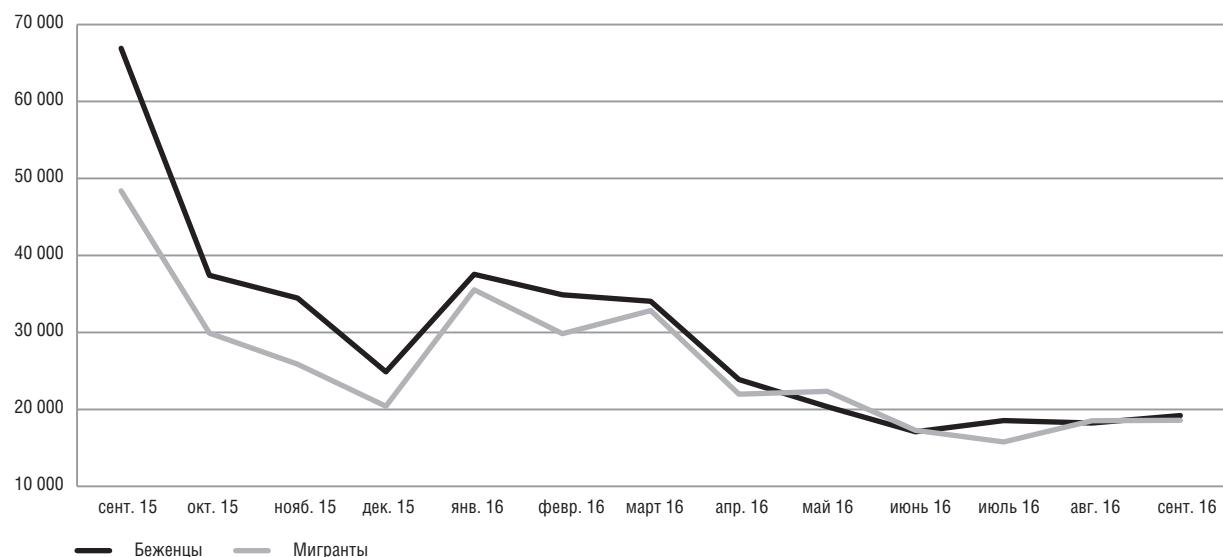
² Общероссийский репрезентативный опрос 1600 чел. проводится методом личного интервью на дому у респондента. Подробнее о методологии см. на сайте центра. URL: <http://www.levada.ru/zakazchikam/omnibus/>.

³ URL: <http://www.levada.ru/2015/12/28/itogi-uhodyashhego-goda-i-samye-vazhnye-sobytiya-2015-go/>.

Таблица 1
ПОЗИЦИЯ ТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В СПИСКЕ САМЫХ ЗАПОМНИВШИХСЯ СОБЫТИЙ (в % от числа опрошенных)

Дата	Доля респондентов, которые назвали события, связанные с европейским миграционным кризисом (в %)	Позиция в рейтинге запомнившихся событий
Сентябрь 2015	27	2
Октябрь 2015	33	2
Ноябрь 2015	28	2
Ноябрь 2015	20	4
Декабрь 2015	16	11
Январь 2016	28	3
Февраль 2016	26	4
Февраль 2016	20	4
Март 2016	20	4
Март 2016	19	7
Май 2016	11	10
Апрель 2016	14	4

Рисунок 1
ДИНАМИКА СООБЩЕНИЙ В РОССИЙСКИХ СМИ ПО ЗАПРОСУ «МИГРАНТЫ» И «БЕЖЕНЦЫ»

ми мониторинга российских СМИ¹, который включает газеты, журналы, интернет, информагентства, радио, телевидение. Согласно рис. 1 пик сообщений на тему мигрантов и беженцев фиксировался в сентябре 2015 года. Далее отмечался спад к декабрю, но уже в конце января 2016-го количество сообщений о мигрантах и беженцах в российских СМИ увеличилось. Стоит отметить, что российские новости и передачи, которые выходили в начале 2016 года, преимущественно освещали ситуацию с беженцами в Европе в контексте нападений на женщины в Германии в новогоднюю ночь.

Контексты массового сознания. После рутинизации новостей о беженцах к концу 2015 года и снижения интереса к теме европейского миграционного кризиса рост внимания россиян к информации о нападениях мигрантов на женщин в немецких городах представляет особый интерес. Р. Мертон и П. Лазарсфельд² справедливо отметили: «Внимание граждан, пребывающих в летаргическом состоянии и становящихся все более безразличными из-за осведомленности <...> может быть активизировано посредством освещения некоторых драматически упрощенных сюжетов». Это по-

¹ Мониторинг осуществлен компанией «Медиалогия». URL: <http://www.mlg.ru/>.

² Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Аванти плюс, 2003. С. 248–249.

зволяет предположить, что криминальный акцент в освещавших январские события с нападениями на женщин новостях и передачах, по большей части преподносящих мигрантов как преступников, с одной стороны, стал таким активатором интереса, с другой — совпал с уже существующими в общественном сознании негативными установками населения по отношению к беженцам и мигрантам.

Только треть участников опроса, проведенного в ноябре 2015 года (еще до нападений беженцев на женщин), поддерживали мнение о том, что беженцы прибывают в Европу, спасаясь от этнических и военных конфликтов в своих странах (табл. 2). Вместе с тем значительной частью россиян миграция сирийских беженцев в Европу рассматривалась не как необходимость спасения от войны, а как целенаправленное перемещение в более развитые европейские страны с целью получения бесплатных пособий или же как трудовая миграция, цель которой — найти работу, заработать средства для своей семьи.

Практически каждый второй респондент разделял мнение о неспособности беженцев, которые прибывают в европейские страны, интегрироваться в принимающее (европейское) сообщество (табл. 3). Здесь, вероятно, просматривается влияние ксенофобских предубежде-

ствляющих, которую используют европейские исследователи и теоретики¹, выявляя рестриктивные установки в массовом сознании по отношению к различным объектам ксенофобии: мигрантам, этническим и конфессиональным меньшинствам. Его основная характеристика — предубеждения, согласно которым инокультурные мигранты как носители особых культурных качеств априори не могут интегрироваться в принимающее общество и соблюдать его нормы, поэтому государство должно строго контролировать миграционные потоки и проводить избирательную политику, которая дифференцируется в отношении представителей «желательных» и «нежелательных» категорий мигрантов. В этом случае инокультурные характеристики понимаются как аскриптивные качества индивидов (по аналогии с физическими в традиционном расизме), что позволяет массовому сознанию помещать мигрантов в еще большую эксклюзию и в целом поддерживать их ограничения в правах.

Кажется небезосновательной гипотеза о том, что негативизм российского населения применительно к ситуации с беженцами в Европе определяется и общим отрицательным характером восприятия респондентами западных стран² на фоне продолжающихся разногласий и противостояния России и Запада по поводу

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКОЕ ИЗ УТВЕРЖДЕНИЙ ПО ПОВОДУ БЕЖЕНЦЕВ, ПРИБЫВАЮЩИХ СЕЙЧАС В ЕВРОПУ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ, ВАМ БЛИЖЕ?» (в % от числа опрошенных)

Большинство из них едут в Европу, рассчитывая на бесплатные социальные программы	36
Большинство из них спасаются от военных, этнических, религиозных конфликтов, от боевиков и бандитов в своих странах	32
Большинство из них едут в Европу для того, чтобы найти работу / заработать средства для своей семьи	26
Затруднились ответить	5

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКОЕ ИЗ УТВЕРЖДЕНИЙ ПО ПОВОДУ БЕЖЕНЦЕВ, ПРИБЫВАЮЩИХ СЕЙЧАС В ЕВРОПУ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ, ВАМ БЛИЖЕ?» (в % от числа опрошенных)

Большинство из них не готово жить в соответствии с нормами и традициями европейских стран и будет игнорировать их	46
Большинство из них будут стремиться сохранить свои традиции, но будут с уважением относиться к нормам и традициям стран, в которые они приезжают	29
Большинство из них готово жить в соответствии с нормами и традициями стран, в которые они приезжают	10
Затруднились ответить	15

ний по отношению к «своим» мигрантам, которые разделяет значительное число россиян, что будет показано далее.

Стоит отметить, что проблема «культурного расизма» является одной из аналитических со-

¹ Подробнее о понятии «культурного расизма» («неорасизма») см.: Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн; пер. с фр.; под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. М.: Логос, 2004. 288 с.

² См. индикаторы отношения россиян к другим странам. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/>.

Украины и Сирии. Частично подтверждение этому находится в результатах фокус-групповых дискуссий, на которых участники – даже в контексте общей для всех стран борьбы с терроризмом – высказывали мнение о том, что «Европа сама себя загоняет», получая теперь «по заслугам» за «толерантность к “ним”». По данному всероссийского опроса, проведенного в марте 2016 года, 42% опрошенных поддержали мнение о том, что, «подвергаясь ударам со стороны террористов, Европа получает “по заслугам”, поскольку вместо того, чтобы бороться с угрозой терроризма, предпочитает бороться с Россией»¹.

Риторика необходимости совместных антитеррористических действий России и стран Запада слабо принимается россиянами, в принципе критически оценивающими меры, которые принимают европейские страны в отношении предотвращения терактов и разрешения кризиса с беженцами. После терактов в Париже и Брюсселе в марте 2016 года каждый второй респондент, который слышал о них, был убежден, что теракты являются следствием толерантной миграционной политики, проводимой европейскими странами². Несмотря на сильные антиевропейские настроения и отрицательную оценку политики приема беженцев западными странами, негативизм россиян к «чужим» беженцам может определяться и собственными установками по отношению к «своим» мигрантам, укорененными в общественном сознании.

Динамика мифов. Левада-Центр повторил блок вопросов из международной программы исследования The ISSP, участником которой является. Исследование The ISSP, которое было посвящено национальной идентичности, включало три волны: 1996, 2003 и 2012 годов. В августе 2016 года Левада-Центр инициативно (частично) повторил блок вопросов из исследовательской программы The ISSP по выборке, идентичной предыдущим трем волнам. Респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с положительно и отрицательно окрашенными высказываниями об иммигрантах: для экономики принимающей страны иммигранты представляют благо или вред; иммигранты – это обогащающий культуру принимающей страны ресурс или, напротив, «разрушающий» инокультурный элемент; уве-

личивают ли иммигранты уровень преступности в принимающей стране или нет.

В целом по выборке 29% участников опроса выражают ту или иную степень согласия («полностью согласен» и «скорее согласен») со всем набором негативных установок по отношению к иммигрантам: об этнической преступности, отъеме рабочих мест у «коренного» населения, деструктивном влиянии на культуру принимающей страны. Напротив, только 5% опрошенных согласны с положительными высказываниями о мигрантах – об их пользе для экономики принимающей страны и о благотворном влиянии на ее культуру.

Для удобства на основе данных опросов был рассчитан индекс поддержки мифов о мигрантах³ (рис. 2). Чем выше значение индекса, тем выше уровень согласия респондентов с утверждением (предубеждением) о мигрантах. Наибольшей поддержкой у населения во всех проведенных замерах пользуются два негативных высказывания об иммигрантах: «иммигранты увеличивают уровень преступности» и «иммигранты отбирают рабочие места у россиян». Уровень согласия с данными мифами относительно устойчив, однако данные третьей волны исследования, проведенного в октябре 2012 года, демонстрировали рост индекса, что корреспондирует с результатами других опросов общественного мнения, фиксирующих в период 2012–2013 годов подъем ксенофобии среди населения: как этнофобии, так и мигрантофобии⁴.

Другой отрицательно окрашенный индекс об иммигрантах – «в целом иммигранты разрушают российскую культуру» – также демонстрировал высокое значение в 2012 году, правда, существенно снизившись к 2016 году: 127% против 112% соответственно. Вместе с тем поддержка двух других вышеуказанных мифов снизилась менее значительно. Можно предположить, что основные предубеждения населения аккумулируются вокруг «мигрантской (этнической) преступности» и конкуренции с «коренным» населением в сфере труда, в то время как «культурные претензии» выполняют дополнительную функцию, мобилизуюсь в период общего роста ксенофобских настроений среди населения (рис. 2).

³ Индекс рассчитывался как сумма позиций «полностью согласен» + «скорее согласен» минус сумма позиций «скорее не согласен» + «совершенно не согласен» плюс 100%.

⁴ См., например, пресс-релиз «Ксенофобия и национализм» на сайте Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/>; Мукомель В.И. Ксенофобия как основа солидарности // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4. С. 63–69.

¹ URL: <http://www.levada.ru/2016/04/05/terakty-v-bryussele-i-strah-teraktov-v-rossii/>.

² Там же.

На фокус-группах обсуждение проблемы миграции в России подтвердило результаты количественного опроса (табл. 4). Участники дискуссии были убеждены в трудовой конкуренции мигрантов и местного населения: «отбирают рабочие места у коренных жителей», «у них зарплаты больше», «простые молодые не могут устроиться», «создать рабочие места для наших россиян, так сказать, и убрать этих мигрантов». Фиксировалось недовольство большим количеством мигрантов в стране: «да все прут, как эти», «до фига

Рисунок 2

ИНДЕКС ПОДДЕРЖКИ ТЕХ ИЛИ ИНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИММИГРАНТАХ

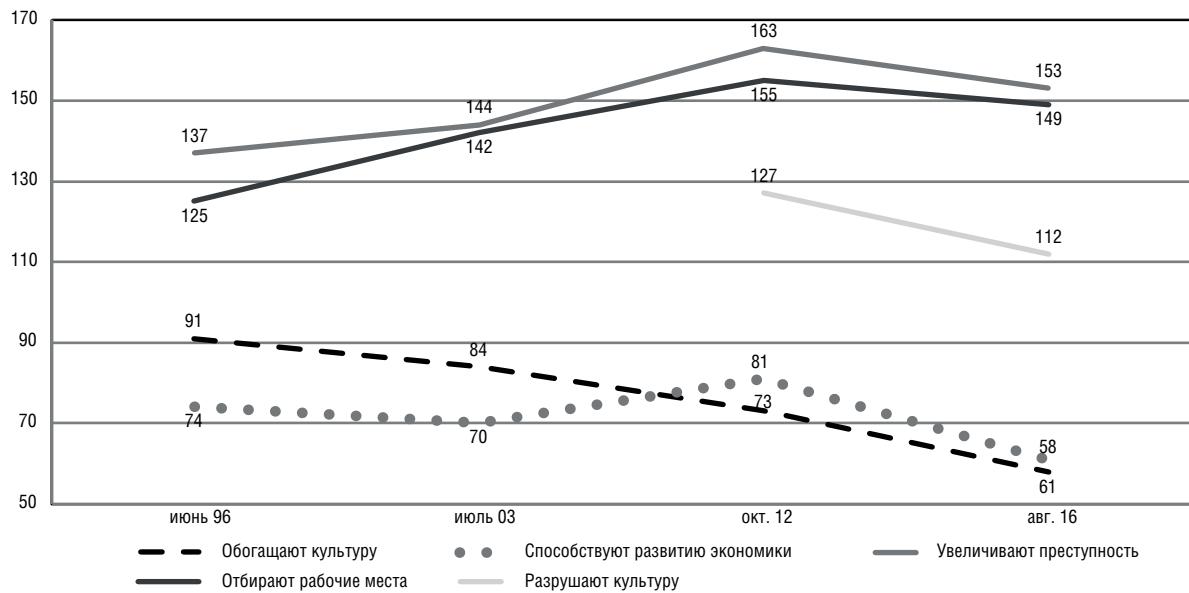

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКОЙ ПОЛИТИКИ ДОЛЖНО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ: ПЫТАТЬСЯ ОГРАНИЧИТЬ ПРИТОК ПРИЕЗЖИХ ИЛИ НЕ СТАВИТЬ НА ЕГО ПУТИ НИКАКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ И ПЫТАТЬСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕГО НА БЛАГО РОССИИ?» (в % от числа опрошенных)

	Июль 2002	Авг. 2004	Окт. 2005	Авг. 2007	Ноябр. 2009	Ноя. 2011	Авг. 2012	Окт. 2013	Февр. 2014	Июль 2014	Авг. 2015	Март 2016	Авг. 2016
Пытаться ограничить приток приезжих	45	54	59	57	61	64	70	78	72	76	68	80	66
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	44	38	36	32	30	28	20	14	19	16	23	10	23
Затруднились ответить	10	7	6	10	9	8	10	8	8	8	9	10	11

сейчас здесь мигрантов», «мы, москвичи, почувствовали нашествие вот этой Азии нашей бывшей», «они сюда своих детей и жен тянут».

Вместе с тем участники дискуссии говорили, что местное население в целом не любит

мигрантов, и в российском обществе существует проблема мигрантофобии: «люди против мигрантов, их это раздражает», «я ненавижу этих приезжих, просто ненавижу», «у нас отношение достаточно негативное, вы спросите всех, кто будет рад жить среди азиатов», «отношение не совсем нормальное». Параллельно они указывали на слабое внимание государства к решению данной проблемы¹: «другие проблемы находятся», «они же за счет них живут», «не обсуждают, потому что эта проблема не на первом месте».

¹ Это несмотря на то, что респонденты в ходе дискуссии вспомнили про открытие единого миграционного центра в Москве и квоты. Вероятно, любые предпринимаемые государством меры, которые не рассматриваются как радикальные (например, введение визового режима или «показное» выдворение нелегалов), не считаются населением эффективными.

Примечательно, что в марте 2016 года был зафиксирован максимальный показатель поддержки населением ограничительной политики правительства России относительно мигрантов (табл. 4). В целом 80% опрошенных считали, что правительство должно «пытаться ограничить приток приезжих», однако к августу этот показатель вернулся к значениям, сопоставимым со значениями в аналогичный период прошлого года: 66% в августе 2016-го против 68% в августе 2015-го. Учитывая, что внутри страны не происходило значимых событий, которые бы затрагивали сферу миграции, межэтнических и межконфессиональных отношений, такой рост сторонников миграционных барьеров весной 2016-го мог являться результатом информационной кампании, активно освещавшей ситуацию с нападениями беженцев в январе-феврале 2016 года и подогревавшей антимигрантские настроения. Вероятно, поэтому пик сообщений об этих событиях приходится на январь-февраль 2016 года, и в этот же период рестриктивные установки россиян по отношению к мигрантам достигли максимума. Со снижением интереса к теме европейского миграционного кризиса показатели ограничения миграции вернулись к привычному уровню.

Фиксируется постепенное снижение уровня согласия россиян с представлением о позитивном влиянии мигрантов на культуру принимающей страны: с 91% в 1996-м в рамках

риальное устройство страны и национальная политика, проводимая советским руководством, способствовали укреплению этнокультурных границ (в понимании Ф. Барта), призванных демонстрировать «дружбу народов». Можно предположить, что в постсоветские годы представление о позитивном культурном потенциале носителей других «культурных кодов» для обогащения российской культуры без поддержки «сверху» стало стираться в общественном мнении.

Из таблицы 5 следует, что среди характеристик, которыми россияне наделяют мигрантов, негативные качества суммарно доминируют над позитивными. Именно культурные составляющие пользуются наибольшей поддержкой среди отрицательных характеристик: «незнание русского языка, трудности в коммуникации» и «навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев». Однако в целом интенсивность выбора респондентами негативных характеристик, которыми они наделяют мигрантов, существенно снизилась.

Стоит отдельно указать на возможные причины подъема среди населения антимигрантских настроений и ксенофобии в целом в период 2012–2013 годов и их ослабление к 2014–2016 годам. Многие индикаторы интолерантности и изоляционизма¹ демонстрировали в 2013 году существенный рост (рис. 3), который был вызван окрепшей к тому времени тенденцией усиления консерватизма и национализма, а также

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКИЕ КАЧЕСТВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЧАЩЕ ВСЕГО ПРИСУЩИ МИГРАНТАМ?»
(в % от числа опрошенных; респонденту предлагалась карточка; множественный выбор; ответы ранжированы по замеру в марте 2016 года)

	Июнь 2013	Март 2016
1. Незнание русского языка, трудности в коммуникации	53	39
2. Низкая квалификация при выполнении своей работы	42	32
3. Навязывание, демонстрация своей культуры и обычаев	28	29
4. Неопрятный, отталкивающий внешний вид	35	27
5. Невежливость, неделикатность	19	21
6. Высокая работоспособность, ответственность при низких зарплатах	27	19
7. Общительность	5	5
8. Отзывчивость, желание помочь	4	4
9. Вежливость, деликатность	4	3
10. Аккуратность	4	1
Другое	3	3
Не знаю/не хочу отвечать	10	14

первой волны исследования до 61% в 2016-м. Общеизвестно, что в советский период отечественной истории административно-террито-

¹ Например, поддержка двумя третями россиян лозунга «Россия для русских» или стремление 81% опрошенных ограничить проживание на территории РФ представителей тех или иных инокультурных (не русских) групп.

внутренними происшествиями на межнациональной почве (погромы на рынках, Бирюлево и т.д.), и, кроме того, активным использованием антимигрантского фактора СМИ и политиков. Однако в «посткрымский» период тема миграции в общественном сознании была замещена внешнеполитической повесткой: сначала событиями на востоке Украины, потом антизападной риторикой и военной кампанией России в Сирии.

Таким образом, оценки россиянами европейских беженцев и мигрантов, которые приезжают в Россию, имеют сходство, заключающееся в сильных ограничительных установках по отношению к ним и предубеждении в «априорном» игнорировании беженцами и мигрантами норм принимающего сообщества.

Доверие и безопасность. Участниками фокус-групп поднимался вопрос о безопасности в двух контекстах, связанных с проблемой миграции в целом и европейским миграционным кризисом. В первом доминировало представление о том, что в России в настоящее время безопаснее, чем в Европе: «и тот случай, когда после Брюсселя Москву добрым словом вспомнишь, и о безопасности, и вообще обо всем», «в Москве, вообще в России более или менее безопасно стало, в частности в Москве». Во втором участники дискуссии были озабо-

чены тем, что большое количество мигрантов снижает чувство безопасности в обществе «и уровень безопасности также понижается».

В августовском исследовании присутствовал вопрос о доверии к окружающим, что позволило установить корреляцию между рестриктивными установками респондентов по отношению к мигрантам и уровнем доверия, которым обладают участники опроса. Важно отметить, что установка недоверия к окружающим является преобладающей в целом среди населения, значительная часть которого – начиная с 2005 года более 40% – придерживается мнения о том, что «обычно осторожность в отношениях с другими людьми не помешает» (табл. 6)¹.

В целом мнение о необходимости сдерживания притока приезжих доминирует среди респондентов с разным уровнем межличностного доверия. Однако чем выше уровень доверия к окружающим, тем ниже поддержка изоляционных государственных мер относительно мигрантов.

Если среди респондентов, у которых выражена крайняя позиция недоверия «осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает», соотношение между противниками и сторонниками миграции составляет 5:1, то среди тех опрошенных, кто придерживается мнения о том, что «обычно осторожность в отношениях с людьми не помешает», разрыв между

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ОГРАНИЧИТЬ ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ...?» (В % от числа опрошенных; респонденту предлагалась карточка; множественный выбор)

¹ Ежегодник «Общественное мнение 2015», С. 20. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>.

позициями уже меньше – 3:1. Среди россиян с высоким уровнем доверия окружающим – «обычно людям можно доверять» и «практически всегда людям можно доверять» – он составляет всего 2:1.

Отмечается также наличие связи между индикаторами межличностного доверия и переменной, которая выявляет поддержку представления о высоком уровне преступности среди мигрантов (табл. 7).

Поддержка представления о мигрантской преступности превышает 50-процентный порог как в целом по выборке, так и среди россиян с разным уровнем межличностного доверия.

Однако среди респондентов с наиболее высоким уровнем доверия («практически всегда людям можно доверять») доля опрошенных, которые не согласны с тем, что иммигранты увеличивают преступность в принимающей стране, суммарно достигает пятой части (19%), в то время как среди респондентов, которые демонстрируют две позиции недоверия («обычно осторожность в отношениях с людьми не помешает» и «осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает»), эта доля превышает 70%.

Таблица 6

УРОВЕНЬ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ И ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ТИП МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (в % от числа опрошенных по столбцу)

	В целом по выборке	Практически всегда людям можно доверять	Обычно людям можно доверять	Обычно осторожность в отношениях с людьми не помешает	Осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает
Пытаться ограничить приток приезжих	66	54	56	68	77
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	23	32	29	23	17
Затруднились ответить	11	14	15	9	6

Таблица 7

УРОВЕНЬ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ И УРОВЕНЬ СОГЛАСИЯ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО МИГРАНТЫ УВЕЛИЧИВАЮТ УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИНИМАЮЩЕЙ СТРАНЕ (в % от числа опрошенных по столбцу)

	В целом по выборке	Практически всегда людям можно доверять	Обычно людям можно доверять	Обычно осторожность в отношениях с людьми не помешает	Осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает
Полностью согласен	26	25	22	27	31
Скорее согласен	38	30	39	39	35
Ни согласен, ни не согласен	21	16	20	23	20
Скорее не согласен	8	3	11	7	8
Совершенно не согласен	3	16	3	2	2
Затруднились ответить	4	11	6	3	5

шает» и «осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает»), этот показатель ниже – так считает только каждый десятый.

Русские марши. Ежегодную возможность выступить в том числе с антимигрантскими лозунгами предоставляет ряд мероприятий под брендом «Русский марш», который проводится в День народного единства 4 ноября в Москве и других городах. Участники марша являются сторонниками разных течений и движений: от умеренно правых до экстремистских. Учитывая, что в «посткрымский» период 2014–2016 годов движения националистов, с одной стороны, значимо разошлись в оценке присоединения Крыма к России, с другой – антимигрантская повестка, которая составляла важную часть их публичной презентации, потеряла актуальность для населения на фоне других событий, в 2016 году европейский миграционный кризис мог стать поводом для возобновления привычной тематики. По данным «Совы»¹, на «Русском марше» в Москве

¹ URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2016/11/d35771/>.

в этом году встречались антиисламские лозунги, плакаты с требованием предоставить «работу – русским» и т.д.

Опрос, проведенный в октябре 2016 года, показал продолжающийся рост информированности населения о «Русском марше» (рис. 4). В настоящий момент только треть опрошенных (32%) ничего не знает о мероприятиях подобной направленности.

Примечательно, что к ноябрю 2015 года информированность населения о «Русском марше» снизилась по сравнению с 2013-м (65 против 60% соответственно), что, вероятно, и стало следствием замещения повестки «Русского марша» – миграции, протестов – другими темами. В этом году знание не только вернулось к привычным значениям, но и выросла доля россиян, которые положительно относятся к идеи проведения подобных мероприятий. В настоящее время более трети опрошенных (39% суммарно) одобряют его проведение, что является максимальным показателем в динамике наравне с 2013 годом. В Москве этот показатель поддержки составляет 42%, не отличаясь от показателя по России в целом и показателей в других типах населенных пунктов: селах, малых, средних и крупных городах.

Высокая информированность населения о «Русском марше» представляет интерес, потому что он, как правило, имеет повестку, альтернативную официальным мероприятиям,

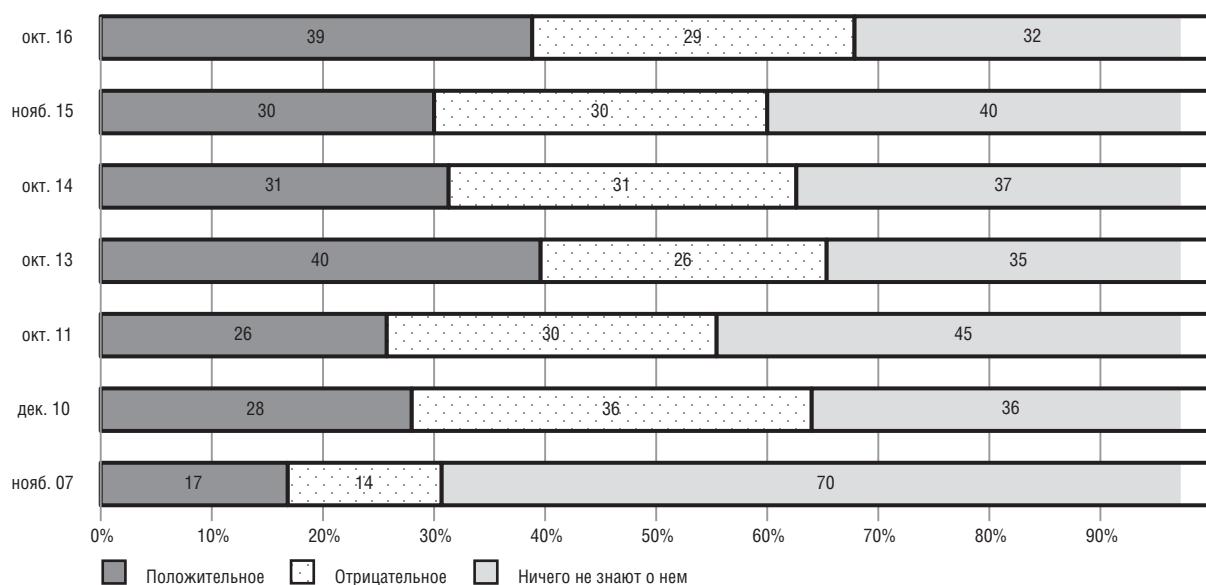
приуроченным ко Дню единства, и ограниченно освещается СМИ, особенно телевидением¹. Во внутрироссийской жизни в 2015–2016 годах были практически не представлены идеи, которые транслируются участниками «Русского марша» (даже в предвыборный период): выдворение мигрантов, права русских, исламофобия и т.д. Можно предположить, что рост поддержки среди россиян мероприятий ультраправой направленности является «осадком» внешней повестки, связанной с европейским миграционным кризисом, который активно освещался российскими СМИ и находил интерес у россиян.

Заключение. Европейский миграционный кризис в период конца 2015-го – начала 2016 года стал значимым событием для российского общественного мнения, внимание которого к тому моменту к конфликтам в Сирии, Украине и санкциям существенно снизилось. Оценки населением миграционного коллапса, происходившего в Европе, были преимущественно негативные как в отношении самих беженцев, так и к толерантной политике их приема руководством европейских стран, вероятно, накладываясь на сильные антиевропейские настроения в обществе в целом.

Акцентирование внимания российскими СМИ на нападениях беженцев на женщин в Европе в январе-феврале 2016 года способствова-

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ ТАКИХ «РУССКИХ МАРШЕЙ»?
(в % от числа опрошенных)

¹ Телевидение является основным информационным источником для 86% россиян. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/12/14111/>.

ло росту интереса россиян к теме, а также переносу негативного восприятия с европейских беженцев на «своих» приезжих, за ограничение приезда в Россию которых в марте 2016 года выступило 80% опрошенных. Быстрое возвращение рестриктивных установок к привычным значениям в августе 2016-го после снижения интереса к теме и отсутствия значимых (негативных) внутрироссийских событий в сфере миграции и межнациональных отношений позволяет сделать вывод о влиянии восприятия европейского миграционного кризиса россиянами на миграционные установки в целом. Отрицательные представления о мигрантах – как о преступниках, конкурентах за рабочие места с местным населением – сохраняются в общественном сознании, несмотря на ослабление их

выраженности в настоящее время, по сравнению с периодом роста ксенофобских настроений в России в 2012–2013 годах.

Европейский миграционный кризис, который рассматривался населением в том числе в контексте безопасности и снижения доверия в обществе, – роста уверенности в том, что в России безопаснее, чем в Европе, на фоне существенного роста институционального доверия населения к российским спецслужбам и армии, – подчеркивает важность доверия для проведения границы между «своими» и «чужими». Поддержка значительной частью населения «Русского марша» говорит о сохраняющемся потенциале ксенофобских настроений, которые, конечно, требуют более детального изучения.

Евгения ЛЁЗИНА

Украинская люстрация. Два года спустя¹

Два года назад в Украине вступил в силу закон о люстрации. Вскоре после смены власти в стране в результате «Революции достоинства» украинский парламент впервые за постсоветский период принял ограничительные меры на занятие государственных постов для высокопоставленных представителей советского тоталитарного режима и авторитарного правления бывшего президента Виктора Януковича (2010–2014). Таким образом, Украина присоединилась к ряду бывших коммунистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), включая Германию, Чехию, Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию, Словакию, Грузию, Литву и Эстонию, которые прибегли к люстрации на более раннем этапе². Что объединяет Украину с другими странами региона и в чем особенности данного случая? В чем конкретно заключались украинские люстрационные меры и каковы их первичные результаты два года спустя после начала реформ? На эти и другие вопросы, связанные с украинской люстрацией, я попытаюсь ответить в данной статье.

Украинская модель: эксклюзивная и поздняя люстрация

Украина выбрала наиболее жесткую, так называемую «эксклюзивную» люстрационную модель, использованную ранее в Восточной Германии и Чехии и предполагающую увольнение «объектов» люстрации. Авторы украинского закона часто ссылались на опыт этих государств, первыми среди стран бывшего советского блока прибегших к люстрационным мерам³.

В то же время украинские реформы можно рассматривать в контексте политики «поздней люстрации».

После падения коммунистических режимов бывшие коммунисты сохраняли государствен-

¹ Впервые статья была опубликована на немецком языке в журнале *Osteuropa*, 66. Jg., 11–12/2016.

² Подробнее о люстрациях в Европе см.: Лёзина Е. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. 2015. № 2. С. 48–90.

³ “It Is All About the People.” The Open Dialog Foundation Interview with Egor Sobolev. 18.06.2014. URL: <http://en.odfoundation.eu/a/3903,it-is-all-about-the-people-an-interview-with-yehor-sobolev>.

ные должности во многих странах ЦВЕ. Например, в Польше бывшие коммунистические аппаратчики в середине 1990-х годов занимали примерно четверть руководящих постов в различных политических и административных сферах и, соответственно, извлекали выгоды в ходе приватизации⁴. 63% руководства Румынии в 2002 году занимали ответственные должности и до 1989 года⁵.

Соединяя люстрационные проекты с антикоррупционными мерами, сторонники поздних люстраций пытались исправить неполноту и несправедливость демократических преобразований, преодолеть общественное разочарование, вызванное продолжающимся формальным и неформальным влиянием бывшей номенклатуры, нарушить воспроизведение номенклатурных сетей, решить проблемы неэффективного управления, социального неравенства и коррупции⁶.

Посткоммунистические правительства таких стран, как Польша, Румыния, Словакия и Болгария, Грузия, реализовывали люстрационные механизмы более чем через десять лет после начала демократического транзита как меры, «направленные на демократическое обновление и повышение качества демократии»⁷.

«Второй транзит»

Вписываясь в общие рамки поздних посткоммунистических трансформаций, украинская ситуация существенно отличалась от других государств ЦВЕ.

Прежде всего, украинский закон о люстрации был принят гораздо позднее, чем у большинства европейских соседей: с момента рас-

⁴ Wasilewski, J. The Forming of the New Elite: How Much Nomenklatura is Left? // Polish Sociological Review, No. 110, 1995. P. 113–123.

⁵ Cioflanca, A. Politics of Oblivion in Postcommunist Romania // Romanian Journal of Political Science, Vol. 2, No. 2, September 2002. P. 85–93.

⁶ Horne C. Late Lustration Programmes in Romania and Poland: Supporting or Undermining Democratic Transitions? // Democratization. 2009. Vol. 16, № 2. P. 344–376. Szczerbiak A. Explaining Late Lustration Programs: Lessons from the Polish Case. In: Stan L., Nedelsky N. Post-Communist Transitional Justice: Lessons from Twenty-Five Years of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 51–70.

⁷ Szczerbiak A. Explaining Patterns of Lustration and Communist Security Service File Access In Post-1989 Poland // SEI Working Paper № 133, 2014.

пада Советского Союза минуло 23 года. Кроме того, в данном случае имеет смысл говорить о «втором транзите», поскольку в результате массовых протестов, проходивших на киевском Евромайдане с 21 ноября 2013 года по 22 февраля 2014 года, Украина, по сути, пережила еще одну смену режима. Поэтому принятые люстриционные меры коснулись и советского периода, и правления Виктора Януковича.

Будучи республикой в составе СССР, Украина управлялась советской властью напрямую, не имея ни призрачной «независимости», ни местной коммунистической партии, как страны советского блока. В отличие, скажем, от балтийских стран, Украина пробыла в составе СССР весь срок существования Союза. К тому же, в отличие от тех же стран Балтии, Украина не имела современного опыта национальной государственности (как и многие другие союзные республики, включая Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Молдову, страны Центральной Азии).

Роль России

Продолжительное существование Украины в Российской империи и Советском Союзе привело к возникновению смешанного социума, к более тесному взаимопроникновению элит, более прямой передаче тоталитарных практик в отношениях государства и общества, чем в любой другой стране ЦВЕ, включая страны Балтии.

Страны бывшего советского блока, в отличие от советских республик, не сталкивались с реальной проблемой отделения от имперского ядра – Советского Союза, они имели дело лишь с проблемами изменений и/или преемственности. Украинские же реформы после Евромайдана, включая люстрацию, были проведены на фоне ментального разрыва с Россией и ее сохраняющимся политическим влиянием и воспринимались в качестве одного из средств этого отделения.

После провозглашения Украиной независимости в 1991 году системная трансформация советских государственных институтов оказалась здесь довольно поверхностной. Хотя в Украине с 1989 года существовало протестное движение – Народное движение Украины за перестройку (Народний Рух України за перебудову), некоторые представители которого активно выступали с антисоветской повесткой, призывая в том числе к декоммунизации и люстрации, эта повестка быстро отошла на второй план на фоне сильнейшего экономического обвала в первые годы независимости. Многие бывшие

коммунистические аппаратчики, как и в ряде других союзных республик и бывших коммунистических стран ЦВЕ, сохранили свои позиции во власти: первым президентом независимой Украины стал бывший первый секретарь ЦК КП УССР Леонид Кравчук (1991–1994). Кроме того, бывшие коммунисты извлекали огромную выгоду в ходе непрозрачной приватизации, послужившей созданию олигархической системы господства. Украина, в отличие от стран Балтии, не стала членом Европейского Союза или НАТО. В структурах власти сохранилось множество людей, связанных с прежним коммунистическим режимом, имеющих трансграничные связи с той частью институтов бывшего СССР, что была унаследована Россией, в том числе с органами госбезопасности и разведки, армией и полицией. К примеру, почти все областные управления созданной в 1992 году Службы безопасности Украины возглавили в тот период сотрудники 5-го управления КГБ, которое занималось политической контрразведкой¹.

В результате украинские события никогда не оставались исключительно внутренним делом Украины: Россия всегда пыталась оказывать влияние через агентов в лояльных элитах.

Первые серьезные попытки избавиться от советского наследия, российского доминирования и сделать прозападный выбор были предприняты в Украине в период «Оранжевой революции» 2004 года. Эти события стали следствием крупномасштабных массовых протестов против фальсификации президентских выборов в пользу кандидата от «Партии регионов» Виктора Януковича при поддержке действующего президента Леонида Кучмы.

Украина принадлежит Европе и должна быть членом сообщества европейских государств – такой была главная идея «Оранжевой революции». Отсылка к Европе означала общественный запрос на изменение характера отношений между государством и обществом, на построение правового государства. Обращаясь к собравшимся на Майдане, соперник Януковича Виктор Ющенко настойчиво повторял, что Украина – это «европейская нация».

Став президентом, Ющенко сохранил риторическую верность европейскому курсу: он сделал личным приоритетом некоторые аспекты политики декоммунизации, в частности увековечивание памяти жертв Голодомора. Однако ему не удалось решить проблемы,

¹ Депутаты хотят покопаться в чужом досье. Верховной раде предложен законопроект о люстрации // Коммерсант, 2.12.2009. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1284881>

связанные с коррупцией, засильем олигархов и незаконной приватизацией государственного имущества¹. И Ющенко не воспользовался правом на защиту демократии от недемократических элит посредством люстрации, которая впервые широко обсуждалась во время «Оранжевой революции».

В конечном итоге свободные и честные выборы 2010 года, организованные уходящим Ющенко, были выиграны Виктором Януковичем – ставленником бывшей украинско-советской номенклатуры и кремлевским протеже, пророссийским агентом в Украине.

Сразу же после прихода к власти Янукович начал консолидировать власть в стране. С помощью лояльных чиновников, назначенных на большинство руководящих должностей в ходе так называемой «административной реформы», а также союзников в парламенте, правительстве и судебной власти, Януковичу удалось «нейтрализовать оппозицию, подавить независимые СМИ, сосредоточить в своих руках экономическую и политическую власть и ограничить политические свободы в стране»².

После того как режим Януковича был свергнут в результате массовых протестов на Евромайдане в феврале 2014-го, люстрация вернулась в русло политической жизни как одно из главных общественных требований наряду с европейской интеграцией и борьбой с коррупцией. Согласно опросу, проведенному украинской группой «Рейтинг» в апреле 2014 года, 78% респондентов считали важным проведение люстрации в Украине³.

Параллельная декоммунизация

Украинское общество стремилось избавиться от советского тоталитарного наследия и в символическом плане. В большинстве украинских регионов (кроме западных), в отличие от многих стран ЦВЕ, топонимы и памятники советских времен сохранились в нетронутом виде.

Протесты на Евромайдане спровоцировали широкий процесс декоммунизации. Он начался со стихийного разрушения статуй Ленина по всей стране. В конечном счете в мае 2015 года был принят пакет законов, осуждающих совет-

¹ Ministry of Justice of Ukraine of Ukraine Response to the Interim Opinion (788/2014) On the Law on Government Integrity (Lustration Law) of Ukraine Adopted by the Venice Commission at its 101th Plenary Session (Venice, 12–13 December 2014). Kyiv, 02 March 2015. P. 4.

² Ibid. P. 13.

³ Socio-Political Expectations: April 2014 // Sociological Group "Rating", 21–29.03.2014. URL: http://ratinggroup.ua/en/research/ukraine/obschestvenno-politicheskie_ozhidaniya_grazhdan_aprel_2014.html.

ский коммунистический режим. Эти законы запрещали пропаганду его символов, санкционировали переименование общественных мест и удаление памятников (за исключением мемориалов в память о Второй мировой войне), гарантировали доступ к архивам советских органов госбезопасности и увековечивали память о борцах за независимость Украины XX века⁴.

Влияние военного конфликта

Еще одной особенностью украинского случая стало то, что, в отличие от других стран ЦВЕ, Украина осуществляла реформы в ситуации военного конфликта. Один из ее регионов был аннексирован, а восточные территории Донбасса захвачены пророссийскими сепаратистами при поддержке российской армии.

Такая ситуация не могла не спровоцировать противоречивые дискурсы. С одной стороны, война предполагает чрезвычайные меры и так называемое «сплочение вокруг флага» – массовую консолидацию граждан вокруг власти, ее поддержку в условиях кризиса⁵. Кроме того, в вооруженном конфликте государству приходится полагаться на свои военные и силовые структуры.

С другой стороны, именно в условиях военного противостояния в Украине осознавалась важность очищения государственных институтов, в том числе армии и Службы безопасности (СБУ), от внешних влияний. Одной из причин роста общественного интереса к люстрации стало качество командования в антитеррористической операции на Донбассе, отмеченной значительными потерями среди украинских сил. Общество возлагало вину за это на украинское командование. Существовали подозрения в преднамеренном саботаже в ходе ведения операций из-за инфильтрации украинских вооруженных структур спецслужбами Российской Федерации⁶. Поэтому закон о люстрации часть

⁴ В конце декабря 2016 года Украинский институт национальной памяти обнародовал результаты реформы декоммунизации: к этому моменту в Украине было переименовано 51493 улиц, 987 городов и сел, демонтировано 1320 памятников Ленину и еще 1069 монументов другим коммунистическим деятелям. См.: Понад 50 тисяч вулиць змінили назви впродовж 2016 року. Український інститут національної пам'яті, 27.12.2016. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/ponad-50-tisyach-vulits-zminili-nazvi-vprodovzh-2016-roku>

⁵ См.: Mueller J. E. Presidential Popularity from Truman to Johnson // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64, № 1. P. 18–34.

⁶ Яркой иллюстрацией такого положения дел может послужить, например, дезертирство бывшего командующего военно-морскими силами Украины Дениса Березовского, перешедшего на сторону России 2 марта 2014 года. В настоящее время он является заместителем командующего Черноморским флотом РФ.

его сторонников называла «законом, написанным кровью наших солдат»¹.

Закон «Об очищении власти»

Итак, описав стартовые условия работы, исторический и политический контекст, перейдем к рассмотрению непосредственно законодательных мер и юридических процедур.

Принятие закона о люстрации стало прямым следствием многомесячных массовых протестов в центре Киева и других украинских городах, приведших к смене власти в Украине после бегства из страны экс-президента Виктора Януковича. 26 февраля 2014 года участники народного вече на Майдане предложили создать Общественный люстрационный комитет (ОЛК). Его возглавил один из главных организаторов Евромайдана, журналист и общественный активист Егор Соболев. До начала апреля 2014 года в Верховной Раде были подготовлены шесть законопроектов о люстрации. В середине апреля спикер Верховной Рады Александр Турчинов попросил главу ОЛК выработать один общий компромиссный законопроект².

Под большим общественным давлением закон «Об очищении власти», ставший результатом компромисса между предложениями партий «Свобода», «Батькивщина» и «УДАР», был принят Верховной Радой и вступил в силу 16 октября 2014 года³.

Принятию закона предшествовал период так называемой «мусорной люстрации»: разгневанные граждане заталкивали некоторых депутатов и чиновников в мусорные контейнеры. Однако после введения регулярного закона этот неконтролируемый процесс практически сошел на нет.

Как уже отмечалось, особенность украинского люстрационного закона в том, что он затрагивал два периода: советский коммунистический и авторитарное правление Виктора Януковича 2010–2014 годов. Закон также преследовал две цели. Во-первых, он был призван защитить общество от чиновников, работавших на руководящих постах при недемократических режимах и вследствие этого представляющих угрозу для демократии. Во-вторых, он

¹ Pisiecka A. Summary of Legislative Work on Lustration Act No. 4359 "On Purification of Government" // Open Dialogue Foundation, 19.11.2014. URL: <http://en.odfoundation.eu/a/5537,summary-of-legislative-work-on-lustration-act-no-4359-on-purification-of-government>.

² Ibid.

³ Закон України «Про очищення влади» // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2014. № 44. Ст. 2041. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/go/1682-18>.

должен был очистить государственный аппарат от должностных лиц, замешанных в коррупции⁴.

Люстрационный закон ввел, таким образом, несколько типов проверки чиновников.

Предполагалось автоматическое увольнение и запрет на государственную службу сроком на 10 лет для высокопоставленных должностных лиц, занимавших свои посты в течение не менее одного года в период президентства Януковича и добровольно не ушедших в отставку во время Евромайдана. Эта норма касалась, в частности, президента, премьер-министра и всех министров, руководителей центральных органов исполнительной власти, председателей Национального банка, Антимонопольного комитета, Фонда государственного имущества, Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины, их первых заместителей, а также глав областных государственных администраций (ОГА), их заместителей и глав районных госадминистраций (РГА).

Кроме того, предполагались проверка и увольнение чиновников, являвшихся некогда штатными работниками или негласными агентами Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР и Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны СССР.

Также проверялись факты работы на руководящих должностях в КПСС, начиная с должности секретаря районного комитета и выше, и в структурах комсомола, начиная с должности секретаря ЦК ЛКСМУ и выше. Указанные лица отныне не должны были занимать определенные государственные посты.

Проверяли и судей на предмет нарушения прав граждан и вынесения неправосудных приговоров в отношении участников массовых общественных протестов на Евромайдане (проверка судей также регулировалась отдельным законом, речь о котором ниже).

И, наконец, был предусмотрен аудит финансовой отчетности всех чиновников: сопоставление активов, имущества и задекларированных доходов.

План, утвержденный Кабинетом министров, предполагал поэтапную проверку в течение двух лет должностных лиц, начиная с руководства страны и заканчивая чиновниками

⁴ Holovaty S. Second Wave of Lustration – Lustration after Maidan in Ukraine // Conference on "Past and Present-Day Lustration: Similarities, Differences, Applicable Standards". Prague, 7 September 2015. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI\(2015\)027](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI(2015)027).

органов местного самоуправления. Таким образом, к середине октября 2016 года люстрационная проверка в Украине должна была практически полностью завершиться¹.

Проверки проводились децентрализованно. Первый этап осуществляли непосредственно все государственные учреждения. Потом они отправляли запросы в налоговые органы – Государственную фискальную службу (ГФС), чтобы сверить доходы и расходы, а также в Службу безопасности Украины (СБУ). Итоги проверки отправлялись в Департамент люстрации, организованный в Министерстве юстиции. Этот департамент уже вел общий учет люстрированных должностных лиц.

Кроме того, при Министерстве юстиции при участии Общественного люстрационного комитета на конкурсной основе был создан специальный орган из 12 человек – Общественный совет по вопросам люстрации. Как объяснил один из его членов, журналист Денис Бигус: «Мы ищем случаи, когда нормы закона «Об очищении власти» не были выполнены, когда кто-то нашел лазейку, чтобы избежать люстрации. У каждого есть конкретное направление работы»².

Противодействие закону о люстрации

Сопротивление люстрации изначально было очень сильным. Фактически закон «Об очищении власти» саботировался почти в каждом государственном институте, подлежащем его действию. Одни организации не увольняли сотрудников, другие устраивали волокиту, вовремя не предавали гласности итоги люстрационных проверок; чиновники фальсифицировали декларации о доходах. Как показывают сведения Департамента люстрации при Министерстве юстиции, иногда налоговые органы «прощали» одним госслужащим незадекларированную собственность и одновременно без достаточных оснований требовали уволить других³.

¹ Piasecka, A. Report: Purification of Government or Vetting Ukrainian Style. The First Year's Experience, 5.11.2015. P. 6, 17. URL: <http://en.odfoundation.eu/a/7029/report-purification-of-government-or-vetting-ukrainian-style-the-first-year-s-experience>. Кабінет Міністрів України Розпорядження від 16.10.2014 № 1025-р Київ «Про затвердження плану проведення перевірок відповідно до Закону України «Про очищенння влади». URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1025-2014-p>

² Член Общественного совета по люстрации при Министерстве юстиции Денис Бигус: «Заявку на участие в отборочном конкурсе мне предложил подать Егор Соболев» // Судебно-юридическая газета, № 3 (271), 23 января 2015. С. 3.

³ Piasecka A., Drik O. Current Challenges of Lustration in Ukraine // Open Dialogue Foundation, 08.06.2015. URL: <http://en.odfoundation.eu/a/6507/current-challenges-of-lustration-in-ukraine>.

Эксперты Фонда «Открытый диалог» выделили следующие способы избежать люстрации: добиться (без реальных оснований) звания участника антитеррористической операции (АТО)⁴; перейти на период люстрации на более низкую позицию в служебной иерархии, на которую люстрационные законы не распространяются; оттягивать служебные проверки; быть избранным в парламент (выборные посты находятся вне сферы действия закона); оспаривать люстрационные решения в судах⁵.

Заключения Венецианской комиссии и Конституционного суда

Сам закон постоянно находился и продолжает находиться под угрозой отмены. Противники люстрации, в первую очередь депутаты «Оппозиционного блока», состоящего главным образом из бывших членов «Партии регионов» экс-президента Януковича, постоянно критикуют закон за нарушение презумпции невиновности и других международных принципов и норм. Они нередко ссылаются на решение Венецианской комиссии, начавшей рассмотрение украинского закона о люстрации в октябре 2014 года и выпустившей в декабре того же года довольно критическое заключение, в котором шла речь о неполном соответствии закона международным стандартам и принципу верховенства права. Украине рекомендовалось изменить закон и, в частности, пересмотреть некоторые его критерии в сфере установления личной вины должностных лиц. Комиссия в своем промежуточном постановлении указала на то, что, «если один лишь факт принадлежности к партии, организации либо правительству органу прежнего режима служит основанием для запрета на занятие публичной должности, такой запрет представляет собой форму коллективного и дискриминационного наказания, не совместимого со стандартами прав человека»⁶. Укра-

⁴ Исключение из люстрации для участвующих в военной операции на Донбассе было изначально предложено гражданскими активистами и поддержано обществом. Однако из-за многочисленных злоупотреблений данной нормой все чаще стали звучать голоса, призывающие отказаться от нее. См.: Участие в АТО не должно спасать от люстрации – Тука // Аналитическая служба новостей, 30.08.2016. URL: <http://asn.in.ua/ru/news/news/58945-uchastie-v-ato-ne-dolzhno-spasat-ot-ljustracii-tuk.html>.

⁵ Piasecka A., Drik O. Current Challenges of Lustration in Ukraine // Open Dialogue Foundation, 08.06.2015. URL: <http://en.odfoundation.eu/a/6507/current-challenges-of-lustration-in-ukraine>.

⁶ European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Interim Opinion on the Law on Government Cleansing (Lustration Law) of Ukraine. 16.12.2014. Opinion No. 788/2014. CDL-AD(2014)044. §64. P. 13. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDLAD\(2014\)044-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDLAD(2014)044-e)

инское правительство тогда частично приняло критику и подготовило проекты поправок к закону. В итоге окончательное заключение Венецианской комиссии, выпущенное в июне 2015 года, оказалось вполне нейтральным, хотя и содержало некоторые рекомендации по изменению закона (комиссия предложила бороться с коррупцией с помощью отдельного законодательного акта и выступила за создание независимого института для проведения люстрации)¹. Примечательно, что Комиссия изменила свое прежнее требование о доказывании личной вины как условии, при котором закон будет соответствовать международным стандартам права. Однако поправки к закону на основании рекомендаций Венецианской комиссии до сих пор не были приняты Верховной Радой Украины.

Вскоре после вступления закона о люстрации в силу Верховный суд, Служба внешней разведки и группа из 47 депутатов «Оппозиционного блока» обратились в Конституционный суд Украины (КСУ) для проверки закона на предмет соответствия Конституции страны.

Министерство юстиции и Общественный люстрационный комитет в ответ на это заявили, что КСУ не имеет права рассматривать законы на соответствие украинской Конституции, поскольку треть судей КСУ имеют конфликт интересов, вероятно, сами подпадая под действие закона о люстрации (в отношении шести судей КСУ продолжается уголовное производство по незаконной передаче ими властных полномочий Виктору Януковичу).

Глава ОЛК и народный депутат от партии «Самопомощь» Егор Соболев подал в КСУ ходатайство об отводе шести судей, но получил отказ. Тогда Соболев обратился с публичным предупреждением к украинскому президенту Петру Порошенко, заявив, что в случае отмены люстрации больше не будет «тратить время на законы», а сосредоточится «на подготовке нового восстания, которое остановит реставрацию системы Януковича»². По словам Соболева, «одной из ключевых целей этого восстания будет набор заново всех судей», а также «наказание нынешних преступников в мантиях – преступников, которые уже два года уничтожают

¹ Bobrinsky N. Lustration and Guilt: Evolution of the Venice Commission's Approach // VerfBlog, 11.07.2015. URL: <http://verfassungsblog.de/lustration-and-guilt-evolution-of-the-venice-commissions-approach/>.

² Народный депутат Украины Егор Соболев призвал предотвратить «реставрацию системы Януковича // Хартия 97, 22.10.2015. URL: <https://charter97.org/be/news/2015/10/22/174804/>.

запрос общества на правосудие». В том числе, по словам Соболева, «наказание наконец понесут судьи Конституционного суда, которые давали Януковичу диктаторские полномочия, а теперь рассматривают отмену люстрации его режима»³.

Генпрокурор Юрий Луценко, в свою очередь, предупредил судей КСУ об ответственности и последствиях в случае провала закона «Об очищении власти», а также заявил, что инициирует более жесткий закон в случае отмены действующего⁴.

В итоге Конституционный суд, несколько раз приступавший к рассмотрению дела о соответствии отдельных положений закона о люстрации Конституции Украины, каждый раз откладывал решение на неопределенный срок⁵.

Предварительные результаты

В целом в Украине под критерий автоматического увольнения на основании занятия высоких должностей в период президентства Януковича подпадало 5 тыс. чиновников из 700 тыс. должностных лиц (сюда включены 300 тыс. государственных служащих, подлежащих проверке)⁶.

За два года, по данным Министерства юстиции, были уволены 936 должностных лиц⁷. Еще несколько тысяч, согласно данным Минюста, оставили посты добровольно до начала проверок. Этим чиновникам будет закрыт доступ к государственным должностям до 2024 года.

По майским оценкам украинского Института «Республика» – гражданского объединения, осуществляющего контроль за выполнением люстрационного законодательства в Украине, – около 80% чиновников были уволены в рамках так называемой автоматической люстрации из-за пребывания в должности в период правления Виктора Януковича, примерно 15% лишились работы по имущественной люстрации и только

³ Там же.

⁴ Луценко предупредил судей КСУ о последствиях в случае отмены люстрации и пообещал ее ужесточение // Буквы, 10.06.2016. URL: <http://bukvy.com/home/bukvy/34022.html>.

⁵ КСУ открыл конституционное производство по закону о люстрации в апреле 2015 года, и до сих пор не вынес решения о соответствии закона конституции Украины. В последний раз КСУ перенес рассмотрение закона о люстрации 28 октября 2016 года после четвертой попытки.

⁶ Высокие должности сохранили не более 2% тех, кто подлежит люстрации – Минюст // Укринформ, 26.10.2016. URL: <http://www.ukrinform.ru/rubric-politycs/2108733-vysokie-dolznosti-sohranili-ne-bolee-2-teh-kto-podlezit-lustraciей-minust.html>.

⁷ Реестр на сайте Министерства юстиции Украины – URL: <http://lustration.minjust.gov.ua/register>.

5% были освобождены от должности на основании декоммунизационных критериев (из-за работы в КПСС, комсомоле или КГБ)¹.

В марте 2016 года руководитель аппарата главы Службы безопасности Украины Александр Ткачук заявил, что по люстрации из СБУ было уволено лишь 58 сотрудников. При этом, по его словам, более 3300 сотрудников ушли из СБУ сами до или с момента начала проверок. Из уволившихся самостоятельно, по словам руководителя аппарата ведомства, 40% подпадали под люстрационные критерии².

Люстрация судей

Справедливая, честная и независимая судебная система была одним из основных требований Евромайдана, и общественный запрос на нее продолжает оставаться высоким. До «Революции достоинства» суды пользовались наименьшим общественным доверием среди государственных институтов и в течение двух последующих лет еще больше его утратили. Так, проведенный Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива опрос показал, что недоверие к судам выросло с 71% в мае 2013 года до 81% в декабре 2015-го. Главной причиной, подрывающей доверие к судебной системе, по мнению респондентов, являлась коррумпированность судей (94%)³.

Принятый в апреле 2014 года закон «О восстановлении доверия к судебной системе» предназначался для поддержки широко понимаемой судебной реформы⁴. Закон предусматривал проверки действий судей судов общей юрисдикции, выносивших решения против участников массовых акций протesta в период с 21 ноября 2013 по 11 апреля 2014 года, а также привлечение судей к дисциплинарной ответственности и освобождение их от должности в случаях нарушения присяги. Проверка должна была осуществляться Временной специальной

¹ За два года в Украине люстрировано менее тысячи человек – исследование организации «Республика» // Интерфакс Украины, 31.05.2016. URL: <http://interfax.com.ua/news/general/347011.html> Ukraine Wary of KGB Terror Files // BBC, 29.06.2009. <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8119320.stm>>

² «Чистки» в СБУ: за два года люстрированы почти 60 сотрудников, а более 3,3 тыс. ушли сами // Буквы, 30.03.2016. URL: <http://bykvu.com/home/bukvy/26700.html>.

³ Judiciary Reform: Public Opinion of the Population of Ukraine // The Ilko Kucheriv Democratic Initiatives Foundation (DIF), December 2014. URL: http://dif.org.ua/en/publications/press-relizy/judiciary-reform-public-opinion-poll_-judges-and-experts-surveys.htm.

⁴ Закон України про відновлення довіри до судової влади в Україні // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2014. № 23. Ст. 870. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1188-18>.

комиссией (ВСК), созданной при Высшем совете юстиции (ВСЮ), в течение одного года с момента формирования состава ВСК⁵.

Обратиться к ВСК с запросом о проверке деятельности конкретных судей могло любое юридическое или физическое лицо. В итоге комиссия получила более 2 тысяч обращений по «майдановским» судьям и отобрала 300 заявлений, подпадающих под ее полномочия. Проведя проверку по этим заявлениям, ВСК рекомендовала ВСЮ уволить 46 судей. В начале июня 2016 года ВСЮ одобрил освобождение от должности 29 из них за нарушение присяги⁶. Однако большинство судей оспорили это решение в Высшем административном суде Украины (ВАСУ) и добились его отмены⁷. Тем не менее 12 июля Верховный суд Украины поддержал решение ВСЮ об увольнении некоторых судей, рассматривавших зимой 2013–2014 годов дела активистов Майдана и «Автомайдана»⁸.

В конце сентября президент Украины Петр Порошенко обратился к спикеру Верховной Рады Андрею Парубию с призывом созвать до 30 сентября – срока, когда полномочия по увольнению судей должны были перейти от Верховной Рады к Высшему совету правосудия, который планируется создать в будущем путем реорганизации ВСЮ, – внеочередное заседание парламента для увольнения за нарушение присяги всех судей, в отношении которых внесено представление ВСЮ, в том числе причастных к незаконным арестам активистов Майдана. «Нельзя допустить, чтобы эти судьи и дальше осуществляли судопроизводство от имени Украины», – написал Порошенко в своем обращении в Фейсбуке⁹. Со схожим требова-

⁵ Поскольку в период с 24 октября 2014 года по 3 марта 2015 года ВСК не имела возможности проводить заседания из-за отсутствия кворума, в июне 2015 года комиссией было принято решение продлить свои полномочия. Так что, приступив к работе 12 июня 2014 года, ВСК прекратила свою работу 9 июня 2016 года, завершив передачу материалов в ВСЮ в апреле 2016 года. См.: Діяльність Тимчасової спеціальної комісії з перевірки суддів судів загальної юрисдикції буде офіційно припинено, 10.06.2016. URL: <http://www.vru.gov.ua/news/1578>.

⁶ Высший совет юстиции Украины одобрил увольнение 29 судей по делам Евромайдана // 02.06.2016. URL: <http://vz.ru/news/2016/6/2/814005.html>.

⁷ Судьям активистов Майдана возвращают должности // Корреспондент.net, 04.03.2016. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3638384-sudiam-aktyvystov-maidana-vozvraschait-dolzhnosti>

⁸ ВСУ поддержал ВСЮ по вопросам увольнения судей // Закон и бизнес, 13.07.2016. URL: http://zib.com.ua/ru/124685-verhovniy_sud_ukraini_poddertzhali_visschiy_sovet_yusticii_po_v.html.

⁹ Порошенко призвал Парубия созвать внеочередное заседание Рады до 30 сентября // 112 Украина, 27.09.2016. URL: <http://112.ua/politika/poroshenko-iniciiruet-vneocherednoe-zasedanie-rady-30-sentyabrya-341879.html>.

нием к главе парламента обращались депутаты «Самопомощи» и члены Коалиции общественных организаций и экспертов «Реанимационный пакет реформ», борющихся за проведение институциональных реформ в Украине.

В итоге 29 сентября 2016 года состоялось внеочередное пленарное заседание Верховной Рады, на котором парламентарии проголосовали за увольнение 29 судей из 33, ранее представленных ВСЮ к увольнению за нарушение присяги.

Всего, по данным Минюста на октябрь, в Украине по данному критерию было уволено 40 судей (что составляет около 10% от числа судей, которые, по мнению украинской общественности, нарушали права и выносили неправосудные приговоры в отношении активистов Евромайдана).

Закон «О восстановлении доверия к судебной системе» также прекращал полномочия всех председателей судов общей юрисдикции и их заместителей и предписывал избрание новых председателей. Однако после того как в апреле-мае 2014 года в подавляющем большинстве судов состоялись выборы, выяснилось, что по разным данным в 60–80% случаев было переизбрано предыдущее руководство¹.

Противодействие люстрации со стороны судебского корпуса

Итак, меры, связанные с очисткой судебной системы, до сих пор оказывались малоэффективными. Украинские суды не поддерживали люстрационные меры и активно сопротивлялись им. Согласно данным национального опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива в начале 2015 года, 67% судей оказались противниками люстрации в любой форме².

Часть судей отказывались давать согласие на прохождение люстрационных проверок.

¹ Руководству судов удается сохранить свои должности. Суды в массовом порядке переизбирают в руководство судей, которых Верховная Рада отстранила от занимаемых должностей, согласно закону о восстановлении доверия к судебной системе // UBR, 15.04.2014. URL: <http://ubr.ua/ukraine-and-world/power/rukovodstvu-sudov-udaetsia-sohranit-svoi-doljnosti-289644>; Popova M. Ukraine's Judicial Reforms // Vox Ukraine, 15.12.2014. URL: <http://voxukraine.org/2014/12/15/ukraines-judicial-reforms/>.

² Большинство судей считает, что люстрация не нужна – опрос // 12.02.2015. URL: http://gazeta.ua/ru/articles/life/_bolshinstvo-sudej-schitaet-cto-lyustraciya-ne-nuzhna-opros-609384; Judicial Reform: Public Opinion of Population of Ukraine (December 2014) // Ilko Kucheriv Democratic Initiatives Foundation in cooperation with Razumkov Center Sociology Service, December 19–24, 2014. URL: http://dif.org.ua/en/publications/press-relizy/judiciary-reform-public-opinion-poll_-judges-and-experts-surveys.htm.

Судьи, подпадающие под проверки, пытались заблокировать деятельность ВСК, оспаривая в судах полномочия комиссии и назначение ее отдельных членов. Позже они подавали жалобы на заключения комиссии, пытаясь прекратить рассмотрение вопросов в ВСЮ. Кроме того, в случаях апелляций уволенных чиновников судьи нередко занимали их сторону, восстанавливая в должностях³. Члены ВСЮ также проявили достаточно высокую лояльность к коллегам, представив к увольнению гораздо меньшее число судей, чем ожидало гражданское общество⁴.

1 марта 2016 года Высший административный суд Украины (ВАСУ) посчитал невозможным дальнейшее наказание судей, выносивших неправосудные приговоры активистам Евромайдана. По мнению представителей ВАСУ, закон имел противоречивую формулировку, предусматривая одновременно одногодичный и трехлетний сроки давности. Суд предпочел ограничить срок привлечения к ответственности только одним годом. Критики этого решения приводили его как очередной пример круговой поруки в судебной системе⁵.

Тем не менее очевидно, что сохранение старой системы правосудия с прежними кадрами подрывает возможности осуществления других реформ в Украине. При этом надежды на перемены сохраняются.

В начале июня 2016 года украинский парламент принял новый законопроект о судебной реформе, направленный на борьбу с коррупцией в правовой сфере. Отныне суды должны отбираться независимой группой экспертов по конкурсу на основе их профессиональных качеств. Президент Петр Порошенко заявил, что более 40% действующих судей не смогут пройти Высшую квалификационную комиссию в рамках новой системы отбора⁶.

Поправки в Конституцию в части правосудия, а также закон «О судоустройстве и статусе судей», позволяющие начать столь ожидаемую судебную реформу, вступили в силу 30 сентября. По новой системе судьи должны не только отбираться на конкурсной основе, но и пройти

³ Right to a Fair Trial: Other Aspects // Ukrainian Helsinki Human Rights Union, 25.04.2016. URL: <http://helsinki.org.ua/en/right-to-a-fair-trial-other-aspects/>

⁴ «Судный час» в Украине или имитация справедливости – Сергей Руденко // DW, 01.10.2016. URL: <http://dw.com/p/2QIY8>.

⁵ Высший админсуд не будет наказывать судей Майдана // Корреспондент.net, 01.03.2016. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/3636790-vysshyi-admynsud-ne-budet-nakazyvat-sudei-maidana>.

⁶ Порошенко: более 40% судей не прошли оценивания // Украинская правда, 02.06.2016. URL: <http://www.pravda.com.rus/news/2016/06/27/110539/>.

имущественную проверку с помощью системы электронного декларирования¹.

В течение месяца до вступления в силу нового законодательства около тысячи судей подали прошения об уходе с должностей по собственному желанию. Многие эксперты и активисты увидели в процессе добровольного увольнения судей позитивный тренд самоочищения системы правосудия, отмечая неготовность части судебного корпуса «проходить новые конкурсы», «открывать декларации» и «жить по-новому»².

Время покажет, смогут ли принятые меры изменить украинские органы правосудия.

Выводы

После Евромайдана многие украинцы испытали разочарование, крушение иллюзий и надежд. Год спустя после начала массовых протестов большинство опрошенных признавалось социологам в своем разочаровании из-за «отсутствия необходимых реформ, неэффективной борьбы с коррупцией, ухудшения экономической ситуации, а также из-за не привлечения к ответственности людей, участвовавших в давлении оппозиции и нарушениях прав граждан на Евромайдан»³.

Общенациональные опросы, проведенные украинской группой «Рейтинг» в 2016 году, показали, что по мнению 76% респондентов (в феврале) и 72% (в октябре) страна движется в неправильном направлении⁴.

И все же, хотя воспроизведение прежних отношений между обществом и государством в Украине преобладает над демократическими изменениями, гражданское общество продолжает борьбу за реформы.

Украинский закон о люстрации был разработан гражданскими активистами, в первую очередь Общественным люстрационным комитетом, и принят парламентом благодаря массовой кампании поддержки. Часть активи-

¹ Запуск электронного декларирования был одним из главных условий для Украины по получению безвизового режима со странами Европейского Союза.

² Соболев рассказал, какой новый закон блокируют kleptokracy в Раде // Укринформ, 26.10.2016. URL: <http://www.ukrinform.ru/rubric-politycs/2108639-sobolev-rasskazal-kakoj-novyj-zakon-blokiruet-kleptokracy-v-rade.html>.

³ Piechal T. Disappointment and Fear – the Public Mood in Ukraine // The Centre for Eastern Studies (OSW), 14.01.2015. URL: <http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-01-14/disappointment-and-fear-public-mood-ukraine>.

⁴ Ukraine: Poll Shows Skepticism; Glimmer of Hope // IRI, 08.07.2016. URL: <http://www.iri.org/resource/ukraine-poll-shows-skepticism-glimmer-hope>. Ukraine Poll: Continued Dissatisfaction with Government and Economic Situation, in: IRI, 31.10.2016. URL: <http://www.iri.org/resource/ukraine-poll-continued-dissatisfaction-government-and-economic-situation>

стов, занявших государственные посты или избранные в Верховную Раду после Евромайдана, сыграли значительную роль в контроле над его осуществлением.

Протестному движению удалось предложить проект реформ, способных объединить всех граждан, а не только выразить интересы активистского ядра. Такая консолидация стала возможной благодаря антикоррупционной повестке: по данным исследования, проведенного социологической группой «Рейтинг» в марте 2014 года, приоритетной для абсолютного большинства украинцев, независимо от региона проживания, была именно борьба с коррупцией (63%)⁵.

Люстрация в Украине прошла весь путь: общественная артикуляция, законодательное воплощение, реализация. По мнению экспертов из Общественного совета по люстрации при Министерстве юстиции, первая цель люстрации – защита государства от возвращения к власти бывших недемократических элит – была достигнута на 90%, поскольку многие официальные лица, подлежащие автоматическому увольнению, фактически потеряли работу. В то же время реализация второй цели – очищение власти от коррумпированных элит – потерпела крах из-за саботажа проверок в Государственной фискальной службе⁶.

Председатель совета Александра Дрик также заявила, что «люстрация была и остается единственным инструментом, который дает

⁵ Региональные расхождения в этом вопросе были невелики: запад (65%), центр (57%), север (57%), юг (66%), восток (73%), Донбасс (59%). На втором месте по значимости большинством опрошенных были отмечены экономические реформы (61%). Общественно-политические ожидания в апреле 2014 года // Социологическая группа «Рейтинг», 21–29.03.2014. URL: http://ratinggroup.ua/en/research/ukraine/obschestvenno-politicheskie_ozhidaniya_grazhdan_aprel_2014.html.

⁶ Эксперт: президент Порошенко – главный нарушитель закона о люстрации // РИА Новости Украина, 02.06.2016. URL: <http://rian.com.ua/view/20160602/1010988108.html>. Государственная фискальная служба Украины (ГФС) – ведомство, реализующее государственную политику в налоговой и таможенной сфере. После принятия Закона «Об очищении власти» ГФС доверили осуществление проверки сведений об имуществе, доходах и расходах всех госслужащих с целью выявления нелегальных доходов чиновников. По результатам проверок, осуществлявшихся специальным департаментом ГФС начиная с 1 ноября 2014 года, на основании люстрационного имущественного критерия должностных были лишены лишь несколько десятков человек. Чиновники Министерства юстиции, представители Общественного совета по люстрации и некоторые депутаты Верховной Рады неоднократно заявляли о том, что ГФС саботировал люстрационный процесс. См. Козаченко: ГФС больше всех сопротивляется люстрации // Цензор.net, 11.08.16. URL: http://censor.net.ua/news/401305/gfs_bolshe_vseh_soprotivlyaetsya_lyustratsii_kozachenko. Деревянко: Фискальная служба саботирует имущественную люстрацию // Независимое Бюро Новостей, 10.03.16. URL: <http://www.anews.com/p/42316649/>

конкретные результаты»¹. При этом она признала, что полного очищения власти невозможно достичь одним механизмом люстрации: для этого должны заработать другие антикоррупционные инструменты, такие как Национальное антикоррупционное бюро Украины (НАБУ) и система электронного декларирования².

Украинское гражданское общество оказывало и продолжает оказывать постоянное давление на бюрократический и административный аппарат посредством публичных протестных акций. Ярким примером этого общественного давления стали акции протеста против прокурорской коррупции, проходившие в нескольких украинских городах весной 2016 года (самые длительные и решительные демонстрации состоялись в Одессе против назначения Николая Стоянова областным прокурором. В результате 15 апреля Николай Стоянов был официально освобожден от должности прокурора Одесской области и уволен из органов прокуратуры.).

Как заявил глава ОЛК и председатель комитета Верховной Рады по вопросам предотвращения и противодействия коррупции Егор Соболев, учитывая существующие обстоятельства, «это вообще чудо», что закон о люстрации «хоть как-то работает»:

«По логике этот закон вообще не должен был быть принят. <...> Никто не верил, что его примут, тем более – что он начнет работать. Мы как граждане сделали это возможным.

Закон с первых дней саботируют. Порошенко начал, другие взяли пример. <...> Ни три генпрокурора, ни два главы СБУ, ни министр МВД не хотели его выполнять. Многих высокопоставленных чиновников удалось заставить уйти в отставку только после журналистских расследований, митингов и скандалов в парламенте.

<...> То, что мы 15 месяцев не даем людям Януковича в Конституционном суде по просьбе других людей Януковича отменить этот закон – тоже огромное чудо! Каждый день сохранения закона о люстрации – это важно. Если этого механизма не станет, я предвижу большую кровь, к сожалению»³.

¹ Олександра Дрік: Під люстраційну перевірку підпадають 700 000 посадовців // ICTV. 30.08.2016. URL: <http://ictv.ua/ua/videos/aleksandra-drik-lyustratsionnoj-proverke-podlezhat-700-tys-chinovnikov/>.

² Там же.

³ «Привести в камеру и показать парашу». Лоббист очищения власти Егор Соболев объясняет, как не допустить превращения власти в копию «команды Януковича» // Новое время, 11.06.2016. URL: <http://nv.ua/publications/privesti-v-kameru-i-pokazat-parashu-lobbist-ochishchenii-vlasti-egor-sobolev-objasniaet-kak-ne-dopustit-prevrashchenija-vlasti-v-kopiju-komandy-janukovicha-145733.html>.

В одном из недавних интервью Соболев подчеркнул, что «около тысячи официально люстрированных и еще несколько тысяч, которые ушли сами» – «это в основном все страшные люди. <...> Чиновники, руководители администраций, высокопоставленные прокуроры, таможенники, эсбэушники»⁴. При этом задача «найти новых, лучших» чиновников на эти посты «почти полностью провалена». Тем не менее, по словам Соболева, «это не проблема люстрации, а проблема нового руководства государства»⁵.

В сентябре министр юстиции Украины Павел Петренко также заявил, что «люстрация выполнила свою историческую миссию»⁶. По его мнению, «пока не были созданы антикоррупционные органы, люстрацией необходимо было не допустить на государственную службу ближайшее окружение Януковича, чтобы не произошло реванша». По словам министра, эта задача была выполнена: «Несколько тысяч высших руководителей государства, которые были в близком окружении Януковича, не имеют возможности на сегодняшний день занять любую должность, даже секретаря Киевсовета, для примера, поскольку есть запрет в отношении таких лиц»⁷.

В конце октября, в двухлетнюю годовщину принятия закона, Департамент по вопросам люстрации при Минюсте выпустил заявление об успешном завершении процесса очищения власти на 98% в части устранения чиновников, занимавших высокие должности в период президентства Януковича и подпадающих под критерий автоматического увольнения. По оценкам ведомства, пять тысяч человек из этой категории либо «сами ушли, или к ним принудительно применили закон по очищению власти»⁸.

В то же время представители Минюста признали провал имущественной проверки, с помощью которой сторонники люстрации планировали побороть коррупцию в государственных институтах. По словам главы Департамента по вопросам люстрации Татьяны Козаченко (ушла в отставку после двух лет работы в этой должности в ноябре 2016 года), «по этому кри-

⁴ Егор Соболев: «Украина – все еще политическая колония РФ» // 112 Украина, 23.11.2016. URL: <http://112.ua/interview/ukraina-vse-eshhe-politicheskaya-koloniya-rf-354679.html>.

⁵ Там же.

⁶ Люстрация выполнила свою миссию – Петренко П.Д. // Буквы, 12.09.2016. URL: <http://bykvy.com/home/bukvy/43092.html>.

⁷ Там же.

⁸ Департамент з питань люстрації звітує про 2 роки люстрації в Україні, 26.10.2016. URL: <http://lustration.minjust.gov.ua/article/read/145>.

терию люстрированы всего 111 человек. И они на самом деле не связаны с громкими коррупционными скандалами в стране»¹. Сторонники люстрации надеются, что теперь функцию очистки государственной системы от коррумпированных элит выполнят новые антикоррупционные органы, а также недавно запущенная система электронного декларирования.

В то же время, по мнению Козаченко, до сих пор сохраняются огромные риски того, что Конституционный суд признает неконституционным закон «Об очищении власти». С ее точки зрения, такое решение будет принято, как только снизится общественный интерес к закону, в том случае, «если не будет огласки общества»².

Именно «общественная активность и независимость СМИ» стали, по словам Козаченко, наиболее действенными механизмами изменений: «Только под инструментами публичными власть вынуждена меняться и соответствовать требованиям общества, потому что она понимает, в противном случае ее может ждать то, что было в 2013–2014 годах»³.

Тем не менее до сих пор остается открытым вопрос, может ли давление со стороны украинского общества оказаться достаточным, чтобы произвести системные изменения в Украине, или другие факторы, в первую очередь международное давление, окажутся более значимыми.

¹ Закон об отстранении чиновников режима Януковича сработал на 98% // ЛІГА.net, 26.10.2016. URL: http://news.liga.net/news/politics/13312010-zakon_ob_otstranenii_chinovnikov_rezhima_yanukovicha_srabotal_na_98.htm.

² Минюст: Шансы, что КСУ признает неконституционным закон о люстрации, огромные // Новое время, 27.10.2016. URL: <http://nv.ua/ukraine/politics/minjust-shansy-ctho-ksu-priznaet-nekonstitutcionnym-zakon-o-ljustratsii-ogromnye-254371.html>.

³ «Процессы очищения власти необратимы». Бывший главный люстратор Украины об итогах своей работы // Настоящее время, 28.11.2016. URL: <http://www.currenttime.tv/a/28138821.html>.

**Леонид АШКИНАЗИ,
Татьяна КУЛЕШОВА**

Ценность жизни: как это измерять

Несколько лет назад под Пермью потерпел катастрофу самолет, на борту которого находился командующий Северо-Кавказским военным округом генерал Трошев. Его родные получили рекордную для России компенсацию... Жизнь генерала была оценена в восемь раз дороже, чем жизнь всех остальных пассажиров.

А.В. Зaborов. «Жить в России»

Если бы можно было так нацелить радугу, чтобы она, появляясь, всегда одним концом указывала на места, где зарыты клады; на места грядущих катастроф, откуда людям лучше уйти; на детей, которым суждено великое будущее; на детей, которые, став взрослыми, принесут страшные беды; на пропавших людей, которых давно ищут, – на что бы ты ее направил?

А.А. Коростелева. «Школа в Кармартене»

Постановка задачи

«Ценность жизни» – одно из фундаментальных для культуры и часто обсуждаемых понятий. Это понятие парадоксально – одно и то же общество может утверждать, что жизнь бесценна, но демонстрировать, что ценит ее очень низко. Попытки измерить и выразить в числах ценность жизни встречаются редко – они предпринимаются в страховой сфере^{1, 2}, где сама ситуация это вроде бы предусматривает. Но и в быту, принимая те или иные решения, человек часто сопоставляет жизнь с затратами времени или труда, которые в итоге могут быть выражены в деньгах.

Определение ценности жизни людей имеет теоретический и практический смысл. Практический смысл оно имеет:

– для экономистов, ради обоснования тех или иных политических или хозяйственных решений, требующих затрат или сулящих доходы,

которые надо сопоставить с потенциальной выгодой или возможными потерями в виде жизней;

– для инженеров, чиновников и инвесторов ради обоснования тех или иных инженерных решений, требующих затрат или сулящих доходы, которые надо сопоставить с потенциальной выгодой или возможными потерями в виде жизней;

– для медиков, поскольку фактически мы делаем именно это, пользуясь платной медициной или платными услугами по уменьшению опасности; в современной медицине эта проблематика обозначена применением терминов «фармакоэкономика» и «качество жизни, связанное со здоровьем»;

– для психиатрии, например, для определения профпригодности – солдат, полицейский и врач ценность жизни должны воспринимать различно;

– для коммунального хозяйства – величина выплат жертвам аварий на транспорте, установленная законодательно, существенно влияет на заботу о безопасности движения и тем самым на спасение жизней;

– для страховщиков ради учета психологии людей при назначении страховых возмещений;

– для политиков и политологов ценность жизни важна при прогнозе столкновения цивилизаций (при прочих равных условиях в выигрышном положении оказывается общество, где жизнь ценится ниже, об этом говорят и история, и современность).

Теоретический смысл определение ценности жизни имеет для социологии и психологии. Как сами оценки, так и соотношение их для мужчин и женщин, для детей и взрослых, для своих и чужих – параметры, связанные с историей и культурой. И сами оценки, и их соотношение должны меняться с ростом цивилизованности. Можно предположить, что по мере эволюции оценки (при сглаживании краткосрочных колебаний) нарастают, но не одновременно – сначала возрастает оценка ценности своей жизни, позже – «близких людей», еще позже – всех остальных. При этом, очевидно, отношение ценности своей жизни к ценности

¹ Viscusi W. Kip, Aldy Joseph E. The Value of a Statistical Life: A Critical Review of Market Estimates Throughout the World // The Journal of Risk and Uncertainty, 27:1; 5–76, 2003. URL: <http://www.nber.org/papers/w9487.pdf> (дата обращения: 23.10.2016).

² The value of human life in Russia was estimated as \$118,9 thousand, the value of permanent total disability – as \$113,3 thousand. Rosgosstrakh. URL: www.rgs.ru/media/CSR/Life value 2013.pdf; <http://www.rgs.ru/media/CSR/Life%20value%202013.pdf> (дата обращения: 23.10.2016).

чужой проходит через максимум — происходит нечто похожее на «демографический переход» (рис. 1).

Как известно, при последнем происходит бросок численности населения с известными военно-политическими последствиями (эффект *youth bulge*). При «ценностном переходе» случается кластеризация общества, распад на враждующие группы, «война всех против всех». Вполне возможно, что эти процессы связаны — низкая относительная ценность жизни «другого» облегчает возникновение конфликтов, а перенаселенность понижает ценность жизни. Выражения «бабы нарожают» и «главное оружие — матка арабской женщины» показательны.

Важность для психологии также следует из языка: формулировка «для него человеческая жизнь не имеет ценности» воспринимается как информативная и важная для предсказания действий объекта. Поэтому было бы интересно установить, как она связана с другими характеристиками человека. В частности, известно, что она поддается избирательному психологическому воздействию, особенно в детском и юношеском возрасте. Об этом говорят как исторический опыт, так и современность.

При обращении к вопросу о ценности жизни возникает ассоциация — страхование, тем более что само его существование является аргументом в пользу возможности выражения

ценности жизни в деньгах. Однако для страховщика выгодность является объективной — она образуется из страховых взносов, вероятности наступления страхового случая и страховых выплат. Для застрахованного «выгодность» является субъективной — она зависит от его субъективных оценок страховых взносов, вероятности наступления страхового случая и ощущения защищенности (себя или получателей страховой премии). При этом ценность жизни входит только в один из шести факторов — в оценку защищенности, причем «ситуационно», зависимо от конкретной ситуации. Поэтому страховой бизнес вряд ли может служить источником информации.

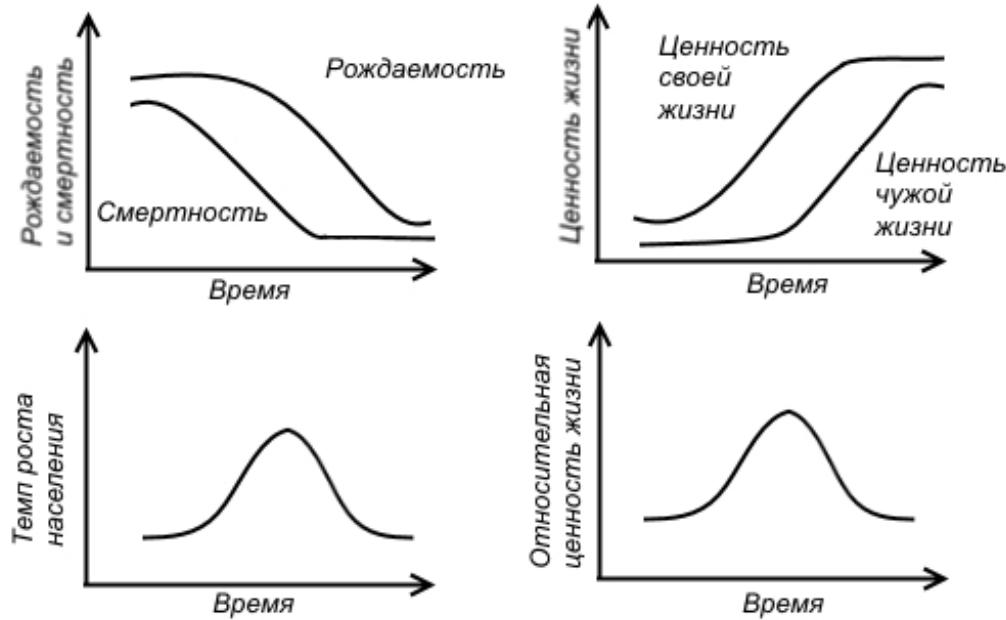
Возможные пути исследования

В имеющих место исследованиях применялись три способа выяснения ценности человеческой жизни. Два из них направлены на прямое установление «стоимости»¹.

Первый — выяснение непосредственно мнений людей:

- опрос о справедливых страховых возмещениях;
- опрос о справедливых тратах на спасение;
- опрос о справедливых тратах на уменьшение опасности (средства защиты, менее опасная техника, здоровый район проживания, здравоохранение).

Рисунок 1

¹ Viscusi W. Kip, Aldy Joseph E. The Value of a Statistical Life: A Critical Review of Market Estimates Throughout the World // The Journal of Risk and Uncertainty, 27:1; 5–76, 2003. URL: <http://www.nber.org/papers/w9487.pdf> (дата обращения: 23.10.2016).

Второй способ – выяснение мнений, преобразованных обществом:

- анализ судебных решений;
- анализ повышения зарплат на опасных работах;
- анализ решений о проведении спасательных работ;
- анализ решений о проведении работ по уменьшению опасности.

Эти пути проще и дешевле, но данные иска- жены политикой и мнениями о степени опасности и эффективности мероприятия.

Третий способ направлен на установление относительной ценности жизни индивидов, принадлежащих к разным группам, – молодых и пожилых, более и менее «ценных» для общества, мужчин и женщин. В интернете можно встретить подобного рода «тесты», когда испытуемому предлагается выбрать, кого спасать при ограниченности средств – ребенка или старика, мужчину или женщину и т.д. Ценность подобных тестов сомнительна ввиду неконтролируемости выборки и условий эксперимента, но само их существование говорит о наличии интереса, «социального заказа» на рефлексию отношения к ценности жизни.

В глубине отношения респондента к ценности жизни лежат какие-то установки, мотивы, психологические особенности и т.д. Если бы существовала общепринятая «схема основ психологии» человека, то задача исследователя сводилась бы к установлению корреляции между параметрами этой схемы и исследуемым отношением. Но такой схемы пока не существует, и мы вправе задать вопрос о «промежуточном уровне» описания. Это должны быть какие-то параметры, которые формируют отношение к ценности жизни и с разумной точностью предписывают те или иные мнения и выборы в анкете. Причем таких параметров должно быть

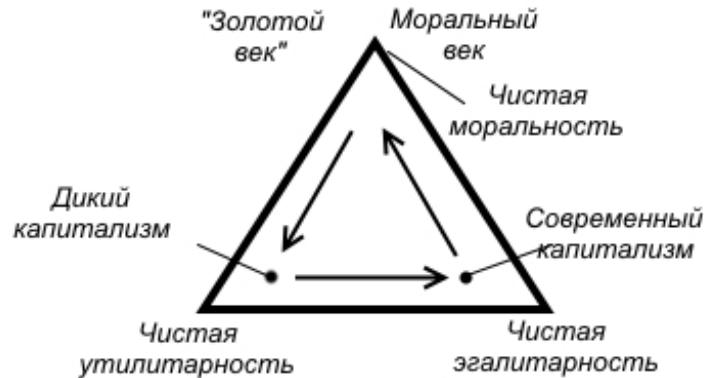
существенно меньше, чем «выборов», но сами они, в отличие от гипотетической «схемы основ», могут не быть независимы – допустимо пересечение.

Первый претендент на такую промежуточную схему – бинарные выборы. Кто мне более ценен – я сам или кто-либо другой? Если другие, то общество в целом или конкретные люди? Если конкретные люди, то все равны или нет? Если нет, то кто более ценен: «заслуженные» или слабые?

Технология бинарных выборов легко реализуется в анкете, но она плоха очевидной «независимостью». Ценен мне я сам или кто-то другой? – смотря какой именно «другой». Ребенка или молодую женщину нужно спасать приоритетно, но как «слабого» или как «перспективного для общества»? Кто более ценен для общества – молодая женщина, инженер или солдат? – смотря к какому острову прибьет наш спасательный плот.

В процессе предварительных обсуждений и опробования первого варианта анкеты оказалось, что мотивы, побуждающие человека отвечать на вопросы анкет так или иначе, могут быть сгруппированы вокруг трех локусов: эгалитарного «ценность всех жизней одинакова», экономического или, скажем шире, утилитарного «ценность жизни – это польза, приносимая обществу или окружающим», и морально-этического «дети и женщины садятся в шлюпки первыми». Поэтому можно построить «индекс ценности жизни», то есть доли моральности, эгалитарности и утилитарности в ответах на вопросы анкеты. Сумма этих трех чисел равна единице (поэтому индекс двухпараметрический), а его значение и эволюцию можно изобразить, как это делают металловеды при изучении трехкомпонентных сплавов, на диаграмме рис. 2.

Рисунок 2

Стрелкой показан путь эволюции цивилизации, частично мифологический, частично реальный. От «золотого века» к дикому капитализму, далее к современному капитализму с его перегибами по части политкорректности и далее, если сильно повезет, к «моральному веку», который может обеспечить устойчивое развитие. Построение такого индекса имеет смысл для сопоставления разных групп респондентов, и наши результаты могут трактоваться в значениях этого индекса.

Попытка измерения ценности жизни была сделана в 2013 году при помощи студентов старших курсов Московского государственного института электроники и математики (МИЭМ), специализирующихся в области прикладной математики. Какого-либо внешнего заказчика или спонсора у работы не было. Выбор объекта исследования был вызван предположением, что именно у таких респондентов будет минимальна доля отказов от ответа. Данное предположение оправдалось — при попытке распространения исследования на лиц 40–50 лет (из относительно «модерной» группы — сотрудников одного из телевизионных каналов) доля отказов при ответе на некоторые вопросы сильно возросла. Опрошено около 220 человек — студентов 3-го и 5-го курсов и, для сравнения, около 30 человек 40–50 лет. Заметим, что при определенных типах вопросов доля отказов в ответе и ее зависимость, например, от возраста сами по себе могут являться важными характеристиками социума¹ — в данном случае степени шаблонности и мифологизированности мышления.

Операционализация

Попробуем построить непротиворечивую логически и полную схему. Прежде всего, что можно использовать в качестве шкалы? Можно попробовать характеризовать жизнь и жизненные ценности друг через друга, выбрав в качестве единицы измерения что-нибудь, характеризующееся числом, к примеру, время жизни. То есть можно спросить, сколько месяцев жизни мы готовы отдать за любовь конкретного объекта наших чувств или за год жизни лучшего друга. Люди и так интуитивно производят это сопоставление, тратя время, то есть жизнь, на ухаживание, заботу о здоровье и жизни других людей. Другой путь — сопоставление ценности жизни именно с деньгами. Сопоставление с де-

¹ Клюшина Н.А. // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 98–105. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16170579/> (дата обращения 23.10.2016).

нежной шкалой удобнее для практических применений, но результаты в этом случае должны привязываться к стоимости жизни в обычном экономическом смысле, например, через средний доход.

Для характеристики ценности жизни нам нужны параметры. Если говорить о жизни в целом, не деля этот процесс на части, то ценность жизни может зависеть:

- от того, чья это жизнь, каковы параметры этого человека;
- от причины прекращения жизни — естественная она или нет, есть ли вина и чья;
- от причины начала жизни — естественная, суррогатное материнство и т.п.;
- от того, прошлая это жизнь или будущая, то есть отложенная оплата свершившихся процессов (жизнь пенсионера) или авансовая оплата предполагаемых в будущем (жизнь младенца).

Как, собственно, измерить эту субъективную ценность? При лабораторном эксперименте можно было бы фиксировать физиологическую реакцию на отъем или получение, активность мозга, ориентироваться по согласию объекта на замену, плату, компенсацию, возмещение и т.п. Возможны «проективные» методы — оценка действий персонажей текстов или видео. В нашем случае мы ограничились традиционной технологией — анкетой.

Оценка дается человеком, то есть она субъективна, значит, в число параметров должны включаться параметры оценивающего субъекта и ситуации. Действительно, в некоторых случаях ценность жизни для разных людей различна и зависит от ситуации. Причем именно эти вопросы — о ценности жизни не чужих людей — должны оказаться наиболее сложными для ответа. Поэтому респондента лучше ставить в позицию эксперта, то есть рассуждающего о нормальной, по его мнению, реакции других людей.

Итак, параметры, от которых зависит оценка жизни, таковы:

- чья это жизнь, каковы индивидуальные параметры «обладателя жизни» (пол, возраст, профессия, здоровье и т.д.);
- каковы его семейные параметры (в том числе родственные отношения с субъектом);
- каковы его социальные параметры, его отношения с обществом (профессия, местный или приезжий);
- какова ситуация прекращения жизни (степень добровольности, вина, неосторожность, вероятность события);

- какова ситуация начала жизни (стихийная, естественная запланированная, искусственная);
- учитываем ли мы в оценке прошлую и/или будущую жизнь (это связано с возрастом).

Зависимость оценок от всех этих параметров и была диагностирована нашей анкетой.

При обращении к респонденту ценность жизни выражалась либо в деньгах, либо в годах самой жизни. Если речь шла о позиции общества, то предлагалось использовать оценку в деньгах, а если о позиции индивида в субъективной ситуации оценки жизни не чужого человека — в годах собственной жизни, поскольку денежная оценка в этом случае наталкивается на слишком высокий психологический барьер. В случае денежной оценки последняя должна быть как-то увязана с общим уровнем жизни в данном обществе. Поэтому в анкете было указано, что идет речь об обществе с реальным среднемесячным доходом, скажем, 1000 долларов.

Рискология

Поскольку вопросы ценности жизни рассматриваются в области, именуемой рискологией и занимающейся изучением риска и его восприятия, часть вопросов нашей анкеты была сформулирована в соответствующих терминах. Задача этой области состоит в выработке рекомендаций: как именно инженерам, проектировщикам, строителям, экономистам следует реагировать на риск несчастного случая в зависимости от возможных последствий (например, от количества жертв), от вероятности несчастного случая и от других характеристик (например, от конкретной ситуации — авиа- или морская катастрофа, крушение поезда, пожар и т.д.). То есть некое коллективное общественное ощущение, общественная психология должны быть превращены в цифру, причем имеющую в итоге нормативный, юридический характер. А именно, в $F(N)$ -кривую, зависимость допустимой частоты событий от количества жертв¹. Неопределенность сегодняшней ситуации в рискологии отражает не только разброс мнений в обществе по этому поводу, но и отсутствие единого мнения о самой возможности такой оценки. Заметная часть граждан поддержит тезис «жизнь бесцenna», хотя, внося деньги в ответ на призыв кого-то спасти, каждый вносит совершенно конкретную сумму,

а многие, в том числе и говорящие о «бесценности», не вносят ничего.

Рискологией получены данные о влиянии характеристик ситуации на реакцию человека, то есть исследовано, какие именно характеристики ситуации определяют реакцию. Но с нормативной стороны, то есть в отношении доведения до численных рекомендаций, мы имеем следующее:

— в разных странах придерживаются разного формата данных, например, иногда нормы устанавливают как вероятность за год (то есть частоту), а иногда за всю жизнь;

— обычно выделяются «пренебрежимо малая» частота несчастных случаев и «недопустимая», различающиеся на порядок;

— часто различают опасность для персонала установки и для простых жителей, иногда (в РФ) устанавливают на порядок различающиеся допустимые вероятности для уже эксплуатирующихся установок и новых, разные для разных отраслей или видов риска, а часто не устанавливают вообще;

— пренебрежимо малые годовые вероятности гибели одного человека обычно лежат в пределах от 10^{-7} (нидерландская норма) до 10^{-6} (общая российская рекомендация, но у пожарников норма жестче);

— для гибели нескольких человек вероятности (и пренебрежимо малая, и недопустимая) с ростом количества жертв уменьшаются квадратично или обратно пропорционально, то есть при увеличении количества жертв на порядок вероятность уменьшается на два порядка (Нидерланды, Россия) или на один (Великобритания, Гонконг);

— конкретные формулы для пренебрежимо малой вероятности в Нидерландах ($10^{-5}/N^2$) и в России ($10^{-3}/N^2$) таковы, что пересечение с уровнем для $N = 1$ наступает при $N = 10$ (Нидерланды) и $N = 30$ (Россия). То есть «социальный эффект» — уменьшение допустимой вероятности из-за ощущения массовости жертв — появляется не сразу, а когда число жертв превосходит некоторый порог. Грубо говоря, число жертв менее 10–30 пугает слабо.

Основные результаты

Первый блок вопросов анкеты касался следующей модельной ситуации: «Пусть, например, человека унесло на льдине в море, и его гибель при отсутствии действий неизбежна. А при наличии действий — например, при вызове спасателей с вертолетом и направлении их на поиски — спасение вполне реально». Вопро-

¹ Societal Risk Criteria – when is too big too often? // RISKworld. 2007. 11:4. URL: <http://www.risktec.co.uk/knowledge-bank/technical-articles/societal-risk-criteria--.aspx> (дата обращения 23.10.2016).

сы касались возможной зависимости усилий по спасению от параметров спасаемого — от его пола, возраста, состояния здоровья, от того, местный он или приезжий, от степени его виновности в ситуации, от того, связано ли попадание в опасную ситуацию с рискованной профессией (то есть не военнослужащий ли он или, к примеру, спасатель), от общественной значимости его профессии. Обобщенно говоря, мы спросили респондентов, кого надо спасать в первую очередь, кто «первым садится в шлюпки»?

Ответы на этот вопрос могут быть интерпретированы в модели «индекса ценности жизни». Все группы респондентов (3-й и 5-й курсы и старшие) в одинаковой степени (50%) придерживаются мнения о предпочтении ребенка и того, кто оказался в опасной ситуации по долгам службы — 20% (моральность). Далее мнения расходятся: студенты 3-го и 5-го курсов более утилитарны и моральны, нежели старшие, — 20% готовы отдать предпочтение врачу (утилитарность), а также тому, кто сам не виноват в ситуации (моральность), причем студенты 5-го курса готовы отдать предпочтение не только ребенку, но и женщине (20%); старшим эти позиции не близки.

Студенты отдают предпочтение местному жителю перед приезжим (20%), это можно интерпретировать и как моральность, и как утилитарность (платит налоги). Интересна ситуация с инвалидами — 25% студентов полагают, что усилия по спасению должны зависеть от того, инвалид ли терпящий бедствие или нет, но половина из них отдает предпочтение инвалиду (моральность), а половина — здоровому (утилитарность). В целом можно сказать, что студентам в этой формулировке вопроса примерно равно близки моральность и утилитарность, а вот эгалитарность им не близка.

Итоговый вопрос блока звучал так: «В самой обычной ситуации (будущая жертва — мужчина средних лет, здоровый, не виновный в ситуации, местный житель, попадание его в ситуацию не связано со специальностью и сама специальность не является особо ценной, в стране, где ВНП и средние зарплаты составляют 1000 долларов или 30 тыс. рублей в месяц, как в России) какие расходы на спасение кажутся нормальными?» Медианный ответ оказался 8, 15 и 30 тыс. долларов соответственно для 3-го курса, 5-го курса и старших. Поскольку в анкете было предложено ориентироваться на среднюю зарплату 1000 долларов в месяц, названные величины составляют среднюю зарплату за 8, 15 и 30 месяцев соответственно.

Второй блок вопросов касался расходов на спасение человека и группы и расходов на предотвращение опасностей, связанных с разным количеством жертв, то есть зависимости $F(N)$. При вопросе, должны ли затраты на спасение группы в 10 и 100 человек быть пропорциональны численности, 50% студентов ответили «да», а средний ответ остальных 50% оказался соответственно — в 4 и в 25 раз (показатель в $F(N)$ зависимости 0,6–0,7). Старшие респонденты полагают, что расходы должны быть пропорциональны.

Медианное значение мнений студентов о расходах на уменьшение вероятности аварии таково: при одной потенциальной жертве — 7 тыс. долларов, при 100 жертвах — в 5 раз больше, при 10 тыс. жертв — еще в 5 раз больше. Это соответствует показателю в $F(N)$ зависимости 0,35. Старшие респонденты уклонились от ответа на вопрос.

Далее проблема была сформулирована двумя другими способами. Было предложено оценить «гарантийный» срок службы сооружения, авария которого повлечет 1, 100 и 10 тыс. жертв, и вероятность катастрофы такого сооружения. Рекомендуемый срок службы оказался для студентов 10, 60 и 250 лет, а допустимые вероятности аварии — 0,003, 0,0001 и 0,000003 соответственно (медианные значения). Данные соответствуют показателю в $F(N)$ зависимости 0,35–0,65. Мы видим, что этот показатель существенно зависит от формулировки вопроса и в итоге колеблется в пределах от 0,35 до 0,7, то есть заметно отличается от норм, принятых во многих странах. Старшие респонденты опять же уклонились от ответа.

Третий блок вопросов касался компенсаций родственникам погибших при несчастном случае. Во всех группах респондентов (3-й, 5-й курс и старшие) 90% считают, что компенсация должна зависеть от того, была ли жертва кормильцем или иждивенцем, и что возмещение должно быть больше, если жертва — кормилец (утилитарность), 50% считают также, что компенсация должна зависеть от степени личной вины жертвы (моральность). Но далее мнения расходятся:

— 20% студентов считают, что компенсация, получаемая женой, должна быть больше, даже если доходы супругов были равны, старшие так не считают;

— 30% студентов считают, что ребенок (не иждивенец) должен получать при гибели родителя большую компенсацию, чем в противоположной ситуации, старшие так не считают;

– 65% студентов и 30% старших считают, что компенсация должна быть больше, если погибший – единственный ребенок или родитель;

– 35% студентов и 20% старших считают, что в случае гибели ребенка компенсация должна быть больше, если родители не могут иметь других детей;

– от 5 до 10% студентов считают, что компенсация должна зависеть от пола жертвы или получателя компенсации, старшие так не считают.

Ответы на данный вопрос также могут быть интерпретированы в модели «индекса ценности жизни». В этой формулировке, то есть когда речь идет о деньгах, студенты 3-го и 5-го курсов менее утилитарны и более моральны, нежели старшие респонденты. То есть студенты готовы выражать свою мораль конкретно, денежно. Далее мы увидим, что, когда речь идет не о деньгах, а о возвышенном, ситуация оказывается обратной – более моральным оказывается старшее поколение.

В итоговом вопросе блока предлагалось указать пределы компенсации. Медианное значение ответов составило для студентов 3-го курса 30 тыс. долларов, а для студентов 5-го курса и старших – 60 тыс. долларов, что не противоречит¹.

Четвертый блок предлагал рассмотреть ситуацию с покупкой жизни и смерти. В первых двух вопросах предлагалось оценить, «каким должно быть справедливое возмещение женщине за суррогатное материнство (в идеальной ситуации – при отсутствии медицинских проблем, вреда для здоровья и т.д.)» и «справедливое возмещение мужчине за его роль в создании жизни». Медианные значения ответов составили для студентов 20 тыс. долларов и 2 тыс. долларов соответственно, 70% старших респондентов уклонились от ответа.

В следующих трех вопросах этого блока предлагалось оценить «справедливую оплату эвтаназии, содействия в добровольном уходе из жизни при неизлечимой болезни (в стране, где это разрешено, и без учета технических расходов)», «справедливую оплату убийства (если оно законно, например, если это исполнение смертного приговора)» и «справедливую оплату незаконного убийства (то есть плату киллера, без учета технических расходов и при отсутствии риска раскрытия преступления)». То

есть была сделана попытка разделить ценность собственно жизни (первый вопрос), ценность жизни вкупе с пренебрежением общественной моралью (второй вопрос) и ценность жизни вкупе с пренебрежением моралью и нарушением закона (третий вопрос).

Медианные значения ответов составили для студентов 1,5 тыс., 3 тыс. и 15 тыс. долларов соответственно, старшие респонденты уклонились от ответа. Мы видим, что именно в третьем случае, когда к цене жизни и цене нарушения морали добавилось нарушение закона, оценка стала много выше. Значит, нарушение закона оценивается относительно высоко по сравнению с собственно ценностью жизни и общественной моралью.

Пятый и последний блок вопросов касался обмена жизни на жизнь и состоял из пяти вопросов и преамбулы: «Рассмотрим ситуации, когда производится сопоставление жизни не с деньгами, а с жизнью другого человека. Предположим, что мы можем расплачиваться за жизнь другого человека годами своей жизни, причем, поскольку мы не знаем, сколько проживем, и понятие «умрем раньше» выглядит по этой причине неконкретным, механизм будет таков: решив «заплатить столько-то», мы становимся на это количество лет старше по документам и биологически, не изменяясь психологически, не приобретая новых впечатлений и знаний». После этого предлагалось пять вопросов.

На вопрос, сколько лет жизни можно отдать за жизнь друга, медианный ответ студентов оказался 6 лет. На вопрос, сколько лет жизни стоит отдать родителю за жизнь своего ребенка, медианный ответ на 3-м курсе был 20 лет, на 5-м и для старших – 10 лет. На симметричный вопрос, сколько лет жизни стоит отдать ребенку за жизнь родителя, медианный ответ на 3-м курсе был 17 лет, на 5-м – 5 лет, для старших – 4 года. На вопрос, сколько лет жизни стоит отдать юноше за любовь девушки, которую он любит, медианный ответ на 3-м курсе был 13 лет, на 5-м – 3 года, для старших – 2 года. На симметричный вопрос, сколько лет жизни стоит отдать девушке за любовь юноши, которого она любит, медианный ответ был немного меньше – 12 лет, 2,5 и 2 года соответственно.

Ответы и на этот вопрос могут быть интерпретированы в модели «индекса ценности жизни». А именно отношение «ценности ребенка для родителя» к «ценности родителя для ребенка» составляет для 3-го, 5-го курсов и старших соответственно: 1,2, 2,0, 2,5, то есть

¹ The value of human life in Russia was estimated as \$118,9 thousand, the value of permanent total disability – as \$113,3 thousand. Rosgosstrakh. URL: www.rgs.ru/media/CSR/Life value 2013.pdf; <http://www.rgs.ru/media/CSR/Life%20value%202013.pdf> (дата обращения: 23.10.2016).

мы видим, что при этой, «не денежной» формулировке ситуации студенты оказываются более эгалитарны.

Кроме того, видно неожиданно сильное изменение между 3-м и 5-м курсами. При обсуждении результатов исследования этот эффект респондентами был объяснен тем, что именно на 3–4-м курсах они в основном начинают работать (это подтверждается другими нашими измерениями), что «сильно расширяет кругозор». При ответах на вопросы этого блока стало заметно уклонение от ответа не только старших, но и студентов – доля отказов составила в среднем 25% на 3-м курсе, 50% на 5-м и 60% среди старших респондентов.

Контроль напряженности

Поскольку в этом исследовании даже среди студентов было замечено уклонение от ответов на некоторые вопросы, после обработки и обсуждения результатов с респондентами (возможность такого анализа и обсуждения – важное преимущество работы со студентами) им была предложена анкета с тремя вопросами: сильно ли «напрягли» их вопросы, показались ли интересными результаты и стоило ли проводить это исследование. Ответы студентов оказались следующими: вопросы этой анкеты напрягли сильно – 13%, умеренно – 43%, слабо – 44%; сами результаты показались очень интересными – 28%, умеренно интересными – 62%, малоинтересными – 10%; исследование проводить стоило – 68%, не стоило – 8%, затрудняюсь ответить – 24%.

Доля респондентов, которые выбрали три негативных ответа (анкета сильно напрягла, результаты малоинтересны и исследование проводить не стоило), представляется еще допустимой, но уже заметной – 13, 10, 8% соответственно. При оценке возможности проведения подобных исследований следует учитывать, что это была весьма «продвинутая» группа – студенты старших курсов курса факультета прикладной математики столичного вуза.

Выводы

При анализе полученных результатов наиболее интересными и значимыми даже при столь малой выборке являются следующие эффекты.

Распределение мнений респондентов по первому (кто садится в шлюпки первым), третьему (компенсации) и пятому (жизнь в обмен на жизнь) блокам вопросов указывает на существенное взросление студентов между 3-м

и 5-м курсами – позиции становятся и более «взрослыми», и более разнообразными, причем в пятом блоке очень существенно: медианные значения различаются в 2–5 раз. Самы респонденты при обсуждении результатов связывают это с началом работы и расширением кругозора, но нам кажется, что ситуация сложнее. Возможна как раз обратная зависимость, то есть начало работы само может быть следствием взросления, наступающего в 20–21 год. За это говорит то, что в 1970–1980-е, когда доля работающих студентов была существенно ниже, процесс взросления происходил (по разным признакам) именно на этом этапе.

Судя по ответам на вопросы второго блока (рискология), для данной выборки зависимость допустимой частоты (вероятности) события от количества жертв слабее, чем в других странах, причем многое зависит от формулировки вопроса – при увеличении N в 10 раз допустимая вероятность падает в 2,3–5,5 раза, то есть F падает пропорционально $N^{0,4} – N^{0,7}$. Эта ситуация существенно отличается от норм, принятых во многих странах, где F падает пропорционально $N – N^2$, то есть при увеличении N в 10 раз допустимая вероятность падает в 10–100 раз. То есть россиян (даже этой «продвинутой» выборки) количество жертв пугает слабо – слабее, чем в странах, установивших нормы по этой зависимости.

Ответы на четвертый блок вопросов указывают на относительную слабость «автономной морали» по сравнению с ролью закона – убийство, освященное государством, то есть работа палача, должна, по мнению респондентов, оплачиваться в пять раз хуже, чем работа киллера (даже при отсутствии риска у последнего). При этом роль позиции общества слабее, чем роль позиции государства – эвтаназия должна оплачиваться лишь в два раза ниже, чем работа палача. Впрочем, роль и общества, и государства здесь размыта – общество (по интуитивному мнению респондентов) может не одобрять эвтаназию и одобрять казнь. Для дифференциации ролей автономной морали, общества и государства может быть применена более сложная схема построения вопросов, либо же респондентам можно предложить сцены и оценку действий персонажей.

Высокий – даже среди студентов – процент отказов на вопросы последнего блока (25% на 3-м курсе и 50% на 5-м) связан с тем, что вопросы последнего блока были сформулированы более «лично». То есть в остальных пунктах предполагалось, что действие (выплату компен-

сации, выделение денег на спасательную операцию) предпринимает государство. В последнем же блоке действующим субъектом оказывался человек, индивид, и в принципе респондент мог себя с ним ассоциировать, психологически поставить себя на место именно того человека, который должен сам пожертвовать чем-то ради спасения другого человека.

К такой постановке вопроса студенты оказались не вполне готовы, а старшие респонденты – тем более. Это, конечно, информативно само по себе, но блок следует строить при подобных исследованиях «двухступенчато» – сначала ставить вопрос «явно про другого», а уж потом – про позицию респондента. Такая технология применяется, например, при исследовании политической позиции респондента – сначала выясняется его прогноз вероятности массовых протестов, а уже потом – его личная готовность принять в них участие. Разность между ответами на два подобных вопроса (про других и про себя), независимо от собственно вопроса, является важной характеристикой массового сознания.

Высокая доля отказов от ответа у респондентов старшего возраста связана, по-видимому, с определенной раздвоенностью сознания, с двоемыслием. С одной стороны, респонденты хорошо выучили тезис о «бесценности человеческой жизни», с другой – они прекрасно знают из реальной жизни, сколь мало ценится жизнь человека в СССР/РФ. В обычной жизни советский человек привычно и легко сочетает несочетаемое. Он внимает (и при необходимости кивает) докладчику, но реально полагается на себя (в лучшем случае – на родных и самых близких друзей). Перед анкетой человек оказывается в сложном положении – он должен высказать личное мнение, хотя и анонимно. И он либо отказывается от ответа, либо пишет шаблонное «человеческая жизнь бесцenna», либо

(редко) отвечает, что задавать такие вопросы нельзя. Во взрослой аудитории нам было один раз многозначительно сказано, что «могут быть последствия», и один раз – что «найдется, кому вами заняться». Возможно, для исследований в этом направлении на взрослом контингенте целесообразно применение других методик – глубинного интервью, качественных методов и т.д. Для студенческой аудитории «напряженность» анкеты оказалась, как нам представляется, допустимой, хотя и заметной – анкета «сильно напрягла» 13% респондентов, результаты оказались малоинтересными для 10%, и 8% сочли, что исследование проводить не стоило.

Заключение

Иногда говорят, что проблема оценки жизни не должна возникать у людей в нормальном обществе. Конечно, можно включить это требование в определение такого общества, но реально она возникает не только из-за войн, терроризма, природных и техногенных катастроф. И не всегда можно переложить ее решение на других, а даже если и можно, разве это правильный путь для личности? Нормальное общество – это не беспроблемное общество «ням-ням во веки веков», как выразился Станислав Лем, и не общество, где все проблемы переложены на кого-то с буквами «МЧС» на спине. Это общество солидарной готовности и личной ответственности, высокого уровня гражданственности, нечто вроде Америки эпохи фронтира или Швейцарии (с учетом некоторой мифологизированности).

Авторы благодарны С.М. Гуриеву и М.Д. Красильниковой за обсуждение на начальном этапе исследования, Д.Л. Константиновскому за обсуждение результатов и статьи, а также студентам МИЭМ – респондентам и конструктивным критикам.

**Вадим КВАЧЕВ,
Заур КОКОЕВ,
Камила ГРАЧЕВА,
Иван ДИВИЛЬКОВСКИЙ**

Московское протестное движение 2015–2016 гг.

Социологическое исследование

Задачей настоящего исследования было изучение московского протестного движения в 2015–2016 гг. В ходе исследования были опрошены 886 респондентов на четырех митингах: на марше памяти Бориса Немцова 1 марта 2015 года (250 респондентов); митинге «В защиту науки и образования» 6 июня 2015 года (284 респондента); митинге «За сменяемость власти» 20 сентября 2015 года (195 респондентов); марше памяти Бориса Немцова 27 февраля 2016 года (157 респондентов). По данным волонтерской организации «Белый счетчик», которая занимается подсчетом участников массовых акций, на первом митинге присутствовало 51,6 тыс. человек, на втором 3,5 тыс. человек, на третьем 7,1 тыс. человек, на четвертом 24,2 тыс. человек. Таким образом, генеральная совокупность составляет от 51,6 до 86,4 тыс. человек. При доверительной вероятности в 95% доверительный интервал исследования составляет не менее 3,28%.

Исследование проводилось методом анкетирования по стихийной выборке. 74 анкеты (8%) были заполнены респондентами самостоятельно через онлайн-форму, ссылка на которую распространялась среди участников митингов в виде листовки с qr-кодом и сокращенным URL-адресом. Сбор результатов онлайн-анкетирования прекращался через два дня после митинга.

Исследование проводилось совместно с движением «Белый счетчик». В исследовании принимали участие волонтеры – члены движения «Белый счетчик», гражданские и политические активисты, студенты: Александр Антошин, Александр Майоров, Анастасия Панина, Анна Горобцова, Анна Чернобыльская, Борис Цейтлин, Владимир Ковалев, Данил Калабин, Дарья Ворожейкина, Дарья Горюнова, Дарья

Продаевич, Даша Котенко, Денис Владимирович Мошкин, Дина Хайруллина, Дмитрий Ионов, Дмитрий Троицкий, Егор Гусев, Елена Захарова, Екатерина Копелевич, Елена Хаустова, Илья Шафранов, Ирина Леонидовна Гинесина, Ирина Свергун, Ирина Яценко, Ксения Орлова, Лара Мищенко, Майя Завьялова, Майя Максимовна Черникова, Мария Тимофеева, Никита Карпов, Нина Аслибекян, Олег Корнеев, Ольга Мазурова, Ольга Терехина, Роман Шалганов, Светлана Островская, Татьяна Витушкина, Татьяна Ситнова. Авторы выражают признательность волонтерам.

Методологические ограничения

Поскольку анкетирование проводилось на четырех митингах, и, как мы знаем, аудитории различных митингов пересекаются, некоторые участники могли быть опрошены несколько раз. Так же доля опрошенных от пришедших отличалась от митинга к митингу, соответственно, существует риск смещения выборки. Мы оцениваем влияние этих рисков на результаты исследования как незначительное, за исключением случаев, непосредственно обозначенных в тексте. Мы не осуществляли контроль за работой полевых интервьюеров.

Социально-демографическая характеристика

Среди участников митингов 58,5% составляют мужчины, а 41,5% – женщины. Эта ситуация достаточно сильно отличается от данных в среднем по России: согласно Росстату, среди жителей страны в 2015 году было 46% мужчин и 54% женщин. Таким образом, среди мужчин доля посещающих московские митинги больше, чем среди женщин. Обратимся к возрастной структуре протестных митингов (табл. 1–3).

**Таблица 1
ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГОВ**

17 и младше	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
2%	16%	23%	15%	16%	16%	12%

Среди участников протестных митингов преобладают молодые люди 25–34 лет (22,9%), наименьшей является старшая возрастная группа в возрасте 65 лет и старше (12,3%). Несовершеннолетних участников митингов менее 2%. Сравним возрастную структуру митингов с данными Росстата (по 5-летним интервалам).

Как видно, сильно отличается возрастная группа до 19 лет. Интересны результаты по тем возрастным группам, представленность которых на митингах выше, чем их доля в населении России в целом. К ним относятся 20–24-летние и 25–29-летние (их более чем в два раза больше), 50–54-летние (их больше на треть), а также 70–74-летние (их больше почти в два раза). Это самые политические активные возрастные группы. Посмотрим на половозрастную структуру митингов, выделенную по 10-летним интервалам.

Мужчины значительно преобладают во всех возрастных группах, кроме последних двух. Самая значительная по доле половозрастная группа – мужчины 25–34 лет (14,7%); также среди участников митингов значительны доли мужчин 35–44 лет, 45–54 лет и 28–34 лет, а также женщин 55–64 лет (9,4–10,1%). Меньше всего представлены обе гендерные группы в возрасте до 17 лет. Доля остальных групп колеблется в диапазоне 5,2–6,5%.

Самооценка материального положения

Представленные данные (табл. 4) позволяют сравнить материальную самооценку участников митингов 2015–2016 гг. как с предыдущей протестной волной, так и с данными по России и Москве. Как видно, участники митингов 2015–2016 гг. по самооценке своего материального положения схожи с участниками протестного выступления на проспекте Сахарова в декабре 2011 года. Из трех верхних групп по доходу две стали меньше на 3–5%, а верхняя не изменилась. В то же время вторая снизу группа по доходу выросла в два раза: с 4 до 8%. В целом социально-экономическая структура протеста, по всей видимости, изменилась слабо. Две верхние группы по материальной обеспеченности представлены на митингах 2015–2016 гг. и на проспекте Сахарова в 2011 г. больше, чем в среднем по Москве и России, а остальные группы по своей доле более схожи с ситуацией по Москве, чем по России. Мы сознательно не употребляем понятия «средний класс», так как эта категория в социальных науках достаточно противоречива, а в рамках настоящего исследования мы не ставили перед собой цель его идентификации. Однако не вызывает сомнения, что московское протестное движение 2015–2016 гг. в значительной мере состоит из обеспеченных людей.

Таблица 2

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГОВ ПО 5-ЛЕТИМ ИНТЕРВАЛАМ

Возраст	По России (данные Росстата на 2015 г.)	По исследуемым митингам
до 19	17%	6%
20–24	5%	11%
25–29	6%	14%
30–34	9%	9%
35–39	8%	8%
40–44	7%	8%
45–49	7%	7%
50–54	6%	9%
55–59	8%	9%
60–64	7%	7%
65–69	6%	4%
70 и более	4%	8%

Таблица 3

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГОВ ПО 10-ЛЕТИМ ИНТЕРВАЛАМ

Пол	17 и младше	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
мужской	1%	10%	15%	10%	10%	7%	6%
женский	1%	6%	8%	5%	6%	9%	6%

Таблица 4
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГОВ ПО САМООЦЕНКЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

	Нам не хватает денег даже на питание	Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	Денег на питание и одежду хватает, но покупка более дорогих вещей вызывает у нас проблемы	Мы можем купить такие вещи, как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что вообще не стеснены в средствах	Мы можем ни в чем себе не отказывать
Митинги 2015–2016 гг. (данное исследование)	2%	8%	25%	35%	25%	5%
Митинг 24.11.2011 на пр. Сахарова (Левада-Центр) ¹	3%	4%	21%	40%	28%	5%
Москва (Левада-Центр, 2014) ²	1%	4%	34%	52%	8%	1%
Россия (Левада-Центр, 2014) ³	2%	13%	57%	26%	2%	>1%

Образование

Вопрос об образовании не задавался участникам одного из митингов, поэтому генеральная совокупность составляет 636 человек. Обратимся к сравнению данных, полученных в результате опроса, с данными Всероссийской переписи населения по Москве.

Как видно из представленных данных (табл. 5), среди участников митинга значительно больше тех, у кого есть ученая степень (почти в 18 раз), чем в среднем по Москве, почти на 20 процентных пунктов больше тех, у кого есть высшее образование, а также почти в два раза больше людей с незаконченным высшим образованием. Напротив, тех, у кого есть только среднее образование, на митингах 2015–2016 гг. намного меньше, почти в шесть раз. То же самое касается тех, у кого есть только начальное образование.

На этот результат повлияла тематическая направленность одной из массовых акций, попавшей в поле данного исследования. Митинг 6 июня 2015 года был посвящен ликвидации фонда «Династия», объявленного незадолго до

этого «иностранным агентом». Тематика митинга напрямую затрагивала преподавателей, ученых и научных работников. Действительно, среди опрошенных на митинге 6 июня 2015 года 29,2% имели ученую степень, что составляет 72,8% от общего числа попавших в выборку респондентов с ученой степенью. Тем не менее на митинге 27 февраля 2016 года, который напрямую не затрагивал проблемы научно-педагогического сообщества, количество респондентов с ученой степенью составило 14,6%.

Социально-демографические различия митингов

Митинги, попавшие в поле исследования, на практике отличаются друг от друга. Митинг 6 июня 2015 года был посвящен поддержке фонда «Династия», занимающегося помощью российским ученым. Соответственно, тематика митинга в большей степени затронула работников сферы науки и образования — косвенным доказательством этому является значительное количество людей с учеными степенями на мероприятии (29,2%).

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГОВ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

	Начальное	Среднее	Незаконченное высшее	Высшее	Ученая степень
Участники митингов 2015–2016 гг. (данное исследование)	1%	7%	14%	59%	18%
Москвичи старше 15 лет (данные ВПН-2010) ⁴	5%	44%	8%	40%	1%

¹ Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря / Пресс-выпуски Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/old/26-12-2011/otchet-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya> (25.06.2016).

² Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/old/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (25.06.2016).

³ Там же.

⁴ Всероссийская перепись населения 2010 г. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (25.06.2016).

Митинг 20 сентября 2015 года был организован силами политической оппозиции с активным участием в организации сторонников Алексея Навального. Это обстоятельство могло привлечь больше людей, симпатизирующих Навальному.

Рассмотрим различия между митингами в социально-демографическом измерении. Прежде всего различия хорошо видны в возрастной структуре митингов (табл. 6).

Как видно, митинг 20 сентября 2015 года в Марьино – самый молодой по структуре. Более половины опрошенных на нем респондентов попадают в возрастной интервал от 18 до 34 лет, еще около 17% – в интервал от 35 до 44 лет. Напротив, митинги 1 марта и 6 июня 2015 года по своей структуре более «сбалансированы».

Рассмотрим самооценку материального положения (табл. 7).

Таблица 6

УЧАСТИЕ В ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЕМ ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГАХ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

	17 и младше	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
Митинг 1 марта 2015 г.	>1%	16%	22%	20%	16%	14%	11%
Митинг 6 июня 2015 г.	2%	15%	21%	14%	15%	17%	13%
Митинг 20 сентября 2015 г.	1%	21%	32%	17%	12%	12%	5%
Митинг 27 февраля 2016 г.	5%	10%	16%	7%	20%	22%	21%

Таблица 7

УЧАСТИКИ ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЕМ МИТИНГОВ ПО САМООЦЕНКЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

	Митинг 1 марта 2015 г.	Митинг 6 июня 2015 г.	Митинг 20 сентября 2015 г.	Митинг 27 февраля 2016 г.
Нет ответа	0%	0%	0%	1%
Нам не хватает денег даже на питание	2%	0%	1%	5%
Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	8%	6%	8%	10%
Денег на питание и одежду хватает, но покупка более дорогих вещей вызывает у нас проблемы	23%	27%	23%	29%
Мы можем купить такие вещи, как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	35%	40%	30%	31%
Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что вообще не стеснены в средствах.	24%	24%	34%	17%
Мы можем ни в чем себе не отказывать	8%	4%	4%	6%

Таблица 8

ОПЫТ УЧАСТИЯ В ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВЫ УЧАСТВОВАЛИ РАНЕЕ В ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ?

Не участвовал(а)	Участвовал(а) один раз	Участвовал(а) два и более раз
11%	8%	81%

Как видно из представленных данных, наибольшее количество представителей двух верхних по доходу групп (в сумме свыше 38%) было на митинге в Марьино). На митинге в поддержку фонда «Династия» больше всего представителей второй и третьей сверху по доходу групп (в сумме – свыше 65%).

Политические взгляды и гражданское участие

Для того чтобы выяснить обновляемость протеста, был задан вопрос об опыте участия в протестных акциях.

Только 11% респондентов пришли на протестную акцию в момент опроса впервые, 8% – во второй раз. Обратимся к динамике ответов на этот вопрос на разных митингах (табл. 8, 9).

Мы видим, что «новичков» больше на тематических акциях: на первом марше памяти Немцова, произошедшем через два дня после

Таблица 9

УЧАСТИКИ ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЕМ МИТИНГОВ ПО ОПЫТУ УЧАСТИЯ В ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВЫ УЧАСТВОВАЛИ РАНЕЕ В ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЯХ?

	Митинг 1 марта 2015 г.	Митинг 6 июня 2015 г.	Митинг 20 сентября 2015 г.	Митинг 27 февраля 2016 г.
Не участвовал(а)	16%	11%	9%	5%
Участвовал(а) один раз	12%	6%	8%	7%
Участвовал(а) два и более раз	72%	83%	83%	87%

Таблица 10

ЦЕННОСТИ И УБЕЖДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ

	Затрудняюсь ответить	Не согласен полностью	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен полностью	Вопрос не задавался
Присоединение Крыма – это успех России	3%	76%	12%	4%	4%	0%
Россия должна ориентироваться преимущественно на европейский путь развития	5%	3%	5%	20%	67%	0%
Россия должна быть национальным государством с основополагающей ролью русского народа	8%	41%	29%	14%	8%	0%
Обеспечение порядка, борьба с коррупцией в некоторых случаях могут быть важнее соблюдения прав отдельного человека	7%	49%	25%	13%	6%	1%
Экономическое благополучие, эко- номическое развитие в некоторых случаях могут быть важнее соблю- дения прав отдельного человека	6%	60%	24%	6%	3%	1%
Борьба государства с терроризмом и преступностью в некоторых случа- ях может быть важнее соблюдения прав отдельного человека	6%	42%	27%	18%	7%	1%
Геополитические интересы госу- дарства в некоторых случаях могут быть важнее соблюдения прав отдельного человека	5%	64%	21%	6%	3%	1%

убийства, таких было 16%; на митинге «За науку и образование» – 11%. На митингах с более генерализированной повесткой таких участников было меньше 10%. Хотя это расхождение невелико и находится для некоторых пар митингов в рамках статистической погрешности, оно может свидетельствовать о более высоком мобилизационном потенциале тематических митингов.

В продолжение этой темы на четвертом митинге в анкету в качестве тестовых были включены вопросы, позволяющие оценить разви-
тость группового самосознания. Респондентам предлагалось выразить одну из четырех степе-
ней согласия с утверждениями «Я лучше разби-
раюсь в политической ситуации в современной
России, чем большинство россиян» и «Я лучше
разбираюсь в политической ситуации в совре-
менной России, чем большинство участников

этого митинга». Протестующие отличают группу «участники митинга» от остальных россиян и больше доверяют ей: 68% респондентов счи-
тают, что они лучше разбираются в политиче-
ской ситуации, чем большинство россиян, при
этом лишь 22% считают, что лучше разбира-
ются в ситуации, чем большинство участников
митинга.

Респонденты разделяют ряд общих цен-
ностей и позиций (табл. 10). Так 88% участников
не согласны с тезисом: «присоединение Кры-
ма – это успех России», и 87% респондентов
согласны с тем, что Россия должна ориентиро-
ваться преимущественно на европейский путь
развития. Эти ответы можно справочно срав-
нить с данными всероссийских опросов. Так, в
2014 г. во время опроса Левада-Центра только
21% респондентов согласился с тем, что Рос-

сия должна идти «по общему для современного мира пути европейской цивилизации»¹.

Участники митингов считают важными права человека. Респондентам были заданы вопросы о том, что может быть важнее соблюдения таких прав. 84% респондентов не считают, что права человека могут быть менее важны, чем экономическое развитие и благополучие, 86% не согласны с тем, что геополитические интересы государства могут быть важнее прав человека, 74% участников акций не согласны с тем, что обеспечение порядка и борьба с коррупцией могут быть важнее соблюдения прав человека. Примечательно, что почти четверть респондентов – 25% – допускают, что борьба государства с терроризмом и преступностью в некоторых случаях может быть важнее соблюдения прав отдельного человека. Из данных всероссийских опросов мы видим, что боязнь терактов является одним из значимых страхов россиян², и можно предположить, что участники митингов разделяют этот страх.

Протестующие обладают высоким социальным капиталом: в их среде достаточно высок уровень генерализованного доверия (табл. 11–14).

Обобщенное доверие является одним из важнейших компонентов социального капитала.

Таблица 11
УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ

БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ					
Затрудняюсь ответить	Не согласен полностью	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен полностью	
7%	17%	33%	33%	10%	

Таблица 12
УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ В ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ

Возраст	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
Затрудняюсь ответить	6%	4%	8%	4%	12%	8%
Не согласен полностью	23%	15%	12%	13%	17%	21%
Скорее не согласен	50%	33%	31%	31%	26%	23%
Скорее согласен	18%	40%	39%	39%	31%	29%
Согласен полностью	4%	9%	10%	11%	14%	17%

ла. Высокий уровень доверия снижает транзакционные издержки и позволяет быстрее и эффективнее создавать организации и движения. Российские и международные опросы показы-

¹ Особый российский путь / Пресс-выпуски Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/2014/04/07/osobyj-rossijskij-put/> (26.06.2016).

² Пресс-выпуск № 3119. Преступность: страхи и реалии / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115717> (28.06.2016).

вали сравнительно низкий уровень обобщенного доверия в России и Москве. По данным 6-й волны World Value Survey, в 2011 году 28% россиян и 23% москвичей считали, что большинству людей можно доверять³; по данным Левада-Центра, «лишь около 32% москвичей и 37% россиян считают, что людям можно доверять («практически всегда или обычно»)⁴.

Респонденты нашего исследования показывали более высокий уровень доверия⁵: 43% участников митингов согласны с тем, что большинству людей можно доверять. Мужчины демонстрируют сравнительно более высокий уровень доверия, чем женщины, молодежь (18–24 года) обладает сравнительно более низким уровнем доверия, чем люди из других возрастных групп. Уровень доверия больше зависит от уровня образования, чем от материального положения.

Посетители протестных акций значительно активнее участвуют в общественной жизни, чем средний россиянин. 47% респондентов имеют опыт участия в некоммерческих организациях и гражданских движениях (табл. 15–17). По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ⁶, лишь 8% взрослых россиян участвуют в деятельности некоммерческих организаций и еще 27% не участвуют в таких организациях, но го-

³ World Value Survey (WVS) / Official website. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSSonline.jsp> (22.06.2016).

⁴ Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/old/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (25.06.2016).

⁵ Необходимо отметить, что данные нашего исследования несопоставимы непосредственно с результатами опросов Левада-Центра и WVS в связи с различной формулировкой вопросов.

⁶ Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.

Таблица 13

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ В ГРУППАХ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ**БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ**

Образование	Незаконченное высшее	Высшее	Ученая степень	Вопрос не задавался
Затрудняюсь ответить	3%	6%	10%	8%
Не согласен полностью	29%	14%	11%	18%
Скорее не согласен	35%	34%	28%	30%
Скорее согласен	24%	37%	43%	28%
Согласен полностью	9%	9%	9%	13%

Таблица 14

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ УЧАСТНИКОВ МИТИНГОВ В ГРУППАХ ПО САМООЦЕНКЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ**

Материальное положение	Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	Денег на питание и одежду хватает, но покупка более дорогих вещей вызывает у нас проблемы	Мы можем купить такие вещи, как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что вообще не стеснены в средствах.	Мы можем ни в чем себе не отказывать
Затрудняюсь ответить	12%	7%	7%	6%	4%
Не согласен полностью	24%	22%	14%	13%	19%
Скорее не согласен	27%	33%	36%	30%	27%
Скорее согласен	22%	28%	35%	41%	29%
Согласен полностью	15%	10%	8%	10%	19%

тобы объединяться с другими для совместных действий и занимаются благотворительностью в широком смысле. Самыми популярными направлениями проявления гражданской активности среди участников митингов являются наблюдение на выборах (17% респондентов), политика (14%), правозащита (8%) и экология (7%).

На трех митингах ($n=729$) в анкету были включены вопросы о конкретных формах политического участия, что позволило определить наиболее и наименее распространенные фор-

мы. Опрошенные предпочитают коллективные формы политической активности индивидуальным (митинги, а не пикеты; петиции, а не письма), а обезличенные – личным (петиции, а не письма; выборы, а не разговоры).

Мы видим явную нехватку привлекательных устойчивых и долговременных форм коллективного участия в политике: около 80% опрошенных не принимают участия в деятельности партий, профсоюзов, комитетов, при этом только 10% не ходят на выборы.

Таблица 15

ОПЫТ УЧАСТИЯ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЕСТЬ ЛИ У ВАС ОПЫТ УЧАСТИЯ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ВОЛОНТЕРСКИХ ДВИЖЕНИЯХ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКИХ?**

Да	47%
Нет	53%

Таблица 16

ОПЫТ УЧАСТИЯ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ПО СФЕРАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**Формы участия в НКО**

Выборы	17%
Политика	14%
Правозащита	8%
Экология	7%
Стихийные бедствия	2%
Другое	7%

На четвертом митинге ($n=157$) в анкету был включен вопрос, касающийся голосования на выборах в Государственную Думу 18 сентября 2016 года. Большинство респондентов собираются участвовать в выборах (66% – точно да; 15% – скорее да). Среди причин неявки респонденты чаще всего называют бессмысленность выборов, недопуск кандидатов: «пойду, если будет достойный кандидат», «зависит от списка партий», «нет достойных кандидатов», «смотря кого допустят», «партии, за которую хотели голосовать, не будет», а также недоверие к избирательной системе: «возьму открепительный талон, напишу, что выборы нечестные», «выборы дискредитированы».

Рейтинги политических деятелей

На всех исследуемых митингах респондентам предложили выразить свое отношение к трем политическим деятелям: Владимиру Путину, Алексею Навальному, Михаилу Ходорковскому (табл. 18). Большинство участников протестных акций положительно относятся к Навальному и Ходорковскому и отрицательно к Путину. Навальный при этом немного опе-

режает Ходорковского в положительном к себе отношении. Примечательно, что Навальный с Ходорковским вызывают нейтральное отношение у более чем 15% респондентов, тогда как к Путину такое отношение проявило менее 5%.

Кроме того, можно наблюдать довольно высокую степень корреляции: те, кто одобряет Навального и Ходорковского, отрицательно относятся к Путину, и наоборот (табл. 19).

По динамике отношения к политикам можно выделить ряд наблюдений. С каждым митингом уменьшалась доля людей, нейтрально относящихся к Михаилу Ходорковскому: если на первом она составляла 23%, то на последнем уже 12%. Примечательно, что при этом значительно увеличилась доля тех, кто относится к Ходорковскому очень хорошо, тогда как показатели по остальным параметрам увеличились или уменьшились в рамках статистической погрешности. Активная деятельность, которую в последнее время ведет политик, повышает его узнаваемость и имидж в среде участников протестных акций (табл. 20).

Что касается Алексея Навального, то на первом митинге к политику нейтрально отно-

Таблица 17
ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

	Часто	Редко	Никогда
Пишете посты в блогах и социальных сетях (менее 1 тыс. читателей)	21%	28%	50%
Пишете статьи о политических вопросах в СМИ (печатные и электронные, блоги свыше 1 тыс. читателей)	8%	11%	81%
Голосуете на выборах	77%	13%	10%
Участвуете в коллективных акциях: маршах, митингах	61%	31%	8%
Проводите индивидуальные пикеты, акции	5%	12%	84%
Разговариваете с представителями государственной власти на политические темы	7%	19%	74%
Подписываете петиции	46%	36%	18%
Пишете письма, обращения в органы государственной власти	14%	32%	54%
Принимаете участие в публичных слушаниях, общественных советах и т.д.	7%	24%	69%
Принимаете участие в деятельности партий, профсоюзов, комитетов	6%	13%	81%

Таблица 18
РЕЙТИНГИ ПОЛИТИКОВ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТНЫХ МИТИНГОВ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К СЛЕДУЮЩИМ ЛЮДЯМ?	Алексей Навальный	Михаил Ходорковский	Владимир Путин
Нет ответа	>1%	>1%	>1%
Очень плохо + Скорее плохо	7%	8%	92%
Нейтрально	16%	20%	5%
Очень хорошо + Скорее хорошо	77%	72%	3%

Таблица 19

КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ОТНОШЕНИЕМ К РАЗНЫМ ПОЛИТИКАМ (Корреляция Спирмена)

	Алексей Навальный	Михаил Ходорковский	Владимир Путин
Алексей Навальный	1,000	,575	-,293
Михаил Ходорковский	,575	1,000	-,317
Владимир Путин	-,293	-,317	1,000

Таблица 20

ОТНОШЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЕМ МИТИНГОВ К МИХАИЛУ ХОДОРКОВСКОМУ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К СЛЕДУЮЩИМ ЛЮДЯМ? МИХАИЛ ХОДОРКОВСКИЙ				
	Митинг 1 марта 2015 г.	Митинг 6 июня 2015 г.	Митинг 20 сентября 2015 г.	Митинг 27 февраля 2016 г.
Очень плохо + Скорее плохо	7%	9%	8%	10%
Нейтрально	23%	23%	18%	12%
Очень хорошо + Скорее хорошо	70%	67%	74%	78%

Таблица 21

ОТНОШЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЕМ МИТИНГОВ К АЛЕКСЕЮ НАВАЛЬНОМУ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К СЛЕДУЮЩИМ ЛЮДЯМ? АЛЕКСЕЙ НАВАЛЬНЫЙ				
	Митинг 1 марта 2015 г.	Митинг 6 июня 2015 г.	Митинг 20 сентября 2015 г.	Митинг 27 февраля 2016 г.
Очень плохо + Скорее плохо	7%	6%	8%	6%
Нейтрально	16%	22%	11%	12%
Очень хорошо + Скорее хорошо	78%	72%	82%	82%

Таблица 22

ОТНОШЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЕМ МИТИНГОВ К ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К СЛЕДУЮЩИМ ЛЮДЯМ? ВЛАДИМИР ПУТИН				
	Митинг 1 марта 2015 г.	Митинг 6 июня 2015 г.	Митинг 20 сентября 2015 г.	Митинг 27 февраля 2016 г.
Очень плохо + Скорее плохо	93%	91%	93%	90%
Нейтрально	3%	6%	4%	7%
Очень хорошо + Скорее хорошо	4%	2%	3%	3%

силось 16%, на втором 22%, а на последних двух митингах это отношение продемонстрировало меньшее количество людей (11% на третьем, 12% на последнем). Показатели по плохому отношению к политику шли практически ровно. Что же касается хорошего отношения, то здесь стоит выделить второй митинг, когда показатель очень хорошего отношения был много ниже среднего (−9%), и четвертый митинг, когда показатель очень хорошего отношения достиг своего пика (54%), а скорее хорошего, наоборот, минимального значения (29%) (табл. 21).

По отношению к Владимиру Путину примечателен последний митинг, где можно наблюдать скачок в доле тех, кто относится к Путину очень плохо (+9% по отношению к среднему) и, наоборот, падение в доле относящихся к нему скорее плохо (−11%) (табл. 22).

* * *

Опираясь на полученные данные, мы можем предположить, что московские протестующие представляют собой сформировавшуюся группу с устойчивым и воспроизведящимся поведением, схожими политическими взглядами по ряду вопросов, сформировавшимся групповым самосознанием. Отметим, однако, что данное исследование носило в значительной мере разведывательный характер, и поэтому его основные выводы нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке. В 2016–2017 гг. авторы планируют запуск второй волны исследования московских протестных митингов. Исследовательский коллектив с благодарностью примет любые отзывы, комментарии и рекомендации по настоящему исследованию.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Карина ПИПИЯ

Национальная гордость и ксенофобские предубеждения

Интервью с Александром Верховским

— В ваших ежегодных докладах всегда фигурирует такое понятие, как ксенофобия. Складывается впечатление, что все в целом понимают, о чем в данном случае идет речь. Но недавно в рамках интервью с экспертом по межнациональным отношениям выяснилось, что у нас отсутствуют консенсусные представления о том, что такое ксенофобия. Есть ли у вас в центре¹ рабочее определение ксенофобии? Что вы в него вкладываете?

— Мы работаем в достаточно узком диапазоне понимания этого термина. Мы имеем в виду любое негативное отношение к людям по признакам, связанным с этничностью или отношением к религии, отчасти с сексуальной ориентацией, другие варианты рассматриваются крайне редко. Существует множество других способов дискриминационно относиться к людям, но мы оставляем их за скобками, потому что иначе нам «не съесть». Дело в том, что мы сфокусированы на национализме и его «побочных продуктах», причем больше на преступлениях ненависти, чем на повседневной дискриминации.

В принципе, когда мы отслеживаем преступления по мотиву ненависти, могут попадаться неожиданные критерии выбора жертвы. Например, есть преступления против бездомных. Они проблемные с точки зрения теории преступлений ненависти: мотив преступника может быть смешанным. Тем не менее в реальной жизни такая агрессия по отношению именно к бездомным существует.

— Насколько можно считать ксенофобию крайним проявлением неприязни или это скорее

неприязненные установки в массовом сознании, еще не доведенные до градуса кипения? Потому что остальные смежные с ней определения, например нацизм, радикализм и прочее, мне кажется, это нечто более «крайнее».

— Термин «ксенофобия» уже внедрился в европейский обиход и часто встречается. Правда, раньше он касался в основном расизма. С точки зрения научного исследования, конечно, термин «расизм» лучше разработан — соответственно, существует больше инструментов для работы с ним, — чем термин «ксенофобия». Но я говорю не про науку. Сейчас практически любой документ по теме почти у любой международной организации включает через запятую такие понятия, как «расизм» и «ксенофобия». И никто даже не пытается четко разводить эти понятия. Наоборот, считается, что, поскольку у понятия нет четких границ, лучше перечислить их через запятую — тогда наверняка никто не уйдет обиженным.

— То есть они даже терминологически не пытаются их разграничить?

— Нет. Скажем, на уровне международных организаций, которые об этом пишут, — ООН, ОБСЕ — нигде нет определений, они старательно уходят от них². В этом есть свой резон, потому что если давать определение, то с ним обязательно кто-то не согласится. А так все более или менее довольны. Хотя, конечно, споры возникают.

Если речь идет о каких-то радикальных действиях, о преступлениях ненависти, то обычно

¹ Информационно-аналитический центр «СОВА». URL: <http://www.sova-center.ru/>.

² Например, в таких важных документах ООН, как Декларация принципов терпимости или Дурбанская декларация, понятие «ксенофобия» активно употребляется, однако его определение в этих документах отсутствует. URL: <http://www.un.org/ru/index.html>.

споров нет. Потому что преступление – оно и есть преступление. Спор возникает там, где мотив преступника не чистый, а смешанный (как, например, в грабежах по расистскому признаку).

Если речь идет не о преступлениях в обычном смысле слова, а о высказываниях неприязненного толка, как у нас говорят – ксенофобских, границу между выражением неприязни и мировоззренческим спором вообще не так просто провести, а еще есть широкий спектр по степени неприязненности. И споры применительно к оценке высказываний могут носить другой характер. Вот, например, пусть это и крайний случай, выступает российский дипломат и говорит: «Вот такие-то плохие люди покушаются на традиционные ценности». Что он защищает – традиционные ценности? Нет, он защищает, как он потом объясняет, людей, которые связывают себя с этими традиционными ценностями. Те, кто покушается на ценности, покушается и на этих людей. Или, аналогично, выступают мусульманские активисты и говорят про исламофобию: «Дурные слова о мусульманах и дурные слова о пророке – для нас это одно и то же, и вы имейте это в виду». Здесь действительно и находится предмет постоянных коллизий.

– Недавно на русский язык была переведена книга английского экономиста Пола Коллиера¹, в которой он высказывает мысль о том, что гражданство не связано ни с правами на получение благ у государства, ни с обязательством уважать закон, а человека делает гражданином в первую очередь определенное отношение к людям. Согласны ли вы, что именно ксенофобия делает россиян россиянами? А, например, американцев делают американцами политкорректность и толерантность.

– Американцы очень разные, как и россияне. Я думаю, половина граждан Соединенных Штатов скажет: «Мы американцы, потому что мы тут живем, наши предки освоили эту землю. А быть толерантными к новоприбывшим кандидатам в граждане, тем более нелегально прибывшим, мы вовсе не обязаны и в гробу их всех видали». То есть толерантность и тем более недавно родившаяся политкорректность никак не могут быть признаками, которые объединяют американскую нацию. Но нация есть.

Если же говорить о России, то непонятно, есть ли хоть какой-нибудь признак, объединя-

¹ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / П. Коллиер; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

ющий нашу нацию, кроме антивестернизма, который, пожалуй, действительно является устойчивым признаком самоопределения, и это не вчера началось.

– В 2012 году проводилось международное исследование² среди 33 преимущественно европейских стран, по результатам которого Россия входит в тройку стран с самым высоким уровнем поддержки мифов о мигрантах – конкуренция за рабочие места, этническая преступность и т.д. Такое ощущение, что ксенофобия становится основой общественной консолидации...

– Все, включая сотрудников Левада-Центра, утверждают, что с консолидацией у нас в обществе плохо. Если бы у нас была ясная и, главное, актуальная для всех основа консолидации, то, может быть, была бы и сама консолидация. Большинство людей, может быть, согласны в чем-то, например в том, что мигранты не обязательно – зло, или в том, что воровать – плохо, но, что важно, это их совершенно не консолидирует, потому что это согласие для них малозначимо. Это эмоционально не нагруженный тезис. Мы же почти все согласны с тем, что Марс необитаем, – и что? Мы не объединяемся по этому признаку. Мало достичь консенсуса, нужно, чтобы этот консенсус был по какому-то значимому вопросу, иначе он не объединяет. Поэтому в 2013 году, например, возникло ощущение, что ксенофобия по отношению к «другим», в первую очередь к мигрантам и геям, станет действующим, а не потенциальным фактором консолидации, но это быстро прошло. Антивестернистская же консолидация после Крыма налицо, хотя и непонятно, насколько она устойчива.

– Поэтому движение российских националистов если не исчезло, то очень сильно пострадало за последние годы?

– Оно не исчезло, но в очень плохом состоянии. Мы про это подробно писали в наших докладах. Много лет почти половина граждан не жалует мигрантов, в какой-то степени поддерживает идею «Россия для русских». Но эта половина не поддерживает националистов как таковых. Впрочем, подавляющее большинство наших граждан вообще никакие движения не поддерживает. Граждане могут разделять те или иные идеи, в том числе связанные с националистами, но решительно не готовы эти идеи во что-либо конвертировать, даже в заочную, вербальную поддержку. Я полагаю, это чисто патерналистский эффект: они ждут, что госу-

² URL: <http://www.issp.org/>.

дарство наведет порядок и как-то избавит их от «злых мигрантов». Они одобряют не идеи националистов, а просто высказывают некие соображения или эмоции, не политизируя их.

— **Это как с 86%?**

— Ну, 86% как-то себя проявляют. Они худо-бедно голосуют за партию власти и ее сателлитов, они хоть что-то делают. Да, выбор у них небогатый, но они могли бы дома сидеть, а они на выборы ходят. А вот ксенофобная половина населения, которая была довольно устойчива в течение долгого периода, с началом путинского правления никак себя не проявляет. Антизападничество политически и эмоционально оказалось сильнее.

— **И часть националистов пользуется этим не-приятием западных ценностей, негативизмом по отношению к другим странам, особенно в контексте присоединения Крыма?**

— Естественно, пользуется.

— **Мы видим показатели одобрения присоединения Крыма россиянами, негативное отношение к США, ЕС и Украине², хотя внимание к событиям в последней и снизилось. Получается, что, если этнонационализм не может мобилизовать население, то антизападничество на это способно?**

— Да. Крым — конечно, великое достижение в части мобилизации поддержки режима и укрепления национального единства. В чем выражается это единство? Конечно, в противостоянии Западу во главе с США. Можно сколько угодно ругаться на «бандеровцев» и хихикать над «хохлами», а то и над «укротюрками», но победа над Украиной, как ранее над Грузией, это недостаточно серьезная задача и недостаточно мощный успех для такой мобилизации. Вот Америка — да, это круто, это тот враг, с которым можно «достойно» бороться. И массмедиа не забывают тему противостояния с США в степях Украины. В Крыму это противостояние оказалось чистым успехом, в Донбассе не очень, а в Сирии опять удалось «уесть Америку».

Мне кажется, есть постсоветский феномен, который заключается в том, что совсем недавно

¹ Имеется в виду высокий уровень одобрения населением президента Владимира Путина, превысивший 80-процентный порог после присоединения Крыма. См., например: Волков Д. 86% Путина: верить или нет. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/09/620191-86-putina>.

² Полная динамика отношения населения России к странам Запада начиная с 1990 года доступна на официальном сайте Левада-Центра в разделе «Индикаторы». URL: <http://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/>.

была большая империя, а стала маленькая. Она в какой-то степени пытается трансформироваться в национальное государство в том классическом виде, в котором это понятие трактовалось в середине XX века. Но трансформация не получается, потому что страна все равно остается империей по составу и в значительной степени по устройству, и это ужасно все запутывает. Страна и большинство ее граждан никак не могут определиться. Наш президент в знаменитой постбесланской речи произнес: «Сегодня мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства... Но, несмотря на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта — Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией». Интонационно это прозвучало так, что мы остались с чем-то, непонятно чем, с этим и живем. Мне кажется, путинская фраза отражает некое массовое представление: непонятно, что у нас за страна, где она начинается и заканчивается.

— **Это можно объяснить отчасти тем, что у россиян жива ностальгия по Советскому Союзу не только среди пенсионеров, но и среди 17–24-летних, которые в нем не жили?**

— Конечно! Дело не в идеологии или еще каких-то частных особенностях Советского Союза, просто была большая империя — и ссохлась. Если бы она ссохлась и заменилась на что-то хорошее. Например, Турция XX века после Ататюрка гордилась своими достижениями и тем, насколько она стала лучше как национальное государство, чем Османская империя. Это не означает, что там не было ностальгии по османским временам. Она там была и есть до сих пор, но есть и гордость за обновленную кемалистами страну.

— **А у нас разве после Крыма аналогичные тенденции не наметились? Судя по опросам, большая часть населения гордится страной³.**

— Гордится, но надо разобраться, чем именно. Возвращаясь к аналогии с постосманской Турцией, можно заметить, что для самих турок их новая Турция в каких-то смыслах была лучше империи, по крайней мере существовал популярный нарратив — «меньше, да лучше». У нас этого положительного массового образа Российской Федерации нет. Чем она лучше, чем Советский Союз? Ничем. (То есть, конечно, чем-то определенно лучше, хотя бы выбором

³ В июне 2016 года доля респондентов, которые ощущают гордость за сам факт своего проживания в России, составила 82%, в то время как чуть более двух третей опрошенных (68%) гордились нынешней Россией. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/>.

товаров в магазине, но ведь есть и «естественный» прогресс, который воспринимается как норма, а не как достижение.) Это по-прежнему «огрызок», которым гордиться трудно. Вот гордиться нашими успехами с Крымом или тем, как мы американцев «уели» в Сирии, можно. Но это опять чисто имперская гордость за внешнее, а не за свою прекрасную страну, за то, как она внутри устроена. Внутри гордиться нечем, положительный образ не сформировался ни в реальности, ни в массовом нарративе, ни даже в телевизоре.

— На фокус-группах мы просим участников нарисовать, что такое для них Россия. Все, как правило, рисуют большой круг, березки. То есть для них Россия — это в первую очередь большая территория, мой дом...

— Иначе говоря, пустое место, а в нем затерялся вполне понятный и действительно важный свой дом. Мне кажется, это в том числе и политическая проблема: невозможно достичь единства на основе того, что все мы живем на пустом месте. Зато противопоставление себя Западу имеет многовековую историю, за века на этом месте наращен большой культурный багаж. На тему дружбы-вражды, сопоставления с Западом, столько всего написано в великой русской литературе, на это как-то можно опираться. Кто мы? Мы — не они, или, точнее так — они, но лучше.

— Определение через отрицание?

— Да. При этом Запад как «значимый другой» является одновременно точкой отсчета во всем. Современные попытки искать иные точки отсчета в России очень плохо приживаются. И уж совсем они не годятся для самоопределения и национальной гордости. Самоопределяться через то, что мы лучше, чем, например, арабский мир или Центральная Азия, и этим гордиться? Нереально!

Запад и Центральная Азия играют разные роли в самоопределении. Если граждане (86% граждан) едины в том, что мы противостоям Западу, вся риторика, которая вокруг этого строится, будет имперской — про особую цивилизацию, великие просторы, которые мы должны контролировать, глобальный паритет. А Центральная Азия (да и почти весь не-Запад) видится как источник мигрантов, и здесь возникает изоляционистская идея «культурно однородного» этнонационального государства: «Давайте всех выгоним, будем жить среди своих, нам чужого не надо, но и свое не отдадим». Это другой разговор и другой национализм. И у этих

двух национализмов разные не только враги, но и эмоциональное наполнение, и вся структура общественно-политической презентации.

— Кажется, что существует некий стереотип, что националистов поддерживают люди без высшего образования, какие-то маргинальные группы. И действительно, данные опросов начали нулевых позволяли в определенной степени говорить об этом. Сейчас такого различия в целом нет, то есть нет практически никакой статистической дифференциации между образовательными и возрастными группами. Вы давно мониторите движения отечественных националистов. Можно ли сказать, что раньше это были в значительной степени молодежные группы, а сейчас движение как-то «повзросло» и идеино оформленось?

— Нет. Во-первых, как любое радикальное движение, оно в основном все же молодежное. То есть радикал старше 22 лет — большая редкость. В массе своей радикалы уходят из какого бы то ни было движения в частную жизнь — не становятся умеренными, а просто уходят. Это не значит, что они поменяли взгляды — они просто чем-то занялись или вообще разочаровались в движении. В 1990-е так было с «Русским национальным единством». В скинхедовские времена действия заключались в том, чтобы кого-то бить, был ясным хотя бы промежуточный результат. Конкретного человека покалечил — чего-то добился. «Белую революцию» ты, может быть, не приблизил, но хотя бы одним мигрантом стало меньше. А в РНЕ было хуже, потому что они не поощряли насилие, политикой не занимались, только маршировали строем, клеили листовки, готовились к какому-то моменту, когда смогут всерьез о себе заявить. К ним постоянно приходило молодое пополнение, а потом уходило, потому что — сколько можно?! И такое, на самом деле, свойственно многим радикалам. Дело в том, что мы видим в основном людей постарше. Бывают, конечно, совсем молодые заметные личности, очень яркие, талантливые, но обычно это происходит со временем. Есть даже националисты, которые начинали активную жизнь еще в перестроечные годы, — понятно, что они немолоды.

Сейчас трудно смотреть без слез на «русские марши», потому что там стало как-то совсем плохо с количеством участников, но все равно безусловное большинство — молодежь. Кто они? Точных данных нет, в том числе и у нас. Но это не маргинальные персонажи. Это дети такого среднего сословия: чиновники, полицейские, мелкий бизнес, обычные граж-

дане. Не «парни с бензоколонки». В Москве они будут классом повыше, в Сызрани пониже, потому что там все население классом пониже.

— Русским националистам мешают власти?

— Очень мешают. Во-первых, пересажали кучу народу, многие бежали из страны, кто-то под угрозой уголовного преследования лег на дно. Бодрая молодежь, которая была склонна к уличным «акциям», к «прямому действию», рассосалась. Все боятся и на марши ходить, и резать кого-то, потому что за них взялись.

Националисты грызутся между собой — это нормальное состояние. Когда движение на подъеме, есть резон объединяться. Марш какого-нибудь 2011 года, пять тысяч человек, — это была крупнейшая манифестация страны. Даже у коммунистов меньше пенсионеров собирались в те времена. Националисты были самые крутые. И было понятно, почему все приходили на «Русский марш», — надо было показать свою крутость. А сейчас их будет не семьсот, а девятьсот — это разве достижение? Какой смысл вообще тогда объединяться?

— А говорят, что у нас нет гражданской активности, что люди не хотят выходить...

— Это тоже правда. По большому счету, никому не запрещают выходить на согласованный митинг, просто желающих мало. И у лидеров отпадает мотив объединяться. Всегда, когда происходит подъем, — происходит объединение, когда спад — все расплзаются по партийным квартирам и ждут следующего этапа. Это инстинктивное поведение правильное. Потому что на следующем этапе объединения кто-то, сохранив идею чистоту, окажется наиболее востребованным. А если сбываются в кучу, непонятно, кто окажется бенефициаром на следующем подъеме. Никто же не знает, что будет через три года, через пять, когда «случится».

В этом полугодии самое крупное мероприятие собрали стрелковцы¹. Их там было 300 человек. Все прочие собрания были куда скромнее. Это практически дно.

— Сейчас многие говорят о борьбе с экстремизмом в России. На ваш взгляд, насколько в настоящее время меры, которые государство принимает для регуляции ксенофобии, в первую очередь в интернете, эффективны?

— Меры, конечно, неэффективны. Образуется невероятное по европейским меркам ко-

личество уголовных приговоров за выскаживания, их уже сотни за год. Согласно статистике Верховного суда, в прошлом году в целом за публичные выскаживания было осуждено больше полутора тысяч человек, а приговоров только за выскаживания (т.е. в них не было других обвинений), — более трехсот. Как такое стало возможным? Мы же не видим никакого ажиотажа, никакого взлета подрывной агитации, а количество приговоров за выскаживания стремительно растет, особенно это стало заметно в 2015 году. Почему у нас сотни, а во Франции или иной европейской стране — единицы, и то не каждый год?

Правоохранительная система выбрала путь криминализации вместо других способов противодействия пропаганде насилия и ненависти. Другие способы существуют, но уголовное преследование в некотором смысле проще. Не думаю, что кто-то сознательно выбрал. Скорее всего, так само получилось, потому что одни институты государства и общества гипертрофированы по сравнению с другими. Но это совершенно неправильно. Это порочная ситуация, когда наши граждане, почувствовав себя оскорбленными по какому бы то ни было признаку, первым делом пишут кляузу в прокуратуру вместо того, чтобы сделать что-нибудь самим. В значительной степени репрессивная машина подталкивается «снизу», а не «сверху». Количество заявлений с требованием что-нибудь пресечь, насколько я смог понять из разных разговоров, заметно превосходит количество реальных пресечений. Если бы власть удовлетворяла еще и все запросы, начался бы ад. К тому же, чем больше приговоров, тем больше кляуз.

— Получается, что они не противодействуют, а в какой-то степени способствуют?

— Для властей важно, чтобы была стабильность, чтобы никто не ерзал, чтобы все сидели ровно, чтобы беспокойного элемента было заведомо недостаточно для дестабилизации, даже локальной (я исключаю из рассмотрения изначально нестабильные регионы). Но нет задачи, чтобы молчали абсолютно все. Для требуемой минимизации беспокойного элемента сотни приговоров совершенно не нужны, потому что большинство этих людей и так ничего не делали, только языком трепали. К тому же точно таких трепачей осталось на два порядка больше. Все они что-то пишут, и ничего им за это не делается. И вокруг ничего от этого не происходит. Можно с таким же успехом 500 дел не

¹ Сторонники нынешнего лидера движения «Новороссия» Игоря Стрелкова, активно принимавшего участие в вооруженных столкновениях на востоке Украины в 2014 году.

открывать, а открыть пять — ничего бы не изменилось.

Конечно, бывают случаи, когда уголовные преследования за высказывания совершенно уместны. И с точки зрения сохранения режима, и с точки зрения необходимой защиты безопасности общества. Так устроено везде в Европе, но эти преследования по сути штучные, они не сотнями должны исчисляться.

При этом у нас нет нормальной общественной полемики. Это проблема всех идейных слоев нашего общества. Конечно, это происходит, потому что полемика разными способами подавляется, но не только. Я читаю очередную гадость, и у меня нет стимула вступить в дискуссию, потому что я занят. Открывая Facebook, вижу множество людей, которым явно не лень тратить время на пустопорожние дискуссии черт знает о чем, но настоящей дискуссии между, условно говоря, ксенофобами и антиксенофобами нет, она с обеих сторон непопулярна. Считается, что не надо «нам» с «ними» разговаривать, что не о чем спорить. Человек, который сказал «это», точно «не наш». Хотя в реальности отнюдь нет такого четкого деления на два лагеря.

— Проблему не обсуждают, а сразу пытаются наказать виновных?

— Да! Конечно, полемика может быть жесткой, грубой. Я не люблю ругаться, но это тоже форма общественной полемики. Однако над головой вырастает государство, которое тебя, увлекшегося общественной полемикой, привлечет за экстремизм. Хотя вероятность, признаем, невелика, но она есть, и это тоже мешает — поругаться нормально нельзя.

— У вас недавно вышла книга, посвященная сравнению уголовного права стран ОБСЕ касательно преступлений ненависти и языка вражды¹. Что вас зацепило в законодательном опыте западных странах? Что хотелось бы перенести на отечественную почву?

— Я не считаю, что надо придумывать какую-то идеальную систему. Идеальных систем, наверное, не бывает. Я предпочитаю рассуждать оппортунистически и считаю, что, если выявлены очевидные несообразности, надо устраниить их и посмотреть, что из этого выйдет. А потом осторожненько браться за следующий кусок.

Например, у нас есть признанный практически во всех слоях общества механизм борьбы

¹ Верховский А. Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды. М.: Центр «Сова», 2015. 287 с.

за толерантность и за все хорошее — запрет экстремистских материалов. Есть оппозиционный политик Владимир Милов, у нас были дебаты, на которых он выступал за отмену 282-й статьи, а я твердил: как же, у всех европейских стран что-то подобное есть, а у нас вдруг не будет. Должна быть причина того, чем мы отличаемся от всех европейцев, и эту причину Милов, конечно, указать не смог. Там же он утверждал, что механизм судебного запрета книг он бы оставил. Между тем как раз такого механизма в развитых демократических странах нет. И я никак не мог понять, как это одновременно у него укладывается в голове. Казалось бы, книжки вообще бесполезно запрещать, как и фильмы. Был один нелепый фильм против мусульман. Его запретили в Грозном. Но запрет-то действует по всей стране. Так совпало, что за сутки до запрета я попробовал поискать его с русским переводом: мне было лень его по-английски смотреть, он длинный. Я не смог найти. А на следующий день после запрета — пожалуйста! Первая страница Google выдавала десять вариантов. Так все это и работает. Запретить материалы невозможно, если есть какие-то группы, которым эти материалы нужны. За годы функционирования данного механизма все, казалось бы, должны были убедиться, что это невозможно. Почему такого механизма нет в европейских странах? Не потому, что они считают — ах, неприлично запрещать книги. Людей же прилично сажать. Просто это невозможно. Но у нас люди мыслят по-другому. Они думают, что, если человека посадить — это плохо, негуманно, а книжку запретить можно. «Майн камф» — плохая книга? Плохая! Давайте ее запретим, и, может быть, фашистов будет меньше на 10%. Я воспроизвожу вполне расхожую аргументацию. Но это ерунда — или книга не нужна предполагаемым фашистам, или нужна, и тогда они ее переиздадут.

Даже если взять какое-то очевидное зло, например практическую инструкцию по уличным убийствам, какой толк от того, что ты запретил текст? Он от этого исчез? Если некий Вася написал проникновенную листовку о том, как надо перерезать кого-нибудь, очень пламенную и художественную и у него ее своевременно изъяли, а Васю напугали, чтобы он больше эту листовку не развешивал по заборам, — это подействует. Но объектом воздействия должен быть Вася, а не листовка. Листовку изымать бесполезно — он другую напечатает.

– А если он успел выложить ее в социальную сеть?

– Если он написал хорошую, зажигательную листовку, то она и без Васи размножится, ничего не поделаешь. А если она плохая, то и вреда от нее не будет. Но какие-то полчища госслужащих, прокуроров, судей крутят эту машину, и машина работает вхолостую. От этой нелепой практики, порождающей множество смешных или опасных злоупотреблений, надо уйти. То же и с другими нормами. Надо сделать так, как это происходит в среднем по Европе, а уж потом переходить к более тонкой доводке. Надо сузить уголовную и административную ответственность за высказывания. И много лишних кусков вырезать из законодательства. Это позволит уменьшить количество осужденных болтунов и расширить пространство для дискуссии. Потому что сейчас это пространство придавлено полицейским механизмом. И не только в смысле угрозы репрессии. Ты говоришь кому-то: «Ах, ты такой ксенофоб», а тебе отвечают: «Ты пишешь политический донос». И в каком-то смысле они правы, потому что эти слова могут легко трансформироваться в уголовные обвинения.

– С одной стороны, государство активно продвигает «общегражданский проект», с другой – проявляются какие-то иные тенденции, где подчеркивается консолидирующая роль православия. В какой степени, на ваш взгляд, православный дискурс входит в конфронтацию с общегражданским? Учитывая неприязненное отношение к мусульманам¹, которое мы фиксируем практически у четверти населения России.

– Если открыть стратегию национальной политики 2012 года, то можно прочитать, что у нас есть общегражданская идентичность, а у нее – цивилизационное русско-православное ядро. Это утверждение может рассматриваться как историческая констатация, что якобы наше государство исторически произошло из православного Московского княжества методом его расширения и укрупнения. А может рассматриваться как нормативное утверждение, которое предлагает с пиететом отнестись к этому цивилизационному ядру. Остается выяснить, в чем этот дополнительный пиетет должен выражаться.

¹ По данным общероссийского репрезентативного опроса, в марте 2016 года 22% россиян оценили свое отношение к мусульманам как «скорее отрицательное» и «резко отрицательное». Однако преобладающее восприятие, фиксируемое у каждого второго респондента, – «безразличие». URL: <http://www.levada.ru/2016/04/14/obstanovka-na-severnom-kavkaze-i-ramzan-kadyrov/>.

– Пиетет к «православным ценностям»?

– Нет, ценности у нас не «православные», а «традиционные», это очень важно. В официальном языке слова «православие» или «русский» встречаются редко, потому что надо включать основные меньшинства. По счастью для властей, в «этнических регионах» или в больших религиозных общинах руководство готово в это играть, за частичным исключением Совета муфтиев, который время от времени протестует, правда, все реже. Остальные, будь то этнические или религиозные элиты, со всем заведомо согласны, согласны на роль «младших братьев». Очень важно, чтобы тебя взяли в младшие братья, чтобы ты не выпал из корзины в какой-то действительно второразрядный слой. Если ты имеешь статус младшего брата, то в принципе все будет нормально. Государство будет обеспечивать какие-то твои нужды, если возникают конфликты. А для общества в целом это сообщество «братьских» элит легитимируется через «традиционные ценности».

– Такие представления об особой роли православия удачно вписываются в антизападную риторику...

– Потому что они из одного корня выросли. Если посмотреть на активно воцерковленных православных, там все более или менее ожидаемо по взглядам.

– Но у нас большая часть населения, судя по опросам, не такая. Они говорят, что они верующие, но ничего ритуально религиозного не делают.

– Конечно. Как я и говорю, есть около 10% верующих, которые своими повседневными практиками с этим больше связаны. Человек, религиозность которого проявляется скорее в том, что он молится дома, в среднем, скорее всего, не таков, как человек, религиозность которого проявляется в том, что он постоянно ходит в церковь. Просто потому, что первый сидит дома, а второй общается в каком-то кругу. А это два основных параметра, как учитывать религиозность: как часто вы молитесь и как часто ходите в церковь.

В целом же мне кажется, что отсылки к нашим историческим православным корням и ориентация на какие-то консервативные моральные или социальные ориентиры сильно коррелируют, но могут сочетаться или не сочетаться во множестве вариантов, жесткой связи нет. Жесткие идейные увязки существуют только статистически или в теории, а на практике очень заметны разные, в том числе неожидан-

ные, сочетания, и, возможно, именно они имеют значение для будущего. Например, человек вполне может на уровне идейных представлений считать, что Российская Федерация – прямой наследник Московского царства, а все остальные тут гости случайные, и при этом быть гей-активистом. И он может считать, что Запад – это хорошо, или что Запад – это плохо.

В частности, есть некий модернизированный национализм, и он не увязан с моральным консерватизмом. Хочу подчеркнуть, что этически это очень неоднозначно. Такие люди, кстати, часто расисты – это я по активу смотрю, – расисты биологические, гнобят друг друга за не тех предков, не ту фамилию, но при этом отвергают всякую ориентацию на «традиционные ценности».

– Расисты-демократы?

– Есть и такие. Они считают, что демократия – это хорошо, потому что нас, русских, больше, поэтому при демократии мы будем жить по-нашему, по-русски. Нас же 80% здесь, так что мы всем устроим наш русский порядок. Обычно они не большие либералы, не сторонники прав человека, но, опять же, кто как. Многие из них являются сторонниками гражданских свобод; они полагают, что так будет лучше русскому большинству, оно будет жить свободно и по-своему. А всякие неправильные «вкрапления» либо вольются в эту «свободную русскую жизнь», либо не вольются и «провалят куда-нибудь». Это позиция многих наших национал-демократов, вполне артикулированная.

– Получается, что и этнонационалисты, и консервативные монархисты не способны привлечь значительную часть населения?

– Они не могут привлечь население, потому что население им всем не доверяет. Так что на данном историческом отрезке времени имеет смысл говорить не о «значительной части», а о каких-то активных группах. Правда, для националистов, в том числе и для провластных, сейчас даже в активном меньшинстве поддержка резко снизилась.

– Их программы не работают?

– Ничего не работает, поэтому программу в классическом смысле нет смысла составлять, по крайней мере, нет pragматического смысла. Программные дискуссии, и не только у националистов, – это дискуссии не о завтрашнем, а о послезавтрашнем дне. Поэтому важнее более смутные и широкие ориентиры, которые меняются. В 1990-е было больше консерватизи-

ма, девяностые были более имперские, была постсоветская ностальгия (пусть часто и анти-советская, постимперская), в нулевые возобладал чистый расизм. Это я снова говорю про активные группы, не про большинство. В молодости многие из нынешних активистов были натуральными уличными нациками, потом они немного облагородились и теперь объясняют, что должна быть демократия, что все будет по-русски, потому что тут русские живут, а нерусских мы либо отделим, либо пусть они живут по-нашему.

– С одной стороны, мы видим ностальгию по СССР¹, то есть получается, что у националистов-демократов нет будущего; с другой – «имперские амбиции»², которые тоже как бы есть, но их будущее неопределено. Нас ждет возрождение этнонационалистов или появится кто-то новый?

– Если исходить из того, что состояние умов в массовом масштабе останется таким, какое оно есть сейчас, то ни у кого никакого будущего нет. Жизнь замрет, все умрут от скуки. Но так не бывает, и когда-нибудь настроения изменятся – правда, мы не знаем как, потому что не знаем почему. Да, нынешняя ситуация поражает стабильностью, у политического режима проблем нет, экономический кризис на поддержке не сказывается, все прекрасно. Это изменится, но мы не знаем как и потому не можем сказать, какие именно оппозиционные течения окажутся востребованы в будущем.

Думаю, нельзя угадать конкретную идеиную конфигурацию, которая будет успешна в этот отдаленный момент. Дело не в конкретных идеях, например, будет при этом включена ностальгия по Советскому Союзу или нет. Потому что, когда возникает успешное политическое движение, это не означает, что все его сторонники во всем согласны друг с другом. Нам сейчас кажется, что что-то важно: Сталин, мигранты и так далее, а другим может показаться, что это несущественное различие. Националисты 1990-х грызлись между собой на тему «православие или язычество», а в 2000-х это прошло. Есть организации и группы чисто православные и почти нет чисто языческих.

– Сейчас много дискуссий про «правый поворот» в Европе. Россия в данном случае, получается, на задворках?

¹ В марте 2016 года 56% россиян заявили о том, что они сожалеют о распаде СССР. URL: <http://www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr/>.

² URL: <http://www.levada.ru/2014/05/04/diskriminatsiya-russkih-na-postsovetskikh-prostranstvye/>.

— Да, хотя есть связи между нашими националистами и европейскими. Но при наличии сходных процессов есть все-таки весьма существенное отличие. Рост национал-популистских движений в Западной и Центральной Европе происходит в более или менее устоявшихся национальных государствах, которые проходят нелегкий процесс европейской интеграции. А мы живем в стране, которая не успела ни дня побыть национальным государством в том же смысле, хотя время от времени порывается сойти с имперской дорожки. Конечно, Россия интеллектуально привязана к Западу на все сто процентов, поэтому всякий русский националист, особенно в этом веке, обязательно имеет в виду какой-то европейский аналог, порой прямо на него ориентируется — мол, мы сделаем так, как они лет сто назад. Но у нас не получится так, как у них, потому что жизнь у нас другая. И я не думаю, что можно точно предсказать, в какой степени скажутся интел-

лектуальные ориентиры наших сегодняшних или завтрашних националистов, а в какой — неизжитая имперская ситуация.

— В 2015 году многие индикаторы отношения россиян к мигрантам демонстрировали непривычно позитивные значения, но уже в марте этого года промежуточный замер показал возвращение негативизма...

— Это очень интересно. В принципе все говорили, что так и будет. Что война кончится и мы вернемся к «угрозе миграции». Надо дождаться полноценных данных. В любом случае, возвращение этноксенофобии не означает, что она непременно будет так же отражаться на общественной дискуссии, в политических движениях и в государственной политике, как это было до Крыма.

Беседовала Карина Пипия
19 июля 2016 г.

Авторы номера

Ашкинази Леонид Александрович — Московский государственный институт электроники и математики

Волков Денис Викторович — Левада-Центр

Грачева Камила Юрьевна — НИУ Высшей Школы Экономики (ВШЭ)

Гудков Лев Дмитриевич — Левада-Центр

Дивильковский Иван Михайлович, социолог, независимый исследователь

Квачев Вадим Григорьевич — Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Кокоев Заур Таймуразович — НИУ Высшей Школы Экономики (ВШЭ)

Косова Лариса Борисовна — НИУ Высшей Школы Экономики (ВШЭ)

Кулешова Татьяна Николаевна — Московский государственный институт электроники и математики

Левинсон Алексей Георгиевич — Левада-Центр

Лёзина Евгения Владимировна — Левада-Центр

Монусова Галина Алексеевна — Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН), НИУ Высшей Школы Экономики (ВШЭ)

Пипия Карина Джаниеровна — Левада-Центр

Слободенюк Екатерина Дмитриевна — НИУ Высшей Школы Экономики (ВШЭ)

ИНФОРМАЦИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ

I. Настроения, мнения, оценки населения (декабрь 2016 г., N=1600)

II. Настроения, мнения, оценки населения (ноябрь 2016 г., N=1600)

В этом разделе представлены актуальные данные опросов Левада-Центра в разрезе социально-демографических групп.

Приводятся данные репрезентативных опросов россиян, проведенных 9–12 декабря и 18–21 ноября 2016 года в рамках омнибусного опроса «Курьер». Статистическая погрешность выборки такого исследования не превышает 3,4%.

Методология общероссийского исследования

Исследуемая совокупность:

Постоянное население России в возрасте 18 лет и старше

Тип выборки:

Четырехступенчатая стратифицированная выборка

Объем выборки: 1602 респондента

Число субъектов РФ, охваченных выборкой: 48

Число первичных единиц отбора: 137

В том числе:

15 городов с населением более 1 млн человек;

15 городов с населением от 500 тыс. до 1 млн человек;

31 город с населением от 100 до 500 тыс. человек;

38 городских населенных пунктов с населением до 10 тыс. человек;

38 сельских районов

I. Наслоения, мнения, оценки населения (декабрь 2016 г., N=1602)

А. Группы по полу, возрасту, образованию, потребительскому статусу и типу поселения

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ			ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ						
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	Высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	536	272	319	353	904	340	138	376	308	380	401
1. ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ, ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?																			
Дела идут в правильном направлении	53	52	53	64	52	52	50	54	55	52	48	40	56	57	43	61	52	48	54
Страна движется по неверному пути	31	34	29	21	32	33	34	32	31	28	34	43	28	27	34	24	32	33	34
Затрудняюсь ответить	16	14	18	15	15	16	17	15	14	20	18	17	15	17	23	15	16	19	12
2. ЕСЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ ВСЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ, ИДУЩИХ С 1992 ГОДА, КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ?																			
Выиграли	32	33	31	37	38	34	22	38	33	32	20	23	30	45	44	33	29	31	30
Проиграли	43	46	41	24	36	47	56	41	41	44	50	55	44	30	41	39	44	45	47
Затрудняюсь ответить	25	21	28	39	27	19	22	21	26	24	30	23	26	25	16	28	28	25	23
3. ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?																			
Прекрасное настроение	10	10	10	21	8	9	7	11	9	13	8	6	10	14	8	11	8	8	12
Нормальное, ровное состояние	59	57	61	65	66	55	53	62	59	61	53	49	60	65	60	62	58	59	57
Испытываю напряжение, раздражение	24	26	23	10	22	28	30	20	26	21	30	37	23	15	24	21	29	24	25
Испытываю страх, тоску	4	4	4	2	2	5	6	4	4	2	6	5	4	5	6	4	4	4	4
Затрудняюсь ответить	3	3	3	3	2	3	4	2	3	3	4	4	3	2	2	3	2	4	2
4. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В ЦЕЛОМ?																			
Одобряю	50	47	53	64	47	48	49	47	49	54	53	47	50	52	39	53	50	46	55
Не одобряю	49	53	46	35	53	51	50	52	50	46	46	52	49	47	62	46	49	52	45
5. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРА ВАШЕЙ ОБЛАСТИ? (ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ, в Москве - НЫНЕШНЕГО МЭРА МОСКВЫ)																			
Одобряю	56	55	57	69	51	53	58	55	57	58	56	50	56	63	56	59	54	53	58
Не одобряю	42	44	41	30	48	45	41	44	41	41	42	48	42	36	44	39	46	45	40
6. ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИИ?																			
Одобряю	44	44	44	60	43	39	42	42	45	47	43	35	46	48	37	43	46	45	45
Не одобряю	55	56	54	40	56	60	57	57	54	52	56	64	53	51	63	56	53	54	54

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ			ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ						
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	536	272	319	353	904	340	138	376	308	380	401
7. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ?																			
Благополучная	4	5	3	7	3	3	3	3	3	4	5	4	3	5	2	3	5	4	4
Спокойная	58	55	60	65	56	55	59	60	58	61	52	53	58	63	61	63	53	56	57
Напряженная	32	34	29	23	34	34	31	29	33	28	36	37	31	27	26	29	38	31	31
Критическая, взрывоопасная	3	3	3	3	4	3	3	4	2	3	3	2	3	5	5	1	3	4	4
Затрудняюсь ответить	4	3	5	2	3	4	4	4	4	4	4	4	4	2	6	3	2	5	4
8. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ НЫНЕШНЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ?																			
Очень хорошее	1	1	0	1	1	0	0	0	0	1	1	1	0	1	0	1	0	0	1
Хорошее	7	8	6	14	9	7	4	8	6	9	6	6	7	9	12	7	5	7	9
Среднее	51	49	53	58	50	48	52	45	56	56	47	41	52	58	51	52	50	50	53
Плохое	36	38	35	25	35	40	39	43	32	31	39	47	36	26	31	36	41	38	33
Очень плохое	3	3	3	1	3	3	2	2	3	2	3	2	2	4	2	2	3	4	2
Затрудняюсь ответить	2	2	3	1	3	2	3	2	3	0	4	3	2	2	4	2	1	1	3
9. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ НЫНЕШНЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ?																			
Очень хорошее	2	2	2	3	1	1	2	1	2	2	2	3	1	1	1	0	2	2	2
Хорошее	9	9	8	12	10	8	6	9	8	12	5	4	8	14	18	13	6	5	7
Среднее	47	45	48	54	46	42	47	48	46	45	47	34	47	58	59	56	44	40	42
Плохое	35	37	34	25	35	42	34	36	35	32	37	47	37	21	18	28	38	41	40
Очень плохое	6	6	6	5	6	6	7	4	7	8	7	10	6	3	1	1	10	9	7
Затрудняюсь ответить	2	2	2	1	2	2	3	1	3	2	2	3	2	3	4	2	0	3	2
10. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?																			
Очень хорошее	2	3	1	1	2	2	2	2	2	1	1	2	1	2	0	2	2	2	2
Хорошее	8	9	7	11	10	7	5	9	8	6	6	5	6	13	10	10	8	5	6
Среднее	57	55	59	70	58	55	52	60	59	57	50	36	59	72	64	56	55	57	58
Плохое	29	29	29	17	26	29	37	25	27	31	37	46	30	10	24	26	33	29	30
Очень плохое	4	4	4	1	3	6	4	3	3	3	6	10	2	1	1	4	3	5	3
Затрудняюсь ответить	1	2	1	0	2	1	1	2	1	2	1	2	1	1	1	2	0	3	1

11. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В БЛИЖАЙШИЕ 12 МЕСЯЦЕВ БЕЗРАБОТНЫХ (ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ИМЕЮТ РАБОТЫ И ИЩУТ ЕЕ) БУДЕТ БОЛЬШЕ, ПРИМЕРНО СТОЛЬКО ЖЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ СЕЙЧАС?

Больше	29	33	26	22	29	33	29	30	31	23	30	40	28	21	30	26	34	28	30
Примерно столько же	54	50	56	59	57	48	54	53	56	55	50	46	54	60	45	56	55	57	50
Меньше	12	11	12	13	10	13	11	13	9	16	11	7	13	13	13	13	9	9	15
Затрудняюсь ответить	6	5	6	6	4	6	7	5	5	6	9	7	5	6	12	5	3	6	6

12. КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БУДУТ МЕНЯТЬСЯ ЦЕНЫ НА ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРЫ И УСЛУГИ В БЛИЖАЙШИЕ ОДИН-ДВА МЕСЯЦА?

Будут расти быстрее, чем сейчас	17	18	17	13	18	18	18	16	19	17	24	16	13	33	18	18	12	17	
Будут расти так же, как и сейчас	50	50	50	49	50	50	51	51	51	45	51	54	53	40	30	51	53	55	50
Будут расти медленнее, чем сейчас	20	21	19	22	21	19	20	20	20	21	19	12	19	32	22	22	20	18	19
Останутся на нынешнем уровне	8	7	9	12	8	9	7	7	9	11	8	7	9	10	13	6	5	12	8
Будут снижаться	1	1	1	2	1	1	1	1	1	2	2	0	1	2	2	1	0	1	2
Затрудняюсь ответить	3	3	3	3	2	3	4	3	3	2	3	3	3	4	2	2	4	2	4

13. КАК ИЗМЕНИЛОСЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?

Скорее, улучшилось	7	8	6	11	11	4	3	8	7	5	6	3	6	11	5	8	7	5	7
Осталось без изменения	49	46	51	62	48	47	46	49	51	52	43	40	48	61	53	51	45	48	49
Скорее, ухудшилось	42	44	40	24	39	48	47	41	39	40	49	54	43	26	42	38	44	44	42
Затрудняюсь ответить	3	2	3	3	2	2	3	2	4	3	1	3	3	3	1	3	5	2	1

14. КАК, ПО-ВАШЕМУ, ИЗМЕНИТСЯ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ В БЛИЖАЙШИЙ ГОД?

Скорее, улучшится	11	11	11	18	13	10	7	13	10	10	10	7	11	17	6	16	10	8	11
Останется без изменения	54	51	56	54	57	49	55	54	54	53	55	52	53	57	59	50	53	56	54
Скорее, ухудшится	24	26	23	12	20	29	29	23	24	26	23	31	25	14	25	22	28	22	24
Затрудняюсь ответить	11	12	11	16	10	13	9	10	12	11	12	10	11	13	10	12	9	14	11

15. ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО В РОССИИ СЕЙЧАС - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС?

Определенно согласны	40	41	39	29	40	43	43	40	40	37	42	51	39	30	41	40	37	44	38
Скорее согласны	38	35	39	42	38	35	37	36	39	40	36	29	40	41	34	38	42	39	34
Скорее не согласны	13	14	12	13	13	14	12	16	12	12	11	11	11	20	17	14	13	9	14
Определенно не согласны	3	4	2	4	4	3	2	3	2	5	2	2	3	4	0	3	3	2	5
Затрудняюсь ответить	7	6	7	12	6	5	7	6	7	6	9	7	7	6	8	6	4	6	9

16. КАК ДОЛГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДЕТ ДЛЯТЬСЯ ЭТЫЙ КРИЗИС? (в % от числа тех, кто считает, что в России сейчас экономический кризис, 1241 чел.)

2-3 месяца	1	1	2	1	2	1	2	2	1	2	1	2	1	2	0	1	0	3	2
Полгода	6	6	5	8	4	7	6	5	7	4	7	3	5	11	6	5	7	7	4
Год или полтора	18	16	19	19	19	18	16	20	21	11	15	12	19	21	22	20	15	20	14
Не менее двух лет	20	21	19	20	20	19	21	22	19	21	19	16	21	22	23	21	25	19	15
Кризис будет очень продолжительным, его последствия будут проявляться на протяжении многих лет	24	25	23	20	26	24	24	22	28	25	29	24	20	28	26	21	21	26	
Сейчас трудно сказать, как долго он будет длиться и насколько глубоким он окажется	22	22	22	21	21	22	23	19	20	28	25	31	22	12	14	15	24	24	29
Затрудняюсь ответить	9	8	10	10	9	9	8	9	11	6	8	8	8	14	7	11	8	8	10

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	536	272	319	353	904	340	138	376	308	380	401
17. КАКИМ 2016-Й ГОД ОКАЗАЛСЯ ДЛЯ РОССИИ ПО СРАВНЕНИЮ С ПРЕДЫДУЩИМ, 2015-М ГОДОМ?																			
Труднее, чем предыдущий	53	54	53	40	52	60	56	53	50	57	56	62	54	42	52	54	55	53	52
Легче, чем предыдущий	13	13	13	14	14	13	11	12	13	15	11	8	13	15	13	14	13	9	15
Таким же, как предыдущий	34	33	34	46	34	27	34	35	36	28	33	29	32	42	35	33	32	36	33
18. КАКИМ 2016 ГОД ОКАЗАЛСЯ ДЛЯ ВАС, ДЛЯ ВАШЕЙ СЕМЬИ ПО СРАВНЕНИЮ С ПРЕДЫДУЩИМ, 2015 ГОДОМ?																			
Труднее, чем предыдущий	48	47	49	37	45	56	49	50	46	46	51	57	48	38	49	46	55	48	46
Легче, чем предыдущий	16	16	16	18	20	13	13	15	14	21	15	14	16	18	21	17	13	12	19
Таким же, как предыдущий	36	37	36	45	35	31	38	36	39	33	34	29	36	44	31	38	32	40	36
19. КАК БЫ ВЫ МОГЛИ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИТЬ УХОДЯЩИЙ 2016 ГОД?																			
Очень хороший	3	3	3	5	3	2	2	2	3	4	3	4	3	2	0	2	4	4	3
Хороший	10	11	9	14	12	9	7	12	10	8	8	5	9	17	11	11	11	9	8
Средний	56	54	59	61	56	52	58	55	56	59	58	45	58	63	67	59	48	54	58
Плохой	25	25	24	15	23	28	27	25	23	25	26	40	24	12	20	21	31	26	24
Очень плохой	3	4	2	3	3	4	2	3	4	2	3	4	3	3	0	4	4	2	3
Затрудняюсь ответить	3	4	3	2	3	5	2	3	5	3	2	3	4	2	2	3	2	5	3
20. КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ДЛЯ ВАС ЛИЧНО УХОДЯЩИЙ 2016 ГОД БЫЛ В ЦЕЛОМ УДАЧНЫМ ИЛИ НЕУДАЧНЫМ?																			
Удачным	37	35	39	51	41	31	34	40	37	39	34	27	37	50	41	39	37	37	35
Неудачным	40	42	39	28	38	48	41	38	40	41	42	54	40	27	38	35	42	41	44
Затрудняюсь ответить	23	23	22	21	21	21	26	22	23	20	24	19	24	23	22	26	21	21	22
21. ПО СРАВНЕНИЮ С УХОДЯЩИМ 2016 ГОДОМ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИМ БУДЕТ ДЛЯ ВАС 2017 ГОД?																			
Безусловно, лучше	7	7	7	12	8	5	6	7	7	6	7	5	7	9	5	8	11	5	5
Очень надеюсь на то, что будет лучше	46	44	49	52	51	45	41	46	49	45	44	40	47	51	50	51	47	42	45
Думаю, что будет не хуже	20	21	19	19	18	23	20	20	20	22	18	19	20	21	21	16	16	25	22
Вряд ли что-нибудь изменится	18	20	16	11	15	21	21	19	16	19	18	23	17	13	20	18	19	19	15
Пожалуй, новый год будет хуже, чем уходящий	4	5	4	3	3	4	7	4	4	5	5	8	4	2	4	1	4	5	7
Затрудняюсь ответить	5	4	6	4	5	3	6	4	4	3	8	5	5	4	1	6	4	5	5

22. ВОЗМОЖНЫ ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ КРУПНЫЕ ТЕХНОГЕННЫЕ КАТАСТРОФЫ?

Определенно да	4	4	4	3	4	5	3	4	2	4	6	8	3	3	3	3	4	4	5
Скорее да	23	25	21	24	20	20	26	21	25	17	26	20	23	24	22	26	19	18	27
Скорее нет	38	38	38	40	39	38	35	39	37	44	33	34	38	42	38	38	32	38	42
Определенно нет	15	13	16	16	16	13	15	15	15	13	15	15	16	12	16	12	16	24	8
Не знаю	21	20	22	18	20	24	21	22	21	21	19	24	21	19	21	21	30	16	19

23. ВОЗМОЖНЫ ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ МАССОВЫЕ ЭПИДЕМИИ?

Определенно да	4	5	3	2	3	5	5	3	4	5	6	6	4	3	1	3	3	5	6
Скорее да	22	23	21	21	20	24	23	20	22	20	28	25	20	23	21	22	20	20	27
Скорее нет	42	44	40	48	44	38	40	46	41	43	36	38	43	44	41	45	36	43	42
Определенно нет	15	14	16	15	15	14	16	15	17	14	15	14	16	15	24	14	16	21	7
Не знаю	17	15	19	15	17	19	16	17	17	17	18	17	15	14	16	26	11	18	

24. ВОЗМОЖНЫ ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ ГРОМКИЕ КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ И ОТСТАВКИ МИНИСТРОВ?

Определенно да	14	17	12	12	14	17	14	13	16	12	16	17	14	13	19	14	11	13	17
Скорее да	46	48	44	44	43	46	48	48	44	47	43	46	45	45	31	49	46	54	39
Скорее нет	19	18	20	25	21	18	17	18	17	25	20	18	20	18	19	20	16	14	26
Определенно нет	7	5	8	4	8	6	6	7	8	5	5	6	7	7	10	5	8	9	4
Не знаю	14	12	16	15	14	13	15	14	15	10	17	13	14	16	21	12	19	10	15

25. ВОЗМОЖНА ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ ОТСТАВКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?

Определенно да	3	3	3	2	2	4	4	4	2	2	4	4	3	3	6	1	3	4	4
Скорее да	13	15	12	12	14	12	15	11	12	16	17	14	13	13	12	8	16	17	13
Скорее нет	44	44	44	48	43	46	41	46	43	48	38	44	44	43	43	50	41	40	44
Определенно нет	26	26	27	27	27	24	27	27	28	21	26	25	25	30	29	32	23	25	23
Не знаю	14	12	15	11	14	15	14	12	14	12	16	14	15	10	11	10	17	14	15

26. ВОЗМОЖЕН ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ?

Определенно да	2	2	2	1	2	2	2	1	2	2	2	2	1	2	1	1	1	2	2
Скорее да	7	8	7	7	9	7	7	7	7	6	11	10	7	6	6	5	9	7	10
Скорее нет	42	42	42	47	41	45	37	41	41	50	36	36	42	46	42	46	39	42	40
Определенно нет	38	38	38	34	37	34	43	42	39	33	34	38	37	40	44	39	34	40	34
Не знаю	12	11	12	10	11	13	11	9	11	10	18	14	13	6	7	9	16	9	14

27. ВОЗМОЖНЫ ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ МАССОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ И ПРОТЕСТЫ НАСЕЛЕНИЯ?

Определенно да	2	3	2	1	3	1	3	2	3	3	1	3	2	1	2	1	2	4	1
Скорее да	19	20	18	18	17	21	20	19	18	22	19	25	17	18	9	17	26	18	20
Скорее нет	42	41	43	49	42	42	38	43	40	42	43	38	41	46	56	42	33	44	41
Определенно нет	25	25	24	23	24	23	28	26	26	22	21	22	25	27	26	27	23	25	23
Не знаю	13	12	13	10	14	13	12	10	14	12	16	12	14	9	7	13	15	10	15

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ			ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ						
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	536	272	319	353	904	340	138	376	308	380	401
28. ВОЗМОЖНЫ ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ МАССОВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?																			
Определенно да	2	2	3	2	2	2	3	2	3	1	2	4	2	2	2	1	2	3	
Скорее да	15	18	12	15	13	18	14	14	16	11	17	15	15	14	14	13	20	14	14
Скорее нет	45	43	48	48	47	43	45	48	41	52	44	49	44	47	49	50	37	47	46
Определенно нет	24	25	24	26	25	22	25	25	25	24	21	17	26	28	25	25	26	24	22
Не знаю	14	13	14	10	14	15	13	11	15	12	16	15	15	9	11	11	17	13	15
29. ВОЗМОЖЕН ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ С КАКОЙ-ТО ИЗ СОСЕДНИХ СТРАН?																			
Определенно да	3	2	3	3	2	2	3	3	3	1	3	5	2	2	2	2	3	2	3
Скорее да	18	19	16	17	20	18	15	17	17	19	17	20	17	16	17	18	17	18	18
Скорее нет	43	43	44	42	45	44	42	43	44	43	44	42	43	46	47	44	41	42	45
Определенно нет	20	20	20	21	17	19	23	22	21	20	17	18	20	23	25	22	21	22	14
Не знаю	17	16	17	16	16	17	17	15	16	17	19	17	18	13	9	14	18	17	21
30. ВОЗМОЖНА ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ ВОЙНА С США / НАТО?																			
Определенно да	2	1	2	3	2	1	1	2	2	2	1	2	1	2	0	2	2	2	1
Скорее да	8	8	8	8	7	9	7	8	8	8	7	10	8	5	7	4	10	9	9
Скорее нет	46	46	46	47	48	44	46	44	46	47	47	45	47	45	47	48	44	39	52
Определенно нет	31	32	29	30	30	32	30	35	30	28	28	25	30	39	41	35	27	36	21
Не знаю	14	13	15	13	13	14	16	12	15	15	17	18	15	9	5	13	17	15	17
31. ВОЗМОЖНО ЛИ В БУДУЩЕМ ГОДУ В РОССИИ ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?																			
Определенно да	2	1	2	1	2	1	2	2	1	1	1	2	1	2	0	1	2	1	2
Скорее да	20	23	19	22	20	19	21	21	19	25	18	24	19	19	21	17	26	18	21
Скорее нет	41	42	40	43	41	42	39	45	39	38	42	41	41	42	47	43	33	42	43
Определенно нет	17	17	17	15	17	17	19	16	18	18	18	13	18	20	14	20	18	21	12
Не знаю	20	17	22	19	20	21	20	17	23	19	21	20	21	17	18	19	21	18	22
32. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ У СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ ВРАГИ?																			
Да	68	69	67	62	66	70	69	69	67	66	68	72	69	60	54	69	72	73	62
Нет	18	20	17	22	19	16	18	19	17	21	15	14	18	24	32	18	17	11	22
Затрудняюсь ответить	14	12	16	16	16	13	13	12	16	13	17	14	14	16	14	13	11	16	16

33. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНЫ СЕЙЧАС В ВАШЕМ ГОРОДЕ/СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ, В ЗАЩИТУ СВОИХ ПРАВ?

Вполне возможны	15	14	16	14	16	14	15	17	17	13	11	19	13	14	14	17	26	12	7
Маловероятны	80	82	79	82	79	83	78	81	78	81	84	75	82	82	85	76	67	84	89
Не знаю, затрудняюсь ответить	5	4	5	4	4	3	7	3	5	7	6	6	5	4	2	7	7	4	3

34. ЕСЛИ ЛИ ТАКОГО РОДА МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ?

Скорее всего, да	12	13	11	12	16	10	10	13	12	12	10	19	11	8	6	15	15	14	8
Скорее всего, нет	82	80	84	83	78	82	86	80	84	81	82	75	82	88	91	77	81	79	87
Затрудняюсь ответить	6	8	5	6	6	7	5	7	4	7	8	6	7	4	3	9	5	7	5

35. ВОЗМОЖНЫ ЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ВАШЕМ ГОРОДЕ/СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА (ДЕМОНСТРАЦИИ, МИТИНГИ, ЗАБАСТОВКИ) С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ?

Вполне возможны	12	11	13	11	14	10	12	13	14	12	8	13	11	13	11	13	18	10	8
Маловероятны	83	83	82	86	81	84	81	82	82	81	86	79	84	83	86	77	78	86	88
Не знаю, затрудняюсь ответить	6	6	5	3	4	5	8	5	5	8	6	8	5	4	3	10	5	5	4

36. ЕСЛИ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ?

Скорее всего, да	9	10	8	7	13	8	7	9	10	9	8	12	8	8	6	9	10	11	7
Скорее всего, нет	85	83	87	89	80	86	88	84	86	86	85	85	81	85	89	91	85	83	83
Затрудняюсь ответить	6	7	5	5	7	6	5	7	5	5	7	7	7	2	3	7	8	5	6

37. КАК ЧАСТО ВЫ, В СРЕДНЕМ, ВЫХОДИТЕ В ИНТЕРНЕТ?

Ежедневно/практически ежедневно	47	49	45	80	64	45	17	61	45	41	33	28	46	67	71	56	44	45	32
Несколько раз в неделю	18	18	19	11	24	25	10	20	21	16	13	15	20	17	16	14	20	19	21
Примерно 1 раз в неделю	5	6	4	6	5	7	3	4	5	6	6	5	5	5	3	2	6	5	7
Реже 1 раза в неделю	4	3	4	2	2	4	6	2	4	4	6	6	4	1	2	5	4	2	5
Никогда	27	24	28	2	5	19	64	13	25	33	43	46	25	10	8	22	25	29	35

38. ПОЛЬЗУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ИНТЕРНЕТОМ, И ЕСЛИ ДА, ТО ДЛЯ КАКИХ ЦЕЛЕЙ?

Для того, чтобы найти нужную мне информацию	49	51	48	65	66	57	21	65	47	43	35	32	49	68	76	59	50	44	36
Для того, чтобы войти в социальную сеть/сети	34	31	36	61	48	32	9	41	37	26	23	16	33	53	57	38	39	30	21
Для того, чтобы следить за последними новостями	32	33	30	45	40	34	16	43	32	26	18	20	30	49	39	40	27	35	22
Для того, чтобы найти/посмотреть какие-либо фильмы	29	34	26	57	40	27	9	36	30	27	21	16	29	44	49	31	29	29	21
Для общения	29	29	29	51	41	24	12	38	29	26	19	20	28	43	45	29	29	34	20
Для того, чтобы найти/послушать какую-либо музыку	25	28	23	56	36	20	5	31	27	21	17	12	23	44	45	27	22	27	16
Для развлечения	23	26	21	46	32	22	6	26	27	20	15	12	23	36	24	23	24	29	17
Для того, чтобы найти/купить какие-либо товары или услуги	20	20	20	33	27	20	7	33	19	10	10	7	18	39	56	25	19	17	7
Для того, чтобы разобраться, что происходит в стране и за рубежом	16	17	14	22	20	16	9	24	16	10	6	7	14	29	26	19	16	15	9
Для того, чтобы найти/прочитать какие-либо книги	15	16	14	32	16	15	5	20	14	15	8	7	14	25	29	13	17	15	10
Другое	1	1	1	1	2	1	1	3	0	1	0	0	1	3	0	1	2	1	0
Не пользуюсь интернетом	26	24	27	2	4	19	62	12	24	33	42	46	24	9	7	21	25	28	35

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ			ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ						
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	536	272	319	353	904	340	138	376	308	380	401
39. ОБЩАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКИХ ИМЕННО?																			
Вконтакте	40	41	38	77	60	31	11	46	40	42	26	27	39	54	49	42	42	42	29
Одноклассники.ru	34	28	39	37	47	40	16	37	39	23	30	23	35	43	48	32	33	33	33
Фейсбук (facebook)	9	11	7	20	14	5	3	13	7	11	5	3	9	15	26	7	10	9	5
Мой Мир на mail.ru	7	6	7	9	8	8	3	9	7	5	3	4	7	9	20	4	7	7	4
Твиттер (twitter)	5	6	4	11	7	4	1	7	4	7	2	2	4	11	16	4	5	5	3
Мой круг	3	4	3	3	5	2	2	3	4	3	2	1	3	4	3	3	4	2	3
ЖЖ (Живой Журнал, livejournal)	3	3	2	5	4	2	1	5	2	2	1	0	2	7	10	2	4	2	1
Другое	2	1	2	4	2	1	1	2	1	3	1	1	2	2	2	2	1	3	1
Не общаюсь в социальных сетях	40	43	38	10	17	40	76	30	38	46	53	57	40	23	26	35	38	42	50

II. Наслоения, мнения, оценки населения (ноябрь 2016 г., N=1602)
Группы по полу, возрасту, образованию, потребительскому статусу и типу поселения

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ				ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село	
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401	
1. ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО В РОССИИ СЕЙЧАС ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС?																				
Определенно согласны	36	35	36	24	36	37	39	32	37	38	37	48	34	28	36	33	38	37	34	
Скорее согласны	43	44	42	52	43	45	37	48	42	39	39	30	45	49	49	43	42	47	38	
Скорее не согласны	14	14	13	17	16	12	12	14	13	14	13	11	13	16	9	12	16	9	19	
Определенно не согласны	3	3	3	2	2	3	5	3	3	3	3	4	3	3	3	4	1	3	3	
Затрудняюсь ответить	5	4	6	6	4	5	7	3	4	7	9	7	5	3	2	8	4	5	6	
2. КАК ДОЛГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДЕТ ДЛITЬСЯ ЭТОТ КРИЗИС? (в % от числа тех, кто считает, что в России кризис, 1257 чел.)																				
2-3 месяца	1	1	1	0	1	1	1	0	1	2	2	1	0	2	1	1	1	0	2	
Полгода	4	4	4	8	4	3	4	5	4	3	4	2	4	7	6	4	4	4	4	
Год или полтора	21	21	21	28	23	18	20	25	22	19	15	13	22	26	36	21	21	24	13	
Не менее двух лет	20	20	21	24	23	23	14	22	23	16	18	17	20	24	19	26	22	19	16	
Кризис будет очень продолжительным, его последствия будут проявляться на протяжении многих лет	18	17	19	12	17	20	21	16	18	21	20	17	20	15	12	18	19	19	20	
Сейчас трудно сказать, как долго он будет длиться и насколько глубоким он окажется	26	28	24	20	25	27	28	25	22	27	32	35	26	18	22	19	23	27	35	
Затрудняюсь ответить	9	9	9	9	7	8	13	7	10	11	10	15	7	9	5	11	9	8	10	
3. ПРИХОДИТСЯ ЛИ ВАМ В СВЯЗИ С НЫНЕШНИМ ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В СТРАНЕ ...																				
Экономить на питании, повседневных расходах	58	54	61	38	54	61	69	52	61	55	66	81	60	35	47	58	56	65	58	
Покупать более дешевые товары длительного пользования и т.п. Или вообще отказываться от их приобретения	56	53	59	47	53	60	60	50	60	56	61	70	59	39	53	52	58	57	59	
Отказаться от покупки автомобиля, жилья, загородной недвижимости	18	20	17	17	21	23	13	20	23	15	12	13	18	23	25	16	22	17	17	

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401
Сократить затраты на развлечения, отдых или вообще отказаться от них	35	33	37	39	44	37	23	41	37	31	27	30	38	33	50	34	34	41	26
Сократить затраты на образование, лечение или вообще отказаться от них	12	10	13	9	9	11	16	11	13	11	11	17	12	7	10	13	9	18	7
Тратить сбережения	8	6	9	5	7	9	9	8	7	9	9	9	8	5	8	8	10	9	5
Не пришлось делать ничего из перечисленного	10	12	9	17	12	7	8	13	8	11	9	2	8	23	12	10	9	9	12
4. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЫНЕШНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ДОБЫТЬСЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ В СТРАНЕ К ЛУЧШЕМУ?																			
Определенно да	8	7	8	8	8	7	7	7	8	6	9	8	8	8	12	9	7	2	11
Скорее да	23	21	25	29	22	20	24	25	22	25	20	19	23	28	20	27	29	22	18
Может быть, да, может быть, нет	35	34	35	37	37	34	32	35	36	34	32	28	35	39	45	36	27	42	29
Скорее нет	22	23	21	17	21	24	23	21	21	23	24	24	24	15	15	15	13	27	29
Определенно нет	11	13	8	6	10	13	12	10	11	9	13	17	9	8	6	14	7	12	10
Затрудняюсь ответить	2	2	3	3	2	3	2	2	2	3	2	4	2	2	2	1	4	2	3
5. ВЫ БЫЛИ БЫ СЕЙЧАС ЗА ИЛИ ПРОТИВ ТОГО, ЧТОБЫ ОТПРАВИТЬ В ОТСТАВКУ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ?																			
Определенно за	11	13	10	10	10	12	13	10	11	11	15	18	9	11	10	13	11	13	9
Скорее за	22	23	21	14	21	25	23	20	25	26	17	24	22	19	21	19	20	22	25
Скорее против	36	34	38	40	40	34	33	37	36	36	37	31	38	37	38	36	41	34	36
Определенно против	16	15	16	17	16	14	17	19	15	11	17	10	17	19	21	17	17	16	13
Затрудняюсь ответить	15	15	15	18	13	16	14	15	13	17	15	18	14	14	10	16	12	16	17
6. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РУКОВОДСТВО СТРАНЫ СЕЙЧАС ДЕЙСТВУЕТ СЛАЖЕННО, ПРЕСЛЕДУЯ ОБЩИЕ ЦЕЛИ, ИЛИ РАЗДЕЛЕНО НА ГРУППЫ, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ ДЕЙСТВУЕТ В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ?																			
Руководство страны действует слаженно, преследуя общие цели	39	37	41	45	39	36	40	41	38	38	39	29	40	47	43	47	39	36	34
Руководство страны разделено на группы, каждая из которых действует в своих интересах	47	51	44	38	47	53	46	44	51	45	47	53	48	41	44	39	50	51	50
Затрудняюсь ответить	14	12	15	17	15	11	14	15	11	17	14	18	12	13	13	14	11	13	16

7. КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?

Руководство – это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	27	31	24	27	27	29	25	24	28	29	28	35	26	22	20	30	27	28	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших проблемах, теряют внимание к интересам народа	58	55	60	53	58	58	59	58	60	55	56	51	60	59	65	53	58	59	58
Наши органы власти – народные, у них те же интересы, что и у простых людей	10	9	10	12	9	8	10	11	9	9	8	8	10	10	11	13	9	7	9
Затрудняюсь ответить	6	6	6	8	6	5	7	8	4	7	7	7	4	10	4	5	7	7	7
Я считаю, что у меня по-прежнему нет возможности влиять на события общественной жизни	27	28	27	25	28	29	26	31	30	23	21	18	30	29	27	32	29	28	20
Я в последнее время разочаровался в политике	16	17	15	6	16	17	19	17	14	16	14	21	15	11	10	16	15	19	14
Политика меня не интересует, я не разбираюсь в политике	38	33	41	52	39	34	33	30	36	44	46	41	37	37	44	33	31	35	47
Для меня самое важное – судьба моего родного народа	8	7	8	4	5	7	12	7	8	5	9	8	8	7	8	8	10	8	6
Затрудняюсь ответить	3	3	3	5	2	3	3	4	2	1	4	4	2	5	2	3	2	3	3

8. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАЧЕСТВА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ

Криминальная, коррумпированная	31	33	29	25	32	33	30	29	31	29	33	41	28	26	23	30	30	37	27
Бюрократичная	26	25	27	21	26	28	27	28	26	24	25	31	25	26	33	24	29	28	22
Законная	23	23	23	21	24	21	25	25	24	24	16	17	23	29	29	25	21	18	24
Далекая от народа, чужая	23	23	23	19	20	28	22	22	20	28	24	31	22	17	16	23	22	25	22
Сильная, прочная	19	20	19	20	20	18	19	23	19	20	15	15	18	25	34	19	23	15	16
«Своя», привычная	11	11	11	12	11	8	14	13	9	12	10	8	11	13	12	14	10	13	7
Авторитетная, уважаемая	11	12	10	18	11	10	8	12	11	13	8	7	10	16	19	11	10	9	10
Паразитическая	11	11	11	8	11	11	12	13	11	9	10	15	10	9	24	12	10	9	8
Непоследовательная	10	11	9	7	8	13	12	10	11	9	12	13	10	8	9	11	9	12	10
Недальновидная	9	10	9	6	9	12	10	8	12	8	8	7	10	9	12	10	10	9	7
Эффективная, компетентная	9	10	9	11	10	8	8	11	9	9	7	2	10	14	22	12	9	7	4
Непрофессиональная, безграмотная	8	9	7	4	7	10	9	9	8	8	6	12	7	7	1	9	8	9	9
Образованная, интеллигентная	8	8	8	9	9	8	7	10	6	8	9	4	8	10	12	9	8	5	8
Слабая, беспомощная	8	8	7	6	6	10	8	6	8	9	9	11	7	6	5	6	8	11	7
Келейная, закрытая	8	8	7	9	7	8	7	8	8	7	7	7	8	7	15	9	7	8	4
Компетентная	7	7	7	8	6	6	8	10	6	3	6	3	6	11	11	11	5	5	5
Честная, открыта	7	7	7	6	7	7	8	6	9	6	6	4	7	9	7	9	6	4	9
Прагматичная	7	7	6	7	7	6	8	5	7	7	6	6	8	11	6	5	5	5	8
Справедливая	6	6	7	5	7	5	8	6	8	7	5	7	6	7	4	10	9	3	5
Ограниченнная, неумная	5	5	5	4	5	5	4	4	5	5	4	4	5	5	8	4	3	5	5
Близкая к народу, людям	4	4	4	3	5	4	4	5	5	2	3	2	5	5	12	5	3	2	3
Незаконная	4	5	3	3	4	3	4	4	4	4	3	6	3	3	2	5	6	3	2
Другое	1	1	1	2	1	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1
Затрудняюсь ответить	9	10	9	12	10	8	9	10	8	10	10	9	10	8	7	9	9	13	8

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401
9. ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС СТОЯТ У ВЛАСТИ В РОССИИ: ПРОЦВЕТАНИЕ СТРАНЫ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?																			
Процветание страны	30	28	31	41	28	25	30	29	31	30	29	23	30	36	27	33	31	26	30
Сохранение и укрепление собственной власти	59	61	58	47	60	64	60	56	61	60	61	69	60	51	52	57	63	62	59
Затрудняюсь ответить	11	11	11	12	12	11	10	15	9	10	11	9	11	14	21	10	6	12	11
10. КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ?																			
Значительно улучшилось	12	13	11	11	12	14	11	13	12	9	12	10	13	12	15	15	10	9	13
Несколько улучшилось	17	18	17	19	17	17	17	19	17	16	16	12	18	20	24	18	18	14	17
Осталось без изменения	55	53	56	60	55	52	53	57	52	59	53	56	52	58	52	56	54	58	51
Несколько ухудшилось	10	10	10	7	9	11	12	7	13	11	12	13	11	6	6	5	12	11	15
Значительно ухудшилось	4	4	3	2	4	5	3	3	4	3	5	7	3	2	2	4	2	6	2
Затрудняюсь ответить	2	2	3	1	4	1	3	2	3	3	2	2	3	2	1	2	3	2	3
11. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ МНОГИЕ ЛЮДИ ДОВЕРЯЮТ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ?																			
Люди убедились, что Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны	28	28	29	30	29	25	29	31	28	28	25	22	28	35	37	29	26	27	27
Люди надеются, что Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны	39	37	41	41	38	43	37	36	38	41	44	37	39	42	35	39	36	37	45
Люди не видят, на кого другого они еще могли бы положиться	29	31	27	25	30	28	31	30	30	27	26	36	29	22	26	29	34	30	25
Затрудняюсь ответить	4	4	3	4	4	5	3	3	4	4	5	6	4	1	2	3	4	7	2
12. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ УЖЕ УСТАЛО ЖДАТЬ ОТ ВЛАДИМИРА ПУТИНА КАКИХ-ТО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ СДВИГОВ В НАШЕЙ ЖИЗНИ?																			
Определенно да	11	13	10	9	10	12	13	9	12	10	13	16	11	7	11	13	10	13	9
Скорее да	29	29	29	24	31	31	29	29	31	26	30	29	32	23	23	29	34	26	31
Скорее нет	33	32	34	43	33	32	30	34	34	34	31	33	31	39	33	31	34	32	36
Определенно нет	15	15	15	12	14	14	17	17	13	15	14	11	14	20	18	19	14	15	10
Затрудняюсь ответить	12	12	12	11	12	11	12	11	9	15	13	11	12	12	16	8	7	14	14

13. С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

Путин искренне хочет добиться повышения благосостояния населения, и он сможет это сделать	24	24	25	32	24	24	22	28	23	24	22	19	23	32	25	32	22	19	24
Путин искренне хочет добиться повышения благосостояния населения, но он не сможет этого сделать из-за сопротивления бюрократии, отсутствия хорошей команды	48	50	46	45	49	47	49	49	49	43	47	44	49	48	52	44	49	50	47
Путин произносит много правильных слов, но не собирается ничего делать из того, что он обещал	17	15	19	14	16	19	17	13	19	22	16	20	19	11	13	18	17	13	22
Путин не хочет ничего делать, поскольку заинтересован лишь в удержании власти и собственном обогащении, ему нужна поддержка тех, на кого он опирается, а до населения ему по существу нет дела	6	7	5	4	5	5	8	6	5	5	8	11	5	4	5	4	8	10	2
Затрудняюсь ответить	5	5	5	5	6	6	4	5	4	7	7	6	5	6	5	2	4	9	6

14. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛУЧАИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТОК, ОБНАРУЖЕНИЯ БОЛЬШИХ СУММ НЕЗАДЕКЛАРИРОВАННЫХ СРЕДСТВ У ЧИНОВНИКОВ ИЗ ВЫСШИХ ЭШЕЛОНОВ ВЛАСТИ, ИХ АРЕСТЫ СЛЕДСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ, О КОТОРЫХ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ СТАНОВИТСЯ ИЗВЕСТНО, – ЭТО...

Единичные, нетипичные явления для высшего руководства страны	27	26	28	27	27	25	29	30	26	27	26	19	28	33	41	27	27	23	28
Проявления всеобщего разложения и коррумпированности власти	64	66	63	61	65	67	63	63	67	59	65	74	63	58	52	65	66	68	63
Затрудняюсь ответить	9	8	9	12	8	8	8	7	7	14	9	7	9	9	7	8	7	10	9

15. СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О ТОМ, ЧТО НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ БЫЛ ЗАДЕРЖАН МИНИСТР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ АЛЕКСЕЙ УЛЮКАЕВ, ОБВИНИЕМЫЙ В ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ В ДВА МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ?

Внимательно следите за тем, как развиваются события	30	34	26	10	26	34	38	34	29	28	26	33	27	33	27	32	31	38	20
Что-то слышали об этом	48	48	49	49	48	49	48	48	52	46	45	42	51	48	53	42	50	45	54
Впервые слышите об этом	22	18	25	41	26	17	15	18	20	26	29	25	23	19	20	26	19	18	26

16. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БРОСАЕТ ЛИ ИНФОРМАЦИЯ О ЗАДЕРЖАНИИ УЛЮКАЕВА ТЕНЬ НА ПРЕЗИДЕНТА ВЛАДИМИРА ПУТИНА ИЛИ ЭТО НЕ ЗАТРАГИВАЕТ ЕГО ЛИЧНО? (в % от числа тех, кто слышал о задержании Улюкаева, 1248 чел.)

Эта информация бросает тень на него лично	38	40	36	34	34	42	39	35	39	40	40	52	36	31	29	36	41	40	38
Эта информация не затрагивает его лично	51	49	52	53	54	49	49	53	52	47	48	38	52	59	58	54	47	48	51
Затрудняюсь ответить	11	11	12	13	12	10	12	13	9	13	12	10	12	11	13	10	12	12	11

17. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БРОСАЕТ ЛИ ИНФОРМАЦИЯ О ЗАДЕРЖАНИИ УЛЮКАЕВА ТЕНЬ НА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА ИЛИ ЭТО НЕ ЗАТРАГИВАЕТ ЕГО ЛИЧНО? (в % от числа тех, кто слышал о задержании Улюкаева, 1248 чел.)

Эта информация бросает тень на него лично	47	50	44	42	45	51	47	44	47	50	49	57	46	40	39	39	50	51	50
Эта информация не затрагивает его лично	40	39	42	46	40	39	40	43	43	33	38	32	40	48	44	50	36	37	38
Затрудняюсь ответить	13	11	14	12	15	10	14	13	10	17	13	11	14	12	17	11	14	13	12

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ						
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село	
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401	
18. КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ЗАДЕРЖАНИЕ АЛЕКСЕЯ УЛЮКАЕВА – ЭТО ... (в % от числа тех, кто слышал о задержании Улюкаева, 1248 чел.)																				
Начало серьезной борьбы с коррупцией в государственном аппарате	36	36	35	32	38	33	37	37	35	39	32	33	35	40	18	40	33	39	37	
Начало наступления «силовиков» на экономический блок в правительстве	21	21	22	22	24	19	21	21	22	20	23	18	24	19	29	19	19	20	25	
Отголосок борьбы за передел сфер влияния между высокопоставленными чиновниками	30	30	30	27	27	37	27	29	33	25	30	36	30	24	36	29	36	29	24	
Затрудняюсь ответить	13	13	13	19	10	11	15	13	10	16	15	13	11	18	17	12	12	12	14	
19. ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ СЕЙЧАС РОССИЮ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ...																				
Великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны	39	44	36	38	38	36	44	41	39	41	35	34	40	41	33	47	38	40	35	
Страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира	58	54	61	60	60	60	54	57	58	57	61	61	58	56	64	52	59	57	62	
Затрудняюсь ответить	3	3	3	2	2	4	2	2	2	3	4	5	2	3	2	1	2	3	4	
20. КОГДА ВЫ СЛЫШИТЕ ОБ «ОСОБОМ РОССИЙСКОМ ПУТИ», ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИХОДИТ ВАМ НА УМ?																				
Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не об интересах собственников	29	31	27	21	30	31	29	28	34	24	26	22	33	26	35	24	30	27	33	
Не знаю, в чем собственно выражается «особый путь», ничего не приходит на ум	19	19	18	22	18	17	19	21	17	20	18	22	17	20	17	21	20	22	13	
Учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	15	14	16	12	15	16	15	16	15	12	14	9	16	16	24	21	11	12	11	
Несоответствие ценностей и традиций России и окружающего мира	11	11	10	8	12	10	11	13	10	9	10	7	12	12	13	13	6	10	12	
Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозу нападения	9	10	8	7	10	11	7	10	8	9	7	8	8	10	23	6	10	8	7	
Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	7	8	7	4	8	7	9	8	8	5	7	6	7	9	14	6	11	7	3	
Преобладание интересов государства над интересами населения	6	6	5	5	5	6	6	6	5	5	5	5	5	6	8	6	4	7	4	

Ничего не слышал об этом	14	13	15	19	12	12	16	11	13	17	19	22	13	10	6	14	14	17	16
Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	8	8	7	9	10	7	6	10	8	8	5	9	7	9	13	7	9	6	7
Затрудняюсь ответить	7	6	7	10	7	6	6	4	6	10	12	7	7	7	4	6	6	6	10
Экономический и промышленный потенциал страны	58	58	58	54	60	62	55	65	57	57	51	53	57	64	55	63	50	63	57
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	50	54	47	47	50	51	51	52	48	52	49	52	51	47	60	43	48	55	49
Великая культура, наука, искусство	23	20	25	20	23	21	25	27	24	16	19	19	23	25	33	25	25	19	19
Уважение других стран и авторитет в мире	18	17	19	23	17	18	18	13	22	20	18	25	17	14	14	18	20	20	17
Богатые природные ресурсы	17	16	17	15	16	19	16	17	16	16	18	17	17	17	30	17	16	18	12
Свободы и гражданские права	11	12	11	13	12	13	9	13	11	13	9	9	11	14	14	13	16	8	9
Масштабы страны, просторы	10	11	10	9	10	10	11	10	9	11	13	10	10	11	13	11	14	7	9
Героическое прошлое	10	8	11	10	7	7	15	10	9	8	12	12	8	10	14	9	13	8	8
Численность населения	5	5	6	4	6	4	5	6	5	5	5	4	5	6	7	7	4	4	5
Другое	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	1	2	1	3	2	0	1	1	1	2	2	1	1	3	1	2	1	1	2

21. БЫВАЮТ ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»?

Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	35	33	37	26	36	32	42	34	35	36	37	39	35	31	13	43	39	32	37
Бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	37	40	35	41	37	39	35	39	36	34	39	33	36	44	46	34	34	37	39
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	21	21	21	24	21	23	18	22	20	23	18	21	21	19	35	16	23	23	17
Затрудняюсь ответить	7	6	7	9	7	6	6	4	9	6	6	7	7	6	6	7	5	9	7

22. ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?

Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 года	3	4	2	3	3	3	4	4	2	4	3	2	4	2	2	5	3	3	2
Социалистическим государством с коммунистической идеологией	11	12	11	5	7	12	17	9	12	10	15	14	12	7	8	11	15	11	10
Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	33	36	31	38	37	31	29	38	35	28	28	32	42	36	30	36	32	34	
Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	16	15	16	15	14	17	16	16	16	14	17	14	17	13	21	18	12	13	17
Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	33	29	35	34	36	34	28	30	32	39	31	35	32	31	33	32	33	35	30
Затрудняюсь ответить	4	4	5	5	3	4	7	4	4	5	7	7	3	5	1	5	2	5	7

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ						
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село	
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401	
23. ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВХОДИТ В ПОНЯТИЕ "ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА"?																				
Высокое благосостояние граждан	64	63	65	63	64	64	64	63	69	57	64	66	65	61	53	67	58	66	69	
Экономический и промышленный потенциал страны	58	58	58	54	60	62	55	65	57	57	51	53	57	64	55	63	50	63	57	
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	50	54	47	47	50	51	51	52	48	52	49	52	51	47	60	43	48	55	49	
Великая культура, наука, искусство	23	20	25	20	23	21	25	27	24	16	19	19	23	25	33	25	25	19	19	
Уважение других стран и авторитет в мире	18	17	19	23	17	18	18	13	22	20	18	25	17	14	14	18	20	20	17	
Богатые природные ресурсы	17	16	17	15	16	19	16	17	16	16	18	17	17	17	30	17	16	18	12	
Свободы и гражданские права	11	12	11	13	12	13	9	13	11	13	9	9	11	14	14	13	16	8	9	
Масштабы страны, просторы	10	11	10	9	10	10	11	10	9	11	13	10	10	11	13	11	14	7	9	
Героическое прошлое	10	8	11	10	7	7	15	10	9	8	12	12	8	10	14	9	13	8	8	
Численность населения	5	5	6	4	6	4	5	6	5	5	5	4	5	6	7	7	4	4	5	
Другое	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	
Затрудняюсь ответить	1	2	1	3	2	0	1	1	1	2	2	1	1	3	1	2	1	1	2	
24. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ?																				
Определенно да	21	22	19	23	19	20	21	20	20	21	23	18	20	23	15	13	25	21	25	
Скорее да	43	41	45	44	46	40	43	46	43	42	41	39	43	48	56	47	44	41	36	
Скорее нет	23	24	22	16	24	25	24	24	25	20	20	25	25	17	17	27	24	20	24	
Определенно нет	4	4	4	6	4	4	4	3	3	7	5	9	4	2	2	5	2	9	3	
Затрудняюсь ответить	9	9	9	11	8	12	7	7	9	10	12	10	9	10	10	8	6	9	13	
25. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИИ СЕЙЧАС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УГРОЖАЮТ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ - ИЛИ ЭТИ РАЗГОВОРЫ О ВРАГАХ ВЕДУТСЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАПУГАТЬ НАСЕЛЕНИЕ И СДЕЛАТЬ ЕГО ПОСЛУШНОЙ МАРИОНЕТКОЙ В РУКАХ У ВЛАСТИ?																				
России сейчас действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги	52	54	50	51	53	51	52	54	53	47	51	51	51	54	48	54	58	49	49	
Разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках у власти	29	31	28	31	29	30	29	28	31	29	29	28	31	26	25	26	30	33	30	
Затрудняюсь ответить	19	15	22	18	18	19	19	18	16	24	21	21	18	19	27	20	12	19	20	

26. С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ БОРЬБЫ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ С "ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ", "ПЯТОЙ КОЛОННОЙ ЗАПАДА" ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

Эта борьба полностью оправдана, "иностранные агенты" действительно угрожают нашей стране	40	43	38	36	42	40	40	44	39	33	41	34	40	45	44	39	41	37	42
Это попытка защитить себя от критики со стороны общества, в стране нет никакой "пятой колонны"	25	25	25	21	24	28	26	23	29	23	24	20	29	22	25	24	25	26	25
Затрудняюсь ответить	35	32	37	44	34	33	34	33	32	44	35	46	31	33	31	37	34	37	33

27. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В РОССИИ ПРОИЗОЙТИ УСИЛЕНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ, ОППОЗИЦИИ?

Определенно да	4	5	3	3	4	3	4	4	4	3	3	5	3	4	5	4	3	6	2
Возможно да	23	23	23	23	26	24	19	23	24	23	22	28	23	18	16	23	25	27	20
Маловероятно	40	40	41	37	38	42	43	44	41	36	38	30	42	46	36	47	39	35	42
Определенно нет	19	19	18	19	19	18	18	18	19	17	19	16	18	22	36	15	17	18	18
Трудно сказать	14	13	15	18	13	13	15	11	12	22	19	21	14	10	7	11	17	15	18

28. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ СЕЙЧАС РОССИЯ В РЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ?

Решающую	13	14	13	11	12	17	13	14	12	16	12	12	14	13	13	14	14	13	
Довольно важную	57	56	58	65	57	54	57	57	58	55	58	57	55	61	60	56	58	55	59
Не слишком важную	21	21	21	14	22	23	20	20	23	21	18	20	22	18	22	21	21	21	20
Второстепенную	5	5	4	4	5	3	6	6	3	4	6	5	5	4	4	5	5	5	4
Не играет никакой роли	2	2	1	2	2	2	1	1	1	1	3	2	2	2	2	0	2	2	3
Затрудняюсь ответить	3	2	3	4	2	2	3	2	2	3	3	4	2	2	0	4	3	3	2

29. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ У СТРАН ЗАПАДА, ВХОДЯЩИХ В БЛОК НАТО, ОПАСАТЬСЯ РОССИИ?

Определенно да	10	11	8	10	10	8	10	7	9	13	12	16	9	7	3	8	12	11	10
Скорее да	27	27	27	27	27	27	29	29	25	26	29	26	30	23	26	28	34	16	33
Скорее нет	29	30	29	29	31	30	28	32	33	26	23	22	30	36	35	32	29	29	26
Определенно нет	23	23	24	21	20	26	26	22	23	23	26	23	23	25	27	23	19	29	22
Затрудняюсь ответить	10	8	12	12	13	10	8	10	11	12	10	14	9	10	9	10	6	15	10

30. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ ОСНОВАНИЯ У РОССИИ ОПАСАТЬСЯ СТРАН ЗАПАДА, ВХОДЯЩИХ В БЛОК НАТО?

Определенно да	15	16	14	10	11	16	18	14	13	16	18	20	14	11	15	15	11	11	21
Скорее да	42	41	43	45	42	43	40	45	40	41	43	39	43	42	35	41	48	39	44
Скорее нет	24	26	22	25	26	22	24	25	27	24	20	21	26	24	29	25	24	26	20
Определенно нет	7	7	7	7	7	7	8	7	8	7	6	5	6	12	9	7	8	9	4
Затрудняюсь ответить	12	10	14	13	13	12	10	10	12	13	13	16	11	12	12	9	15	12	

31. ВАЖНО ЛИ ДЛЯ ВАС ЛИЧНО, ЧТО ДУМАЮТ О РОССИИ НА ЗАПАДЕ?

Определенно да	9	8	9	10	8	8	9	8	8	11	8	9	8	10	4	9	11	9	9
Скорее да	35	32	36	39	33	35	34	37	34	33	33	37	33	36	30	37	42	28	34
Скорее нет	33	35	33	27	34	37	32	35	34	33	30	29	36	31	36	37	35	27	35
Определенно нет	18	20	17	20	18	17	19	15	19	19	21	21	18	17	24	13	11	28	18
Затрудняюсь ответить	5	5	5	4	6	3	6	4	5	3	7	5	5	6	7	4	3	8	4

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401

32. КАКОГО РОДА ПОЛИТИКУ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАНАМ ЗАПАДА ВЫ БЫ СКОРЕЕ ПОДДЕРЖАЛИ?

Дальнейшее расширение экономических, политических, культурных связей, сближение со странами Запада	71	72	70	80	75	70	64	76	72	69	63	65	70	77	70	77	71	73	63
Сокращение связей, отношений, отдаление от стран Запада	17	17	17	12	14	18	22	14	16	18	21	18	18	14	24	12	19	10	24
Затрудняюсь ответить	12	11	13	8	11	13	15	10	12	13	16	17	12	9	7	11	10	16	13

33. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ?

Очень хорошо	2	2	2	2	2	2	1	3	2	1	2	2	1	3	0	5	2	1	1
В основном хорошо	26	26	26	36	26	25	23	32	26	22	20	21	23	37	21	36	27	21	23
В основном плохо	40	39	40	35	40	39	43	37	42	37	44	39	43	34	38	39	39	41	41
Очень плохо	16	19	15	14	16	19	15	14	14	21	19	18	17	14	26	8	20	19	16
Затрудняюсь ответить	16	15	17	13	16	15	18	14	16	19	16	20	16	12	15	12	13	19	19

34. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ?

Очень хорошо	2	2	2	3	1	2	2	3	2	1	2	3	1	3	0	5	2	1	1
В основном хорошо	29	29	28	33	34	28	22	35	28	27	23	25	26	39	33	39	28	21	25
В основном плохо	39	38	39	37	36	39	41	33	42	37	43	37	42	34	28	36	39	40	43
Очень плохо	15	17	13	12	15	16	14	14	13	16	16	15	16	11	26	9	19	18	10
Затрудняюсь ответить	16	15	18	15	14	15	21	15	16	19	17	21	16	14	13	12	12	21	21

35. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К БЕЛАРУСИ?

Очень хорошо	22	23	22	15	22	23	25	22	23	19	23	25	21	23	24	22	14	27	23
В основном хорошо	63	61	65	66	63	61	64	66	63	63	60	59	64	65	65	65	71	55	63
В основном плохо	5	5	5	5	6	6	3	4	5	7	5	3	6	5	7	7	8	3	3
Очень плохо	1	2	1	2	1	2	1	1	1	2	1	2	1	1	0	1	2	3	1
Затрудняюсь ответить	8	9	8	12	7	8	8	6	8	10	11	11	8	7	3	6	6	12	11

36. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ИЗМЕНЯЮТСЯ ЛИ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И США ПОСЛЕ ИЗБРАНИЯ ПРЕЗИДЕНТОМ США ДОНАЛЬДА ТРАМПА, И ЕСЛИ ДА, ТО КАКИМ ОБРАЗОМ?

Существенно улучшатся	10	9	10	8	11	11	8	12	9	9	9	11	10	9	14	9	12	11	7
Несколько улучшатся	44	46	43	40	46	44	45	50	46	37	39	42	43	49	54	36	50	41	47
Не изменяется	27	27	27	31	24	26	29	25	28	28	27	29	28	24	22	32	25	26	26
Несколько ухудшатся	2	1	3	2	4	1	2	2	2	2	3	1	3	2	3	2	1	2	3
Значительно ухудшатся	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1
Затрудняюсь ответить	17	16	17	20	15	17	16	11	15	24	23	17	17	16	8	20	12	20	17

37. СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА ПОСЛЕДНИМИ СОБЫТИЯМИ НА УКРАИНЕ?

Очень внимательно	6	6	5	2	4	5	9	7	4	6	5	7	5	5	11	5	8	6	3
Довольно внимательно	23	26	20	14	17	26	30	24	23	19	25	21	23	25	14	21	23	27	24
Без особого внимания	44	43	44	40	48	44	41	41	49	44	40	41	44	47	51	46	45	42	40
Совершенно не слежу	26	23	28	41	29	22	18	24	22	29	30	28	27	21	22	25	23	22	32
Ничего не слышал(а) о них	2	2	2	3	2	3	1	3	2	2	1	3	2	2	3	1	4	1	

38. КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К УКРАИНЕ?

Очень хорошо	3	4	3	4	4	3	4	3	4	2	3	5	2	5	1	5	2	2	4
В основном хорошо	30	29	31	33	30	28	31	30	33	29	26	25	30	36	24	40	28	25	29
В основном плохо	35	35	35	35	35	38	31	34	34	36	35	33	36	34	33	35	38	37	31
Очень плохо	16	18	15	14	17	17	16	16	16	15	17	17	17	12	31	8	21	16	14
Затрудняюсь ответить	16	15	16	15	15	14	18	16	13	18	17	21	15	13	11	11	20	21	

39. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА ПРИНЕСЛО В ЦЕЛОМ РОССИИ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ - ИЛИ БОЛЬШЕ ВРЕДА?

Больше пользы	64	64	64	59	62	65	66	63	63	62	66	59	66	62	59	64	64	61	67
Больше вреда	19	19	18	19	16	19	20	20	18	21	15	17	19	20	22	20	19	18	17
Затрудняюсь ответить	18	18	18	22	22	16	14	17	18	17	19	24	16	18	19	16	18	22	16

40. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ?

Благополучная	1	1	1	1	0	0	2	1	1	0	1	1	1	0	0	2	1	0	1
Спокойная	8	8	8	12	8	6	8	8	9	8	6	5	8	11	10	8	10	6	8
Напряженная	66	64	67	60	67	69	65	67	68	64	63	65	68	62	60	64	72	65	67
Критическая, взрывоопасная	16	19	14	14	14	18	18	16	15	16	19	18	15	17	26	15	11	20	15
Затрудняюсь ответить	9	8	10	14	10	8	7	9	7	12	10	11	8	10	5	11	7	10	9

41. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ?

Улучшится	14	15	13	14	16	10	15	16	13	14	12	11	14	16	20	12	17	9	14
Ухудшится	25	26	24	21	25	29	23	25	26	25	23	26	26	22	36	22	25	22	27
Останется без изменений	46	45	47	46	45	47	45	44	47	48	45	48	45	45	37	49	43	54	40
Затрудняюсь ответить	16	15	17	20	14	15	17	15	15	14	20	16	15	17	6	17	15	15	19

42. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО БЫЛО БЫ БОЛЕЕ ПОЛЕЗНЫМ ДЛЯ РОССИИ?

Чтобы Украина была независимой страной, имеющей добрососедские взаимовыгодные отношения с Россией	63	62	64	69	64	61	62	68	62	61	62	63	64	63	62	62	61	69	62
Чтобы Украина находилась под экономическим и политическим контролем России	27	29	26	22	26	30	29	25	31	27	26	28	27	28	35	29	33	20	26
Затрудняюсь ответить	10	9	10	9	10	9	10	8	8	13	12	9	10	9	3	10	6	11	12

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401
43. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ НЫНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ СНГ?																			
Дружественные	5	6	4	2	5	6	5	4	6	3	7	5	5	5	3	6	4	4	7
Хорошие, добрососедские	16	18	15	18	16	16	16	16	18	17	13	12	17	18	14	20	15	17	14
Нормальные, спокойные	44	43	45	53	45	43	40	47	44	44	42	42	45	46	46	43	46	47	41
Прохладные	23	21	24	18	22	22	26	25	23	20	22	26	22	22	25	25	26	17	23
Напряженные	7	7	7	3	6	9	7	5	6	8	8	10	6	6	8	5	6	5	10
Враждебные	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1	4	0	1	1	1
Затрудняюсь ответить	4	4	4	3	5	3	5	3	3	6	7	5	5	3	1	3	3	9	4
44. СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА ТЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС В СИРИИ, И ЕСЛИ ДА, ТО НАСКОЛЬКО ВНИМАТЕЛЬНО?																			
Я внимательно слежу за последними событиями в Сирии	18	25	13	5	15	18	28	22	17	15	18	18	18	14	20	22	21	14	
Я немного знаю о последних событиях в Сирии, но не слежу за ними пристально	64	62	65	61	64	68	60	61	67	63	62	62	64	65	75	57	63	61	68
Я ничего не знаю о последних событиях в Сирии	18	13	22	35	21	14	12	17	16	21	20	20	18	17	11	23	15	19	18
45. НА КОМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЛЕЖИТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕРТВЫ СРЕДИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИРИИ?																			
На ИГИЛ / боевиках ИГИЛ	65	66	65	62	63	68	66	65	66	65	65	67	64	66	71	63	66	69	61
На правительстве Башара Асада/ правительственные войсках	7	8	7	6	8	8	7	10	6	9	5	6	8	7	6	11	8	5	7
На боевиках антиправительственных сил	23	24	22	17	23	24	24	26	18	27	21	21	24	21	47	19	23	23	18
На России / российских военных	3	2	3	3	3	2	2	4	2	2	3	2	2	4	7	3	2	3	1
На США / западной коалиции / силах западной коалиции	42	47	38	30	40	43	49	43	44	40	40	45	40	44	65	29	49	43	40
На Турции / турецких военных	9	12	7	4	9	11	11	13	7	8	8	8	10	10	14	10	11	9	7
Другое	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	2	0	1	0	0	1	1	0
Затрудняюсь ответить	14	12	15	20	16	11	11	13	15	11	14	12	14	15	3	20	11	13	14
46. ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ К СЕБЕ СО СТОРОНЫ ЛЮДЕЙ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?																			
Очень часто	2	2	2	1	2	2	2	2	2	0	3	2	2	2	2	2	1	1	2
Довольно часто	9	11	8	10	11	8	8	11	7	10	9	6	10	10	14	10	10	7	8
Редко	36	36	35	34	38	39	32	35	40	33	32	34	36	36	52	39	35	35	29
Никогда/практически никогда	51	49	52	51	46	50	55	49	49	54	53	54	50	49	31	45	54	54	57
Затрудняюсь ответить	3	2	3	4	3	1	3	4	1	3	4	4	2	3	1	4	1	4	4

47. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОГУТ ЛИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В РОССИИ ПРОИЗОЙТИ ПОГРОМЫ, МАССОВЫЕ КРОВАВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?

Определенно да	2	2	2	2	1	2	3	2	2	1	2	3	2	1	5	2	1	2	1
Возможно да	15	14	15	16	17	16	12	16	14	17	14	20	14	11	10	15	22	11	15
Маловероятно	42	42	41	37	42	45	40	44	41	40	40	37	41	47	31	48	42	39	41
Определенно нет	29	31	28	31	26	27	32	29	31	25	28	23	29	33	45	25	23	34	27
Трудно сказать	13	11	14	15	14	11	13	10	11	17	16	17	14	8	9	11	13	14	15

48. КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ЛИЧНО ИСПЫТЫВАЕТЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРИЕЗЖИМ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, ПРОЖИВАЮЩИМ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ?

Уважение	3	3	3	2	3	1	4	3	2	4	2	3	3	3	0	2	3	1	5
Симпатию	3	3	3	4	4	3	3	2	2	6	5	2	3	5	2	4	3	2	5
Раздражение	13	16	11	12	13	16	12	12	15	11	13	10	13	16	22	13	15	11	11
Неприязнь	16	16	16	14	18	14	16	18	16	15	12	14	16	17	29	16	14	16	11
Страх	4	2	6	3	3	6	5	5	4	2	6	7	4	4	9	3	5	5	2
Ни каких особых чувств	59	58	60	59	59	58	61	59	60	57	61	61	60	56	48	57	61	65	58
Затрудняюсь ответить	5	5	4	7	4	5	4	4	4	6	4	4	5	5	2	6	2	3	7

49. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ЧЕЧНЯ, ДАГЕСТАН, ИНГУШЕТИЯ И Т.Д.)?

Благополучная	3	4	3	3	4	3	4	4	3	3	3	5	3	4	1	3	3	5	3
Спокойная	35	33	36	36	37	34	32	37	34	33	34	25	37	37	44	26	40	35	34
Напряженная	42	47	38	38	41	48	41	41	44	46	38	44	42	41	47	47	39	38	44
Критическая, взрывоопасная	5	5	6	3	5	4	7	7	4	3	6	9	4	4	1	9	5	5	3
Затрудняюсь ответить	15	12	17	20	14	11	17	12	16	15	18	18	14	14	7	15	14	17	16

50. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ...

Улучшится	12	12	12	14	11	10	13	13	13	9	11	9	12	13	20	8	13	10	13
Ухудшится	13	14	12	10	14	15	12	14	13	12	13	14	13	12	17	15	10	11	15
Останется без изменений	59	61	57	51	61	63	57	61	59	60	56	56	59	62	56	61	58	65	53
Затрудняюсь ответить	16	13	19	25	14	12	18	12	16	19	20	21	15	14	8	16	19	15	19

51. КАКОЙ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЯВЛЯЕТСЯ СЕГОДНЯ РОЛЬ РОССИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ?

Спецслужбы России выполняют очень важную роль, и их нынешние полномочия вполне отвечают этой роли	58	58	59	56	60	56	59	63	58	59	51	46	60	64	78	60	55	54	56
Спецслужбам России сейчас дана слишком большая и бесконтрольная власть	23	25	21	21	22	26	22	21	22	23	27	28	23	19	17	20	25	26	24
Затрудняюсь ответить/не помню	19	17	20	24	18	18	19	16	19	19	23	26	17	17	5	20	20	21	20

52. НАСКОЛЬКО ВЫ ЛИЧНО ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ЗАЩИЩЕННЫМ(-ОЙ) ОТ ПРОИЗВОДА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

Полностью защищен	8	7	9	8	8	7	9	8	7	8	8	8	7	9	6	6	9	10	
Довольно хорошо защищен	30	31	29	35	29	27	31	32	30	31	27	19	30	39	39	30	31	27	28
Слабо защищен	39	39	40	33	41	46	34	36	41	37	43	45	39	35	33	37	41	39	42
Совершенно не защищен	11	13	10	10	11	10	13	13	12	9	11	17	11	8	9	14	14	13	6
Затрудняюсь ответить	12	11	12	14	11	10	13	12	10	16	11	11	12	12	10	12	8	12	14

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		МУЖСКОЙ	ЖЕНСКИЙ	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401
53. ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СТАЛО ОСНОВНЫМИ ПРИЧИНАМИ РАСПАДА СССР?																			
Безответственный и ничем не обоснованный "беловежскийговор" Ельцина, Кравчука и Шушкевича	29	30	28	13	21	35	38	32	26	24	33	28	29	28	29	25	33	26	31
Заговор враждебных СССР зарубежных сил	23	23	24	11	22	22	32	25	21	23	25	27	23	21	25	21	25	25	22
Недовольство населения руководством СССР, М.Горбачевым и его окружением	21	20	22	19	16	24	25	24	23	13	21	22	21	21	23	27	19	19	19
Слишком тяжелая военная нагрузка на экономику страны, обернувшаяся застоем и дефицитом потребительских товаров, продуктов питания	14	14	13	10	16	15	12	14	15	10	13	12	14	14	22	14	13	12	12
Амбиции республиканских элит	13	12	14	7	12	16	15	17	13	9	13	14	12	14	23	14	12	11	13
Полное исчерпание коммунистической идеологии	13	11	14	10	15	12	12	16	12	10	11	8	13	17	28	11	11	13	9
Техническая и экономическая отсталость страны	12	13	11	9	15	12	12	10	15	12	10	7	12	16	18	15	9	10	11
Недовольство республик отношениями с "союзным центром"	12	11	12	9	12	13	11	11	12	10	13	10	12	12	9	16	8	12	11
Отказ от руководящей роли КПСС, ослабление "союзного центра" в годы "перестройки"	12	12	12	7	7	13	17	10	12	12	12	8	13	12	14	13	11	13	9
Неадекватная национальная политика "союзного центра", стремление к силовому решению национальных проблем	10	11	9	6	11	11	10	13	11	7	7	10	10	9	21	10	11	9	6
Другое	2	2	2	1	1	2	3	2	2	3	1	3	2	1	0	2	1	2	3
Затрудняюсь ответить	20	20	20	44	25	14	9	17	19	27	21	20	19	22	13	18	19	26	20
54. СОЖАЛЕЕТЕ ЛИ ВЫ О РАСПАДЕ СССР?																			
Да	56	53	58	19	39	63	83	51	61	51	61	65	58	45	46	58	58	52	61
Нет	28	30	27	49	40	23	12	32	25	32	24	22	27	36	36	27	30	25	27
Затрудняюсь ответить	16	17	15	33	21	14	5	17	14	18	15	13	16	19	18	15	13	22	12

55. В СВЯЗИ С ЧЕМ ВЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СОЖАЛЕЕТЕ О РАСПАДЕ СССР? (в %% от числа тех, кто сожалеет о распаде, 900 чел.)

Люди потеряли чувство принадлежности к великой державе	43	47	40	34	37	43	46	42	47	42	39	43	44	41	35	45	43	44	43
Разрушена единая экономическая система	53	54	52	54	48	52	55	56	51	54	51	47	55	55	68	56	42	61	47
Трудно стало свободно путешествовать, поехать на отдых	15	14	15	27	16	16	12	14	15	13	16	16	14	14	23	9	20	12	16
Разрушаются связи с родственниками, друзьями	28	27	29	28	23	30	29	31	28	24	28	24	31	24	52	26	30	21	29
Утрачено чувство, что ты по всей территории Советского Союза повсюду, как дома	30	30	29	30	27	33	28	34	30	30	23	31	29	30	49	33	30	26	25
Возросло взаимное недоверие, ожесточенность	31	31	31	22	30	33	31	33	31	27	32	34	31	28	43	35	37	26	25
Другое	3	2	3	0	4	3	2	3	3	2	2	2	2	4	3	2	1	6	2
Затрудняюсь ответить	2	3	2	3	5	2	2	2	2	4	2	4	2	2	2	2	2	1	5

56. КАК ВЫ СЕЙЧАС СЧИТАЕТЕ, РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА БЫЛ НЕИЗБЕЖЕН - ИЛИ ЕГО МОЖНО БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ?

Был неизбежен	29	30	29	31	37	31	19	33	29	27	25	23	29	34	39	29	34	26	25
Можно было избежать	51	51	51	27	38	55	70	48	53	52	49	54	52	46	41	52	50	51	54
Затрудняюсь ответить	20	20	21	42	25	14	11	19	18	21	26	24	19	20	21	19	17	23	21

57. КАКУЮ ФОРМУ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКАМИ БЫВШЕГО СОЮЗА ВЫ БЫ ЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛИ?

Восстановление СССР в его прежнем виде	12	12	13	3	9	14	18	10	12	11	17	17	12	8	12	13	12	12	12
Сохранение СНГ в его нынешнем виде	21	22	21	22	24	20	19	18	21	26	21	17	23	20	20	15	23	23	23
Объединение нескольких республик, по желанию, в более тесные союзы	25	25	25	25	23	27	25	26	27	20	24	25	26	23	26	27	27	21	25
Более тесное объединение всех республик бывшего СССР по типу Евросоюза	21	22	20	19	22	21	20	23	23	18	17	17	19	27	21	23	18	21	20
Независимое существование всех республик	13	13	14	19	14	12	11	16	11	14	12	16	12	14	19	11	14	12	13
Затрудняюсь ответить	8	7	9	13	10	6	6	8	7	10	8	8	8	2	12	5	10	7	

58. ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЯХ 1956-ГО ГОДА?

Да, хорошо знаю	7	8	6	3	1	6	14	8	6	4	8	7	7	6	5	7	8	8	5
Слышал, читал об этом	19	21	18	10	14	23	26	21	20	17	17	18	20	19	28	16	23	19	17
Что-что слышал, но точно сказать не могу	24	23	24	13	22	27	27	25	26	19	22	18	24	27	26	27	21	21	24
Нет ничего не знаю	51	48	53	75	63	45	33	46	48	61	54	57	49	48	41	50	48	52	55

59. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ТОГДА ПРОИСХОДИЛО В ВЕНГРИИ? (в %% от числа тех, кто слышал о венгерских событиях 1956 года, 792 чел.)

Попытка антисоветских сил в руководстве Венгрии произвести переворот и оторвать страну от социалистического лагеря	23	25	22	20	20	21	27	26	23	24	19	21	23	25	36	21	23	24	20
Попытка западных стран расколоть социалистические страны	37	38	37	41	32	38	39	36	36	34	44	41	37	36	36	35	45	37	34
Восстание народа против режима, навязанного Советским Союзом	16	14	18	19	23	13	14	19	16	13	13	13	16	17	15	22	14	12	16
Попытка построения демократической модели социализма	4	3	5	2	5	4	4	4	4	4	4	5	4	3	1	3	5	6	4
Затрудняюсь ответить	20	20	19	19	20	23	17	15	21	25	20	20	19	12	19	13	22	27	

Варианты ответов	Всего	ПОЛ		ВОЗРАСТ				ОБРАЗОВАНИЕ			ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ					
		мужской	женский	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	1602	722	880	221	456	430	495	475	531	277	319	335	880	386	137	374	311	379	401
60. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОЛЖНО ЛИ ГОСУДАРСТВО КОНТРОЛИРОВАТЬ ВЗГЛЯДЫ И ВКУСЫ ЛЮДЕЙ, ВОПРОСЫ ВЕРЫ, ВОСПИТАНИЯ, СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ - ТО ЕСТЬ ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СЕМЬИ?																			
Да, я считаю, что государство и Церковь должно следить за поведением частного человека и управлять им в области политики, морали, семейной жизни и воспитания детей	25	22	27	16	22	23	33	26	25	21	27	24	26	23	21	25	31	22	24
Нет, частная и семейная жизнь человека не должны контролироваться государством и Церковью, человек свободен в том, во что ему верить, как оценивать политику или воспитывать своих детей.	66	68	65	77	70	68	56	67	67	71	59	63	65	71	70	66	64	68	66
Затрудняюсь ответить	9	10	8	7	8	9	10	7	8	8	14	12	9	7	9	9	6	11	10
61. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ И КУЛЬТУРЫ ДОЛЖНЫ ИЗУЧАТЬСЯ В ШКОЛЕ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ, ИЛИ ТОЛЬКО ПО ВЫБОРУ ШКОЛЬНИКОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ?																			
Основы православной веры и культуры должны изучаться в школе в обязательном порядке	23	20	25	16	21	22	27	26	25	19	17	25	23	22	37	27	18	21	20
Основы православной веры и культуры должны изучаться в школе только по выбору школьников и их родителей	71	72	70	74	74	71	66	70	70	74	71	68	71	73	59	67	76	72	73
Затрудняюсь ответить	7	8	5	10	5	7	6	4	5	7	12	7	7	6	3	7	6	7	8
62. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАК ДОЛЖНЫ СКЛАДЫВАТЬСЯ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ЕГО ГРАЖДАНАМИ?																			
Государство должно как можно меньше вмешиваться в личную жизнь граждан, не мешать им зарабатывать деньги	11	12	10	13	14	10	8	13	11	11	7	10	10	14	10	16	6	10	10
Государство должно устанавливать единые для всех "правила игры" и следить за тем, чтобы они не нарушались	35	36	34	37	36	35	34	38	36	35	30	25	36	42	35	34	39	31	36
Государство должно заботиться о всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	52	50	54	47	49	54	57	48	52	53	60	63	53	43	52	48	54	56	51
Затрудняюсь ответить	2	2	2	4	2	1	2	2	1	2	3	2	2	2	2	1	1	2	3

63. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В РОССИИ ПРОИЗОЙТИ УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ?

Определенно да	3	3	3	4	3	2	3	3	3	2	4	3	3	3	7	3	1	4	2
Возможно да	15	14	15	14	15	16	13	13	15	16	15	20	15	9	8	11	18	18	14
Маловероятно	43	44	42	39	45	44	42	49	41	36	42	37	43	47	32	54	45	36	41
Определенно нет	27	28	26	28	25	28	28	26	30	28	23	22	27	32	50	22	23	27	26
Трудно сказать	13	11	14	15	13	10	14	8	11	19	17	18	13	8	4	10	13	15	17

64. КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ УЧАСТИЕ В ПОЛИТИКЕ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ?

Я всегда принимал и принимаю участие в общественной жизни	6	7	5	4	5	6	6	7	5	7	4	6	5	6	3	6	7	6	5
Я чувствую, что для меня сейчас открылась возможность реального участия в общественной жизни	4	5	3	5	6	3	3	5	4	4	3	2	4	4	7	3	5	2	5
Я считаю, что у меня по-прежнему нет возможности влиять на события общественной жизни	27	28	27	25	28	29	26	31	30	23	21	18	30	29	27	32	29	28	20
Я в последнее время разочаровался в политике	16	17	15	6	16	17	19	17	14	16	14	21	15	11	10	16	15	19	14
Политика меня не интересует, я не разбираюсь в политике	38	33	41	52	39	34	33	30	36	44	46	41	37	37	44	33	31	35	47
Для меня самое важное - судьба моего родного народа	8	7	8	4	5	7	12	7	8	5	9	8	8	7	8	8	10	8	6
Затрудняюсь ответить	3	3	3	5	2	3	3	4	2	1	4	4	2	5	2	3	2	3	3

65. ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ НАШУ КОНСТИТУЦИЮ И ПОМНЯТЕ ЛИ ВЫ, О ЧЕМ В НЕЙ ГОВОРЯТСЯ?

Довольно хорошо помните	11	12	10	9	11	10	13	17	10	10	6	8	11	14	11	12	16	8	9
Довольно плохо помните	24	24	24	20	25	26	25	31	28	17	15	20	26	25	27	26	30	23	19
Читали, но ничего не помните	24	24	24	24	24	24	23	26	25	22	21	18	24	27	25	27	23	25	19
Никогда не читали	41	40	42	47	41	40	40	27	38	51	57	55	39	34	36	36	31	44	53

66. С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ О РОЛИ КОНСТИТУЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

Конституция гарантирует права и свободы граждан	38	38	38	39	40	38	37	41	38	38	34	38	36	45	58	35	43	33	36
Конституция поддерживает порядок в деятельности государства	25	25	26	25	25	28	24	26	25	27	24	16	29	26	17	27	28	22	28
Конституция является для Президента средством, позволяющим контролировать Думу	7	7	8	5	8	8	7	10	8	3	7	6	9	7	11	9	4	8	7
Конституция не играет значительной роли в жизни страны, поскольку мало кто с ней считается	20	22	18	19	19	19	22	19	20	19	22	27	19	14	9	20	18	28	17
Затрудняюсь ответить	9	8	10	12	8	7	10	5	9	13	13	13	8	8	6	9	7	9	12

SUMMARY

A crisis of understanding “reality” (by Lev Gudkov). After the elections of 2009, 2011 and 2012 and especially after the annexation of the Crimea some Russians, especially the liberally inclined ones have been increasingly distrustful of public opinion polls. The critics of public opinion surveys denote the inadequacy of the very methods of mass representative surveys of the everyday reality of average people, the low significance of the questions posed by researchers to the respondents, the low reliability of answers given by respondents in the conditions of authoritarian and totalitarian regimes, the inaccurately worded questions etc.

However the same distrust and accusations of falsification and manipulation of survey data are typical for the Russian authorities, who intensify the repressions against independent sociological facilities. The accusations coming from the liberals and pro-Kremlin propagandists are fully identical in their character, arguments used and demagogic methods and are suffused with a belief in the mercenary nature of social sciences, the researchers’ cynicism as well as a tinfoil perception of social science.

The expressed distrust towards social science pertains to a very narrow area of study: the political and electoral orientation of the populace. Other areas of social studies (economic, religious or informational behavior, issues of social structure, book reading or family dynamics etc) are of no particular interest for the public and therefore do not become the subject of arguments and disagreements.

The author surmises that the reasons for this distrust towards social science have to do with the disappearance of the image of a desired future, caused by the erosion of democratic transit ideology and the spread of conservative views and convictions. Suppression of open discussion and free media has lead to certain populace groups refusing to see the changes taking place in society that social scientists speak of since they contradict the group identity structures and the conservative ideology forced upon them from above.

Objective and subjective social mobility across countries (by Galina Monusova). The aim of the paper is to explore the connection between objective and subjective social mobility across countries. In particular, it addresses the following set of questions. How objective and subjective mobility are related to each other? How does the connection between the two concepts of mobility differ across countries? The author uses large cross-country data sets from the International Social Survey Program (ISSP) to analyze objective and subjective mobility on different levels (intra and between countries). Applying multilevel regression analysis allows to find the main determinants of both mobility types. One of the main findings is that objective mobility does not vary across countries while the subjective mobility shows large cross-country variation. According to the results, the fraction of respondents who underestimate objective social mobility is much higher in East European and developing countries than in the developed states. The gap between objective and subjective estimates of social mobility and its variation across countries can be explained by different determinants of two mobility types. Objective mobility, to a large extent, is stimulated by structural shifts, while subjective mobility is mostly formed by influence of institutional quality, feeling of fairness and life satisfaction.

What Kind of Society We Live in? Analysis of Factors Determining Mass Choice in Case of Social Structures Perception (by Larisa Kosova). Issues that define mass choice are examined in the article. The analyses is based on ISSP-2009 module “Social inequality” results (40 countries, N =55238). We consider two groups of factors: economic ones and subjective assessments that respondents gave to their social position and situation in the country. Based on the answers we attempted to predict what structure diagram respondents would choose to describe the society they live in. The literature review shows that expert assessments of incomes inequality do not provide reliable basis for conclusions: less then 5%

of predictions were correct in Ukraine, about 13% in Russia. The subjective evaluations provide much more accurate base. Using discriminant analysis we predicted correctly about 73% of choices made by respondents. For some countries the proportion of correctly predicted answers is even better: 91% for Ukraine, 74% for Russia.

Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia (by Ekaterina Slobodenyk). The article is dedicated to the issue of subjective poverty predictors and answers the question whether the main factors of absolute poverty lead to subjective poverty as well. The paper describes the main factors of absolute poverty according to the literature review and tests them using binary logit regressions for both cases of absolute and subjective poverty. Based on logit regressions it is shown that the typical factors of absolute poverty do not lead to subjective poverty. The group of the subjectively poor is formed by representatives of all income groups of the modern Russian society. The paper also demonstrates the difference between two analyzed phenomena basing on econometric and substantive analysis. It is concluded that the subjective and absolute poverty are the different phenomena, subjective approach to poverty can not be directly used for the purposes of social policy.

Healthcare reform in the assessments of doctors and patients: the sociological analysis of institutional changes of 2012-2016 (by Olga Karaeva). The article analyzes the main changes in health care over the past five years, using an institutional approach (Richard Scott). The survey based on in-depth interviews with physicians, focus groups with patients in three types of cities in Russia (large, medium and small), as well as data on the mass survey of physicians and the public.

Summing up the consideration of the positions of key system participants it can be concluded that there is a clear imbalance of resources, obligations and responsibilities, in particular, to medical institutions and healthcare providers. Ongoing transformation of institutional rules in 2012-2016 was mainly motivated by economic logic, which does not coincide with the logic of consumers (patients) and professional institutional logic (doctors). Imperfection of the state healthcare system is compensated by doctors who give priority to professional standards moving away from formal rules encouraged by the current system. Reproduction of «old» norms applies only to the most qualified specialists; young professionals are more susceptible to following formalist approach.

Social entrepreneurship in Russia: how is it possible to combine the creation of social value and ensuring of financial stability (by Anastasia Nedyalkova). This paper examines how social entrepreneurs manage to combine the creation of social value and ensuring of financial stability in contemporary Russia. The analysis is based on the L. Boltanski's and L. Thévenot's economic theory of conventions. Qualitative methods are applied in this study. The empirical data include 17 semi-structured interviews with social entrepreneurs in Moscow and St. Petersburg, whose organizations exist more than a year. The study demonstrates that the ideology of entrepreneurship and the strategic resource accumulation phase have a lot of contradictions, which can be solved at all levels if a social entrepreneur builds his or her activities based on the reputation logic. Focusing on unsolved contradictions can allow market actors and civil one to understand at what stage and how social enterprises need to provide financial and administrative support.

Informal structures in Russian places of detention (by Alexey Levinson). The article shows the preliminary result of a pilot study based on 30 interviews mostly with people with an experience of imprisonment during last 10 years. The informal social structure among the prisoners was the main subjectmatter. Although this structure maintain high level of inequality among different categories of inmates the respondents tend to respect rather than hate it. In their eyes the strict Thievs' Law protects each person (loyal to it) from unmotivated violence and prevents the war of all against all which otherwise would be very probable state of affairs in such institutions like concentration camps and prisons. (The administration alone wouldn't be able to have it under control). The system of informal yet strict laws and norms is compared with some others of the type (e.g. system of hazing in army barracks in USSR in 1970-s-1980-s)

The dynamic of anti-American sentiment in post-soviet Russia and the main characteristics of current anti-Americanism (by Denis Volkov). The author analyses the 25-year dynamics of the anti-American sentiment in the post-Soviet Russia on the basis of the longitudinal surveys of Levada-Center. He goes beyond the questions of overall attitudes towards the US, and shows that there are several layers of attitudes towards this country in Russian public and elite opinion. While the overall attitudes were rather positive right up to the present confrontation, the negative image of the US and its role in the

world was formed already by the end of 1990-s. The particular characteristics of current anti-Americanism are shown on the materials of surveys and 28 focus groups conducted in 2014-2016.

The echo of the European migrant crisis: «foreign» refugees and «own» migrants in the public opinion perception in the period of 2015 – 2016 (by Karina Pipiia). The article is devoted to representation of the European migrant crisis in Russian public opinion. The results of qualitative and quantitative methods – all-national polls and focus-groups with Moscow citizens – show a keen interest of Russian population to the situation with refugees in EU, especially in criminal context.

The approval of the most entrenched myths about migrants – «ethnic criminality», «cultural racism» and labor competition between migrants and «original people» – is the core in present time among Russian population. This paper demonstrates a strong role of such sociological category as «trust» in differentiation in the degree of the approval of myths about migrants and restricts xenophobic attitudes to them.

The Ukrainian lustration two years after (by Jane Lezina). The article provides an insight into the Ukrainian lustration process initiated in the aftermath of the Euromaidan mass protests taking place from November 2013 through February 2014 and resulting in the ousting of ex-President Viktor Yanukovych. It reviews implementation and initial social effects of the two lustration laws enacted in 2014 – the Law ‘On Purification of Power’ taking effect on October 16th and the Law ‘On Restoration of Trust in the Judiciary’ taking effect on April 10th.

The article also seeks to explore the Ukrainian lustration process against the background of transitional justice measures undertaken by other post-communist countries of Central and Eastern Europe. While falling into the general framework of post-Communist transformations the Ukrainian case stands out for several reasons. One of the major instances of its uniqueness is the peculiarity of Ukraine’s “second transition” which brought about transitional justice measures embracing two dictatorial periods – the Soviet totalitarian regime (1917-1991) and the period of authoritarian rule of ex-president Viktor Yanukovych (2010-2014).

The value of life: how to measure (by Leonid Ashkinazi, Tatyana Kuleshova). The article substantiates the need of measuring the value of

life. The change in the life value during historical development is considered, and the analogy with the «demographic transition» is drawn. Different ways of the life value measurement are analyzed. The process of operationalization is considered in detail, and the scales of measurement are selected and justified. To characterize the attitude of a person to the life value «the value of life index» is proposed, which combines «weights» of three groups of respondent’s aims – egalitarian, utilitarian and moral. The study of technical college students’ attitudes on the relative (whose is more important) and the absolute values of life is conducted. Distribution of respondents’ views on the majority of questions points to a significant maturing of students between 3rd and 5th grades – opinions become both more «adult» and more varied. During the discussion of the results (which is the advantage of working with students), respondents themselves attribute this trend to starting a working life and opening of their minds. Expenses for the salvation of the «average» person (not marked by specialty, the fault in the crash, and so on) according to respondents should be 0.8-2.5 average annual salaries, and compensation for the death – 2.5-5 average annual salaries. The data regarding the dependence of these numbers on the specific parameters of the situation are collected.

The riskological aspect is studied, – i.e. the dependence of the accident probability permitted by the respondents and the cost for its preventing from the number of victims, – and the difference of these dependences from those accepted in the West is found. For a given sample the dependence of the allowable frequency (probability) of the event on the number of victims is weaker than in other countries, and much depends on the wording of the question – as N increases 10 times, the permissible probability falls in 2,3-5,5 times (according to Western standards, it falls in 10-100 times). It means that the number of victims is weakly frightening for the Russians, even in case of such «modern» sample – weaker than in countries that have established rules on this dependence. The respondents’ attitudes towards the norms of retribution by years of their own lives for the life of a close person are evaluated. Because of the tension of this subject (even for our respondents), the survey on the respondents’ attitudes towards the study itself was conducted, and the «tension» of research, the degree of interest to it and its results, as well as the overall usefulness were estimated. The article presents some recommendations on possible methods for further research in this area.

Moscow protest movement of 2015-2016: a sociological survey (by Vadim Kvachev, Zaur Kokoev, Kamila Gracheva, Ivan Divilkovsky). The article contains the results of a survey of the Moscow protest movement in 2015-1026. During this reconnaissance survey 886 respondents were polled at 4 events: Boris Nemtsov memorial march on March 1 2015, "In defense of science and education" rally on June 6 2015, "For the turnover of authority" rally on September 20 2015, and Boris Nemtsov memorial march on February 27 2016. The general totality is between 51,6 thousand and 86,4 thousand people. The survey was performed in the form of a questionnaire given to random sampling. The article provides a socio-demographic portrait of the protestors; their social activity and ideological views are analyzed. Based on the collected data it can be assumed that Moscow protestors are a set group with a stable and recurring behavior, similar political views on a number of issues and a set group identity.

National pride and xenophobic prejudice. An interview with Alexander Verkhovsky (by Karina Pipiia). The interview focuses on the practical and scientific approaches to defining xenophobia as well as on its everyday and criminal manifestations in modern day Russian society. Particular attention is paid to the domestic nationalist movement and its development dynamic in the post-soviet era. National consolidation of Russians issues as well as the major parameters of their national self-identification – anti-westernism, nostalgia over the USSR, conservatism, "traditional values" etc were discussed in the interview. A special emphasis was laid on the measures against extremism undertaken by the Russian authorities, the effectiveness and shortcomings thereof, and the potential for public dialogue.

Список статей, опубликованных в 2016 году

	№	Стр.
Ашкинази Л., Кулешова Т. Ценность жизни: как это измерять	3-4	181-189
Волков Д. Динамика антиамериканских настроений в постсоветской России и основные характеристики антиамериканизма на сегодняшний день	3-4	141-159
Гудков Л. Кризис понимания «реальности»	3-4	29-51
Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России	1-2	95-125
Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации	1-2	140-199
Караева О. Реформа здравоохранения в оценках врачей и пациентов: социологический анализ институциональных изменений 2012-2016 гг.	3-4	93-108
Качкаева А. «Национальное достояние» «нации телезрителей»: трансформация российского телевидения (2014–2016 гг.)	1-2	41-51
Квачев В., Кокоев З., Грачева К., Дивильковский И. Московское протестное движение 2015-2016 гг.: социологическое исследование	3-4	190-198
Козина И. Организационная солидарность как механизм представительства и защиты интересов в малом бизнесе	1-2	57-62
Косова Л. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры	3-4	72-81
Кочергина Е. Международное исследование антисемитизма, 2014–2015 гг.	1-2	211-226
Левинсон А. «Еврейский вопрос» в современной России	1-2	86-94
Левинсон А. Неформальные структуры в местах принудительного содержания	3-4	130-140
Лёзина Е. Украинская листрация два года спустя	3-4	170-180
Луцишина К. Анализ динамики желаемых и фактических доходов населения	1-2	200-210
Красильникова М. Российский потребитель – меняется ли он?	1-2	75-85
Монусова Г. Объективная и субъективная социальная мобильность в	3-4	52-71
Недялкова А. Социальное предпринимательство в современной России: как сочетать создание социальной пользы и обеспечение финансовой устойчивости?	3-4	109-129
Николюк С. Система социального контракта как угроза коллективной идентичности	1-2	33-40
Пайн Э. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания	1-2	126-139
Пипия К. Национальная гордость и ксенофобские предубеждения. Интервью с Александром Верховским	3-4	199-207
Пипия К. Эхо европейского миграционного кризиса: «чужие» беженцы и «свои» мигранты в представлениях россиян в 2015–2016 гг.	3-4	160-169
Слободенюк Е. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России	3-4	82-92
Соловейкина Е. Городские проблемы в общественном мнении омичей	1-2	52-55
Тихонова Н. Влияние экономического кризиса на занятость и человеческий капитал россиян	1-2	63-74
Шейнис В. Конституционный суд в политико-правовой системе Российского государства	1-2	15-32

List of Publications. 2016

	№	P.
<i>Leonid Ashkinazi, Tatyana Kuleshova, The Value of Life: How To Measure</i>	3-4	181-189
<i>Gudkov Lev, Nataliya Zorkaya, Ekaterina Kochengina, Evgenia Lezina, Anti-Semitism in the Structure of Russia's Popular Xenophobia: the Negative Identity and Mobilizing</i>	1-2	140-150
<i>Lev Gudkov, A Crisis of Understanding "Reality"</i>	3-4	29-51
<i>Lev Gudkov, Paradoxes of Russia's Social Structure</i>	1-2	95-125
<i>Anna Kachkaeva, «National Heritage» of "Nation of Tele-Viewers": The Transformation of Russian Television", 2014-2016</i>	1-2	41-51
<i>Olga Karaeva, Healthcare Reform in the Assessments of Doctors and Patients: the Sociological Analysis of Institutional Changes of 2012-2016</i>	3-4	93-108
<i>Ekaterina Kochergina, Description of ADL Global 100: a Survey of Attitudes Toward Jews in over 100 Countries Around the World, 2014-2015</i>	1-2	211-226
<i>Larisa Kosova, What Kind of Society We Live in? Analysis of Factors Determining Mass Choice in Case of Social Structures Perception</i>	3-4	72-81
<i>Irina Kozina, Organizational Solidarity as Way Representation and Protection in Small Companies</i>	1-2	57-62
<i>Marina Krasilnikova, Is Russian Consumer Changing?</i>	1-2	86-94
<i>Vadim Kvachev, Zaur Kokoev, Kamila Gracheva, Ivan Divilkovsky, Moscow Protest Movement of 2015-2016: A Sociological Survey</i>	3-4	190-198
<i>Alexey Levinson, The "Jewish Issue" in Today's Russia</i>	1-2	199-207
<i>Alexey Levinson, Informal Structures in Russian Places of Detention</i>	3-4	130-140
<i>Jane Lezina, The Ukrainian Lustration Two Years After</i>	3-4	170-180
<i>Kira Luzishina, An Analysis of Dynamics of the Desired and Actual Income of Russian Population: Results Overview</i>	1-2	75-85
<i>Galina Monusova, Objective and Subjective Social Mobility Across Countries</i>	3-4	52-71
<i>Anastasia Nedyalkova, Social Entrepreneurship in Russia: How Is It Possible to Combine the Creation of Social Value and Ensuring of Financial Stability</i>	3-4	109-129
<i>Sergey Nikolyuk, Changing Social Contract as a Threat to Collective Identity</i>	1-2	33-40
<i>Emil Pain, Modern Russian Nationalism: The Evolution of its Political Influence and the Content</i>	1-2	126-139
<i>Karina Pipia, The Echo of the European Migrant Crisis: «Foreign» Refugees and «Own» Migrants in the Public Opinion Perception in the Period of 2015 – 2016</i>	3-4	160-169
<i>Karina Pipia, National Pride and Xenophobic Prejudice. An Interview with A. Verkhovsky</i>	3-4	199-207
<i>Viktor Sheinis, Constitutional Court in Russia's Political and Legal System</i>	1-2	15-32
<i>Ekaterina Slobodenyk, Factors of Absolute and Subjective Poverty in Modern Russia</i>	3-4	82-92
<i>Elena Soloveykina, How the Local Residents View Omsk City's Issues</i>	1-2	52-55
<i>Natalya Tikhonova, Economic Recession's Effect on the Employment Rate and Russia's Human Capital</i>	1-2	63-74
<i>Denis Volkov, The Dynamic of anti-American Sentiment in Post-Soviet Russia and the Main Characteristics of Current anti-Americanism</i>	3-4	141-159

АНО «Левада-Центр» принудительно внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2017 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужно подчеркнуть)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 250 руб. (включая НДС 10% и пересылку почтой)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на журнал

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

платежным поручением № _____ от _____

на расчетный счет **40703810100010000119** в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **3010181070000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу:

Куда: _____

Кому: _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Доставка почтой (заказной бандеролью)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 17, или на электронный адрес obodrova@levada.ru

ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ

Редакция осуществляет подписку на электронную версию журнала (в формате PDF).

Стоимость подписки на один номер – 165 рублей (включая НДС 18%).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (499) 755-40-30 или пишите на obodrova@levada.ru

SUBSCRIPTION

Foreign readers may subscribe for the e-version of our magazine via e-mail obodrova@levada.ru
One year subscription costs 25€